АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИСТОРИЧЕСКАЯ КОМИССИЯ

Е. А. КОСМИНСКИЙ

АНГЛИЙСКАЯ ДЕРЕВНЯ В XIII ВЕКЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1935 ЛЕНИНГРАД

11к
2к-3к3

„Пров 38"

Напечатано по распоряжению Академии Наук СССР.

Непременный секретарь акад. *В. П. Волгин.*

Сентябрь 1935 г.

Редактор издания акад. *В. П. Волгин.*

DA
270.

Коммунистической
АКАДЕМИИ

059
36

Технический редактор С. Ф. Кузнецов Ученый корректор В. И. Гречанинов

Сдано в набор 31/V 1935 г. Подписано к печати 25/IX 1935 г. Уполномоченный Главлита В-27095.
Формат 72×110¹/₁₆. 17³/₄ печ. л. 48 000 зн. в л. Тираж 3000. АНИ № 833. Заказ. № 1923.

1-я Образцовая типография Отдела РСФСР треста «Полиграфкнига». Москва, Валовая 28.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

Предисловие 5

Глава I. Проблема и метод 7

Глава II. Сотенные Свитки 1279 г. 31

Глава III. Типы вотчинной структуры в средней Англии 69

Глава IV. Отработочная и денежная рента в средней Англии 115

Глава V. Феодальная рента по Посмертным Расследованиям 154

Глава VI. Борьба за ренту в XIII веке 196

Примечания 246

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Стр.	*Строка*	*Напечатано*	*Следует читать*
28	1 св.	момнте был доменильной	момент был доменіальной
67	4 сн.	$^1/_2$—$^1/_2$	$^1/_2$—$^1/_3$
69	18 сн.	54%	59%
87	7 сн.	13%	10%
148	5 сн.	39.7.1/4	39.7.1/4
254	9 сн.	1.441	II. 441
278	7 сн.	Agralin	Agraria
	19 св.		

ВАЖНЕЙШИЕ СОКРАЩЕНИЯ

RH: Rotuli Hundredorum в издании Record Commission, 2 тома, 1812—1818.

PQW: Placita de quo warranto, изд. Record Commission, 1818.

DB: Domesday Book, изд. Record Commission, 4 тома, 1783—1816.

TE: Taxatio Ecclesiastica Angliae et Walliae auctoritate P. Nicholai IV, изд. Record Commission, 1802.

Pl. Abbr. Placitorum Abbreviatio, Rich. I — Edward II. Изд. Record Commission, 1811.

C. Glouc.: Historia et Cartularium monasterii Sancti Petri Gloucestriae, Rolls Series, 3 тома, 1867.

CR или C. Ram.: Cartularium monasterii de Rameseia, Rolls Series, 3 тома, 1884.

NB: Bracton's Note Book, ed. F. W. Maitland, 3 тома, Лондон, 1887.

CE: Cartularium monasterii de Eynsham, ed. H. E. Salter. Oxf. Hist. Soc., 2 тома, 1907—1908.

LMB Liber Memorandorum Ecclesiae de Bernwelle, ed. J. W. Clark, 1907.

SS. Publication of the Selden Society.

OS или Oxf. St.: Oxford Studies in Social and Legal History, ed. by Paul Vinogradoff.

IPM: Inquisitiones post Mortem.

VE. Valor Ecclesiasticus.

MA: Ministers' Accounts.

EHR: English Historical Review.

TRHS Transactions of the Royal Historical Society.

EcHR: Economic History Review.

a.. акр.

v.. виргата.

r. : руда.

h. : гайда.

car. : каруката.

cot. : cotagium.

mes : mesuagium.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта работа подготовлялась много лет. За это время был собран большой материал, лишь часть которого удалось обработать в этой книжке, посвященной критике основных источников и разрешению наиболее общих проблем (типы вотчинной структуры, преобладающие формы ренты, борьба за ренту). Ряд вопросов, для разрешения которых подбирался материал, в этом томе лишь намечен и потребует дальнейшей разработки. Такова проблема крестьянства и его социального состава, проблема фригольда и фригольдерской ренты, проблема мелкой вотчины, проблема коммутации.

Я работал в Лондонском Публичном Архиве зимой 1925—1926 гг., изучая неопубликованные части Сотенных Свитков, Посмертные Расследования эпохи Генриха III и отчасти эпохи Эдуарда I, манориальные отчеты и другие материалы. Но главная часть работы была проделана в Москве. Этим объясняется и неполнота использованной литературы и сравнительно узкий круг источников, положенных в основу книги.

Все же я надеюсь, что мне удалось по-новому подойти к некоторым темным проблемам аграрной истории средневековья; это дает мне смелость выступить со своей книгой в печати.

В этой книге я даю попытку обработки двух трудных и недостаточно изученных источников — Сотенных Свитков 1279 г. и Посмертных Расследований. Я подхожу к ним без излишней доверчивости. Я не думаю, чтобы от них можно было ждать вполне достоверных указаний и точных цифр. Это скептическое отношение возникло как следствие ряда неудавшихся опытов. Но в то же время эти опыты показали мне, что при надлежащей осторожности из данных источников можно сделать выводы, хотя и приблизительные и порой предположительные, но первостепенные по своему значению и притом такие, каких на другом материале получить нельзя.

Источники требовали очень длительной предварительной обработки. Мне пришлось изучить описи более чем 2 тыс. вотчин. Надо было разгадать истинное значение целого ряда неясных рубрик и терминов. Надо было осторожно распутывать иногда очень трудные описи, наносить их данные на таблицы, производить сложные подсчеты; при этом в ряде случаев

возможны были различные толкования неясных мест. Полученный таким образом цифровой материал приходилось разносить по соответствующим графам синтетических таблиц, помня все время приблизительное и условное значение многих цифр. Лишь после этой предварительной работы можно было приступить к тем или иным общим характеристикам. Мне приходилось оперировать со многими десятками тысяч цифр, значительная часть которых сама являлась результатом сложных вычислений. В моих подсчетах, вероятно, не мало ошибок. Но я не думаю, чтобы это могло так или иначе повлиять на общие выводы.

Я приношу глубокую благодарность моим учителям. Покойный А. Н. Савин первый натолкнул меня на изучение аграрной истории Англии и указал на перворазрядное значение Сотенных Свитков как исторического источника. Д. М. Петрушевский с неизменным участием следил за всеми стадиями моей работы и очень облегчил мне мой труд как своими указаниями, так и постоянной нравственной поддержкой.

Я многим обязан также содействию английских ученых и прежде всего д-ра Хюберта Холла, профессоров Э. Пауэр и А. Е. Леветт. Персонал Лондонского Публичного Архива оказал мне большую помощь в моей сложной и спешной работе в Англии.

Моим товарищам — Б. Д. Грекову, В. М. Лавровскому, И. С. Звавичу, А. О. Неусыхину и Н. П. Грацианскому я обязан многими полезными советами и указаниями.

Большую помощь в работе оказали мне мой отец А. П. Косминский и моя жена Н. Н. Косминская. Им я и посвящаю этот труд.

Е. Косминский.

Москва. 28 августа 1935.

Глава I

ПРОБЛЕМА И МЕТОД

В центре социальной истории средневековья классическая теория «конца века» поставила феодальную вотчину, английской разновидностью которой является «манор» Нигде, пожалуй, вотчина не выдвигалась с такой четкой, яркой и завершенной характеристикой, как в работах классиков английской аграрной истории. Английский манор стал предметом национальной гордости англичан, — предполагали, что он своей завершенной организацией не менее содействовал перевесу Англии над другими странами в социальном отношении, чем парламент в политическом [1]. Но в той или иной форме манор, наиболее четко и завершенно выступающий в Англии, играл определяющую роль в социальной жизни всей Европы Манор — вот «образующая клеточка» средневекового общества, тот ключ, который открывает все его тайны, то «слово», которое также вводит в понимание средневековья, как «полис» в понимание античного мира [2]. На этом сходились и Роджерс, и Сибом, и Виноградов. Что такое манор? Этот термин, очень неясный в средневековых источниках, получил строго определенное значение только в историографии второй половины XIX в. Лучше всего характеризовать его словами классического исследования Виноградова (Villainage in England, 404—405). «Так называемая манориальная система, в сущности, заключается в своеобразной связи между двумя аграрными организациями — поселением крестьян, обрабатывающих свои поля, и господской экономии, связанной с этим поселением и зависящей от доставляемого им труда. Община, уплачивающая взносы, фермеры, арендующие землю за ренту, рабочие без своего независимого хозяйства — все они могут быть подчинены какому-нибудь лорду, но эта связь не будет манориальной. Два элемента необходимы для создания манориальной организации: крестьянская деревня и обрабатываемая при ее помощи господская экономия». Если мы взглянем на описанный таким образом манор с точки зрения теории феодальной ренты, то мы убедимся, что он соответствует господству определенной формы этой ренты, именно ренты отработочной. Кертлер определяет манор как: «a practical working method of estate managemen by means of labour services» [3]. В обработке домена трудом зависимого

крестьянства Поллок и Мэтланд видят сущность манора с точки зрения экономиста [4]. Другой характерной чертой манора является господство в нем крестьянской несвободы, крепостного права, вилланства. При этом большинство исследователей, и в первую очередь Виноградов, тесно связывают вилланство с господством отработочных рент. Таким образом, манор в том его понимании, какое установилось в конце XIX в., представляет не просто феодальную вотчину, а вотчину определенного типа, — барщинную и крепостную. Он соответствует немецкому Gutsherrschaft; понятие Grundherrschaft шире (если мы вместе с Беловым, Каро и др. будем рассматривать Gutsherrschaft как один из видов Grundherrschaft). Поэтому организации вотчинного типа, но с преобладанием ренты продуктами Виноградов рассматривает как первоначальные ступени в развитии манора или как незавершенные маноры, рост денежной ренты знаменует начавшееся разложение манориальной системы [5]. Эпохой наивысшего расцвета манориальной системы является, по мнению большинства исследователей, XII и особенно XIII вв. С конца XIII в. (или ранее) барщинные работы начинают заменяться денежными платежами. Эта замена ведет к постепенной перестройке всей социальной базы манориального строя, освобождая крестьян от связи с домениальным хозяйством, а потом и от крепости, вводя в домениальный обиход наемного рабочего, разлагая, наконец, прежнее хозяйственное единство манора на ряд конкурирующих хозяйств. Эта замена, «коммутация», связывалась с развитием «денежного хозяйства», разлагающим натурально-хозяйственную основу барщинного поместья [6]. Манор рисовался не только как единица феодального хозяйства, он был единицей социальной и политической, представляя, как правило, низовую организацию населения, деревенскую общину, обладавшую рядом не только хозяйственных, но и судебных, фискальных и полицейских функций; манор обладал своей курией, своим правом в виде манориального обычая; он обладал своеобразной системой администрации, основанной на комбинации общинных и сеньериальных должностей, он посылал своих представителей на собрания сотни и графства и тем связывался с общеполитической организацией Англии. В качестве деревенской общины он был тесно внутренне спаян правами на общинные угодья, выпасом по жнивью, чересполосицей, принудительным севооборотом. Разложение манора связывается с разложением общинной организации. В классическую эпоху феодализма, в XII—XIII вв. Англия была вся покрыта манорами, маноры были повсюду.

Классическая картина манориального строя, давшая очень много для понимания своеобразия социальной структуры феодального общества, была выявлена для Англии, главным образом, в трудах двух крупнейших ученых — Сибома и Виноградова. Они держались различных взглядов на происхождение манориальной системы. Сибом старался проследить крепостную общину с характерной для нее системой открытых полей до Римской эпохи, Виноградов стоял на германистической точке зрения и считал свободную германскую общину основой английского средневекового

общества. Но в основном они были согласны в характеристике манориальной системы в феодальной Англии. Эта характеристика стала общепринятой среди ученых и сделалась классической школьной схемой

Несомненно, из двух теорий происхождения манориальной системы в Англии гораздо большим признанием пользовалась теория Виноградова, которую вполне можно назвать «господствовавшей» на рубеже XIX и XX вв. Она была блестящим завершением той теории, которая создавалась на континенте, особенно в Германии, Виноградов придал ей исключительно стройный и четкий вид и подтвердил ее огромным ученым аппаратом.

Эволюция манора рисуется ему следующим образом.

Рост манориальной системы выражается в образовании домена, с одной стороны, барщины и оброков — с другой. На ранних стадиях развития домен обычно отсутствует. Сеньор мог являться лично или посылать своих слуг для сбора ренты продуктами. Такого рода способ был господствующим у кельтов, скандинавов и вообще в племенных обществах с еще неразвитой политической властью. Вождь со своей свитой объезжал своих подданных, которые были обязаны кормить его в течение определенного срока, доставляя провиант для него, его слуг, лошадей и собак Но чаще этот способ взимания встречается в измененном виде: провиант поступает в виде взносов с зависимого населения и хранится в определенном месте до приезда господина или до отсылки в его резиденцию. Это видоизменение приводит к важным последствиям, поскольку оно создает центральные пункты, в которых хранятся собираемые запасы. Таким образом, наиболее ранней стадией в развитии феодальной ренты Виноградову представляется р е н т а п р о д у к т а м и; на этой стадии поместная организация лишь зарождается. Следующая стадия характеризуется появлением домена. При этом домен может быть совершенно независим от крестьянских наделов, может лежать отдельно от них и обрабатываться трудом дворовых рабов; но такие случаи редки и обычно относятся к ранним периодам. Чаще домен лежит чересполосно с владениями держателей и обрабатывается всецело или преимущественно их трудом. Чаще всего домен обрабатывается совместно дворовыми слугами и держателями. Таким образом, развитие о т р а б о т о ч н о й р е н т ы кажется Виноградову характерным для второй стадии развития феодального поместья; с этой стадией связано и полное развитие манориального строя. Домен делается центром, вокруг которого группируются зависимые барщинные крестьянские держания. Держания на денежном оброке представляют в эту эпоху исключение, но оброки продуктами все еще весьма распространены; при этом они не выступают в виде части урожая, а всегда представляют точно определенное количество тех или иных продуктов.

Так сложилась феодальная рента к концу англо-саксонского периода. Манориальная система и феодальный строй достигают своего полного развития уже после норманского завоевания. Сложность и пестрота экономических и социальных отношений, характерная еще для последних лет англосаксонского периода, сменяется организованным единообразием манориальной

системы, которую победители спешат наложить на завоеванную землю. В эпоху Книги Страшного Суда манор выступает еще в незавершенном виде. Окончательного торжества манориальная система достигает уже в XIII в. Виноградов отмечает в маноре XIII в. сосуществование всех трех форм ренты, но отработочная является здесь основной, характерной и определяющей как структуру манориального хозяйства, так и юридическое положение большинства крестьянства. Барщина становится основным признаком несвободного вилланского состояния. Вилланы — барщинники представляют большинство населения XIII в.[7]. Рядом с барщиной, но на втором месте стоят ренты продуктами, являющиеся, в основном, пережитком более ранних форм, и денежные ренты, которые выступают отчасти как старинные ископные платежи (gafol), отчасти являются результатом коммутации (mal), отчасти представляют выражение политических прав лорда (auxilium). Денежную форму принимает также большинство рент, уплачиваемых прямо или косвенно государству. Начало развития денежной ренты приходится еще на англо-саксонский период, на эпоху еще не сложившегося манора. Но главным ее источником является коммутация рент продуктами и особенно отработочных рент, случаи которой наблюдаются уже в начале XII в [8]. Определяющую роль денежная рента играет в XIV в., когда начинает разлагаться манориальная система; тогда основным признаком вилланства делается уже не отработочная рента, а неопределенность повинностей. Виноградов выводит вилланство из разнообразных корней: но основная масса вилланов возникла из первоначально свободного крестьянства, попавшего в зависимость от лордов; сущность закрепощения — в подчинении этих первоначально свободных крестьян интересам домена и барщинной дисциплине. Барщина является сущностью вилланства. Денежная рента (наряду с рентой продуктами) была в классическую эпоху манора характерным признаком свободных держаний. Но последние представляли собой лишь «узкую кайму» [9] на территории манора. Резкое деление на вилланов и свободных было новым и искусственным, на деле существовал ряд переходных форм, игнорируемых складывающимся общим правом.

По мнению Виноградова, связь свободных держателей с манором была очень поверхностной. Эта связь являлась более политической, чем экономической; свободный держатель экономически был более связан с общинной организацией, чем с манориальной в тесном смысле слова. Виноградов различает несколько путей происхождения свободных держаний. Значительное большинство их нового происхождения и знаменует разложение манориальной системы. Коммутация, распространение обработки на пустоши, сдача частей домениальной земли растущему зависимому населению — вот главные источники происхождения свободных держаний. Но в ряде случаев свободные держания являются древними и исконными, доманориальными. Отличительные признаки таких держаний Виноградов видит в надельной системе (свободные виргаты) и в легких рентах. Таким образом, свободные держания являются или продуктом разложения манориальной

системы или пережитком доманориальных порядков. К последней группе относится также сокаж и своеобразные порядки старинного домена (Ancient Demesne).

Ученые взгляды Виноградова складывались под непосредственным влиянием либерально-народнических настроений русской буржуазной интеллигенции 70—80-х годов. Крестьянская реформа, по его словам, определила направление его научных интересов В центре «московских и всероссийских ученых и неученых споров и гаданий о прошлом и будущем русского деревенского уклада» [10] стоял вопрос о жизнеспособности свободной крестьянской общины после эмансипации, о ее способности составить прочную основу нового деревенского уклада. Прочность общинного строя, его живучесть, заложенные в нем исконные начала свободы, сохраняющие свою силу, несмотря на давление крепостного права,— вот излюбленные идеи Виноградова, оказавшие значительное влияние на его ученые построения. Виноградов всячески подчеркивает определяющее значение общинного уклада для манориального строя, роль манориальной курии как крестьянского схода, роль манориального обычая как охранителя крестьянских прав; он настойчиво выдвигает элементы былой свободы и самоуправления в положении крепостных-вилланов. Если мы взглянем на его работы, появившиеся в XX в., то рядом с осложнением их конструкции и обогащением их фактического материала мы увидим некоторые симптомы развивающихся консервативных настроений, разочарования в демократических убеждениях молодости. Прогрессивная тенденция тускнеет; прежние ясные линии исторического рисунка начинают запутываться и загромождаться. Но все же он до конца сохранил свои основные концепции и очень недоверчиво относился к новым реакционно-буржуазным теориям и, в частности, к теориям Допша.

У пионеров аграрной истории средневековой Англии было то преимущество перед более поздними историками, что, открывая новые и неизведанные области, они могли сосредоточивать свое внимание на том, что им казалось общим и типическим, игнорировать местные и индивидуальные особенности или отводить им второстепенное место как исключениям из правила. Их метод был методом широких обобщений; из огромной массы материала они выбирали только то, что им было нужно для развития основного чертежа. Только такой метод дал им возможность выполнить свою задачу; смелыми чертами набросали они картину английской средневековой деревни и открыли дорогу новым более детальным исследованиям. Но в то же время и правильность методов их работы и обязательная сила их выводов не могли не подвергнуться ряду сомнений.

Едва теория манора получила свое окончательное оформление в классическом труде «Villainage in England» Виноградова, как она подверглась тонкой и опасной критике со стороны зоркого и скептического Мэтланда. Высоко ценивший работу Виноградова, много сделавший для ее появления на английском языке, Мэтланд писал в 1894 г.: «Я убежден, что еще не

пришло время для надежных обобщений относительно английского манора и его судеб» [11] Анализируя термин «манор», он доказал, что этот термин не имел в XIII в. определенного юридического и экономического содержания, в частности того содержания, которое вкладывала в него наука XIX в. Он отчетливо показал, что манор являлся единицей политической, полицейской и фискальной лишь постольку, поскольку он совпадал с деревней (виллой), между тем как такое совпадение имело место не всегда Как единица социально-экономическая манор не имеет твердых признаков, в нем может не быть господского двора, господской земли, в нем может не быть фригольдеров, может даже не быть вилланов (хотя в XIII в такие случаи представляют исключение). В маноре может не быть курии. Манор может быть огромен, заключать ряд деревень, к нему может принадлежать ряд сотен, но он может также представлять собой маленький клочок земли. Даже как единица хозяйственного управления манор не имеет точно определенных признаков [12]. Анализ Мэтланда, основанный в значительной мере на материале Сотенных Свитков 1279 г., показал не только шаткость и нетехничность термина «манор», но и крайнюю сложность и разнообразие социально-экономической структуры вотчин XIII в., классической эпохи манора. Мэтланд указал на наличие в средневековой Англии держаний или комплексов держаний, которые не могут быть названы манорами и в то же время не входят ни в один манор. Мэтланд усомнился в значении общинного начала в манориальном строе. Он отмечал вотчинное происхождение многих сторон общинного уклада и в деятельности манориальных курий видел не столько охрану крестьянских прав, сколько охрану фискальных интересов лорда. Методу широких обобщений Мэтланд противопоставил метод медленного накопления материала, монографической разработки истории отдельных вотчин. Он сам написал превосходную монографию по истории одного Кембриджширского манора [13].

Мэтланд открыл новую страницу в историографии вопроса. С него начинается эра специальных изысканий, сосредоточивающихся на отдельных манорах, отдельных районах, отдельных проблемах. Но оригинальные работы обобщающего характера становятся теперь редки. Даже новая работа Виноградова «Growth of the Manor» значительно уступает «Исследованиям по социальной истории Англии» и «Villainage in England» в смысле ясности и цельности конструкции. «English Society in the XI century» — специальная монография о Книге Страшного Суда.

Надо отметить еще одну характерную черту основоположных работ по истории английской средневековой деревни. Пользуясь обширнейшим кругом источников, они мало обращали внимания на их критику; источниковедческие экскурсы в их работах незначительны и случайны. Исключение делалось лишь для одного источника—Книги Страшного Суда. Поэтому они не всегда видят зависимость своих выводов от особенностей использованных ими источников.

На каком материале сложилась классическая схема манора?

Главные черты для характеристики деревенской общины с ее открытыми полями Сибом берет из описания Hitchin в 1816 г. Но характеристика крепостной общины с ее виргатами и барщинами взята из средневековых источников. В подавляющем большинстве это церковные источники. Winslow Manor Rolls, описи маноров аббатства Battle, Domesday of St. Paul's, картулярии Глостерского и Вустерского монастырей, Rotulus redditorum аббатства Kelso, Boldon Book, Liber Niger Питербороского аббатства. Из нецерковных источников для периода после 1086 г. им использованы лишь «Fleta» [14] и Сотенные Свитки 1279 г. По всем этим источникам Сибом скользит очень поверхностно, выбирая из них лишь иллюстрации, подтверждающие его представления о структуре манора В сущности, эта структура уже вполне установлена им при обзоре Winslow Manor Rolls [15] Сотенные Свитки сначала смутили его своей запутанностью и нестротой, но потом он скоро разглядел в них знакомые черты манора [16]; он подошел к ним с предвзятой теорией, составившейся на другом материале, и нашел в них то, что хотел найти. В общем плане Сибома Сотенным Свиткам отводится весьма крупная роль. Они должны доказать универсальность манориальной системы, распространить наблюдения, сделанные над Winslow Manor Rolls, на большую территорию. Сибом нашел в Сотенных Свитках нужные ему элементы манора: домен, свободные держания, вилланские виргаты и полувиргаты с их барщинами, коттеров; без всякого основания он провел туда вслед за виргатами и открытые поля, о которых в Сотенных Свитках нет ничего. Затем он взял несколько примеров соотношения между гайдой, акром и виргатой, между виргатой и размерами scutagium, три образца вилланских и три коттерских барщин. Ответственный вывод, что все это говорит об однородности манориальной структуры во всей центральной Англии, обставлен очень слабо. Читателю приходится верить Сибому на слово, так как из приведенного им материала можно самое большее заключить, что в средней Англии встречались маноры описанного Сибомом типа. Столь же поверхностно использованы и другие источники. Установив, преимущественно по церковным источникам, наличие такого рода маноров в средневековой Англии, Сибом путем очень беглого и неглубокого обзора приходит к недостаточно обоснованному заключению, что такими манорами была покрыта вся страна.

Виноградов знает источники несравненно лучше, чем Сибом. Он оперирует ими гораздо осторожней; с широтой конструкций он соединяет живое чутье к конкретным деталям права и хозяйства, мастерское уменье ориентироваться среди трудной и запутанной терминологии. «Villainage in England» не даром считается образцом точного и широкого исторического исследования [17]. И все-таки некоторые из положений этой классической книги представляются спорными. Откуда берет Виноградов свою характеристику манориального строя и как аргументирует он к господству этого строя в средневековой Англии? Виноградов оперирует с огромным кругом исторических источников. Он нигде не дает их обзора, редко характеризует

их, редко говорит о степени их достоверности. О них можно судить лишь по отдельным указаниям в тексте и по подстрочным цитатам и ссылкам. В «Villainage in England» использовано более 60 печатных и рукописных источников; вероятно, в действительности этот круг еще шире. И все же подбор этих источников очень специфичен. Это в подавляющем большинстве церковные вотчинные документы. Главная масса аргументов и иллюстраций взята из Glastonbury Survey 1189 г., Domesday of St. Paul's, Глостерского и Рамзейского картуляриев, протоколов манориальных курий в издании Мэтланда (Selden Society, II), из картулярия Eynsham'ского монастыря, Ely Inquest, регистров и картулярия Bury St. Edmund's, Black Book монастыря св. Августина, Гластонберийского картулярия. Из нецерковных источников больше всего использованы Сотенные Свитки 1279 г. Почти весь материал относится к южной половине Англии; главная масса его редко выходит за северную границу графств Сеффок, Кембридж, Нортгемптон, Оксфорд, Глостер, Вустер, Герифорд. Нецерковный источник — Сотенные Свитки — использован Виноградовым почти исключительно для выяснения одного пункта — вопроса о свободных виргатах. Нельзя не отметить, что вопрос этот не совсем гармонирует с общей картиной манора, отмечая в ней неманориальные, или, по Виноградову, доманориальные элементы. Таким образом, общая конструкция манориального строя создалась на церковном материале, идущем притом из определенной географической зоны. Надо еще прибавить, что этот материал относится к крупным церковным владениям: Гластонбери, Или, Глостер, Рамзей, св. Августин, св. Павел, даже Эншем — богатые церковные учреждения. Таким образом, материал Виноградова рисует картину порядков, господствовавших на крупных церковных владениях южной половины Англии. Виноградов, впрочем, выходит из круга специально-церковных порядков, описывая своеобразный строй старинного домена; строй этот значительно отличается от общей картины манориального строя у Виноградова и представляется ему фиксацией более ранних порядков.

В общем, как материал Сибома, так и материал Виноградова приводит к заключению, что картина крепостного и барщинного манора создалась преимущественно на специфическом материале крупного церковного владения; а уже не новость, что церковь была самым упорным креностником и всего крепче держалась за барщину. Мэтланд давно оттенил эту однородность и специфичность основной массы уцелевшего материала, заметив по поводу своего утверждения, что вилланы составляли огромное большинство сельского населения феодальной Англии: «у нас мало оснований говорить в общих терминах... так было, во всяком случае, в тех больших монастырских вотчинах, которые нам лучше известны» [18].

Рассмотрение круга источников, использованных Сибомом и Виноградовым, обнаруживает перед нами еще одну их особенность: в основной своей массе это источники однотипные, а именно — вотчинные описи. Сотенные Свитки не представляют исключения, так как они, как мы увидим, строились по образцу манориальных экстентов. На втором месте стоят протоколы

манориальных курий. Эти источники при всей их важности дают одностороннюю картину манора: они рассматривают его статически и изолированно. Динамика манориального хозяйства и его связь с внешним миром, так ярко проявляющиеся в Ministers' Accounts, ставших излюбленным источником для дальнейших исследований, чужда вотчинным описям и протоколам вотчинных курий. Зато они создают как нельзя более подходящую базу для юридического анализа вотчинного строя, для конструкции манора как учреждения. Этим юридическим характером отмечены работы как Сибома, так и, особенно, Виноградова. Натурально-хозяйственная концепция, лежавшая в основе классической теории, допускала изолированное трактование манора как самодовлеющей социально-экономической организации. Виноградов знает, конечно, о связях манора XIII в. с рынком, но это не влияет на метод трактования им манориальной системы. В результате этого проблема развития феодальной ренты оставалась неразрешенной; она связывалась с иммапентным процессом роста и консолидации манора. Для дальнейшей истории разработки проблем аграрного развития Англии характерной чертой является значительный прогресс в области методики исследования, соединенный с сужением задач и крайней осторожностью в обобщениях. В противоположность первому периоду, конструктивному по преимуществу, это период — критический по отношению как к общим теориям, так и к источникам. Девизом этого периода можно выставить слова одной из лучших его представительниц, недавно умершей А. Е. Леветт: «In all the history of land problems there is no sin like the sin of generalization» [19]. Характерной формой для работ этого периода является монография, характерной тематикой — история отдельных вотчин или групп вотчин, особенности вотчинной структуры отдельных районов Англии, изучение специальных проблем. Излюбленным источником является самый богатый, сложный и трудный из всех манориальных источников—Ministers' Accounts. Характерным методом становится метод статистический. Цифры и таблицы, которых нет у Сибома и Виноградова, делаются лучшим украшением ученой монографии. «Ученые историки стали в гораздо большей степени узкими специалистами, стали много усерднее прежнего предаваться критике источников и скучному счету, ставить вопросительные знаки там, где раньше все казалось ясным» [20].

Едва ли есть надобность подчеркивать плодотворность этого направления. Оставляя в общем немалые рамки для выявления личных и классовых стремлений исследователя, оно гарантировало несравненно большую объективность его работы. Большие и обобщающие работы, берущие материал из разнообразных по месту и времени источников, аргументирующие примерами и иллюстрациями, слишком часто сводятся к подбору доказательств для взятого заранее тезиса. Но в монографии, дающей историю одной небольшой социальной ячейки на протяжении веков, исследователь пробивает вертикальную шахту вглубь вековых напластований; он связан своими источниками; он не может отбросить в сторону то, что ему кажется

нетипическим; он не может уйти в сторону от своей вертикали, что бы его ни встретило Внимательная критика источников позволяет в гораздо большей степени отделить несомненно установленное от гипотетического. Правда, область сомнительного при этом крайне расширяется. Точность исследования приводит с собой скепсис. Овладение источниками оказывается крайне трудной задачей, и чем точнее и внимательнее анализ, тем труднее прийти к точным выводам. «И занимающиеся скучным счетом стремятся только к вероятным, приблизительным выводам, к раскрытию господствующей тенденции, но не видят к этому более короткого и надежного пути, чем утомительные исчисления» [21]. Но не подлежит никакому сомнению, что соединение точного и осторожного метода с сужением задач принесло уже и продолжает приносить крупнейшие результаты. Довольно назвать монографии Мэтланда [22], Савина [23], Балларда [24] по истории отдельных маноров, работы Нильсон (Neilson) по истории маноров Рамзейского монастыря [25], работу Давенпорт о Норфокском маноре (Forncett) [26], исследование Левет о Черной Смерти в манорах епископа Винчестерского [27], исследования Стентона об особенностях вотчинного строя в северном Денло [28], работу Джолифа об аграрном строе Нортумбрии [29], Дугласа о социальных порядках в восточной Англии [30], Граса по истории манора Краули [31], чтобы охарактеризовать это направление.

Какие общие результаты можно извлечь из этих специальных исследований? Важнейшим из них является подтверждение высказанного уже Мэтландом положения о крайней сложности и многообразии манориальной структуры. Маноры духовных и светских лордов, мелкие и крупные, более и менее связанные с рынком, отличаются друг от друга в смысле своей структуры и системы повинностей; значительную роль играют местные особенности, определяемые не только условиями сбыта, но особенностями почвы и техники хозяйства, а также историческим прошлым, колонизацией, внешними влияниями. Типический барщинно-крепостной манор в его классической форме не представляет господствующей формы ни в северном Денло, ни в Нортумбрии, ни в Восточной Англии, ни в Кенте .. Во всех этих районах мы встречаем разнообразные, более или менее «незавершенные» формы поместной структуры.

Вторым, не менее важным результатом специальных изысканий является убеждение в том, что манор XIII, а пожалуй, и XII вв. нельзя рассматривать изолированно, вне связи с другими манорами и с городом. Перед нами поставлена проблема изучения совокупности маноров, принадлежащих одному владельцу, как некоторого дифференцированного целого; далее, выдвинут вопрос о связи этой системы с рынком и о влиянии рынка на ее структуру и эволюцию. Поскольку Англия в эту эпоху не изолирована от континентального рынка, перед нами ставится вопрос об изучении английского манора в связи с общими условиями как специально английского, так и вообще западноевропейского хозяйства. Из своего изолированного положения манор вдвигается в сложное историческое целое.

В результате специальных работ, посвященных местной истории, начинают вырисовываться в пределах Англии районы со своеобразной социально-экономической структурой. Наметка их шла до последнего времени в значительной мере ощупью. Так, Стентон выявил характерные особенности вотчинной структуры в Северном Денло (графства Йорк, Дерби, Ноттингем, Лестер, Линкон, Ретленд) [32]. В этой области долго сохранялись местные особенности, ведущие свое начало еще от времен датской колонизации IX в. Здесь сохранилось своеобразное областное деление, особая аграрная терминология, скандинавские местные названия. До самого конца средневековья поместья датской полосы мало походили на южно-английские маноры. Поместья раннего норманского периода состояли здесь из держаний, разбросанных по очень большим пространствам, связанных с центром уплатой обычных взносов и посещением курии. Тяжелых барщинных повинностей не несло даже несвободное население. Свободное крестьянство составляло весьма значительный процент населения (местами до 60%). Это прямой результат датской военной колонизации. Масса свободного крестьянства, так называемые сокмены (поселенцы из числа рядовых воинов датского войска) группируется в разных степенях зависимости вокруг знати. Несвободное крестьянство создалось отчасти из туземного населения, отчасти из датских поселенцев, по тем или другим причинам утративших свободу. Но свободное крестьянство, как основа социального строя, и неполное развитие манориальной системы являются характерной особенностью датской полосы Сока и сеньориальная связь между лордом и свободными держателями играла здесь бо́льшую роль, чем манор или его филиал — бервик. В XII и XIII вв. сока продолжает оставаться характерной особенностью Денло. Эта область отличается крайней пестротой держательских отношений. Определяющая роль свободного держания и слабость манориального гнета ведут здесь к раннему развитию мобилизации земли. От XII—XIII вв. сохранилось множество документов об отчуждении земли мелкими землевладельцами.

Дуглас выяснил своеобразные аграрные порядки Восточной Англии (East Anglia), т. е. Норфока и Сеффока [33]. Здесь крестьянские держания не распределены даже с приблизительной равномерностью по деревенским полям; обычно каждое стремится сосредоточить свои полосы в одной какой-нибудь части этих полей. Виргата здесь почти неизвестна. Где она появляется, она представляет позднее и искусственное образование из старых, более мелких держаний. Держание подверглось ранней «дезинтеграции и реинтеграции» в процессе мобилизации земли, начавшейся, может быть, с XI в. В результате развившихся в необычайной степени мелких отчуждений наблюдается крайняя пестрота держаний по размерам и разнообразие рент. Вилла и манор очень редко совпадают в Восточной Англии. Вилла, как правило, распадается на несколько маноров разной величины, очень пестрых в смысле сеньориальных прав лордов. Нигде фискальные и юридические функции деревни в отличие от манора не выступают так ясно, как в Восточной

Англии. Здесь наблюдается своеобразное территориальное деление, своеобразная симметричная сотня, территориальная сока (leet) как особая территориальная единица более раннего происхождения. На восточноанглийских порядках сказалось скандинавское влияние (сока, бовата как основа крестьянских наделов). Но восточно-английские порядки были значительно пестрее порядков Денло и еще более отличаются от типического манориального строя. Сеньориальные доходы восточно-английских лордов складываются, главным образом, из весьма разнообразных и гетерогенных взносов с разбросанных групп свободных держателей. В Восточной Англии с особенной силой выступают нефеодальные элементы английского средневекового общества. Наиболее характерной чертой здесь является многочисленное свободное крестьянство. Свободная деревня — деревня без лордов — нередкое явление в Восточной Англии. Но с XII в. наблюдается значительное давление на крестьян со стороны сеньоров, развитие манориального строя и переход части прежних сокменов в вилланы. Характерно для Восточной Англии раннее развитие наряду с барщиной и денежных рент, отчасти в виде коммутации натуральных взносов и барщин, отчасти в виде исконных платежей. Несмотря на депрессию в положении крестьянства, даже в XIII в. социальная структура Норфока и Сеффока не подходит под классические манориальные формулы. При этом надо различать манориализированные и неманориализированные области Восточной Англии. Большинство источников идет от первых.

Значительно отличаются от типично манориального строя порядки Северной Англи — «Нортумбрии», изученные Джолифом [34]. В Нортумбрию автор включает графства Нортумберленд, Кемберленд, Вестморленд, Ланкашир, Дерам и северную гористую часть Иоркшира (равнина принадлежит к Денло). Отличительной особенностью Нортумбрии, по мнению автора, является незначительная роль домена и связанная с этим сравнительная независимость деревенской общины. Здесь вотчина обычно представляет весьма значительную территорию, с центральной усадьбой, от которой зависят десятки вилл. Вотчина является нередко сотней в частных руках. Преобладает пастбищное хозяйство, отработочные повинности незначительны, главную роль играют ренты продуктами и судебные сборы. Главные виды повинностей — поставка зерна и скота для господского стола, кормление господина во время объезда, плата за выпас скота. Вилла, а не манор, является здесь основой судебных и фискальных функций. Крупные сеньории носили название «shires». Повинности связаны не с держанием, а с личностью, основаны на личной зависимости крестьянина от dominus superior. Они непропорциональны держаниям; небольшие барщинные работы несут все разряды крестьян как свободных, так и несвободных, вообще, мало различающихся по своим повинностям. Характерное для южных маноров деление крестьян на вилланов и свободных с трудом применимо к северным порядкам. Как свободные, так и несвободные платят гериот, меркет, leyrwit. К XIII в. «шайр» с его своеобразными порядками находится

в процессе разложения, хотя еще и сохраняет многие характерные черты. Шайр распадается на маноры, причем это нередко связано с возвышением роли министериалов, становящихся лордами маноров. Начинает развиваться домениальное хозяйство. Но в общем преобладание пастбищного хозяйства задерживает развитие барщинных порядков, облегчает ход коммутации. В манорах не развивается курия, таковою остается старая курия шайра (сотни). В целом порядки Нортумбрии сильно напоминают уэльсские и, возможно, представляли переживание кельтского строя. Уэльс, где в XIII в. начинает развиваться домениальное хозяйство, представляет ряд апалогий с Нортумбрией [35]. Известное сходство наблюдается и с ранними англосаксонскими порядками [36].

Работы Стентона, Дугласа и Джолифа отняли у манориальной теории 13 графств, т. е. треть Англии, огромные сплошные территории на севере и востоке страны. Если мы примем во внимание, что в состав этих графств входят такие большие, как Иоркшир и Линкоршир, и такие густо населенные, как Линкоршир, Норфок и Сеффок; что Кент не является типично манориальным графством; что на Западе мы в праве предполагать значительное влияние уэльсских порядков [37], то, несомненно, не менее половины Англии не подойдет под типично манориальную характеристику. Хотя к XIII в. манориальная система делает там известные успехи, особенно на церковных землях, но все же вотчина Нортумбрии, северного Денло и Восточной Англии сохраняет значительное своеобразие.

В результате изучения Ministers' Accounts во всей конкретности развертывается картина сложной организации крестьянских повинностей в вотчине. Особенно изучение практики «продажи рабочих повинностей» (venditio operum) показало значительную гибкость системы повинностей и ее приспособляемость не только к общим условиям хозяйства, но и к конкретной обстановке каждого хозяйственного года. В этом отношении исключительная заслуга принадлежит мастерскому анализу, проделанному А. Е. Левett в ее работах о Черной Смерти в манорах епископа Винчестерского и о Ministers' Accounts [38].

На место малоподвижной совокупности однообразных по своей структуре изолированных маноров выдвинулись разнообразие, изменчивость, сложные связи и обусловленности. В то же время в области методики исследования все более приходилось подчеркивать опасность обобщения выводов, полученных на материале индивидуальных вотчин, крайнюю трудность и техничность изучения материала, необходимость соблюдения величайшей тщательности и осторожности в ходе исследования и в выводах. Предмет до крайности осложнился, материал вырос в огромной степени и, вместе с тем, стали утрачиваться прежние ясные и четкие основные линии, открывая место неуверенности, боязни обобщений, скептицизму. Путь накопления монографических исследований оказался очень медленным. Кроме того, рядом с богатством материала стала открываться его случайность и отрывочность. Число маноров, располагающих связными сериями

документов, особенно же Ministers' Accounts, за ряд лет весьма ограничено. А между тем, самое точное знание экономического строя и развития маноров епископа Винчестерского или эрла Норфокского не удовлетворяет нашему законному стремлению знать экономический строй английской деревни в целом. Специальные исследования подчеркнули сложные связи частного с целым; но в то же время они привели к потере ощущения этого целого.

Впрочем, делаются новые попытки исследований обобщающего характера, стремящихся построить сложное и дифференцированное целое из разнообразных местных элементов, но они пока не выходят за пределы частных проблем. Изучение тех или иных сторон экономического строя средневековой Англии в целом на основании статистического метода и с учетом местных особенностей является в значительной мере делом американских ученых. Здесь надо назвать работы Грея о коммутации и полевых системах и Граса о хлебном рынке.

Очень характерной для новых приемов исследования является книга американского ученого Грея о системах земледелия в Англии (H. L. Gray, English Field Systems, 1915). Грей ставит два ряда вопросов: 1) Какие системы земледелия были распространены в Англии? Каковы были районы их распространения? 2) Каково их происхождение? Какова их филиация? Представляют ли они совершенно самостоятельные системы, принесенные разными племенами, или же развиваются из одной первоначальной системы?

Грей идет подобно Сибому в ретроспективном направлении; но он привлекает несравненно более обильный и достоверный материал. Отправляясь от актов об огораживаниях (enclosure acts) и приговоров об огораживаниях (enclosure awards) XVIII—XIX вв., он идет через описи Тюдоровской эпохи к документам XII, XIII вв.; порой ему удается довести свое расследование до англо-саксонской эпохи. Грей различает три основных системы земледелия, которым соответствуют три географических зоны. Различие между двух- и трехпольной системой он не считает существенным: обе они лежат в одной зоне и представляют собой не столько две разных системы, сколько два варианта одной системы, причем можно подметить, как двухпольная система переходит в трехпольную. Областью распространения этих систем является большая часть Англии, кроме крайнего севера, запада и востока. На севере и западе господствует система, близко напоминающая ту, которую наблюдатели конца XVIII в. застали еще в Шотландии. Для нее характерна культура исключительно яровых хлебов. Все поля делились на две части — внутренние поля (infields), составлявшие в среднем около $^1/_5$ всей пахотной земли, и внешние поля (outfields). Первая часть обрабатывается под ячмень или овес ежегодно без пара при помощи удобрения. На второй части каждая из полос обрабатывается (под овес) несколько лет под ряд до истощения, а потом на несколько лет запускается под пар. Для этой системы, так же, как и для двух- и трехпольной, характерна

чересполосица, вызываемая разделами земли между родичами по сложной клановой системе. Совсем иная система господствовала в восточных и юго-восточных графствах Англии, а всего отчетливей в Кенте. Здесь очень рано встречаются интенсивные системы земледелия с усиленным применением удобрения. Уже в XIV в. в Кенте многие земли не знают пара. В противоположность типичному наделу двух- или трехпольной системы надел восточной системы (iugum) не состоял первоначально из разбросанных по разным полям полос, а представлял компактный участок. Чересполосность является результатом раздела между наследниками и объединения разных частей в одних руках. Первоначальные наделы, очертания и собственные имена которых отчетливо выступают и в более поздние времена, обычно имеют форму, более или менее приближающуюся к прямоугольникам. Эта система выступает в несколько модифицированном виде в восточно-английских графствах (Норфок, Сеффок). Переходные формы наблюдаются в области нижней Темзы. Грей считает двух- и трехпольную систему германской, внесенной англо-саксонскими завоевателями. Северную и западную он считает исконно кельтской, а восточную — римской, видоизмененной в северной части датским влиянием [39].

Любопытную попытку внести принцип районирования в изучение аграрной истории средневековой Англии дает работа американца Граса о развитии английского хлебного рынка (N. S. B. Gras, The Development of the English Corn Market, 1915). Хлебная торговля развивается в Англии уже в XII в., а с XIII в. она делается определяющим фактором аграрного развития. Поместье приспособляет свою организацию к производству на сбыт. Этим процессом захвачено и крестьянство через посредство скупщиков хлеба. С начала XIII в. появляется и заграничный вывоз. Грас устанавливает для XIII в. значительный рост хлебных цен и значительное повышение производительности земледелия. Время XIII—XV вв. было эпохой развития местного рынка.

По среднему уровню хлебных цен Грас разделяет Англию на 15 географических районов. Эти районы можно разделить на две группы — районы низких цен и районы высоких цен. К последним принадлежат, главным образом, северные графства, где производство хлебов было недостаточно. Районы низких цен лежат в производящей территории Северна, верхней Темзы и Аузы. Высокие цены наблюдаются также в некоторых производящих районах, где имелся повышенный спрос на хлеб для местного рынка или для вывоза. Материал Граса (так же, как и материал Грея) при всей своей обширности все еще недостаточен для окончательного разрешения вопроса и требует осторожной критической проверки. Но проделанная им работа по районированию английского средневекового сельского хозяйства несомненно, является важным почином. Метод районирования и массовых подсчетов применен Греем в его статье о «Коммутации барщин в Англии перед Черной Смертью» (H. L. Gray, The commutation of villein services in England before the Black Death, EHR, 1914).

Все же эти работы лишний раз показали, как много опасностей лежит на пути широких обобщений, какая сложная работа по изучению и критике источников должна им предшествовать, как осторожно и четко надо формулировать проблемы исследования. Они показали, как отсутствие четкой экономической теории, ясности в общих проблемах феодальной экономики, мало заметное в специальных монографиях, в работах обобщающего характера способно подорвать убедительность всех выводов. Новый свет, брошенный специальными исследованиями, показал нам неадэкватность старых обобщений, но еще не дал новых на их место. Перед нами неясно рисуются очертания нового здания, но они заслонены обломками старых представлений и новой, накопленной и еще не приведенной в порядок грудой фактов.

Вопросы феодальной ренты были выдвинуты в исторической литературе главным образом в связи с проблемой коммутации, перехода от натуральных повинностей вилланов к денежным платежам. Но в трактовании этой проблемы, может быть, всего ярче сказалась невыработанность общих теоретических установок в вопросах феодальной экономики.

В целом причины и ход коммутации рисовались следующим образом. В XII—XIII вв. в Англии господствует классический манор, основанный на рабочих повинностях несвободных крестьян. С конца XIII в., а частично уже и гораздо ранее, барщинные работы начинают заменяться денежными платежами. Эта замена, коммутация, связывается с развитием денежного хозяйства, разлагающего натурально-хозяйственную основу манора. Рост общественного разделения труда, обособление города от деревни, развитие внутреннего и внешнего рынка осложняют прежние чисто потребительские цели хозяйственной деятельности землевладельца и земледельца привнесением коммерческого элемента [40]. Указывают также на значительную роль государства в развитии денежного хозяйства. Предпосылками коммутации являются возникающая связь крестьянского хозяйства с рынком, а также заинтересованность в коммутации как крестьянина, так и сеньора. Лорд был заинтересован в получении денег, так как у него развиваются новые потребности, а государство время от времени налагает на него и на его землю крупные денежные платежи, и кроме того, большие суммы поглощают его военные походы. С другой стороны, лорд стремится отделаться от невыгодной системы барщинного труда, в своем существе натурально-хозяйственной, и заменить эту систему, где он по рукам и по ногам был связан манориальной традицией, системой наемного труда. Коммутация была выгодна для крестьян, освобождая их от наиболее тяжелых повинностей и фактически создавая переход к полному освобождению. Сначала не существовало полной определенности в смысле фиксирования того или иного порядка — лорд мог или брать деньги или требовать отбывания барщины. Не было и определенных норм денежных платежей. Лишь постепенно денежные платежи превращаются в redditus assisae, получают неизменную определенность и неподвижность, освященную манориальным обычаем.

Коммутация началась раньше на землях короля и светских лордов, чем в манорах, принадлежащих духовным корпорациям. Экономическое развитие последних идет более медленным темпом [41].

Построения Роджерса тесно связали вопрос о темпе коммутации с вопросом о влиянии Черной Смерти на аграрное развитие Англии; до сих пор этот вопрос выступает в исторической литературе преимущественно в такой связи. Этим в значительной мере объясняется своеобразие его постановки. Прежде всего ставится вопрос, как далеко зашел процесс коммутации ко времени Черной Смерти, потом рассматривается влияние на него Черной Смерти. Время непосредственно перед Черной Смертью — вот начальная дата всех расчетов относительно коммутации.

В 1866 г. Роджерс утверждал, что к середине XIV в. оставались лишь незначительные следы барщины [42]. С начала XX столетия наибольшим авторитетом пользовалась теория Педжа, доказывавшего на основании статистических подсчетов, что к середине XIV в. барщинные порядки были все еще очень крепки в английском поместье, по крайней мере в восточных, южных (кроме Кента) и средних графствах Англии [43]. «Поскольку дело идет о барщинных работах, — таков вывод Педжа, — ясно, что вилланское держание середины XIV в. не изменилось сравнительно с тем, что оно представляло 100 лет тому назад» [44]. Методические приемы Педжа вызывали не мало возражений, которые можно суммировать следующим образом [45]: 1) Главный источник Педжа, отчеты приказчиков — очень точный и детальный источник, но из него очень не легко извлечь данные по вопросу о коммутации (если не считать данных о варьировавших из года в год частичных заменах барщины — venditio operum); между тем Педж нигде не показал методических приемов своей работы над этим сложным и технически трудным источником; его утверждения приходится принимать на веру, а проверка иногда показывает их ошибочность [46]. 2) Материал Педжа незначителен. Он привлек источники лишь для 81 манора на 19 графств. 3) Материал Педжа распределен географически неравномерно: из 19 графств 7 представлены 1—2 манорами. 4) Материалы Педжа относятся преимущественно к церковным владениям; лучше всего использованы документы Рамзейского монастыря: из 81 манора 33 — принадлежат неизвестно кому, только 8 заведомо принадлежат светским лицам (из них три — короне) и 39 принадлежат церковным учреждениям, из них 20 — Рамзейскому монастырю. Понятно, что маленький Гентингдоншир, где лежит главное гнездо Рамзейских владений, представлен лучше всех графств — 11 манорами, т. е. $^1/_7$ всего материала. Таким образом, материал Педжа дает право на вывод очень ограниченного свойства — в ряде маноров средней, южной и восточной Англии, главным образом маноров церковных, к середине XIV в. мы встречаем развитую барщинную систему. Если в материале Педжа подсчитать отдельно светские маноры, то выводы получатся иные; но материал настолько скуден, что от выводов лучше воздержаться. На работу Педжа в полной мере распространимо то ограничение, которое нам

пришлось сделать для классиков манориальной историографии — Сибома и Виноградова. И его выводы сложились, главным образом, на почве материалов, идущих от крупных церковных владений южной половины Англии.

В English Historical Review за октябрь 1914 г. появилась статья Грея: The commutation of villein services in England before the Black Death, поставившая вопрос о коммутации на совершенно новый путь. К разрешению вопроса привлечен новый источник, хорошо известный генеалогам, но почти не использованный историками-экономистами — Inquisitiones post mortem («Посмертные Расследования» о землях умерших держателей короны). Грей изучал этот источник за период 1334—1342 гг. (7 Ed. III—16 Ed. III). Всего им изучена 521 опись. Материал более или менее равномерно распределен по графствам и относится исключительно к светским владениям. Подсчеты Грея исходили из несколько иных принципов, чем подсчеты Педжа. По мнению Грея, Педж упускает из виду одну важную статью в держательских повинностях, а именно redditus assisae — постоянные денежные платежи свободных держателей и многих вилланов. Существовал также ряд других платежей: вилланы нередко платили auxilia или tallagia, иногда весьма значительных размеров. Сюда же надо отнести доходы курии, ложившиеся главным образом на вилланов; доход с мельниц, нередко сдававшихся в аренду. Игнорирование всех этих манориальных доходов приводит Педжа к искаженному представлению о характере хозяйства в ряде поместий [47]. В виду этого Грей кладет в основу своих подсчетов сопоставление размеров барщинных работ (или, точнее, их оценки) с redditus assisae и auxilia. Прочие денежные взносы он оставляет в стороне как второстепенные. При этом Грей не разделяет redditus свободных и крепостных держателей, так как источник в большинстве случаев этого не позволяет. Исходя из этого сопоставления, Грей разделяет все изученные им маноры на 4 группы и рассматривает распределение этих групп по отдельным графствам. Предположение Педжа, что близость к Лондону влияла на успешность коммутации, не оправдывается. Правильней как раз обратное.

Меньше всего барщин видно на севере и на западе. К западу и к северу от линии, проведенной от Бостона к устью Северна, совсем не видно барщин или видны лишь незначительные их следы. На юго-востоке не видно барщин в Кенте. Для юго-восточной половины Англии Грей изучил 309 маноров. В половине их нет барщин или они очень незначительны; развитую барщину он находит в $^1/_6$ всех маноров, частичную — в $^1/_3$. При этом сохранность барщины возрастает по направлению к юго-востоку: наиболее барщинными были графства Норфок, Сеффок, Эссекс, Гертфордшир, Сессекс.

Все это относится к светским владениям. Церковный материал Грей рассматривает отдельно. Им изучены отчеты приказчиков, относящиеся к владениям девяти епископских кафедр за время нахождения их в руках короля. Здесь материал хронологически пестрее. Выводы получаются почти те же, что и на материале Inquisitiones post mortem: на севере и западе бар-

щины коммутированы, на юго-востоке барщинная система в общем сохранилась. Грей привлекает и монастырский материал, а именно — описи владений иностранных приорств, взятых в руки короля в 18 году Эдуарда II, а также описи владений госпитальеров, сделанные в 1338 г. (включая сюда взятые у храмовников), и еще несколько других источников. Результаты все те же. При этом коммутация на северо-западе зашла здесь еще дальше, чем в светских владениях. Надо отметить, что Грей совсем не берет того материала, которым, главным образом, оперировали Педж и большая часть других исследователей, а именно — вотчин больших монастырей. Грей приходит к таким выводам: коммутация шла одинаковым путем в церковных и в светских поместьях; на северо-западе осталось перед Черной Смертью совсем немного барщин, на юго-востоке они встречаются повсюду и в некоторых местах представляют скорее правило, чем исключение. Таким образом, возможно в общем возвращение к точке зрения Роджерса; отчасти прав и Педж для юго-восточного района, но распространение его выводов на всю Англию было бы ошибочно.

В исследовании Грея вопрос о коммутации механически и прямолинейно связан с вопросом о распространении денежного хозяйства в средневековой Англии. Результатом этого является немалая методологическая путаница и как окончательный итог — неразрешенное противоречие. Устанавливая соотношение между барщиной и денежными платежами (притом не только крепостных, но и свободных), разрешает ли Грей вопрос о коммутации? Являются ли денежные платежи всегда результатом коммутации барщин? Несомненно, он очень ясно показал, что к середине XIV в. на севере и на западе барщинная система была развита значительно слабее, чем на юге и особенно на юго-востоке; но значит ли это, что на севере и на западе коммутация зашла дальше, т. е. что здесь господствовала когда-то барщинная система, уступившая потом свое место системе денежных платежей? А если так, то чем объяснить ускоренный процесс коммутации в наиболее экономически отсталых областях Англии? И почему Naturwirtschaft в виде барщины всего дольше держится в областях наиболее живого денежного оборота? Удачно поставленным опытом Грею удалось вскрыть явление первостепенной важности. Но, оставаясь на почве ходячих представлений о повсеместном господстве барщинных порядков в феодальную эпоху и о коммутации, как естественном результате развития денежного хозяйства, он не сумел ни понять, ни объяснить того, что дали его опыты.

Здесь приходится поставить вопрос центрального значения для всей истории манориальной системы. Каково происхождение денежных платежей вилланов, в частности redditus assisae? Вся схема Грея предполагает, что главной составной частью в них являются коммутированные барщины. Виноградов указывает на двоякое происхождение денежных рент [48]. Часть их представляет gafol, исконные платежи держателя, часть — mal, mol или mail — результат коммутации барщинных работ. Такие платежи, как auxilium и tallagium, очевидно, не могли быть результатом коммутации.

Из мелких customary rents некоторые были результатом замены мелких рабочих повинностей, преимущественно экстраординарного характера (не связанных с обработкой домена) [49]. Но главная масса вилланских платежей? Для Виноградова ответ на этот вопрос ясен, поскольку его основным материалом являются поместья больших церковных учреждений южной половины Англии, где в XIII в. господствовала барщинная система. Но в целом это вопрос все же нерешенный.

А. Е. Леветт в своей замечательной работе о Черной Смерти подвергает анализу рубрику redditus assisae в манориальных отчетах епископства Винчестерского и делает заключение, что эти платежи не являются результатом коммутации барщин [50]. На основании изученного ею богатого материала, она приходит к выводу, правда, поставленному ею очень осторожно, что основой redditus assisae были ранние денежные платежи (gabulum-gafol), которые, в свою очередь, могли явиться результатом коммутации натуральных взносов. Анализ, которому она подвергла те слагаемые, из которых составляется redditus assisae, показывает, что среди них нет коммутированных барщин и не мало коммутированных натуральных платежей. Порой денежная рента может предшествовать барщинным повинностям, заменяться ими.

В таком случае, какую ценность для вопроса о коммутации имеют опыты Грея? Если рассматриваемые Греем денежные платежи (redditus assisae и auxilium) не являются результатом коммутации отработочной ренты, то и весь опыт, поскольку дело идет о коммутации, оказывается поставленным неправильно. В основе ошибки лежит вынесенное из классической литературы представление о господстве барщинного манора в XII—XIII вв. Но пока никто еще не обследовал вопроса о соотношении барщинной и оброчной системы в Англии в эти столетия; классики — Сибом и Виноградов — не производили подсчетов, а общие свои представления извлекали из специфического и географически ограниченного материала.

Совершенно ясно, что изучение развития феодальной ренты в Англии должно отправляться от обследования деревни XIII в., небезосновательно считаемого кульминационным пунктом в развитии феодального производства в Англии. Мы сможем судить о дальнейшем ходе аграрной истории, лишь твердо установив те формы, которые господствовали в «классическую» пору феодализма. Равным образом и в предыдущие века мы сможем заглянуть, только твердо овладевши этой областью, где обилие и разнообразие источников позволяет нам выйти за пределы гипотез и найти базу для экскурсов в неизведанное прошлое.

Работа последних десятилетий поставила перед нами ряд важнейших проблем, но не дала окончательного на них ответа. Мы знаем, что вотчинный строй, несомненно, сложнее, чем его рисовали классики манориальной теории. Мы знаем, что ряд районов Англии дает своеобразные местные варианты аграрных отношений, не вполне подходящие под манориальную характеристику. Но мы очень мало знаем о характере феодальных рент в Анг-

лии классической манориальной эпохи, если не считать порядков крупных церковных поместий южной половины Англии. Действительно ли отработочная рента преобладала в Англии XIII в.? Действительно ли манор было господствующей клеткой социальной ткани? Как были географически распределены по Англии различные формы феодальной ренты? Чем обусловливается преобладание той или иной формы в разных районах? Каково соотношение вилланского и свободного держания? Что представляли собою ренты свободного держания и какую роль они играли в манориальной экономии? Какую роль играли барщина и наемный труд в домениальном хозяйстве? На эти вопросы у нас имеются или уже устаревшие ответы, составившиеся на явно односторонием материале или же ответы частичные, отрывочные, относящиеся к отдельным областям, манорам или группам маноров. Мы все еще замкнуты в границах крупного манора. Мы не знаем удельного веса мелкой вотчины, не знаем роли неманориальных образований.

Поставленные нами задачи определяют и выбор источников, на которых мы будем строить свои заключения. Нам нужен массовый источник, который позволил бы нам выйти за пределы крупного, по преимуществу церковного манора. Как ни ценны своей конкретностью и детальностью описи (экстенты) маноров, как ни богаты жизненными подробностями отчеты манориальных старост и приказчиков, мы должны пока отложить этот богатый, но ограниченный и односторонний материал и обратиться к гораздо более скудным, суммарным и опасным, но массовым правительственным описям.

Среди них на первом месте должны быть поставлены Сотенные Свитки 1279 г., источник, смутивший Сибома своей сложностью и запутанностью, сосредоточивший внимание Виноградова на важной роли доманориального свободного держания, давший, наконец, Мэтланду базу для его нападения на манор.

Но тут может быть поставлен вопрос: не является ли источник конца 70-х годов XIII в. слишком поздним для критики манориальной теории? Может быть, манориальный строй, процветавший в Англии раньше, в эпоху Сотенных Свитков находился уже в стадии разложения? Так думал, например, Сибом [51].

Но вообще что-то неблагополучно в хронологии манориального строя. Так, например, в Villainage in England мы находим три характеристики XIII в., из которых каждая по-своему справедлива: 1) это время полного развития феодализма, «the time of fully developed feudalism» [52]; 2) это время упадка феодализма, «break up of feudalism» [53]; 3) это время, когда феодализм еще только устанавливался, «when feudalism was only settling itself» [54]. Не трудно и в XII в. найти элементы «разложения» манориального строя и в XIII в. элементы его «роста». К 50-м и 60-м годам XIII в. относятся такие твердыни манориальной теории, как Рамзейские и Глостерские экстенты. Сотенные Свитки близки к ним по времени и их не разделяют никакие

перевороты и катастрофы. Я не думаю, чтобы момнтебыл выбран плохо. К тому же я опасаюсь, что вообще очень не легко указать момент, когда манориальная система была в «полном развитии». Уже при своем возникновении она носила в себе семена разложения [55]. Может быть, правильно было бы охарактеризовать XIII в. как эпоху, когда манориальная система достигла своей зрелости и находилась накануне медленного падения [56]. Во всяком случае XIII в. со своим богатством источников должен служить естественным отправным пунктом для суждений как о предшествовавших столетиях, так и о дальнейших переменах.

Уже в 1883 г. Виноградов указал на перворазрядное значение Сотенных Свитков 1279 г. для социальной истории Англии, ставя их рядом с Книгой Страшного Суда [57]. Книга Страшного Суда имеет уже целую литературу, а Сотенные Свитки еще ни разу не были предметом монографической разработки, хотя их несравненно большая обстоятельность, детальность и возможность их проверки и пополнения параллельным материалом сулит исследователю более точные и ценные результаты, чем те, которые с таким трудом добываются из знаменитого источника XI в. Причина этого лежит, конечно, в том, что Книга Страшного Суда огромной башней высится среди скудных источников XI в., между тем как Сотенные Свитки заслонены грудами более живого, детального и конкретного материала, односторонность и опасность которого бросается в глаза не сразу. Далее, Сотенные Свитки 1279 г. не могут итти в сравнение с Книгой Страшного Суда и по широте территориального схвата — они представляют собой лишь фрагмент и не могут отвечать за всю Англию. Но это очень большой фрагмент, охватывающий более 700 населенных мест и опоясывающий всю Англию почти сплошной полосой от Сеффокской до Глостерширской границы. Монографическая разработка такого источника не даст еще, конечно, исчерпывающего ответа на вопрос об английской деревне в XIII в., но составит солидный фундамент для такого ответа.

Разработка большой, одновременной и составленной по одному плану, описи представляет ряд больших удобств, которых почти никогда не бывает налицо при работе над разрозненными источниками, идущими из разных мест и разных эпох. Она гарантирует от той односторонности, которая бывает результатом специфического отбора источников. Сотенные Свитки описывают подряд и церковные и светские владения, и мелкие и крупные, и типичные маноры и такие образования, которые не могут быть названы манорами. Для очень многих владений это единственный источник. Далее, все части описи составлены одновременно, что гарантирует от неправильного соединения в одной картине черт, идущих от разных моментов. Самый характер описи по виллам, по сотням и по графствам подчеркивает местные особенности и остерегает от их смешения. Наконец (и это самое главное), такая опись допускает широкое применение подсчетов.

Район, охваченный Сотенными Свитками 1279 г., очень специфичен. Это район Верхней Темзы, Аузы и Авона, — одна из самых плодородных местностей Англии с хорошей системой водных сообщений Это район низких хлебных цен, район земледелия, рассчитанного на вывоз. Местности, очерченные случайно сохранившимися описями, имеют, таким образом, общую характеристику, предостерегающую от распространения сделанных здесь наблюдений на местности с иной характеристикой. В смысле проверки манориальной теории выбор местности представляется удачным. Последняя лежит в самом сердце территории, на материале которой вырабатывалась эта теория. Это район земледелия, крепостного права, упорно сохраняющейся барщины. Здесь были вполне благоприятные условия для полного развития манориальной системы.

Для нас очень существенно подвергнуть манориальную теорию испытанию там, где позиции ее наиболее крепки.

Мне кажется, что 700 деревень в средних графствах Англии в 1279 г. могут составить прочный фундамент для понимания истории английской деревни. Правда, по сравнению с манориальными описями Сотенные Свитки — источник суммарный, порой темный, почти всегда трудный; правда, его данные требуют внимательной проверки, полученные из него выводы — осторожных ограничений.

Я сознаю неизбежность и закономерность одного упрека методического характера. Можно ли изучать Сотенные Свитки изолированно? Не правильней ли было бы привлечь к их разработке возможно более широкий круг других современных источников? Несомненно, таким путем можно было бы избежать многих ошибок и затруднений, добиться ответов там, где наш источник оставляет лишь колебания и сомнения. Но можно, пожалуй, привести некоторые аргументы и в пользу монографической разработки большого и сложного источника; я мог бы сослаться на образцовое разрешение А. Н. Савиным вопроса о монастырском хозяйстве накануне диссолюции на основании монографического изучения большой государственной переписи — Valor Ecclesiasticus. Впрочем, я не задаюсь совершенно для меня непосильной задачей дать полную картину английской деревни XIII в. хотя бы для одного района. Моя работа представляет лишь разведочную экспедицию в эту далекую и темную область, разведку, направленную по несколько иному маршруту, чем это делали до сих пор.

Чтобы выйти за пределы района очерченного Сотенными Свитками 1279 г., я привлек еще один источник, уже использованный Греем для изучения судеб феодальной ренты в Англии. Я говорю о Посмертных Расследованиях (Inquisitiones post Mortem), источнике, дающем огромную серию описей владений светских вассалов короля, начиная с 30-х годов XIII в. Нам удастся, таким образом, отодвинуть наши наблюдения несколько назад и расширить их почти на всю Англию. Я изучил свыше 400 манориальных описей, приложенных к Посмертным Расследованиям эпохи Генриха III и начала царствования Эдуарда I. Это — один из самых трудных

источников; подходить к нему без надлежащей критики очень опасно. Но он позволяет вскрыть ряд явлений, недоступных для наблюдения ни на каком другом пути. Он поможет нам отвести выводам, полученным на основании изучения Сотенных Свитков, надлежащее место в более широкой и общей картине. Марксова теория феодальной ренты, и особенно 47 глава III тома «Капитала», даст нам теоретическую основу для нашего анализа и наших заключений.

Глава II

СОТЕННЫЕ СВИТКИ 1279 г.

Под общим именем Сотенных Свитков, Rotuli Hundredorum, Hundred Rolls, в Лондонском Публичном Архиве хранится ряд близких по времени и по содержанию источников. Среди них наибольшую важность представляют: 1) расследования разъездных судей от 39 Hen. III о феодальных правах короны и частных лиц и о королевских лесах, в отрывках уцелевшие для 5 графств; 2) знаменитые расследования специальных комиссий от 2—3 Ed. I (1274—5) о феодальных правах короны, захватах их частными лицами, о феодальных правах магнатов и особенно о злоупотреблениях королевских чиновников; они сохранились целиком или в позднейших извлечениях почти для всех графств; 3) интересующие нас расследования 1279 г. (7—8 Ed. I) [1]. Rotuli Hundredorum изданы Архивной Комиссией (Record Commission) в двух томах (1812 и 1818). Издание Архивной Комиссии не может быть названо полным. Для расследования 1279 г. оно дает целиком или частью описи сотен Willey и Stodden в Бедфордшире, сотен Mursley, Stodfold, Bunstow и Muta и бурга Марло в Бекингемшире, почти всего южного Кембриджшира (Isle of Ely отсутствует), а именно города Кембриджа, пригорода (suburbium) Barnwell, сотен Chesterton, Chilford, Flemditch, Stow, Papworth, Staine, Staploe, Long Stow, Triplaw, Wetherley, Whitlesford (отсутствуют сотни Cheveley и Radfield на востоке и Armingford на юго-западе). Дана опись почти всего Гентингдоншира (сотни Hirstingdon, Leightonstone, Normancross и Toseland, и город Godmanchester) и почти всего Оксфордшира (сотни Bampton, Banbury, Bullington, Chadlington, Dorchester, Ewelme, Langtree, Lewknor), отрывки описи города Оксфорда, сотни Pyrton, Thame, Ploughley, Wotton., королевский домен Woodstock; отсутствуют сотня Bloxham на севере и сотня Binsfield на юге. В общем напечатаны целиком или частью описи около 640 населенных мест. В числе Miscellanus Books of the Exchequer в Лондонском Публичном Архиве имеется открытая П. Г. Виноградовым книга в 126 листов, содержащая список расследования для двух Уорвикширских сотен (Stoneleigh и Kineton) и включающая еще около 110 населенных мест. В двух старых регистрах

в Кембриджской университетской библиотеке и в Британском музее, принадлежавших аббатству Bury St. Edmunds в Сеффоке, Пауэль нашел две копии расследования относительно восьми сеффокских сотен. Хотя эти копии озаглавлены «De itinere Salomonis Roffensis et sociorum suorum anno regni regis Edwardi filii Henrici XIV incipiente XV» (1286), но путем сравнения с Посмертными Расследованиями Пауэлю удалось с несомненностью установить, что точная дата описи около 1280 г. и что, стало быть, здесь мы имеем копию с расследования 1279 г. Копии здесь имеются неполные — даны лишь те части, которые монастырь счел нужным переписать для своих целей. Иногда, впрочем, внесены места, не относящиеся к владениям аббатства. В копии имеются пропуски и сокращения [3]. Во всяком случае пока нам известно не более $^1/_{10}$ всего расследования.

Расследование 1279 г. приходится на эпоху особенного оживления государственной деятельности после окончания смут последних лет царствования Генриха III и вступления на престол его сына. 2 августа 1274 г. Эдуард вернулся с Востока (где его застало известие о смерти отца), а уже 11 октября назначается ряд комиссий для обширного расследования, которое должно было выяснить размеры ущерба, понесенного королевскими правами во время смут предшествующего царствования, и того расстройства, которое было внесено в деятельность провинциальных органов государя [4].

Такого рода расследования не были новостью для английской правительственной практики. Королевская власть широко пользовалась методом расследования через присяжных; тот же метод применялся и феодалами для своих целей. Ряд исследователей (Бруннер, Мэтланд, Кем и др.) связывают этот метод с практикой франкских королей. Грандиозным памятником того рода расследований является Книга Страшного Суда; но она не представляет изолированного явления и должна быть поставлена в ряд со множеством других опросов населения, тянущихся непрерывной линией со времени норманского завоевания. Расширение и усложнение функций королевской власти, особенно суда и финансов, дает дальнейшее развитие практике расследований. Королевские доходы и права, с которыми они связаны, являются главным предметом опросов. Земельная собственность и платежи вассалов — вот что в первую очередь интересует короля; в этой связи особый интерес приобретает вопрос об иммунитетах. Когда король начинает торговать своей юстицией, особенно со времени Генриха II, приобретают особое значение судебные расследования; когда начинается обложение движимости, оценка последней происходит при помощи того же механизма; одним из постоянных предметов опроса являются злоупотребления королевских чиновников, вымогающих средства у подданных короля и захватывающих себе то, что должно принадлежать королю. Помимо специальных расследований, производившихся время от времени назначавшимися с этой целью комиссиями, со времени Генриха II устанавливается практика судебных объездов (Eyre), имевших место каждый год или через год (потом они становятся реже; в 1258 г. король обещает делать их не чаще,

чем раз в семь лет). Кроме чисто судебных дел объездные судьи производят расследования по ряду вопросов, для которых раньше назначались особые комиссии.

У Брактона мы находим перечисление так называемых Capitula itineris, т. е. тех вопросов, которые вручались разъездным судьям для производства соответствующего расследования. При этом Брактон замечает, что эти вопросы варьируют в связи с условиями места и времени, иногда их бывает больше, иногда меньше [5]. По мере развития практики разъездных судов список вопросов делается все длиннее. Среди них можно выделить три основные группы: 1) вопросы, касающиеся владельческих прав короля, выморочных имуществ, опеки и проч.; эти расследования не влекли за собою наказаний или тяжб; здесь требовалось только осведомление, потом его могли использовать тем или иным путем; 2) далее мы находим вопросы, касающиеся присвоения иммунитетов (franchises) или злоупотребления ими; и здесь, как правило, требуется лишь осведомление; уже в King's Treasury решается, надо ли возбудить процесс quo warranto. 3-ю группу (и очень значительную) составляют должностные проступки шерифов, коронеров и бэлифов [6].

Расследование 1274—1275 гг. было поручено не разъездным судьям в их обычном объезде, а специально для этого назначенной комиссии. Было введено несколько новых вопросов и более детально трактованы некоторые из старых. В общем это расследование должно было выйти гораздо обстоятельнее предыдущих, что объясняется его широкой задачей — ликвидировать все злоупотребления феодалов и чиновников, накопившиеся за прошлое время. Расследование должно было ответить на вопросы: какие королевские маноры находятся в руках короля и какие были отчуждены, какие феоды держатся от короля in capite и какие из них были отчуждены. Были поставлены вопросы об отчуждении земель старинного домена короны, об отчуждении земель в пользу церкви, о фирмах сотен и городов, о сотнях в руках короля и отчужденных, о службах, следуемых королю, но перешедших к другим лицам, об иммунитетах и злоупотреблениях ими, о тех иммунитетах, которые могут повести к ущербу для короля или королевства, о лесах для охоты и о парках, вновь устроенных или расширенных, о неисполнении королевских приказов лордами или их агентами, о рыцарских феодах и других землях, перешедших в руки церкви или других лиц в ущерб правам короля. В заключение шел длинный ряд вопросов относительно злоупотреблений правительственных агентов. Во всех тех случаях, когда речь шла о переходе прав короны в чужие руки, должен был быть дан ответ, с какого времени и в силу какого пожалования (quo warranto) совершился этот переход. С этого времени все эти пункты под названием nova capitula входят в число обычных capitula itineris разъездных судей.

Результатом расследования 1274—1275 гг. был памятник, который историки английского государства обозначают как Rotuli Hundredorum, хотя на самом деле он представляет лишь часть их, правда, главную [7]. Он дает

очень отчетливую картину тогдашней феодальной Англии. Ценность его усиливается тем, что он сохранился целиком или в сокращениях для большей части графств. В связи с этим расследованием стоят некоторые главы I Вестминстерского статута (апрель 1275 г.), направленные против злоупотреблений королевских агентов, а также Statute of Exchequer, регулирующий наложение ареста на имущество (окт. 1275) и Statutum de Judiciis assignatis (de Ragemannis); несомненно, от него отправлялся и Глостерский статут (август 1278 г.), предписывавший, чтобы те, кто заявляет права на какой-либо иммунитет, явились к разъездным судьям или к королю и представили доказательства своих прав.

В 1278—1279 гг. назначается ряд объездов, во время которых разъездные судьи вчиняют длинный ряд тяжб quo warranto на основании расследования 1274—1275 гг. Многие из комиссаров, производивших это расследование, назначены теперь в объезд. Но в том же 1279 г. назначены другие комиссии для нового расследования по новой и очень широкой программе. Вопросные пункты этого расследования отдельно не сохранились; но они часто повторяются в самом тексте ответов, то в сокращенном, то в более подробном виде. Путем сопоставления отдельных описей можно довольно точно воспроизвести очень длинный (34 параграфа) список этих вопросных пунктов; каждый из них составлен очень подробно, порой даже многословно [9].

Некоторые из них повторяют дословно или очень близко capitula 1274—1275 гг. — это вопросы о королевских манорах и их отчуждении, о держаниях in capite и их отчуждении, об отчуждении земель старинного домена, сотнях в руках короля и отчужденных, о службах, следуемых королю, но потерянных им, об иммунитетах, о землях, перешедших в руки церкви и др. лиц с нарушением прав короля (почти одновременно с расследованием издан статут de viris religiosis) и о других нарушениях прав короны. Некоторые другие пункты напоминают расследование 39 Hen. III или Capitula itineris у Брактона: об опеках, maritagia, выморочных имуществах, гарнизонной службе, церковном патронате. Вопросы о злоупотреблениях королевских агентов не вошли в число пунктов нового расследования. Но зато имеется ряд других вопросов, совершенно новых, ответы на которые и составили главное содержание новых Сотенных Свитков.

Комиссиям было поручено произвести расследование о том, какие держания имеются у каждого архиепископа, епископа, аббата, приора, графа, барона, рыцаря, свободного человека или горожанина в городах, местечках, селах и деревнях; какие у них имеются замки, рыцарские феоды, земли, держания, домены, леса, луга, парки, пастбища, общинные и частные, заповедные места для охоты, ярмарки, базары; какие у них есть доходы с рент, вилланских держаний, коттеров, барщинных работ крепостных, с вод, общинных и частных рыбных ловель, рек, рыбных садков, мельниц, садов, пустошей, болот, торфяников, кустарников и прочих статей. Надо расследовать, кто держит свои владения как феод, кто как наследственную фирму

(feodi firma), кто на срок жизни или на года; кто держит от короля in capite, а кто через посредство других лордов, и каких именно, за какие службы, повинности и платежи. Далее предписывается расследовать, какие у вышеупомянутых лиц имеются домены, свободные держатели, вилланы, сервы, коттеры и другие держатели, и держат ли они от них непосредственно или через третьих лиц, предписывается установить размеры держания каждого свободного человека, виллана, серва или коттера и выяснить, от кого они держат и за какие службы или повинности; предписывается выяснить, с каких феодов и других держаний должны итти щитовые деньги, в каких размерах, и кто держит эти феоды, на каких условиях и с какого времени

Эта программа совершенно изменяла обычный характер расследований, отодвигала на задний план те вопросы, которые составляли главное содержание предшествовавших расследований и ставила перед комиссиями грандиозную задачу всеобщей поземельной переписи всей Англии, притом переписи несравненно более детальной и полной, чем та, которая была когда-то произведена Вильгельмом Завоевателем. Только об этой задаче всеобщей поземельной переписи — General Survey — правительственного кадастра и говорит королевский приказ, врученный 12 марта 1279 г. вместе с этими вопросными пунктами назначенным для расследования лицам [10]

Комиссары именно так и поняли свою задачу, и вопросам кадастра почти целиком посвящено их расследование. Среди разнообразных заглавий отдельных Сотенных Свитков мы находим одно, в котором определяется предмет расследования: «Inquisitio facta coram .. inquisitoribus domini Edwardi regis filii Henrici regis anno eiusdem Edwardi septimo de feodis et tenuris quorumcumque in hundredo de Thouleslound (Toseland)». Королевский указ приводит мотивы, побудившие правительство предпринять такое сложное расследование. В виду имевших место захватов чужих прав, в частности прав королевских, необходимо точно установить границу прав как короля, так и других феодалов, «чтобы мы могли знать на будущее время, что принадлежит и должно принадлежать нам, а другие, что принадлежит и должно принадлежать им».

Таким образом, расследование 1279 г., как и ряд других мероприятий начала царствования Эдуарда I, непосредственно связывается со смутами «Баронской войны» 1258—1267 гг. и особенно ее последних лет. В это время, оставшееся в документах под именами tempus guerrae, tempus hostilitatis, turbacionis, depredacionis, было произведено много захватов земельных владений. После битвы при Льюисе Симон де Монфор, эрл Глостерский и другие мятежные бароны приступили к разграблению и захвату вотчин сторонников короны. Люди партии Монфора грабили эти вотчины и подстрекали других к грабежу. В разгроме вотчин принимали участие, главным образом, свободные крестьяне, но видно и участие вилланов. Изучение социальной стороны этого «смутного времени», элементов крестьянского движения в гражданской войне (насколько это возможно) представило бы,

несомненно, огромный интерес. Но в настоящее время данные у нас слишком неполны, чтобы судить об этой стороне дела. Во всяком случае в это время сводились всякие старые счеты. После битвы при Ивзэме положение изменилось. Захватчикам имений роялистов пришлось по суду — или же без суда — возвратить захваченное. Со своей стороны принц Эдуард и крупные роялисты стали захватывать маноры сторонников Монфора. Особенную активность проявил эрл Глостерский, имевший, очевидно, соответствующее разрешение от короля. На этой почве случались и столкновения между роялистами, спешившими поскорее захватить добычу. Второпях захватывались владения лиц, не принимавших участия в восстании, и даже роялистов. Но король потребовал, чтобы все земли «бунтовщиков» сдавались ему, и по графствам были назначены комиссии для определения через местные жюри и шерифов имен и владений виднейших сторонников Монфора. Расследования, произведенные этими комиссиями, сохранились [11]. Но не все захватчики согласились вернуть взятые ими земли, некоторые же вернули их не королю, а прежним владельцам. Между тем король на основании полученных сведений приступил к раздаче взятых земель своим сторонникам. Все это вызвало новые восстания среди лиц, имения которых захватывались. Наконец, Dictum de Kenilworth (31 октября 1266 г.) устанавливает компромисс, в силу которого прежним владельцам конфискованных имений было разрешено выкупать их у новых владельцев, причем размеры этого выкупа зависели от степени участия их в восстании. Таким образом, смута была связана с крупными перемещениями земельной собственности, осложняемыми бесчисленными частичными захватами, в результате чего возникает длинный ряд судебных дел. Впоследствии конфискованные земли были возвращены прежним владельцам.

Борьба внутри феодального класса, начавшаяся с почти полной изоляции короля и с олигархической конституции, видоизмененная выступлением рыцарства — communitas bacheleriae Angliae — и горожан, сопровождавшаяся сложной перегруппировкой сил, закончилась полным торжеством королевской власти, сплочением вокруг нее всех групп феодального класса, конституционным компромиссом, к которому были широко привлечены рыцари и верхушка городского населения. Было бы очень интересно определить, в какой мере социальная борьба, рост революционного движения среди трудящихся классов содействовали этому компромиссу. Крупные феодалы остаются основной социальной и политической силой в королевстве. В эту войну они не пытались вести сепаратистской политики — они боролись за политическую власть своей группы и за превращение королевской власти в свой послушный орган. Компромисс произошел на более широкой базе благодаря вмешательству рыцарства и горожан. Король и феодалы разграничивают свои права и вырабатывают феодальную конституцию, которая гарантировала бы твердую классовую политику. Производится передел феодальной ренты между королем и феодалами, или, правильней, разграничение прав на феодальную ренту, точно определяются много раз нарушав-

шиеся права каждого, чтобы гарантировать ее правильное поступление, а может быть и усиление.

Сотенные Свитки 1279 г. должны были играть определенную роль в этом соглашении. По мысли королевской канцелярии, они должны были дать полный учет и распределение феодальной ренты в Англии с указанием тех прав, в силу которых каждый отдельный феодал претендовал на свою долю. Вполне естественно, что королевская власть стремилась в данном случае получить свою долю полностью и даже расширить ее, выставляя чрезмерно суровые и не применявшиеся ранее принципы доказательства иммунитетных прав. Впрочем, практика процессов quo warranto показала полное внимание к интересам феодалов и готовность королевской власти итти на приемлемый компромисс [12]. Это относится, впрочем, более к расследованию 1274—1275 гг., чем 1279 г. Последнее должно было дать в руки короля полную картину раздела феодальной ренты и возникших на этой почве запутанных отношений в среде самого феодального класса; это расследование, перед детальностью которого бледнеет и Книга Страшного Суда и все другие земельные переписи феодальной эпохи, могло стать надежным источником справок как в административной, так и судебной и финансовой деятельности феодального государства. Но вопрос о том, как были использованы расследования 1279 г. и какую роль они сыграли в правительственной практике эпохи Эдуарда I, остается пока еще совсем необследованным.

Для производства расследования были назначены особые комиссии, обычно по три человека, повидимому, по одной комиссии на два графства (сколько можно судить по немногим, имеющимся у нас отрывкам). Эти королевские комиссары носят в RH название: «Justicie domini Regis» или «Inquisitores domini Regis». В комиссии для Кембриджшира и Гентингдоншира участвовали Willelmus Muschet, Nicholaus de Bassingbourn и Galfridus de Sandiacre [13]. В Оксфордшире расследование производили Sampson Foliot, Fulco de Ruycote cum sociis [14]. В Уорвикшире и Лестершире — Henricus de Notyngem, Henricus de Seldon и Johannes Arundel [15]. Относительно комиссаров 1274—1275 гг. Кем отмечает, что, по крайней мере в некоторых случаях, их старались выбрать из лиц, хорошо знакомых с теми графствами, куда их посылали. Это применимо и к комиссарам 1279 г. W. Muschet владел землями в Кембриджшире, там же было много земель у фамилии Bassingbourn, у Самсона Foliot были владения в Оксфордшире. Трое из комиссаров 1279 г. участвовали в расследовании 1274—1275 гг., некоторые из них участвовали в судебных объездах и т. д. (Ср. Cam, Oxf. St. VI, 126—127). Во всяком случае это были люди опытные и осведомленные, принадлежавшие к верхушкам королевской бюрократии и отчасти к крупному феодальному землевладению. Такой состав являлся надежной гарантией как для классовых интересов крупного феодального землевладения, так и для короля.

Как же производилось самое расследование?

Некоторые данные мы найдем в королевском приказе; много материала дает самый текст расследований; кое-какие неясные вопросы могут быть

освещены по аналогии с практикой разъездных судей, как она дана у Брактона, и с практикой других правительственных расследований,— особенно же расследований для оценки движимости при сборе пятой, восьмой, пятнадцатой деньги, когда приходилось производить работу, по сложности, во всяком случае, не уступавшую той, которая была произведена комиссиями 127[illegible] г.

Королевский приказ предписывает комиссарам лично посетить все отдельные места в порученных им графствах и произвести расследование путем показаний присяжных и добросовестного опроса каждого о его феодах и держаниях. В случае надобности предписывается произвести повторное расследование

Шерифам графств дается приказ собрать в назначенный день и в назначенном месте такое количество рыцарей и других «probos et legales homines», какое необходимо для производства расследования. Все население графств приглашается оказывать комиссарам всяческое содействие в выполнении их задачи. Все сотни, виллы и держания должны быть переписаны в особых книгах, которые должны быть потом переданы королю. С комиссаров взяли присягу в верном, нелицеприятном и неподкупном выполнении возложенного на них поручения [16]. Комиссары должны были присягнуть, что не позволят себе нарушить свои обязанности ни за одолжения, ни за подарки, ни за обещания (ne pur bien fet, doun, ne premesse de nulli que fet vos seit ou vos purra estre fet), и что они не будут принимать церковных бенефициев, пенсий и каких-либо других даров без разрешения короля. Присяга была не лишней. Из Liber Memorandorum Ecclesie de Bernewelle (171) мы знаем, что монастыри широко применяли в таких случаях практику подкупов.

Королевский приказ дает отрывочную и неясную инструкцию для производства расследования Да, повидимому, и не было нужды в детальной инструкции, так как здесь комиссары следовали за установившейся практикой разъездных судей. Эта практика описана у Брактона так [17]. К приезду судей шериф, получающий специальное королевское предписание, должен собрать полное собрание графства. Потом бэлифы сотен должны выбрать из каждой сотни четырех рыцарей; эти рыцари в свою очередь должны выбрать 12 рыцарей или, если нельзя будет найти рыцарей, простых свободных людей, которые могли бы как следует выполнить королевское дело; списки этих лиц передаются судьям. Двенадцать выборных должны принести присягу, форма которой приведена у Брактона. После присяги им читаются по порядку все опросные пункты, по которым им придется отвечать перед судьями. Надо полагать, что им вручались копии этих опросных пунктов, особенно в случаях таких сложных расследований, как наше. Затем назначался день, когда присяжные должны явиться с ответами на предложенные вопросы. Присяжные производили расследование, каждое жюри для своей сотни, и к назначенному дню являлись перед судьями. Каждое жюри по очереди проходило перед судьями и давало ответы на все во-

просы, заключающиеся в Capitula itineris. Несомненно, расследование 1279 г. было произведено во многом согласно с практикой разъездных судей. Если мы обратимся к самому тексту нашего источника, то увидим, что показания его исходят от присяжных; имена их нередко приводятся — их почти всегда 12 для каждой сотни. Для нас неясно, каким образом были сформированы жюри для сотен: так ли, как указывает Брактон, или как-нибудь иначе. При оценке движимости для сбора двадцатой и тридцатой деньги в 34 году Эдуарда I присяжные выбирались комиссарами (которые здесь называются chefs Asseours) из числа вызванных от каждой сотни, города и королевского домена «plus prodes hommes» [18]. Но это вопрос технический и второстепенный Гораздо существенней и трудней другой вопрос: каким образом присяжные собирали свои сведения? Какова была при этом роль комиссаров? Королевский приказ и присяга предполагают активное участие комиссаров в составлении кадастра. Им предписывается лично объехать отдельные места в графствах и расспросить отдельных лиц об их феодах и держаниях; при этом населению предписывается давать им все нужные сведения. Текст присяги предполагает непосредственное соприкосновение комиссаров с лицами, владения которых описываются. А у Брактона судьи играют пассивную роль — они сообщают присяжным опросные пункты и потом снимают с них допрос по этим пунктам. Вся работа по собиранию сведений ложится на присяжных, причем нет никаких указаний на то, как присяжные справлялись со своей трудной задачей. Здесь опять интересные аналогии может дать позднейшая практика оценки движимости. В той же инструкции для раскладки двадцатой и тридцатой деньги мы находим указания на то, как присяжные должны собирать сведения по сотням. Они должны взять из каждой виллы в сотне старосту и четырех верных человек (quatre leaus hommes), которые хорошо бы знали имущество всех жителей деревни; с этого старосты и четырех человек они берут присягу. Потом двенадцать присяжных объезжают в сотне виллу за виллой и совместно со старостой и четырьмя выборными ходят из дома в дом, проверяют имущество каждого, при этом те лица, чье имущество описывается, приводятся к присяге; в случае сомнений производится расспрос всех, кто может дать более верные указания. Имена тех, кто произвел какую-либо утайку, сообщаются комиссарам (chefs Taxours) для соответствующих донесений «as Tresorer e Barons del Escheker». И сами комиссары принимают активное участие в работе — они должны объезжать сотню за сотней, виллу за виллой, чтобы удостовериться, что все были «loiaument taxe». Имело ли место что-либо подобное в работе присяжных при расследовании 1279 г.? Надо отметить, что работа по описи движимости требует более тщательного и детального опроса, чем опись недвижимости, которую гораздо труднее утаить. Во всяком случае тут возможен другой, более простой путь. Те описи, которые дают RH, часто очень близки по своему характеру к манориальным описям — экстентам. Практика составления манориальных описей была много проще той, которая применялась при описи движимости: здесь все

показания давали присяжные из числа членов манориального схода; сложные и детальные рамзейские описи середины XIII в. были составлены на основании показаний небольших жюри от 3 до 5 человек. Очень возможно, что сотенные присяжные при производстве расследования встречались с готовой практикой частных описей и с готовым аппаратом для производства таких описей. Вообще вотчинная организация и вотчинные сходы могли быть использованы при производстве расследования. Порой мы встречаем такие выражения в RH: «Veredictum villate de Curtlington» [19]; попадаются такие заголовки, как «Halymot de Lewes» [20], «Halimot de Clanefeud» [21]. Хотя эти места не совсем ясны и допускают и другие толкования, но в них можно видеть указания на вотчинные сходы. Расследование производилось по виллам. Но и вотчинная организация очень ясно чувствуется в описях. В пределах отдельных вилл материал располагается по вотчинам (если вилла и вотчина не совпадают); порою вотчины даже перебивают принятый порядок [22]. Но во всяком случае ошибочно было бы предположить, что все расследование могло быть выполнено при помощи вотчинных сходов и вотчинных присяжных. Во многих виллах встречаются отдельные держания или группы держаний, не входящие ни в какие вотчинные организации или связанные с вотчинами, расположенными в отдаленных виллах. Эти держания могли быть переписаны путем личного опроса держателей. В иных случаях у нас есть прямые указания на личный опрос держателей. Так, опись сотни Mursley в Бекингемшире кончается списком лиц, не пожелавших дать ответа присяжным; лица эти перечислены поименно [23].

Можно сделать такое заключение. Сотенным присяжным предоставлялось добывать требующиеся от них сведения, как им угодно. Вероятно, они использовали вотчинные организации и вотчинный аппарат для расследования, где это было возможно. В других случаях они прибегали к личному опросу хозяев.

Трудно ответить на вопрос, в какой мере присяжными были использованы вотчинные документы и, в первую очередь, экстенты. Этот вопрос был поставлен Гранатом. «В некоторых случаях, как например для вотчин Рамзейского монастыря, мы в состоянии сличить кадастровые записи с частными вотчинными описями, и это сопоставление показывает нам, что правительственный кадастр, видимо, только повторяет частные рентали (там, конечно, где они существовали» [24]. Сличение текста RH с текстом Рамзейских экстентов (см. ниже) ясно показывает, что присяжные не пользовались этими экстентами непосредственно и во всяком случае не повторили их. Но это не исключает возможности использования других, не дошедших до нас описей, особенно, если они были составлены незадолго до расследования. Возможно также, что присяжные пользовались материалами официальных расследований, касающихся отдельных маноров или групп маноров, особенно же Посмертными Расследованиями. В Картулярии Рамзейского монастыря имеется копия Посмертного Расследования для монастырского манора Elton («Aylingtone») [25]. Тот же манор описан в Сотенных

Свитках [26]. Рамзейский картулярий датирует свой документ 3-м годом Генриха III (1218—1219); эта дата неверна; вероятной датой является 52 год Генриха III (1267—1268) [26a]. Сличение не оставляет никаких сомнений в том, что соответствующее место в RH частью дословно списано с расследования 1267—1268 гг., частью представляет его близкое переложение Очевидно, администрация манора Elton предъявила сотенным присяжным сравнительно недавнее расследование, сообщавшее все те данные, какие могли им понадобиться. Копия этого расследования могла сохраниться в манориальной конторе. Присяжные удовольствовались этим и, вероятно, сняли для себя новую копию, причем были произведены некоторые исправления, носившие порой весьма поверхностный характер. Повидимому, в тех случаях, когда поименованный в расследовании escheator'a держатель умер (или, иначе, выбыл из числа держателей манора), о нем писалось, что он «tenuit», но это не мешало, впрочем, в дальнейшем трактовать его в настоящем и будущем временах. Не упомянуто, что сталось с держаниями после выбытия этих держателей, кто держит их теперь.

Конец описи исчитора не вошел в CR, и это лишает меня права категорически высказать утверждение, что присяжные вместо производства расследования удовольствовались списыванием все же не совсем свежей описи с поверхностными исправлениями. Во всяком случае ясно, что наряду с опросом населения деревень или представителей вотчин источником сведений для сотенных присяжных служили и манориальные архивы

Опись Elton'a по своему стилю мало отличается от множества других гентингдонширских, и не только гентинчдонширских, описей. Очевидно, присяжные подходили к расследованию с теми же вопросами, что и исчиторы, и Посмертные Расследования могли быть иногда источником или во всяком случае прецедентом RH. Впрочем, этот случай имеет единичный характер. Сличение текста с близкими по времени подлинными IPM (я произвел сличение для 50 описей) не позволяют установить непосредственной связи между этими источниками.

Но сличение RH с экстентами (из рамзейских документов особенно интересна в этом смысле опись манора Ripton Regis [27]) очень ясно вскрывает зависимость RH от манориального обихода, из которого выходили и экстенты. В RH приводится целый ряд манориальных обычаев, довольно безразличных для целей правительственного расследования. Совершенно очевидно, что анкета заполнялась местным манориальным аппаратом. Порой даются такие детали манориальной жизни, которые не вошли даже в экстенты. Мы слышим голос тех же хранителей манориального обычая, которые составляли и экстенты, видим повторение тех же привычных сведений, даже слов и оборотов.

К тем же выводам приводит нас сличение с Eynscham Cartulary и с Liber Memorandorum Ecclesiae de Bernewelle [28].

Довольно значительная свобода предоставлялась сотенным присяжным в понимании предложенных им вопросов. Вопросы даны были в очень общей

форме и допускали значительный простор в истолковании деталей. Надо ли давать лишь размеры домена, или также и доходность его? Перечислять ли всех вилланов поголовно, или указать лишь их число, или лишь размеры виллапской земли? Давать ли детальное описание барщинных работ, или ограничиться лишь общей оценкой их? Эти вопросы всякое жюри разрешало по-своему, и в результате этого получается крайняя пестрота источника, очень затрудняющая его статистическую обработку. Мы встречаем очень детальные описи, близко подходящие к вотчинным экстентам и рядом с ними краткие, сухие и схематические. Присяжные иногда вносят в свои расследования дополнительные пояснительные вопросы, которых, повидимому, не было в вопросных пунктах комиссаров [28а]. Повидимому, население пользуется случаем заявить свои жалобы, что вносит в расследование некоторые сведения, не предусматривавшиеся правительственной программой [28б]. Порой в этих дополнительных сведениях можно видеть реминисценции о предшествовавшем расследовании [29]. Но иногда дополнительные вопросы ставятся самими комиссарами. Такие вопросы были поставлены в Оксфордшире. В конце описи сотни Bullington читаем: De inquisitionibus liberatis extra capitulis iniunctis per preceptum domini Sampsonis Foliot de dominicis forestis et boscis domini regis et de his qui debent esse milites per preceptum domini Regis et de his qui manucaptores inde inveniunt [30].

Несомненно, присяжные составляли при расследовании подробную запись. Повидимому, эти записи были продиктованы ими клеркам комиссаров; в этом виде они и составили те свитки, которые дошли до нас.

Какое участие в собирании сведений принимали комиссары? Сыграли ли они лишь роль передаточного механизма между Exchequer и присяжными, или же они выполнили королевское предписание и приняли активное участие в работе расследования?

У нас нет ясных следов расследовательской работы комиссаров. В одном случае мы встречаемся с дополнительным расследованием, произведенным уже после доклада присяжных комиссарам. В бедфордширских свитках имеется перечисление тех, кто отказался дать ответ при расследовании [30а]. Но в соответствующих местах описи даны держания лиц, названных в числе отказавшихся давать сведения [31] Возможно, здесь имело место дополнительное расследование, но как оно было произведено, какую роль при этом играла активная работа комиссаров, не ясно [32]. У нас остается впечатление, что на комиссарах лежало лишь инструктирование присяжных, снятие с них отчета и, может быть, принятие каких-то мер в случае нежелания населения давать сведения присяжным. Но самая работа собирания сведений была всецело поручена присяжным [33].

Вопрос о классовых симпатиях и связях присяжных был поставлен Виноградовым, полагавшим, что показания присяжных отражают интересы помещичьего класса; по его мнению, расследование 1279 г. содействовало расширению помещичьих прав, фиксировав некоторые крестьянские повинности не совсем точно и притом под влиянием интересов помещиков («gen-

try», «landed proprietors») [34]. «Описание не было неправильным в целом, но оно нередко сваливало в одну кучу разные вещи, и делало это в интересах земельных собственников». Все это делает необходимым возможно более точное выяснение социального состава присяжных В расследовании сохранилось 20 списков жюри; я исследовал из них 18, представляющих деревенские местности и позволяющих судить о 200 приблизительно присяжных. Это вполне достаточная цифра для суждения о социальном составе того органа, при помощи которого было произведено расследование, а данные для этого суждения дают самые описи [35]. Мы видим, что социальный состав присяжных сильно варьирует по местностям. Говорить о преобладании помещичьего класса можно лишь для Оксфордшира (да и то не для всех сотен) и для Гентингдоншира. В Кембриджшире (за исключением одной сотни) и в Бекингемшире помещичий класс или совсем не представлен в жюри, или представлен очень слабо. Здесь преобладает среднее свободное крестьянство; есть немалый процент и малоземельных, что как будто противоречит установившейся практике, воспрещавшей включать бедноту в состав присяжных (Ср. Placitorum Abbreviatio, 246. У присяжных должна быть земля не менее чем «ad valenciam 10 s.», иначе это — «contra formam statuti»). Но возможно, что у нас имеются неполные сведения о земельных владениях этих лиц; возможно также, что их имущественное положение базировалось не на земельных владениях.

И там, где преобладает «помещичий» класс, это преимущественно мелкие рыцари, далеко не всегда владеющие крепостными, и в большинстве случаев владеющие очень незначительным их числом. Большие господа, а особенно большие крепостники встречаются лишь как исключение, да и они «большие» лишь сравнительно. Среднее и мелкое рыцарство и крестьяне-фригольдеры — вот основной состав присяжных; им едва ли можно приписать тенденцию к защите интересов крепостников. Они местами отмечают злоупотребления крупных помещиков, записывают жалобы крестьян на рост повинностей, на ухудшение социального положения, на захваты общинных угодий.

Но если комиссары не принимали личного участия в собирании материала, то, несомненно, они оказывали известное влияние на работу присяжных как путем их инструктирования, так и методом их опроса и записи их показаний. В описи каждого графства при всех вариантах по сотням мы замечаем известные характерные черты. Суммарные и схематические бедфордширские и бекингемширские описи резко отличаются от подробных кембриджширских и оксфордширских. В ряде повторяющихся формул, характерных для каждого графства, отразился способ опроса присяжных и окончательного оформления записей. От комиссаров зависело внести или не внести те или иные сведения в свитки, дать им ту или иную формулировку. Поскольку состав комиссаров представлял интересы короля и крупного феодального землевладения, то на данной стадии работы эти интересы

могли сыграть определенную роль. В этом отношении Сотенные Свитки, подобно Книге Страшного Суда, могли оказаться не только документом о разделе феодальной ренты в среде господствующего класса, но и орудием ее усиления.

Для вопроса о тщательности и добросовестности расследования немаловажное значение имеет определение времени, которое понадобилось на его производство. Дат в расследовании очень немного. Мы узнаем, что комиссия, назначенная для Гентингдоншира и Кембриджшира, закончила обследование первого графства в 7-м году Эдуарда I, т. е. между 12 марта 1279 и 20 ноября того же года; обследование Кембриджшира было закончено после 20 ноября 1279 г., равно как и обследование Бекингемшира; в сотне Stanley в Уорвикшире присяжные сдали свои показания комиссарам 14 декабря 1279 г.; можно предполагать, что к концу 1279 г. было закончено все расследование. Наиболее раннюю дату дает расследование для сотни Lewknor в Оксфордшире — здесь опрос комиссарами присяжных имел место в Оксфорде, 10 апреля 1279 г. Вероятно, около этого же времени было закончено все обследование Оксфордшира. Таким образом, за 29 дней шериф получил королевское предписание, вызвал из сотен в Оксфорд людей, из числа которых должны быть выбраны присяжные; комиссары прибыли в Оксфорд, после чего были образованы жюри, им были даны соответствующие инструкции, они произвели расследование и с готовым материалом вернулись в Оксфорд. Если дата 10 апреля верна (а у нас нет никаких оснований ее заподозрить), то расследование было произведено очень быстро. Впрочем, такая быстрота не представляет чего-либо исключительного для правительственных расследований в средневековой Англии. Комиссии для таксации и сбора тридцатой и двадцатой деньги назначаются 22 июля 34 Ed. I, а первые взносы должны поступить уже 3 февраля, т. е. через 6 ½ месяцев. Весь материал для Книги Страшного Суда был собран между Глостерским и Сользберийским gemot'ами, т. е. между рождеством 1085 г. и праздником св Михаила 1086 г. — за 9 месяцев. Тэйлор сравнивает эту быстроту с темпом составления Return of owners of land, предписанного палатой общин в феврале 1872 г. и напечатанного лишь в июле 1875 г. По наблюдениям мисс Кем при расследовании 1274—1275 гг. вся процедура занимала в каждом графстве не более недели. Но она считает возможным, что опросные пункты посылались шерифам заранее. В Шропшире расследование было произведено в 6 дней, в Уильтшире, где оно производилось в 4 разных центрах, на него потребовалось менее 2 недель. В Норфоке присяжные жаловались, что не могут собрать всех сведений «propter brevitatem temporis» [36]. Едва ли у присяжных было достаточно времени, чтобы тщательно вникать в полученные сведения и проверять все сомнительные случаи. Но во всяком случае их не легко было ввести в обман, так как они были местные люди, хорошо знакомые с тесным кругом своей сотни. Да и самое производство расследований, хотя и по иным программам, было для населения делом знакомым и привычным. Но все же были возможны недочеты и пробелы «proр-

ter brevitatem temporis». Как отнеслось население к расследованию 1279 г.? У нас очень мало указаний на это в тексте расследований Есть следы продолжения того недоверия, которым некоторые феодалы встретили расследование 1274—1275 гг. Бедфордширские и бекингемширские описи приводят списки лиц, не пожелавших дать ответа на вопросы присяжных. Всюду за их спиной стоят какие-нибудь феодальные лорды. Данные для Бедфордшира были приведены выше. Еще выразительнее отметка в бекингемширских описях (сотня Mursley). Там отказался дать ответы целый ряд лиц; все они держатели honor'a Berkhamstead [37]. Оказывается, что бэлифы honor'a Berkhamstead запретили им давать сведения присяжным. Повидимому, у населения было опасение, что расследование приведет к новым фискальным требованиям. В связи с этим, быть может, стоит утайка части доходов [38].

Таким образом, материал для Сотенных Свитков был собран очень быстро и беспрепятственно при помощи уже существовавшего и испытанного механизма, с населения, привычного ко всякого рода манориальным и правительственным расследованиям Повидимому, грандиозная задача всеобщей земельной переписи была выполнена «маленькой и много управляемой» Англией без особых затруднений.

Мне неизвестно, какое дальнейшее употребление было сделано правительством из произведенной по его приказанию большой и сложной работы. Возможно, что на основании показаний расследования 1279 г. были возбуждены иски quo warranto; но параллелизм с расследованием 1274—1275 гг. лишает нас возможности выделить такие случаи. Расследованиями интересовались, с них снимали копии; выше упоминалось о списке частей Сеффокского расследования в картулярии монастыря Св. Эдмунда. Несомненно, копию расследования 1279 г представляет также и хранящаяся в Лондонском Публичном Архиве книга в 126 листов (Misc. Books, Exchequer, K. R. ser. I № 15), заключающая расследование для двух сотен Уорвикшира. Судя по шрифту, эта копия принадлежит концу XIII в. Листы 35, 87 и 88 в ней потеряны. Писана она тремя разными руками, содержит ряд повторений. На полях имеются отметки, большинство которых указывает на то, что при использовании рукописи главное внимание обращалось на те иммунитетные права, относительно которых присяжные давали показания «nesciunt quo warranto». Возможно, что эта копия была сделана для судебных комиссий, которые должны были проводить placita de quo warranto в Уорвикшире, хотя неясно, зачем надо было для этого переписывать весь текст. В Лондонском Публичном Архиве хранится рукопись первой половины XVI в. (Rentals and surveys, 8/56), содержащая начало описи рамзейских маноров, как она дана в гентингдонширских RH 1279 г. Возможно, что эта работа была как-то связана с планами диссолюции монастырей. Снимая копию, писцы XVI в. сильно попортили оригинал. Но в общем мне не совсем ясно, какое применение получил на деле произведенный в 1279 г. кадастр. Мне неизвестно, был ли он закончен для всех графств Англии, и почему большая часть его пропала.

Перед нами лежат отрывки — правда, грандиозные отрывки — из этой переписи. В этом на первый взгляд простом и однообразном, но на самом деле крайне сложном и запутанном материале мы надеемся найти ответы на ряд основных проблем истории феодальной Англии. Но насколько мы можем доверять результатам работы королевских комиссий и присяжных 1279 г.? Как надо понимать их порой скудные и неясные формулы? Какие вопросы мы можем здесь ставить и насколько точных ответов мы можем ожидать?

Нам надо начать с анализа построения нашего источника. Материал в нем расположен по графствам и по сотням; расследование для каждой сотни представляет запись показаний отдельного сотенного жюри. Уже было указано выше, что как в работе каждой комиссии, так и в работе каждого жюри замечаются известные индивидуальные особенности. Такие же особенности можно порой констатировать даже в описях отдельных вилл и вотчин в пределах одной сотни. Перед нами очень пестрый материал, что подчас крайне затрудняет его статистическую обработку.

Уже было указано, что расследование производилось по тем же принципам, как и вотчинные экстенты. Главным отличием является то, что в Сотенных Свитках единицей описания является не вотчина, не манор, а деревня, вилла. Конечно, в тех случаях, когда манор совпадает или с виллой, или с несколькими виллами, или когда вилла без остатка делится на несколько маноров, эта разница не играет существенной роли. Но в случае сложного состава виллы, включающей внеманориальные элементы или части маноров, иногда отдаленных маноров, или же элементы, слабо связанные с манориальной организацией, план построения описи, естественно, расходится с обычным построением манориальной описи. Выше указывалось, что принцип деления по виллам выдержан не вполне и что нередко он перебивается делением по вотчинам.

Очень яркий пример роли вотчинной организации в производстве расследования дает опись виллы Bampton в Оксфордшире. Эта вилла — сложного состава; к ней примыкает ряд зависимых деревень, причем и вилла и деревни очень сложно распадаются и комбинируются между отдельными вотчинами и держаниями. Пестрота этой интересной описи усиливается тем, что ее составители порой пробуют выдержать принцип описания по виллам, но чаще капитулируют перед вотчинным делением [39].

Для каждой вотчины наш источник, как правило, сообщает следующие сведения:

1) Имя лорда, название вотчины, ее размеры в рыцарских феодах, феодальную лестницу до короля, перечисление иммунитетных прав.

2) Опись домена: а) пашен в карукатах, гайдах или акрах; б) лугов; в) пастбищ (выделенных); г) леса или парка; д) рыбных ловель, е) изредка двора и сада; ж) мельниц, часто с указанием дохода. Описи некоторых сотен (например Chadlington) дают, кроме того, оценку домениального дохода. Но в других сотнях описи домена короче, а иногда (Flemditch, Wetherley) отсутствуют вовсе.

3) Опись вилланской земли, здесь наблюдаются значительные варианты, в наиболее подробных описях дается поименное перечисление вилланов с указанием размеров их держаний и подробным перечислением всех повинностей, как денежных, так и продуктами и отработочных, причем дается и оценка каждого вида работ. Но чаще перед нами более суммарные описи, не дающие оценок работ; в других случаях приводятся лишь общие оценки без спецификации отдельных работ, порой денежные платежи недостаточно отделены от отработочных повинностей, и даются, как в Бедфордшире, лишь общие оценки повинностей вилланов, без указания форм ренты.

4) Описание фригольда; и здесь наблюдается значительная пестрота Обычно дается поименное перечисление держателей с указанием размеров их держаний и повинностей; в тех случаях, когда это необходимо, дается указание на держание через посредников (mesne lords).

Сравнивая Сотенные Свитки с экстентами, мы должны отметить в общем большую краткость и суммарность первых. Перечисление повинностей часто бывает неполным: не дается многих мелких обычных рент (хотя иной раз мы имеем замечательно подробные их описи) Не всегда упоминаются отработочные повинности свободных держателей. Редко даются такие платежи, как tallagium или auxilium. Servitia forinseca, как уплата щитовых денег и пр., или не даются совсем или лишь упоминаются.

Подобно экстентам, Сотенные Свитки игнорируют или лишь бегло упоминают многие ренты, не исчислявшиеся в фиксированных суммах, но игравшие весьма важную роль в манориальном доходе, как это можно видеть из других источников, особенно же из Ministers' Accounts. Так, вне поля зрения остаются доходы манориальной курии (хотя встречаются упоминания о redemptio sanguinis, leyrwit и пр., pannagium, доход с баналитетов). Среди обязанностей свободных держателей нередко упоминается обязанность посещать курию, но такая ссылка делается далеко не всегда и из-за ее отсутствия нельзя делать заключение об отсутствии данной повинности.

Нередко Сотенные Свитки прибегают к сокращенным способам описания, крайне затрудняющим подсчет. Так, весьма обычным является пропуск перечисления мелких держателей второй руки (subtenants) и замена этого перечисления формулой «N. cum suis tenentibus, cum suis parvis tenentibus, cum suis cotenentibus, parcenariis», и т. д. Во многих случаях мы имеем все основания предполагать, что значительное число мелких держателей второй руки пропускается вовсе. Такие случаи, повидимому, довольно обычны в оксфордширских описях. Некоторые сотни в Оксфордшире отличаются крупными размерами фригольдерских держаний и незначительным числом мелких (напр. Dorchester); но за крупными держаниями часто скрываются мелкие subtenants [40]. Даже у крупных вилланов (держащих 1 гайду, 4 виргаты, 3 виргаты) мы находим держателей особо не упомянутых (но о них сказано в перечислении повинностей [41]) У нас всегда имеется опасность смешать свободных держателей вилланской земли с вилланами. Далеко не всегда отмечается пожизненный характер держания или держание

по воле лорда, и их легко принять за наследственное держание (хотя о держаниях ad terminum vitae был специальный вопрос в анкете [42]).

Источник обнаруживает немалое число ошибок, допущенных присяжными или записывавшими их показания клерками. Многие из них сводятся к простым опискам [42а]. Такие описки очень часты в собственных именах [42б] и цифрах [42в]. В некоторых случаях мы встречаем повторения одних и тех же сведений, причем иногда наблюдаются известные расхождения [42г]. Порой даются очень суммарные и неясные сведения [42д]. Местами мы встречаем столь обычные в средневековых подсчетах ошибки в сложении [43]. Весьма обычное явление представляют пропуски. Не говоря уже о тех, иногда весьма значительных пропусках, которые являются результатом потери отдельных свитков, присяжные нередко допускают пропуски в описях отдельных держаний, повинностей; такие пропуски обнаруживаются в тексте расследования очень часто. Местами вместо цифры акров или пенсов оставлены пустые места; повидимому, «по недостатку времени» соответствующих сведений собрать не удалось. Источник пестрит указаниями на то, что присяжные не могли получить ответа на тот или иной вопрос, или что они дают приблизительный или предположительный ответ. Обычны такие выражения, как: «nescitur quid nec quantum», «non possunt inquirere quantum», «nescimus nec inquiri potest», «de residuo non potest amplius inquiri», «ut credunt», «ut intelligunt». Часто такие заметки мы видим в трудных случаях, при установлении держательской лестницы, особенно если владение сложного состава и держится от нескольких лордов [44]. Присяжные не могут определить ценность права загона овец (falda) [45]. Нередки случаи неумения определить размеры того или иного держания [46].

Говоря об ошибках клерков 1279 г., мы должны упомянуть и об ошибках издателей XIX в. Издание Record Commission было большим достижением для своего времени, но оно не отвечает тем требованиям, которые в настоящее время предъявляются к критическому изданию источника. В нем встречается неправильное размещение материала. Так, опись виллы Wickham из сотни Chilford почему-то оказалась между описями сотен Wetherley и Withlesford (на стр. 568 вместо 429 издания Rec. Com.). Не на месте дана опись манора Rampton (II. 451 — «ut prediximus in Rotulo de Ramptone, а опись помещена ниже). Есть неправильно прочитанные места (II. 554 — «faciet duo averagia sine messe fuerit» — надо, конечно, «si necesse»...). Много неточностей в прочтении собственных имен; особенно много затруднений дали издателям заглавные буквы, чаще всего путаются R и B: Beine и Reine, Boceswrth и Rokeswrth, Bollenhuth и Rillehitch, также Lynham вместо Kingham, Collendriht вместо Rollwright». На стр. 528 читаем latinos вместо libere tenentes, на стр. 487 facini вместо nativi, на стр. 321—322 continentibus вместо cotenentibus. Не всегда на месте даны заголовки и надписи на полях. Следует поставить на очередь новое критическое издание источника, которое дало бы, кстати, и весь пропущенный в старом издании материал. Но в целом сличение с рукописным оригиналом

вскрывает сравнительно незначительное число ошибок, являющихся результатом редакционных промахов, и изданием Record Commission, в общем, пользоваться можно.

Вопрос о точности сведений, сообщаемых расследованием 1279 г., лучше всего может быть разрешен путем сравнения этих сведений с данными других аналогичных источников, в точности которых мы уверены. В виду того, что RH близко подходят к вотчинным описям, они в первую очередь должны сличаться с экстентами, пользующимися репутацией очень конкретного и надежного источника. Сличение это должно преследовать не только цели проверки добросовестности RH.

Данные Сотенных Свитков часто отличаются краткостью и суммарностью. Возникает вопрос, какие конкретные черты скрываются за лаконическими формулами нашего источника, какие детали тут сглаживаются, с какими скрытыми возможностями и, может быть, опаспостями приходится иметь дело исследователю, оперирующему с RH. Самым верным путем к разрешению этих вопросов является сличение RH с близкими по времени экстентами. Наиболее обильный материал для сравнения дает знаменитый Рамзейский картулярий. В нем большая часть датированных экстентов относится к 1251—1252 гг. Эти, наиболее близкие по времени к RH, экстенты отстоят от них, однако, на целых 28 лет. Другие относятся к еще более раннему времени. Это затрудняет сличение и заставляет вводить дополнительный вопрос об изменчивости отношений внутри вотчины, о темпе и характере этой изменчивости. При одновременной постановке этих двух задач, из которых одна базируется на сходстве, а другая на различии между источниками, решение, конечно, получится несколько неопределенное.

Мы произведем сличение RH преимущественно с датированными экстентами Рамзейского монастыря, чтобы не вводить в нашу задачу еще третьего неизвестного [47].

Ряд параллельных описей мы найдем также в картулярии Эншемского монастыря (Eynsham Cartulary). Экстенты оксфордширских маноров, напечатанные на стр. 9—11 I тома картулярия, относятся к 1269 г. и, стало быть, старше нашего источника всего на 10 лет [48].

Материал для сравнения дают описи, помещенные в Liber Memorandorum Ecclesiae de Bernewelle. Эти описи относятся к 1295 г. [48a]. В общем мы можем провести сравнение по 26 церковным манорам. Кроме того, в качестве параллельного материала можно привести ряд мест (свыше 50) из Посмертных Расследований. К проверке нашего источника могут быть также привлечены близкие к нему по происхождению RH 1274—1275 гг. и Placita de quo warranto. Ни один из этих источников не является вполне подходящим для наших целей. В течение второй половины XIII в. земля все более становится товаром; в тех случаях, когда описи не являются вполне одновременными (а последнее бывает лишь в исключительных случаях), расхождения могут быть результатом не ошибок, а действительных перемещений земельной собственности. Особенно это относится к светским манорам; на

церковных мы можем в силу «права мертвой руки» предполагать большую устойчивость (хотя и там нередко наблюдаются значительные перемещения). Особенно неустойчив всюду фригольд. Разница часто объясняется также и различными методами учета, принимаемыми разными источниками. Если мы можем доверяться манориальным документам, то крайне сомнительна точность Посмертных Расследований, относящихся к тому же исключительно к светским манорам. Все же сравнение дает нам не малый материал для суждения об ошибках и пропусках RH и о характере этих ошибок и пропусков; еще важнее — оно даст нам ключ к пониманию принципов учета, которым пользуется наш источник, и вскрывает имеющиеся здесь опасности.

Сопоставление с экстентами рамзейских манеров, представляющих значительное постоянство в размерах и структуре, создаст у нас общее впечатление точности и надежности показаний Сотенных Свитков. Существенных ошибок и расхождений не замечается; если они и есть, то их в большинстве случаев можно свести к канцелярским опискам. Но показания Сотенных Свитков значительно короче и суммарней. Некоторые кратко данные указания требуют значительной осторожности в расшифровке. Сотенные Свитки в гораздо большей степени, чем манориальные описи, пользуются условными и фискальными мерами и цифрами, и их истинный смысл не всегда ясен. Наиболее отчетливо это выступает в описании домениальной пахоты. В ряде случаев манориальные описи не знают, сколько акров или др. земельных мер в домене, и ограничиваются перечислением урочищ, где расположены отдельные части домена, иногда с указанием, что точные размеры в акрах неизвестны; для определения общих размеров пашни они прибегают к указанию числа плугов, необходимых для обработки. Но Сотенные Свитки точно указывают число домениальных «карукат». Ниже будет подробно раскрыт смысл термина каруката; в данном случае она представляет чисто условную единицу, которую очень трудно перевести на реальные земельные меры. Потребные для правительственного расследования ясность, краткость и простота ответа заставляют дающих показание лиц крайне упрощать ответ на вопрос, на который они не могут точно ответить.

Луг описан в рамзейских экстентах очень тщательно, но обычно без указаний на его общие размеры; иногда указываются размеры некоторых отдельных частей. Зато перечислены поименно названия всех урочищ, где расположены луга, определены порядки пользования лугами и особые права отдельных лиц, если таковые имеются [49]. Вероятно, если бы лиц, дававших показания относительно лугов, спросили: «quot acrae?», они по совести ответили бы «nescitur quantae acrae in eisdem continentur», как они иногда отвечали относительно домениальной пашни [50]. Но для правительственного расследования у них есть цифры—40 a. (St. Ives) [51]; 20 a. (Holywell—Needingworth) [50], 10a. (Warboys — Caldecot) [53]; 15 a. (Ripton Abbot's) [54]. Все это круглые цифры и, очевидно, прикинуты на глаз. Только для Wistow они ответили, что размеров луга и леса не знают. Когда у нас есть возможность сравнить частности, мы видим в RH верные данные [55].

То же, что сказано о лугах, можно повторить о пастбищах и о лесах. И здесь экстенты дают тщательное перечисление урочищ и определяют порядок пользования, но не думают об определении размеров. RH дают обычно круглые цифры размеров, определяя длину и ширину лесных участков и пастбищ в левгах или их частях (1×1 leuc., St. Ives, [56] 1½×½ l. Warboys [57] и т. д). В этом случае RH идут за практикой DB, отмечавшей размеры лесов, пастбищ и болот именно такими приемами [56a]. Иногда и цифры RH совпадают с цифрами DB. Мельницы отмечаются в RH чаще, чем в экстентах [57a]. Возможно, что это новые мельницы, возникшие за последние годы. DB так же, как и экстенты, отмечает мельницы лишь в «Broctune», «Wistov» [58] и «Hoctune» [59].

Теперь перейдем к держательской земле, спачала к вилланской. Здесь ставятся два вопроса — 1) насколько верно RH определяют общие размеры вилланской земли, количество и размеры отдельных держаний, и 2) насколько точно RH рисуют лежащие на вилланских держаниях платежи и барщины, имея в виду как их общие размеры, так и отдельные их виды.

Подводя итоги сличению между вилланскими держаниями рамзейских экстентов и RH, можно отметить, что за 28 лет не произошло сколько-нибудь значительных перемен в размерах вилланской земли и в методах распределения вилланских повинностей. Почти все серьезные расхождения сводятся к опискам; но эти описки могут иногда уменьшить число виргат в маноре на 10 [60]. В общем Сотенные Свитки очень добросовестно излагают то, что от них требовалось. Неточности встречаются, главным образом, в мелочах; иногда уменьшается число самых мелких держаний [61]; забывают упоминать о том, что держатели более крупных наделов нередко держат еще мелкие дополнительные держания [62]. Временами заметны некоторые, но незначительные расхождения в определении размеров виргат [63], легко объяснимые тем, что виргата не была постоянной величиной и колебалась в пределах одной и той же вотчины — «aliquando maior, aliquando minor» [64]. Мы можем довольно смело ставить нашему источнику вопрос о размерах вилланской земли, если не будем гоняться за акрами и рудами, здесь нам надо бояться только описок. Но остережемся ставить ему вопросы о количестве и размерах вилланских хозяйств. Здесь его суммарность скрывает от нас ту пестроту, которая все-таки просвечивает сквозь внешнюю симметричность экстентов [65]. Конечно, все это относится к тем местам нашего источника, которые построены по образцу описей Рамзейских маноров. В некоторых случаях мы находимся в более благоприятном положении.

Теперь надо перейти к другой стороне вопроса — к вилланским повинностям. RH дают очень много материала для характеристики этих повинностей; иногда мы встречаем довольно подробные их описания, иногда суммарные оценки. Насколько можно доверять тому и другому?

Подводя итоги сравнению описания вилланских повинностей в RH и CR, мы можем сказать, что эти повинности описаны в RH очень суммарно, но

с достаточной точностью. Но, описывая отдельные виды барщинной работы, RH главное внимание обращают на общий ее учет. Для этого барщинные работы очень рационально поделены на три основных группы: opera, araturae и averagia вместе с precariae. Принцип этого деления лежит в удобстве учета. В смысле системы и ясности RH часто значительно превосходят экстенты; но при этом происходит значительное упрощение сложности распределения барщинных работ и некоторые неточности в их учете. Не упоминая о системе аллокаций [66], зачета работ, RH относят к opera все те работы, которые зачитываются как opera, в том числе и некоторое количество дополнительных araturae. Некоторые araturae, а именно precariae carucarum, попадают в разряд прекарий [67]. Это делает затруднительным точное определение размеров отдельных родов работ. Тут необходима большая осторожность. Повидимому, как правило, надо несколько увеличивать общее число araturae разными дополнительными пахотами, попадающими в разряд precariae и opera. Барщинные работы мелких держаний, а также разные мелкие и случайные платежи виллапских держаний иногда описаны небрежно [68]. Наконец, самое важное — RH не упоминают о практике venditio operum [69]. Если бы у нас не было манориальных описей (а в таком положении мы находимся в отношении большей части RH), мы бы почти во всех разобранных нами вотчинах Рамзейского аббатства увидели чистый барщинный тип. Экстенты указывают нам, что в некоторых, по крайней мере, вотчинах господин был в праве потребовать вместо барщин (opera) денежные платежи, и что по крайней мере те работы, которые были отнесены в разряд opera, были оценены на этот случай в деньгах: «omnia opera potest dominus pro voluntate sua ad censum ponere». Изучение вилланских держаний и вилланских повинностей приводит нас к заключению, что RH отразили скорей приемы вотчинного счетоводства, чем живую действительность, или, лучше сказать, отразили эту действительность через среду вотчинного счетоводства. Те виргаты, на которые делится по RH виллапская земля в рамзейских вотчинах, это не реальные вилланские хозяйства, это более или менее искусственные единицы для распределения вотчинных повинностей. Те различные виды барщины, о которых говорится в RH, это не столько действительные работы вилланов, сколько способы учета их барщинных и оброчных повинностей. Все эти упреки в значительной мере применимы и к экстентам. Но экстенты ближе к жизни и богаче бытовым материалом. Там через «манориальную фискальность» яснее проглядывает повседневная практика хозяйственной жизни вотчины. В Сотенных Свитках все эти бытовые детали в значительной мере стерты.

Теперь мы перейдем к третьей части нашей задачи—к сличению свободных держаний в экстентах и RH. Изучая домен и вилланскую землю, мы лишь в малой степени должны были считаться с тем, что перед нами разновременные источники: все время мы видели перед собой одно и то же, лишь рассказанное разными словами; если перемены и отмечались, то они были редки и незначительны. Так ли было в той сфере, к изучению которой мы

приступаем? Мы заранее в праве ожидать существенной разницы: экстенты интересуются свободными держателями лишь постольку, поскольку они держат землю от аббатства и несут в пользу аббатства те или иные взносы и повинности. Держатели держателей обычно интересуют экстенты лишь в том случае, если они несут какие-нибудь повинности в пользу аббатства. Поэтому описи CR должны быть проще описей RH. Те наделы, которые в RH раздроблены между непосредственным держателем аббатства и его «subtenants», в CR часто выступают в цельном виде. В XIII веке постоянство фамильных имен еще не установилось. Одно и то же лицо называется то по отчеству, то по месту жительства или происхождения, то по прозвищу. Сын не всегда носит прозвище отца. За 28 лет держательский состав должен был измениться: многие умерли, другие им наследовали; мы не всегда можем ожидать найти знакомые фамилии среди новых держателей. Надо также считаться с возможностью различия в приемах учета в CR и RH. При таких предпосылках мы не можем ждать от сличения свободных держаний CR и RH большого содействия нашему заданию — проверить и разъяснить наш источник. Было бы, пожалуй, неосмотрительно ставить и дополнительное задание — выяснить темп и характер перемен в составе свободных держаний.

В одной области мы можем ожидать известного постоянства — в общем размере фригольда, поскольку он не вырос от новых дарений или расчисток (или от перехода в число свободных таких держаний, которые прежде считались вилланскими) [70]. Другими сравнимыми величинами являются общие суммы поступлений со свободных держаний в пользу аббатства.

Каковы итоги сличения свободных держаний? Материала для суждения о добросовестности RH они дают немного. Один только раз видно сильное расхождение — в Wistow, где надо предположить в RH важный пропуск [71]. В общем описи CR и RH дают довольно близкие цифры, но детали сравнимы очень редко, и окончательное суждение затруднительно. RH описывают отдельные держания конкретнее, чем CR, дают обычно размеры усадебной земли и луга, перечисляют subtenants и их повинности. Но в описании повинностей, следуемых аббатству, они суммарней — в них пропадает много деталей. Для нас существен пропуск упоминаний о мелких, в частности плуговых барщинах, требовавшихся с очень многих свободных держаний [72]. Мы не можем предположить здесь коммутации, потому что исчезновение барщин не сопровождается возрастанием рент.

По вопросу о повинностях держателей очень интересны наблюдения Балларда, сделанные путем сопоставления Pipe Rolls епископства Винчестерского за 1277 и 1278 гг. с Сотенными Свитками (для манора Witney, RH II, 703). Он отмечает, что RH значительно уменьшают размеры денежной ренты. Pipe Rolls дают сумму в 41.17.10½, на 17.5.2 больше, чем RH; Pipe Rolls определяют денежные платежи виргатария 0.5.0, а RH — в 0.3.9 (Oxford Studies, V, 183—9). Подобную же тенденцию Баллард отметил для манора Вудстока (Viertelj. f. Sozial-und Wirtschg., 1908). Но в то же время,

по вычислениям Балларда, RH дают очень точную оценку рабочих повинностей виргатария, может быть даже с незначительным превышением: 0.10.10 вместо 0.10.7. RH дают несколько иную цифру вилланских виргат, чем Pipe Rolls — 63 вместо 62. Но источники не совсем одновременные (разница в 1 год) и ошибка ничтожна.

Сличение Сотенных Свитков с параллельным материалом Liber Memorandorum Ecclesiae de Bernewelle открывает перед нами крупные пропуски, допущенные в RH. Часть этих пропусков может объясняться потерей отдельных мембран. Так, в описи манора Bromme (RH II, 524—5 и LMB 294—298) RH пропускают почти весь фригольд и все ренты свободных держателей; такой же пропуск находим в описях маноров Comberton и Madingley (RH II, 555 и и 446—7, LMB 299—90 и 307—310). Во всех этих случаях пропуск легко может быть объяснен потерей, так как опись прерывается с концом мембраны. Пропуски целых вилл и маноров в результате потери отдельных свитков вообще нередки в RH. Мы встречаем, впрочем, пропуски, не объяснимые потерей; так, в описи манора Bourn пропущены некоторые рабочие повинности вилланов и некоторые из их денежных рент. В держаниях вилланов не показаны небольшие огороженные участки (clausa), которые они держат по́ воле лорда. Возможно, впрочем, что эти прирезки имели место после 1279 г. Сравнение с Эншемским картулярием затрудняется тем, что последний дает очень суммарные и, повидимому, неполные сведения. Крупная и необъяснимая иначе, как небрежностью, ошибка — RH дают лишь 16 вилланских виргат в Charlebury вместо 32 (RH II, 709 — EC 1.9); но повинности виргатария оценены одинаково. EC показывает значительный фригольд (9½ вигат с рентой в 7.1.8) в маноре Welde (EC II), RH совсем не дают там владений Эншемского монастыря. Точно так же RH не дают манориальных владений в Fileking, где EC показывает ренту в 0.6.0 и мельницу с доходом в 0.14.0 (EC II).

Выше было сказано о трудностях проверки Сотенных Свитков данными Посмертных Расследований. Важнейшей из них является трудность подобрать вполне одновременные источники и возможность перемен в составе отдельных владений. Мы находим ряд описей, дающих очень близкие совпадения, но не мало и таких, где имеются резкие расхождения. Все же IPM подтверждают наше впечатление о значительном числе пропусков в RH. Обнаруживаются несомненные ошибки нашего источника: так, в Camps (RH II, 424) домен указан в 9 акров. IPM 1263—1264 дают 740 акров. Последняя цифра весьма правдоподобна, ибо в этом маноре дано рабочих повинностей вилланов на 7.8.6½. Важнее другое наблюдение. В некоторых случаях, когда RH дают у вилланов исключительно отработочные ренты, IPM говорят о переводе их на деньги (особенно Hamerton, Hunts, IPM Ed. I, File $^{4}/_{16}$ и RH II, 618—19; в этом случае IPM предшествуют по времени RH, относясь к 2-му году Эдуарда I). То же самое мы видим в Catworth, Hunts (IPM Ed. I, File $^{22}/_{8}$ и RH II, 624—6), где RH говорят только о барщине, а IPM только о ре́нте вилланов. Здесь IPM всего на год моложе. Это наблю-

дение вполне сходится с тем, которое было по подобному же поводу сделано выше, при сравнении RH с Рамзейскими экстентами.

Сотенные Свитки дают в большинстве случаев односторонние и неполные сведения о размерах владений отдельных лиц. Большинство владений выражено лишь в размерах пахоты. О размерах луга, леса, пастбища иногда говорится при описании доменов. Но эти сведения приводятся далеко не всегда. При этом приводятся обычно лишь те части этих угодий, которые находятся в отдельном пользовании данного лица, «separabilia». Общинные угодья от нас ускользают. Правда, порою приводятся общие их размеры для всей деревни, но и это далеко не всегда и притом очень грубо, суммарно и неясно (обычно дается длина и ширина в leug'ax и quarenten'ax). Основой для наших суждений о размерах того или иного хозяйства является, как правило, лишь размер пашни. О роли пастбищного или лесного хозяйства мы можем лишь догадываться по отдельным деталям, но данные для вычислений шатки и непостоянны. Правда, территория, охваченная Сотенными Свитками, является по преимуществу земледельческой, но не вся целиком. Очень редко встречаем мы указания на промысла и ремесла. Более или менее аккуратно отмечаются, повидимому, лишь мельницы. Кузнецы обычно не отмечаются, даже тогда, когда по прозвищу держателя (Faber) и по его повинностям мы имеем все основания их предполагать. Прозвища вообще нередко указывают на то, что главное занятие данного лица не в земледелии. На текстильную промышленность указывают такие прозвища, как: Textor, Textrix, Draper, Comber, Fuller, Cissor, Parmentarius, Napper, Tailur, Tinctor; на кожевенную: Tannur, Sutor, Corduanarius; на обработку металлов: Faber, le Ferrour, Ironmonger, на деревообделочную и строительную: Carpentarius, Couper, Turner, Cementarius, Masun, Pictor; на пищевую: Carnificus, Cocus, Coquinarius, Braciator, Baker, Pistor, Espicer; на торговлю указывают прозвища Chapman, Monger, Mercer, Mercator, Mercatrix, Wollemonger, Cornmonger (только один раз — RH II. 843); другие говорят о сельскохозяйственных, но не земледельческих занятиях: Bercarius, Gardiner, Graziere, Porker, Vaccarius, Piscator, Venator, Molendinarius; третьи — о тех или иных функциях в вотчинном управлении и хозяйстве: Prepositus, Messer, Bedellus, Forester, Spencer; встречаются и такие, как: Barbedor, Medicus, Capellanus, Clericus, Thechare. Отправляться от прозвищ для определения роли неземледельческих занятий не всегда возможно. Далеко не всякий ремесленник получает прозвище от своего занятия; по крайней мере в RH кузнецы (это видно из их повинностей) не всегда носят прозвище Faber. С другой стороны, в некоторых случаях прозвища могли уже получить характер фамильных имен, и мы не можем быть уверены, что каждый Тэйлор был портным, а каждый Купер бочаром. При всем том обилие и разнообразие прозвищ, указывающих на неземледельческий труд, живо напоминают нам, что наш источник, проецирующий социальное положение деревенского населения на поверхности пахотного поля, дает очень неполную и одностороннюю картину хозяйственной структуры английской деревни. Впрочем,

RH приводят не только размеры пахоты. Обычно даны также указания на усадебную землю (порой в акрах и рудах), на тофты и крофты. Держатели одних лишь дворов или дворов с тофтами или крофтами составляют немалый процент среди отмеченного RH населения английской деревни и позволяют говорить о важной роли малоземельного (или даже почти безземельного) элемента в хозяйственной жизни этой деревни. Но во всяком случае надо было иметь усадьбу или огород, чтобы попасть на страницы переписи; только хозяева, имеющие оседлость, отмечались в Сотенных Свитках. Если в деревне были, например, батраки, не имеющие своего крова и своего хозяйства (а о них мимоходом говорит и наш источник), то мы о них ничего не узнаем.

Основной наш материал для суждения о размерах и характере того или иного хозяйства представляет пашня. Главная наша счетная работа заключается в подсчете пашни. Необходимым условием для точных подсчетов является однообразная и определенная земельная единица. Как обстоит дело в нашем источнике? Нам приходится прежде всего отметить, что иногда размеры держаний даются в самых неопределенных терминах. Например, в сотне Staploe (Кембриджшир) даются лишь общие размеры отдельных феодальных единиц в фискальных мерах (гайдах или, чаще, рыцарских феодах и их частях). Фискальная гайда, а тем более рыцарский феод—это крайне неопределенная величина. Но в большинстве случаев пашня выражена в определенных аграрных мерах: гайдах, карукатах, виргатах, акрах, рудах. Я не буду говорить об общеизвестных предметах — о колебании числа акров в виргате, виргат в гайде. В этом отношении наш материал давно уже исследован [73]. Как известно, размеры виргаты могут колебаться даже в пределах одной и той же виллы [74]. Далеко не всегда дан перевод более крупных мер на акры, и колебания в размерах гайд и виргат часто остаются для нас скрытыми. Это делает крайне опасным сколько-нибудь детальное сопоставление. Можно ли сопоставить размеры держаний в двух даже соседних виллах, если мы имеем основание опасаться, что в одной — виргата 12 а., а в другой—80 а.? Да и размеры акра представляют ли что-нибудь твердое и определенное? [75].

Мы вынуждены принять акр за постоянную величину и допустить среднюю виргату в 30 а. [76], когда у нас нет более точных указаний на отношение между этими двумя мерами. Но мы не должны никогда упускать из виду всю грубость и все несовершенство этих мер. Даже в тех случаях, когда дан точный перевод гайд, карукат или виргат на акры, мы не можем чувствовать под собой очень твердой почвы. Все эти переводы делаются, повидимому, лишь приблизительно. Мы видели расхождения в определении размеров виргат между RH и рамзейскими экстентами: вероятно, после определения числа акров в виргате, следовало бы прибавлять слова экстента «plus vel minus». Ряд сложных вопросов связан с обычной мерой для доменциальной земли — с карукатой. Здесь некоторый свет бросает сравнение RH с соответствующими рамзейскими экстентами.

Я привлеку к сравнению также помещенную в CR (I 267 — 281) краткую опись: «Feoda militum et maneria quae abbas et conventus de Rameseye tenent de domino Rege in capite et quo warranto» etc. (эта опись была приготовлена для ответа на какое-то правительственное расследование, вероятно XIV в.), и некоторые параллели из Книги Страшного Суда. Сотенные Свитки описывают домениальную пашню рамзейских вотчин в карукатах. Рамзейское аббатство хорошо знает, сколько карукат в его доменах, когда надо дать соответствующие сведения правительству, так же, как это знает и Глостерское аббатство. Но когда им надо составлять описи для себя, они сразу забывают про карукаты и прибегают к другим способам. Глостерское аббатство тщательно вымеривает количество акров в отдельных участках домениальной пашни. Получаются цифры, очень мало похожие на закругленность ста- или стадвадцати-акровых карукат. Среди экстентов, напечатанных в III томе Глостерского Картулярия, немногие дают описание домена. Вот домен вотчины Littletone в Гампшире [77]; его пашня лежит в трех «campi»; каждый из этих campi состоит из ряда более мелких участков; в каждом из этих участков содержится известное число акров домениальной пашни; число это неодинаково и варьирует от 3 до 84. Всего во всех трех полях 412 a. (240—63—109) [78]. Аналогично описание домена манора Rendwick, состоящего из 108 с небольшим акров, распределенных между 56 с чем-то участков. Но когда надо было дать сведения для церковной переписи 1291 г., все домены вотчин Глостерского монастыря оказались выраженными в круглом числе карукат. Нечто подобное видим мы и в практике Рамзейского монастыря. Возьмем, например, домен вотчины Warboys et Caldecot. Когда составлялся экстент этого манора (в 1251 г.), местные люди не знали, сколько акров пашни в домене этой вотчины [79]. Но в 1279 г. присяжным сообщают, что в домене 3 карукаты. Успели ли с того времени сделать промер земли? Нет, о том, что в домене имеется земля для трех карук, знали еще во времена Книги Страшного Суда. Очевидно, в представлениях населения каруката связывалась не с каким-нибудь определенным количеством акров; это была какая-то грубая и неудобная мера, которую употребляли для правительства, но не для себя. Может быть, это была фискальная мера подобно гайде? Нет. В Рамзейских вотчинах подлежащая государственным повинностям земля измеряется в гайдах, а домениальные карукаты лежат вне этих гайд, extra predictas hidas, как выражается CR. Таким образом, каруката не есть единица обложения и она не связывается с каким-нибудь действительным количеством акров. Не есть ли это земля, обрабатываемая одним плугом, как на это указывает ее этимология? И на этот вопрос приходится дать отрицательный ответ.

Сравним описание доменальной пашни в рамзейских экстентах и в Сотенных Свитках. В St. Ives etc. экстент указывает, что пашня расположена в 25 различных culturae, которые и перечисляются поименно. Размеров пашни экстент, очевидно, определить не может и прибегает к описательному

способу: эти пахотные земли могут быть достаточно хорошо возделаны тремя своими (т. е. домениальными) плугами, пашенной барщиной вилланов и двумя пашенными прекариями; барщина оценивается в три плуга. Очевидно, здесь констатируется установившийся на практике способ обработки. Все это достаточно ясно; последняя фраза, очевидно, значит, что барщинники вспахивают столько, сколько вспахали бы три домениальных плуга. Исходя из представления, что каруката есть площадь, вспахиваемая одним плугом, мы должны бы выразить размеры домениальной пашни в 6 карукатах (три на домениальные плуги и три на барщинные). Но RH дают только три карукаты. В Holywell et Needingworth экстент дает такие цифры: две домениальные каруки, пахота вилланов и, если понадобится, прекарии; пахота вилланов приравнивается к двум плугам. RH и Feoda дают две карукаты. В Ripton Abbot's экстенты определяют, что домениальную пашню могут вспахать пять домениальных плугов вместе с барщиной. Барщинная пахота приравнивается к двум плугам. RH считают в общем пять карукат. В Broughton потребность в плуговой работе определяется в четыре домениальных плуга с работой барщинников, приравниваемой к двум плугам, и 2—3 прекариями. RH и Feoda дают четыре карукаты. В Wistow домениальная пашня возделывается четырьмя домениальными плугами с помощью вилланов (auxilium villatae) и двумя прекариями, которые могут и не понадобиться. Auxilium villatae исчисляется в два плуга. RH дают четыре карукаты. В этих пяти примерах мы видим ключ к объяснению термина каруката. Повидимому, число карукат обозначало число домениальных плугов, действительно работающих на домениальной пашне. В исчислении карукат не принимается в расчет то, что некоторая часть работы, иногда половина ее, выполняется не домениальными карукатами, а вилланскими. Отношение между долей барского двора и барщинников во вспахивании домена сильно варьирует (3 : 2, 2 : 2, 5 : 2, 4 : 2, 4 : 2 в приведенных нами примерах). Перед нами очень усложняющий нашу задачу факт: число карукат не дает или не всегда дает точное представление о размерах барской запашки: оно дает лишь минимальную цифру, к которой надо сделать некоторые неопределенные добавления.

Такми образом, домениальная пашня и в XIII в. исчисляется способом, очень близким к тому, который был принят в Книге Страшного Суда. Карукаты Сотенных Свитков близко напоминают каруки великой переписи XI в. В этом укрепляет нас и другое наблюдение: между числом карук в DB и карукат в RH существует несомненная близость: в St. Ives, Holywell — Needingworth, Warboys—Caldecot, Broughton цифры карукат XIII в. в точности совпадают с цифрами карук XI в. В других случаях мы видим некоторое расхождение; но ведь трудно предположить, чтобы между XI и XIII вв. нигде не произошло перемен в размерах домениальной запашки и числе домениальных плугов. Мы увидим сейчас и другое основание для возможности расхождений. Странную власть сохраняет старинная традиция, восходящая к XI в., над исчислениями конца XIII в. Не только неудоб-

ный и неясный метод, но и самые цифры упорно возвращаются, даже тогда, когда фактические условия успели перемениться. В этом смысле очень показательны Feoda Militum в Рамзейском картулярии. Цифры карукат домениальной пашни в этом источнике XIV в. часто расходятся с RH, не стоят ни в каком отношении к экстентам. Но, расходясь с этими близкими по времени источниками, они неизменно повторяют оценки, данные в Книге Страшного Суда. В этой силе традиции можно видеть объяснение и одному случаю расхождения между RH и экстептами, когда число карукат в RH совпадает с числом карук в DB В Warboys-Caldecot экстент дает четыре домениальных плуга, RH — 3 карукаты, DB — 3 каруки.

Повидимому, Книга Страшного Суда не считалась с действительно принятыми в том или ином случае способами плуговой запряжки, а сводила их все к единому 8-воловому плугу [80]. Так ли понимался плуг в XIII в ? Соответствует ли каруката домениальной земли идеальному 8-воловому плугу или же фактическому, каков бы он ни был?

Расследование этого вопроса заведет нас несколько в сторону от нашего главного источника, но мы останемся в сфере, хронологически очень близкой. Я имею в виду сравнение между данными Глостерского Картулярия и Таксации папы Николая IV 1291 г. (Taxatio Ecclesiastica Angliae etc.) [81]. Вот несколько параллелей. Вотчина Hinton в Глостершире. Таксация дает 3 карукаты на домене [82], экстент — 3 carucae, arantes in dominico, причем все каруки десятиволовые, один вол запасной [83]. Clifford в Глостершире. Таксация — 4 карукаты домениальной пашни [84]; экстент—4 плуга, 36 волов, по 8 на плуг, 4 вола запасных [85]. Buckland в Глостершире. Таксация — 4 карукаты [86], экстент — 4 плуга — всего 44 вола, по 10 на плуг и 4 запасных [87]. Guiting, в том же графстве. Таксация — 1 каруката [88]. В маноре пастбище на 8 волов [89]. Northleach, там же. Таксация — 6 карукат [90]. Экстент — 6 карук arantes in dominico per totum annum (5 по 6 волов, одна на 4 afri; от рождества до пасхи устраивается еще одна плуговая запашка в 8 волов). В общем Глостерский материал вполне подтверждает наше наблюдение, что домениальные каруки государственных или церковных описей соответствуют фактическим домениальным плугам. Еще один пример: в вотчине Froucester (Глостершир) Таксация указывает 4 карукаты [91]. Экстент [92] говорит о четырех домениальных плугах (ferramenta quatuor carucarum domini); барщинная пахота в этом домене довольно значительна [93]. Единственное расхождение в этом смысле мы найдем в вотчине Aldsworth. Церковная таксация дает здесь три карукаты на домене [94]. Экстент говорит о пяти плугах, пашущих на домене, для которых имеются 24 вола, соответствующих 4 плугам, и 5 лошадей [95]. И здесь расхождение может быть объяснено отзвуком DB, дающей 3 каруки на домене. Еще один пример: в описи 1279 г. для Уорвикшира в домене манора Chadshunt (епископа Честерского) дано 6 карукат. Повинностью одного полувиргатария является изготовление ferramenta 6 carucarum. Вилланы в Chadshunt и связанной с ним деревне Haydon дают 292

рабочих дня пахоты (Misc. Books, Exch. K. R. Ser. I, № 15, fol. 66). Впрочем, число ferramenta в повинностях кузнеца может отражать устарелые, традиционные порядки, равно как и число карукат. В домене Ральфа Shirley в L. Eatington, Warw считается 3 карукаты, в числе повинностей держателей дан ремонт железных частей трех плугов (там же, fol. 103).

Итак, у нас есть основание предполагать, что число карукат в рассмотренных нами случаях выражает число фактических (не идеальных) домениальных плугов, причем эти фактические плуги по размерам запряжки довольно близки к 8-воловому, но редко точно с ним совпадают. Эта близость достаточно объясняет частые совпадения между цифрой карукат XIII в. и карук XI в. При этом надо еще иметь в виду силу традиции, удерживающую старинные и устарелые цифры.

Для вотчинных надобностей не было нужды в карукатах — были свои, более удобные в вотчинном обиходе, способы определять положение и размеры домениальной пашни. Но правительство требовало не длинных описаний, а коротких и ясных ответов по формуле quot carucatae, или quot hidae или quot acrae. Не имея в вотчинной практике достаточных данных для точного ответа на такой вопрос, опрашиваемые часто подменяли его другим, более для них легким — quot carucae arantes in dominico, или же сообщали старую, традиционную цифру правительственных описей. Повидимому, администрация Рамзейского монастыря начала заготовлять в Feoda Militum для какого-то правительственного расследования именно эти традиционные цифры. Но это заставляет нас очень подозрительно взглянуть не только на рамзейские, но и на все прочие карукаты, даже тогда, когда они выражены в акрах. Я уже говорил о том недоверии, которое возбуждают в исследователе эти круглые цифры акров в доменах. Не являются ли эти акры просто эквивалентом тех же карукат, переводом карукат на акры по типичному масштабу, без точного отношения к действительному числу акров в домене? Рамзейские экстенты убедительно показывают, что число домениальных акров часто было неизвестно. Но для правительственной описи сообщают иногда и точное число акров. В вотчине Hemingford RH дают для домениальной пашни сумму в 240. Эта сумма сильно напоминает 2 каруки DB или две карукаты Feoda Militum, переведенные на акры по типическому масштабу. Иногда присяжные не могут сказать, сколько акров в карукате, так как она не мерилась на акры. Такие примеры можно найти в Посмертных Расследованиях [96]. Но нередко каруката успела отождествиться с некоторым действительным или приблизительным числом акров. Общий вывод, который мы можем сделать из сличения подсчетов домениальной пашни в RH и CR, таков: в ряде случаев RH дают цифры, не позволяющие (без дополнительных расследований) сделать верные заключения к размерам домениальной пашни. Мы рискуем впасть в ошибку, если будем приравнивать карукаты к 80, 100, 120 и т. д. акрам домениальной земли; вероятно, наши цифры будут ниже настоящих. Экстенты, составлявшиеся для надобностей вотчин, ближе стоявшие к реальной жизни, яснее пока-

зывают нам, насколько условны были все эти цифры, которые преподносились государственным расследованиям. Сплошь и рядом неизвестно, сколько акров содержит данная земля: «nescitur quantae acrae in eisdem continetur» [97]. Порой неизвестно количество гайд и виргат — эти меры не всегда и не всюду были в ходу [98]; но надобности фискального характера заставили прикидывать то или иное число. Мы читаем в CR: «Земли в Hulme не разделяются на гайды или виргаты и потому неизвестно, сколько там гайд или виргат» [99]. В другом месте (Ringstead): «Там нет ни гайд ни виргат (Non sunt ibi hydae vel virgatae terre). Но считается, что там 5 гайд земли, кроме домена» [100]. Brancaster: «Там десять гайд. Неизвестно, сколько виргат составляют гайду и сколько акров — виргату» [101]. Несмотря на двухсотлетнюю работу правительства, требовавшего сведений у населения в тех или иных цифрах гайд, виргат, акров, карукат, этими мерами далеко еще не была промерена вся английская пахота. В этом отношении наблюдается весьма значительная пестрота. Сравним точные подсчеты домена в некоторых манорах Глостерского монастыря с суммарными его обозначениями в рамзейских экстентах. Глостерский монастырь учитывает каждый акр — Рамзейский дает лишь общее количество плугов, потребное для обработки домена, и не нуждается, повидимому, в более точных определениях. То же самое мы видим и в RH. Рядом с детальными описаниями держания, с точными цифрами акров и даже с дробями, мы видим и крайне суммарные и неопределенные. Например, в Histone (Кембриджшир) RH отмечают у аббата Эншемского в домене 201½ а. 1½ г. пашни и 10 а. луга [102]). Порой даются даже средние оценки доходности земли. Старинный домен Честертон (близ Кембриджа) описан в момент отчуждения (во время короля Иоанна). Тогда в домене было 326 а. = =231 а. пашни (по 12 d. акр), 39 а. луга (2 s. акр), 56 а. пастбища (по 3d. акр) рыбные ловли с доходом в 20 s., рент на 12 ф. и т. д. [103]. А порой размеры домена, как мы видели, вовсе не указываются или указываются в грубых фискальных мерах. Очень нередко мы в праве предположить, что источник дает лишь приблизительную круглую цифру [104]. Но едва ли это большой грех: такие круглые цифры мы находим и в статистике XIX в. Приблизительность многих цифр выступает в тех случаях, когда мы начинаем сравнивать сумму со слагаемыми. У нас получаются курьезные равенства:

$^{5}/_{8}$v. = $^{3}/_{3}$v. + 6a. + $^{1}/_{4}$v., т. е. $^{5}/_{8}$v = $^{5}/_{8}$v. + 6a [105]
$3^{1}/_{2}$v. = $1^{2}/_{3}$v. + 1v. + $^{1}/_{2}$v. + $^{1}/_{6}$v. + 6a + 1 mes, т. е.
$3^{1}/_{2}$v. = $3^{1}/_{3}$v, + 6a + 1 mes. [106].

Очень много затруднений возникает с учетом таких держаний, как cotagia, mesuagia, крофты, тофты. Их размеры даются далеко не всегда. А между тем они не всегда были незначительны. Если в Кембриджшире коттерский надел очень мал (в среднем около 1 акра), то он гораздо крупнее в Оксфордшире или Уорвикшире. Мы встречаем порой cotagia в 10 а., в 12 [107], 18

[108], cotland в 24 и даже в 34 а. [109]. Редко даются размеры assarta, которые бывают тоже не малы — изредка в 30 акров и более.

Ряд трудностей создается тем обстоятельством, что у нас имеются лишь фрагменты большой переписи. Не говоря уже о том, что они для многих вилл и маноров оказываются неполными, что вследствие этого при подсчете их частей возможна значительная диспропорция, фрагментарность источника ведет за собою еще одну опасность. Перед нами часто могут быть фрагменты вотчин сложного состава, расположенных по нескольким виллам; в случае потери описи, дающей основное ядро вотчины, мы можем принять их за самостоятельные единицы. Так, из Placita de quo warranto ясно, что свободные держатели приора Госпитальеров в вилле Riseley (Бедфордшир) связаны с манором того же приора в Melchebourn; но в RH не имеется описи манора Melchebourn и о связи с ним фригольдеров из Riseley ничего не сказано [110]. В виду крайней сложности свободного держания, состоящего нередко из нескольких владений, разбросанных по разным манорам и виллам, легко может оказаться, что лицо, которое мы отмечаем, как коттера в одной вилле, является крупным владельцем в другой, опись которой потеряна.

Надо отметить еще одну своеобразную особенность сохранившихся фрагментов RH. Все они принадлежат к одной и той же географической зоне и представляют почти сплошную полосу, опоясывающую Англию с запада на восток, от Глостерширской и Вустерширской до Сеффокской границ. Этот район не может отвечать за всю Англию и отличается рядом специфических черт. Вся территория, охватываемая уцелевшими Сотенными Свитками, лежит в пределах плодородной полосы, расположенной по верхней Темзе и Аузе, отчасти Авону. Эта полоса была главным производителем хлеба, районом наиболее низких хлебных цен. Если воспользоваться терминами Gras'a, территория RH лежала преимущественно в трех районах одинаковых хлебных цен — районе Верхней Темзы (Оксфордшир, Бекингемшир) и районе Кембриджа (Кембриджшир, Гентигдоншир, Бедфордшир), отчасти верхнего Северна (Уорвикшир) [111]. Эти районы при большом разнообразии почв отличаются плодородием, особенно район Кембриджа. Район верхней Темзы богат водными путями. Большинство рыночных местечек Оксфордшира расположено по берегам рек и связано, таким образом, с довольно широким рынком. Темза является главной торговой артерией. Главный рынок сбыта — район Нижней Темзы; это район высоких хлебных цен, несмотря на плодородие почвы; в виду высокого столичного спроса местного производства не хватает на Лондон. Наибольшей товарностью земледельческого хозяйства отличается Кембриджский район (в нашем материале графства Кембриджшир и Гентингдоншир).

Кембриджский район связан с одним из крупнейших центров хлебной торговли в средневековой Англии — Линном. Район необычайно богат путями сообщения — реками, каналами, дорогами. Хлеб из деревень свозился сначала в города — Кембридж, Гентингдон, Крауленд, Питерборо (рынок и для северного Гентингдоншира), а потом водою в Линн. Из Линна

хлеб шел вдоль берега в северные потребляющие районы (Ньюкестль) или за границу.

Земледелие — главное занятие всей охваченной RH области. В ней сложились типические манориальные формы, достигли значительного развития крепостное право и барщина [112]. На материале, относящемся к этой области, всего удобнее проверить утверждения манориальной теории; но если мы поставим вопрос более широко, нам придется привлечь источники, которые охватывали бы и другие районы Англии. Таким источником являются прежде всего Посмертные Расследования.

Здесь перед нами встает вопрос — в какой мере цифровой материал, заключающийся в RH, может быть вообще использован для наших целей. Не делает ли неполнота источника, его пестрота, наличие в нем пробелов и ошибок, неясность и условность многих цифр и мер безнадежной всякую попытку добиться от него точного ответа на те вопросы, которые мы ему можем поставить? Надо заметить, что эти сомнения возникают перед нами почти неизменно при обследовании любого массового средневекового источника и разрешение их имеет первостепенное методологическое значение не только для нашей темы.

Обработка такого сложного, пестрого и не всегда точного материала, каким являются Сотенные Свитки, требует особой осторожности в постановке вопросов источнику и в отыскании путей к их разрешению. Мы должны все время иметь в виду, что те цели, которые ставило себе правительство XIII в., совершенно иные, чем те, которыми задаются исследователи XX в.

Исследователю приходится раскрывать истинный смысл цифр источника и точно представлять себе все его пробелы и опасности; ему приходится непрерывно применяться к его пестроте и непостоянству, меняя соответственно приемы счета. При этом он должен отказаться от мысли получить вполне точные цифровые ответы на поставленные вопросы. Он должен помнить, что все ответы будут иметь лишь вероятный и приблизительный характер; но он должен быть удовлетворен тем, что избранный им путь позволяет добиться ряда результатов, недоступных на других путях исследования. Я припоминаю слова А. Н. Савина, мастерская работа которого над Valor Ecclesiasticus послужила мне образцом. Отметив стремление современных историков к узкой специализации, к сосредоточению на критике источников и на «скучном счете», он замечает: «И те, кто занимается скучными подсчетами, стремятся только к вероятным и приблизительным выводам или к выявлению господствующей тенденции, но они не знают более короткого и надежного пути к своей цели, чем утомительный счет» [113]. Из предшествовавшего анализа мы могли видеть, что Сотенные Свитки дают порой довольно точные описи, сравнительно мало уступающие экстентам, но порой мы рискуем натолкнуться на грубые ошибки, на крупные пропуски, на неоконченные описи. Если мы захотим на основании нашего источника дать описание определенной индивидуальной вотчины, то можем получить совершенно искаженную картину. Но дело меняется, если мы поставим себе целью лишь выявление

«господствующих тенденций», основанное не на индивидуальных цифрах, а на массовом материале. При массовых подсчетах многие ошибки и пропуски в источнике уравновешиваются и стираются. Я говорю прежде всего об ошибках и пропусках, имеющих случайный характер. Если RH дают в Camps (RH II, 424) домен в 9 а. вместо 740, то при индивидуальном описании Camps это дало бы чудовищную ошибку; но при описании сотни Chilford, где общая цифра домениальной пашни превышает 6 000 а., ошибка падает до 12%. Для выявления господствующих тенденций важны не абсолютные цифры, а процентные отношения; при исчислении их ошибка сглаживается еще более. Домениальная земля в сотне Chilford составляет около 55% всей пашни — если мы возьмем исправленную цифру, и примерно 49% — если мы сохраним неисправленную; ошибка падает до 6% и при выявлении общей тенденции не представляет большой опасности, поэтому мы все же в состоянии отметить в сотне очень высокий процент домениальной земли, составляющей около половины всей учтенной пашни. Та же ошибка становится ничтожной, когда мы говорим не о сотне Chilford, а обо всем южном Кембриджшире, где учтенная домениальная пашня дает свыше 29 000 а. Здесь ошибка в абсолютной цифре падает до 2½%, а в относительной до 1% и даже менее. Конечно, ошибка соответственно возрастет, если мы займемся более детальным вопросом, например характеристикой крупной вотчины в сотне. Такие ошибки, как только что приведенная, представляют, впрочем, наименьшую опасность, так как их легко обнаружить. Даже если бы IPM не давали нам здесь параллельного материала, из всего описания Camps, в частности из больших барщинных повинностей в этом маноре, не трудно было бы усмотреть ошибку. Конечно, при подсчетах такие случаи приходится или исправлять или, если это невозможно, скидывать. Но есть много мелких ошибок и пропусков, обнаружить которые часто невозможно. При выявлении господствующих тенденций при помощи массовых подсчетов и относительных цифр и эти ошибки должны стираться и уравновешиваться, поскольку они могут в одинаковой мере падать на разные части источника. Равным образом стираются при массовых подсчетах варианты в размерах виргаты, приближаясь к средней цифре в 30 а. Другое дело неточности неслучайного характера, встречающиеся постоянно, вытекающие из особенностей самого источника, как, например, упрощения в описаниях мелких держаний, уменьшение цифр денежного дохода и т. д. Наша задача вскрывать подобного рода тенденции источника и делать на них соответствующие поправки при оценке результатов наших подсчетов. Надо еще раз настойчиво подчеркнуть, что, применяя статистический метод, мы не желаем создавать ложного впечатления точности наших выводов, что мы не стремимся к точным цифрам и чувствуем себя удовлетворенными, когда с большей или меньшей степенью вероятия можем в том или ином случае выявить преобладание вилланских или свободных держаний, отработочных или денежных рент.

У нас много несравненно более точных источников — экстенты, отчеты старост и приказчиков, протоколы манориальных курий. Но насколько точ-

ны те ответы, которые они нам дают на общие вопросы, интересующие нас в первую очередь? Не говоря уже о том, что и здесь много сомнительного (даже МА при всей их полноте часто не дают возможности определить размеры домена, отделить денежную ренту свободных держателей от денежной ренты вилланов), эти источники дают нам, как мы видели, отрывочный и односторонний материал. В Сотенных Свитках перед нами гораздо более суммарный и сомнительный, но массовый источник, включающий такие материалы, которые мы не найдем больше нигде. Пусть он дает ряд отдельных ошибок и искажений, — у нас нет оснований думать, что нарисованная им общая картина совершенно неверна. Если наши выводы неточны, если они могут быть подвергнуты сомнению, то это относится и к тем выводам, которые делаются на основании изучения точнейших источников, лишь только мы от частных вопросов начинаем переходить к общим. Разница в том, что экстенты и МА дают точные цифры для отдельных вотчин и крайне шаткие для деревни в целом; точность ответов нашего источника возрастает по мере перехода от частных вопросов к общим. Перед нами своеобразный источник, требующий особого подхода, особой постановки вопросов и обещающий ответы, которые мы не получим больше нигде. Работа над ним связана с известным риском; но этот риск не более того, который возникает всегда, когда мы, не довольствуясь частичными ответами, хотим разрешить задачу в целом.

При разработке цифрового материала средневековых описей надо руководиться следующими общими положениями, забвение которых легко может повести к ошибкам

1) Цифры в большинстве случаев дают неточный и условный ответ на те вопросы, которые мы им ставим; это обусловлено как неточностью самих цифр, так, прежде всего, разницей между нашими целями и целями описей; поэтому все цифры являются для нас лишь ориентировочными.

2) Необходимо определить действительное значение каждой цифры источника и условия, которые приближают или удаляют ее (и в какую сторону) от того значения, которое явилось бы точным ответом на поставленный нами вопрос; в связи с этим надо вносить поправки в результаты подсчетов.

3) Неточность и неполнота источника заставляют избегать суждений, основанных на индивидуальных цифрах; оперировать можно лишь с большими цифрами, полученными из достаточного числа случаев.

4) Надо отказаться от точных выводов и детальных различений, так как выводы можно делать лишь в очень общем виде и притом лишь на основании очень резких цифровых показаний, сохраняющих свое значение при больших поправках в ту или другую сторону.

5) В тех случаях, когда подсчеты не дают достаточно резких показаний и когда средние цифры основаны на недостаточном числе случаев, вывод может быть дан лишь условный, требующий проверки и подтверждения на другом материале.

Суммируя результаты произведенного нами анализа Сотенных Свитков, можно наметить вопросы, которые мы можем ставить нашему источнику, и пути к их разрешению, а также уяснить опасности, подстерегающие нас на этих путях.

1) Самое построение источника, описывающего подряд деревню за деревней, кладущего в основу описания деревню, а не манор, позволяет нам поставить неясный в большинстве манориальных источников вопрос о соотношении деревни и манора, проверить широко принятую в исторической литературе постановку вопроса, при которой деревня и манор рассматриваются как две стороны одного и того же явления. Описание подряд всех вотчин, к какому бы типу они ни принадлежали: больших и малых, церковных и светских, — позволяет поставить вопрос о типах вотчинной структуры и о невотчинных элементах в английской деревне XIII в. Выше уже была указана опасность преувеличить при этом распыленность вотчин и принять их фрагменты за самостоятельные единицы

2) Мы можем путем сопоставления цифр для виллянской земли и фригольда определить роль последнего. Как ни варьируют земельные меры, при массовых подсчетах гайда, виргата и акр приближаются к своему среднему значению. Отмеченные выше пропуски, дающие в отдельных случаях неверную пропорцию между размерами виллянской земли и фригольда, опять-таки сглаживаются при массовых подсчетах, так как пропуски не так уже часты и нет оснований предполагать, что они падают систематически на какую-нибудь одну часть держаний. Впрочем, из наших наблюдений выясняется, что пропуски чаще в описаниях фригольда.

3) Мы можем в ряде сотен и поместий определить хотя бы приблизительные размеры домена. Но они даны не всегда и часто в очень условных и приблизительных мерах. Здесь цифровые выкладки наиболее шатки, но все же мы можем добиться некоторых ориентировочных данных.

4) В ряде сотен (не везде) мы можем подсчитать число виллянских хозяйств и их размеры; эти цифры, как показано выше, значительно упрощают и схематизируют действительное распределение виллянской земли между отдельными хозяйствами: мы в праве предполагать большую дифференциацию, меньшую симметрию среди виллянских держаний, чем та, которая показана в источнике. Здесь нам надо будет подчеркнуть и усилить те моменты социального расслоения в среде несвободного крестьянства, которое достаточно ясно показывает и источник.

5) Значительные трудности представляет подобный же анализ свободных держаний в виду их крайней сложности и распыленности по отдельным держаниям, манорам и даже виллам. Ранее были указаны все связанные с этим опасности. Они не настолько велики, чтобы заставить нас отказаться от этих (до крайности сложных) подсчетов, которые по их трудности можно произвести лишь для отдельных сотен и деревень. При этом мы чаще рискуем не собрать всех распыленных владений данного лица (в виду пропусков, упрощений в описях, ономастических вариантов), чем ошибочно соединить

вместе владения лиц с одинаковыми именами. Поэтому здесь у нас опасность несколько преувеличить роль мелких свободных держаний.

6) Во многих случаях мы можем выяснить общие размеры и состав вилланских рент. Крайне варьирующие по сотням и даже по манорам перечисление вилланских повинностей в Сотенных Свитках для ряда описей дает возможность определить сравнительную роль отработочных, денежных рент и рент продуктами. Роль последних совершенно ничтожна, хотя может быть их надо было бы значительно увеличить за счет невыявляемых в нашем источнике баналитетов, особенно мельничного. Сравнение размеров отработочных повинностей с размерами денежных может быть произведено на основании тех денежных оценок отдельных работ или всей суммы повинностей виллана, которые мы часто находим в нашем источнике. В тех случаях, когда этих оценок не имеется, а дается лишь перечисление работ, можно воспользоваться средними оценками. Мы находим в отдельных случаях пропуски и упрощения в описании отработочных повинностей, но в целом, однако, у нас мало опасности получить значительно преуменьшенную цифру. Опасность лежит в том, что RH, как и манориальные описи, обычно игнорируют играющую видную роль в Ministers' Accounts продажу работ (venditio operum); а между тем в XIII в. эта практика была широко распространена. Мы можем предположить, что часть повинностей, обозначенных в источнике как отработочные, ежегодно взимались в денежной форме. У нас гораздо больше опасности п р е у в е л и ч и т ь роль отработочных рент по сравнению с денежными, чем преуменьшить. К тому же RH в значительном большинстве случаев дают н е п о л н о е перечисление денежных рент. Такие крупные статьи, как доходы курии, как auxilium, pannagium, не говоря о мелких customary rents, часто ускользают от описей. Несомненно, мы должны значительно увеличить роль денежной ренты вилланов сравнительно с тем, что мы находим в RH. Во всяком случае, сравнивая отработочные и денежные ренты вилланов, мы должны вносить в получаемое нами отношение значительную поправку в пользу вторых.

7) RH дают исключительный по обилию материал для изучения рент фригольда. Хотя в их описании нередко попадаются упрощения (в том числе пропуск мелких барщин), но в целом пестрота и разнообразие фригольдерских рент нашли в нашем источнике довольно точное отображение. Анализ рент фригольда позволит нам во многих случаях вскрыть его происхождение и как пережитка дофеодального строя и как продукта его разложения; мы получим материал для суждения о том, насколько так называемое «свободное» крестьянство в Англии было подчинено феодальной ренте, насколько здесь развивалась парцеллярная собственность.

8) Как ни затруднительны все выкладки, связанные с доменом, сравнение размеров доменильной пашни с размерами отработочных повинностей в тех же манорах даст некоторые отправные цифры для суждения об обеспеченности домениального хозяйства несвободными рабочими руками. Конечно, это еще не определяет принятого в каждом отдельном случае типа

домениального хозяйства, но все же позволяет до известной степени судить о роли, которую играл уже в XIII в. наемный труд. Роль последнего отчасти выясняется также из подсчета мелких и мельчайших держаний как вилланских, так и свободных.

9) Хотя изучение Сотенных Свитков в общем дает статическое изображение английской деревни в 1279 г., но мы можем усмотреть в них ряд указаний на происходящие в аграрной жизни перемены. Такие явления, как мобилизация земли, дифференциация держаний, engrossing of farms, захват общинных земель, коммутация отработочных повинностей, усиление давления помещиков на крестьянство, нашли известное отражение в нашем источнике, хотя, несомненно, отразились в нем далеко не адэкватно. Недостаточно, как мы видели, отразился и рост аренды на жизни и на года. Для того, чтобы вдвинуть полученное нами изображение в общую картину истории классовой борьбы в английской деревне, нам придется обратиться к помощи других источников.

Глава III

ТИПЫ ВОТЧИННОЙ СТРУКТУРЫ В СРЕДНЕЙ АНГЛИИ

Классическая теория рассматривала английскую деревню как совокупность однообразно построенных маноров. «Описания английских деревенских порядков изучаемой нами эпохи всегда предполагают, что страна разделена на маноры... Возьмем ли мы Книгу Страшного Суда, Сотенные Свитки или вотчинную опись какого-нибудь монастырского учреждения или опись земель, принадлежавших какому-нибудь умершему лорду, — всюду мы встречаемся с тем же типическим строем». Все ясно и просто в типическом маноре. Как правило, он совпадает с виллой и в силу этого представляет единицу хозяйства, как сельская община, а также единицу административно-фискальную. Во главе манора стоит лорд (единичный или коллективный), который держит этот манор от другого лорда или от короля. Манор делится на три отчетливо выступающих части — домен, представляющий чаще всего $^1/_2$— $^1/_2$ территории манора и обрабатываемый преимущественно барщинным трудом вилланов, вилланскую землю и свободные держания, причем вилланская земля, как правило, значительно больше свободной, представляющей лишь узкую кайму на территории манора. Каждый манор представляет особую единицу с точки зрения хозяйственного управления, поручен старосте и приказчику, имеет курию и представляет ежегодные отчеты. Эта система, еще не вполне установившаяся в Книге Страшного Суда, принимает завершенный и симметрический вид в Сотенных Свитках. «Если мы сравним эти градации зависимости (в книге Страшного Суда) с хорошо округленными и компактными манорами Сотенных Свитков, нас поразят успехи унификации и подчинения» [2].

Мы уже видели, что новые исследования показали в ряде графств Англии крайнюю сложность и пестроту вотчинной структуры, не подходящей под типично манориальную характеристику. Мы поставили себе целью проверить господство манора в том районе, на материале которого, главным образом, сложилась манориальная теория Самый термин «манор» не является в нашем источнике техническим и юридически определенным, как вилла или держание Слово manerium употребляется в RH нерегулярно и во многих

смыслах, то в смысле вотчины, то в смысле барского двора, то в смысле усадьбы вообще [3], то охватывая целую сотню, включающую несколько вотчин, то владение размерами не превышающее виргаты [4], можно перелистать много страниц нашего источника, ни разу не натолкнувшись на этот термин [5]. Вопрос идет не только о словах. Сотенные Свитки предполагают несколько иное подразделение страны, делят ее на единицы, которые очень часто совпадают с вотчинами или, пожалуй, с манорами, но иногда и не совпадают Специфический характер Сотенных Свитков как не манориального, а правительственного расследования ясно выражается в той системе, по которой в них расположен материал. Лучше было бы сказать, что здесь налицо не одна система, а три, нередко перебивающих друг друга; на Англию как бы наложена одна поверх другой три сетки с ячейками разной формы и величины. При этом получаются своеобразные комбинации, не воспроизводящие точно ни одной из этих систем. Первой наиболее резко и отчетливо выступающей системой является деление по деревням (villae и hamelettae [6]). Всякое или почти всякое владение расположено в какой-нибудь деревне или в нескольких деревнях. С этим делением связывается в той или иной форме общинная организация, лишь очень слабо, впрочем, просвечивающая в нашем источнике. Второй наложенной на английскую деревню сетью является система держаний. Всякое владение представляет собой держание или несколько держаний. Есть исключения из этого правила: есть держания, о которых неизвестно, от кого их держат. Но такие случаи рассматриваются как ненормальные, как результат забвения или незнания, как нечто, требующее выяснения. Строго говоря, система держаний не есть сеть, подобная сети деревень. Линии ее не соединяются в замкнутые ячейки; она своими очертаниями скорее напоминает ту систему линий, которую образует, например, родословное дерево с его расходящимися и разветвляющимися отростками. Далее мы видим очень сложную и дезинтегрированную систему военно-фискальных делений, какими являются рыцарские феоды и их части. Из-за этих систем просвечивает, наконец, вотчинная система. Эта система не всегда дана отчетливо, и нам приходится ее воссоздавать и собирать по разрозненным частям. Владения одного лица приходится разыскивать во многих местах источника; складывать эти владения в хозяйственно-административные организмы приходится иногда наугад. Представляют ли два держания одного и того же лица от двух лордов одну вотчину или две? К какому из нескольких маноров данного лица принадлежат свободные держатели, рассеянные по разным виллам? На эти вопросы не всегда легко ответить. Манориальная система не имеет в RH того обязательного значения, какое имеют системы деревень и держаний. RH не заботятся об отнесении всякого владения в тот или иной манор. Отчетливо очерченный в поместных описях манор теряет в RH отчетливость очертаний — расплывается, распыляется.

Выше указывалась опасность изучения деревни по манориальным документам — манор заполняет все поле зрения, лишая наблюдателя правиль-

ной перспективы. Государственные описи таят противоположную опасность: здесь юридически точные понятия виллы и держания иногда грозят заслонить менее оформленный манор Опасность переоценки сменяется опасностью недооценки. Маноры и их отдельные части (особенно домен и свободные держания) приходится иногда собирать по частям и здесь возможны ошибки, поскольку указания источника не всегда ясны. Но трудности создаются не столько особенностями источника, сколько запутанностью самой вотчинной системы. RH не могут симметрично распределить свой материал по манорам потому, что такое распределение вообще невозможно. Английская деревня XIII в. не укладывается в манориальную схему, как не укладывается в нее и деревня XI в.

Прежде всего, нам приходится констатировать, что «типическое» для манора совпадение с виллой [7] является в действительности нетипическим, и это относится не только к восточным графствам, для которых это много раз отмечалось [8], а ко всей территории, охватываемой нашим источником. Это вопрос не второстепенный, поскольку типический манор заимствовал от виллы ряд характернейших признаков. И для Сибома, и для Виноградова, и для Петрушевского манор является в то же время и сельской общиной. Говоря о совокупности крестьян манора, Виноградов, как и Сибом, часто употребляет выражение village community. Манориальная курия, как правило, считалась сельским сходом (хотя Виноградов предполагает существование особого сельского схода помимо манориальных курий в виллах сложного вотчинного состава) Повидимому, отношение общины и вотчины было, как правило, гораздо сложнее. Мэтланд был склонен видеть в общинных порядках результат организующего воздействия вотчины. Несомненно, обычное несовпадение вотчины и общины является весьма серьезным аргументом в пользу самостоятельности и исконности общинного строя.

Мэтланд подчеркивает что лишь в качестве виллы (qua vill) манор является единицей публичного, полицейского и фискального права, и из трудно устанавливаемых признаков типичного манора считает наиболее важным его совпадение с виллой. «Типический манор географически совпадает с виллой; лорд манора является лордом виллы, манор и вилла носят одно имя; все лица, имеющие земли в вилле, держат ее от одного и того же лорда. Это придает единство манору, поскольку на вилле лежит ряд публичных обязанностей» [9].

Для нас не является неожиданностью, что в Кембриджшире вилла и манор совпадают редко. Это явление отмечалось не однажды. Кембриджшир носит известный отпечаток порядков, характерных для соседней East Anglia. В самом деле, из подсчитанных мною 110 кембриджширских вилл только 12 совпадают с манорами. Все остальные очень сложно дробятся между вотчинными единицами самой разнообразной структуры. Но если мы будем подвигаться дальше к западу, мы все же почти нигде не встретим преобладания «типических» маноров, совпадающих с виллами. 56 гентингдоншир-ских вилл поделились примерно пополам: в 29 случаях мы видим совпадение

вилл и маноров, в 27 — несовпадение. При совпадении — в 19 случаях из 29 мы имеем дело с монастырскими манорами, игравшими определяющую роль в этом графстве; лишь в 10 случаях маноры светских лордов совпадают с виллами. Из 25 бедфордширских вилл только 7 не дробятся между разнообразными вотчинными единицами; при этом полное совпадение виллы и манора мы имеем лишь в двух случаях; в остальных манор шире виллы и охватывает, кроме нее, еще часть других.

Из 48 вилл северного Бекингемшира 23 — совпадают с манорами, а 25 — не совпадают В Уорвикшире 52 виллы совпадают с манорами или целиком входят в их состав, а 57 не совпадают. Из всех графств, описи которых сохранились, только Оксфордшир дает перевес виллам, совпадающим с манорами; этот перевес в значительной мере идет за счет мелких вилл и hamelettae. В Оксфордшире число вилл, совпадающих с манорами или целиком входящих в их состав,— 191, не совпадающих — 111. Таким образом, из 650 вилл, вошедших в этот подсчет, 336 не совпадают с манорами и 314 совпадают. При этом в число совпадающих включены все те случаи, когда несколько вилл целиком входят в состав какого-нибудь манора. В сущности, вопрос следовало поставить несколько иначе и определять не число вилл, не совпадающих с манорами, а число вотчинных единиц, не совпадающих с виллами. Здесь перевес над совпадающими был бы в несколько раз больше, так как каждая несовпадающая с манором вилла делится на две, на три, на четыре и более вотчинных единицы. Но, как мы увидим, подсчет последних настолько затруднителен, что нам пришлось прибегнуть к упрощенному приему счета. Определяя число вотчин в учтенном мною материале Сотенных Свитков, примерно, в 1 700, мы можем сказать, что лишь незначительное меньшинство их совпадает с виллами. Во всяком случае мы можем сказать, что число вотчинных единиц, не совпадающих с виллами, значительно превосходит число совпадающих; общинная и вотчинная система наложены друг на друга далеко не симметрично и несовпадения представляют скорее правило, чем исключение [10]. Если мы предположим, что на севере и востоке Англии вилла и манор представляют еще менее связанные системы, нам придется отказаться от того признака манора, который Мэтланд выдвигал как наиболее существенный. Даже в районе наибольшего развития манориальной системы манор чаще не совпадает с деревенской общиной, — его границы не являются границами общины, его поля лежат чересполосно с полями других маноров [11], расположенных в той же общине, его скот пасется на выгонах, общих для нескольких маноров. В некоторых случаях мы можем видеть, что несовпадение виллы и манора представляет сравнительно позднее явление, возникая как результат дробления манора — виллы. Так, структура пяти маноров виллы Clapham в Бедфордшире явно выдает распадение одного манора сначала на две части и потом одной из них на четыре [12]. В Книге Страшного Суда Clapham выступает как один манор Милона Crispin [13]. Таких случаев можно насчитать еще несколько. В иных случаях раздел виллы на несколько маноров привел

в конце концов к распадению ее на несколько вилл [14]. Но в целом отношение вотчины к деревне в Книге Страшного Суда нисколько не менее сложно, чем в Сотенных Свитках. Скорее здесь произошло известное усиление вотчинного начала и некоторая «унификация», хотя далеко не в такой степени, как это рисовалось Виноградову. Во всяком случае, обычное несовпадение деревенской общины с манором является аргументом против представления об общине как производном вотчинных порядков. Основной аграрной организацией являлась деревенская община, а не вотчина. Деревенский сход, а не манориальный регулировал аграрные порядки в Денло [15]. Мы не знаем неманориальных сходов в центральной Англии XIII в. Но то, что по этому поводу говорит Виноградов, является весьма вероятной гипотезой [16].

Далеко не всегда манор представляет единицу держания. Мы видим сплошь и рядом, что лорд манора держит его от разных лиц, что манор складывается из различных частей с разной феодальной лестницей и разными службами. Так, например, Джон Hervis держит в вилле Мильтон в Бедфордшире 2½ гайды и 1 виргату от Госпитальеров за 10 шиллингов в год; в той же вилле он держит 1½ гайды и ½ виргаты от графа Лестерского за уплату щитовых денег [17]. Такие случаи довольно обычны. В некоторых случаях та или иная вотчина представляет столь сложный комплекс, что присяжные затруднялись установить, от каких феодов и бароний лорд держит отдельные ее части. Магистр Тамплиеров держит свой домен в Duxford (Кембр.) от семи разных лиц по частям [18]. Роберт Pogeys в Bampton Pogeys (Оксф.) держит одну карукату от Wil. Valence и 1 от разных лиц (in perquisito de diversis), причем присяжные могут назвать только двух из них [19]. Еще более сложный случай мы находим в Harleston (Кембр.). Роберт Tybotot держит 176 а. пахоты, а 20 а. луга и 4 а. пастбища от Джона de Burgo, тот от Гильберта Peche, этот от епископа Илийского, епископ Илийский от короля; за какую службу, присяжным неизвестно. Кроме этого тот же Роберт Tybotot держит 120 а. пашни и 8 а. луга от Джона le Bretun, а Джон le Bretun держал из этой земли 40 а. пашни и 6 а. луга от Джона de Burgo, 44 а. от Hugo Clement, а остальные 36 а. пашни и 2 а. луга «по многим частям, приобретенным в различных феодах, но мы не можем различить феоды» [20]. То обстоятельство, что манор складывается из различных феодов, могло иметь ряд немаловажных последствий, поскольку эти феоды могли обладать различными иммунитетными правами и, таким образом, манор мог дробиться между несколькими иммунитетными территориями и не представлять в этом отношении единства. Еще более существенным моментом является то, что лорд манора нередко владел землями в чужих манорах на правах свободного держателя. Недавно упомянутый Джон Hervis, кроме своей вотчины в Milton, держит в том же Milton еще $^3/_4$ виргаты в маноре Роберта de Camera; при этом Роберт de Camera держит $^1/_4$ виргаты в маноре Джона Hervis и еще $^1/_8$ виргаты в одном маноре в соседней вилле la Leye [21]. Это весьма обычное явление; Савин отметил для XVII в., что дворянство

выступает не только в качестве лордов маноров, но и держателей в чужих манорах [22] Это явление, хотя и в значительно более скромных размерах, мы должны отметить и для XIII в. [23]. Особенно часто держат земли в чужих манорах церковные учреждения, в первую очередь монастыри. Таким образом, маноры как бы переплетаются и врастают друг в друга. Домен одного манора может включать в себя ряд свободных держаний в чужих манорах. Это делает крайне нелегкой задачу разграничения отдельных маноров. Одна и та же земля может принадлежать двум манорам, выступая то в качестве домена, то в качестве свободного держания. Сотенные Свитки в данном случае колеблются и описывают такие случаи то как домен, то как свободное держание в чужом манор [24].

Маноры врастают друг в друга еще и в другом направлении. Нередко среди свободных держаний манора мы находим очень крупные, сложного строения, с доменом и с держаниями, вполне заслуживающие названия манора. Такие «суб-маноры» представляют довольно обычное явление в нашем источнике. Иногда, в таком суб-маноре может в свою очередь оказаться еще один суб-манор. Так, Бекингемширская вилла Stiwel [25] по внешнему виду представляет один манор, принадлежащий герцогу Глостерскому. Но среди свободных держаний этого манора не менее шести имеют сложный состав, включая свой домен, свободных держателей и иногда вилланов, и поэтому их можно назвать суб-манорами В одном из таких суб-маноров (аббатиссы Funtheveroud) есть еще суб-манор Маргариты Aspernl, с двумя вилланскими и с одной свободной виргатой. Наиболее яркий случай такого рода мы находим в Оксфордширской сотне-маноре Thame [26]. Dominus Johannes Clifford держит суб-манор с вилланами и курией от манора Thame епископа Линконского. Laurent. de Chiselhampton держит суб-суб-манор с вилланами от Джона Клиффорд, Will. Bluntesdene держит суб-суб-суб-манор (с вилланом) от Laurent. de Chiselhampton, Nic. Marmiun держит суб-суб-суб-суб-манор с вилланами и к у р и е й от Will. Bluntesdene. Среди держателей маленькой вотчины Николая Marmiun есть один, имеющий своих держателей. В Бекингемширском маноре Hanslope графа Уорвика имеется свыше десяти свободных держаний сложного типа и некоторые из них вполне могут быть признаны манорами [27]. Маноры выстраиваются, таким образом, на разных ступенях феодальной лестницы и «лорды» суб-маноров рассматриваются по отношению к «главному лорду» (capitalis dominus) [28] как свободные держатели его манора, платят ему более или менее значительные ренты и посещают манориальную курию [29]. На этой почве вырастают своеобразные отношения между «главным лордом» и держателями суб-манора: нередко они должны нести в пользу «главного лорда» различные мелкие повинности [30]; иногда на них лежит обязанность посещать курию «главного лорда» [31], но порой суб-манор заводит свою особую курию [32].

До статута Quia Emptores каждое отчуждение создавало новые ступени в лестнице держаний и в процессе мобилизации земли, особенно быстром

в восточных графствах, почти каждое более или менее крупное держание обрастало мелким держателями второй руки: сдача и покупка земли часто велась по мелочам (чему очень способствовала распыленность держания по полям общины). Не надо себе представлять дело так, что мелкие размеры этих держаний всегда говорят о том, что держатели их были люди мелкие — anelepmen, undersettles, «подсуседки», пользуясь термином Петрушевского [33]. Из этих мелких держаний нередко складывались более крупные. В Бедфордшире, но еще чаще в Кембриджшире, мы встречаем свободные виргаты и полувиргаты, буквально распыленные среди мелких и мельчайших держателей [34]. Но если мы начнем подсчитывать владения этих мелких держателей, то увидим, что иногда они по мелочам приобретали у разных лиц довольно значительные земли. Отчуждение, носящее в условиях той эпохи характер суб-инфеодации, отрывало часто держания от манора «главного лорда», до крайности осложняло манориальную структуру Многие из жителей данной деревни держат земли не от «главного лорда», а от его держателей, а часто от держателей его держателей Лестница держаний между «главным лордом» и последним держателем могла быть очень сложной. Мы иногда начитываем до пяти и более ступеней. Катерина Sausiton держала усадьбу и 20 a. пахотной земли в наследственную аренду (feodi firma) от магистра тамплиеров, тот от Ричарда de Ecclesia, а последний от Wil. Coc, он от наследников Роберта, сына Лоренса, они от аббата de Waleden, а этот уже от Hugo Broc, «главного лорда» манора [35]. Катерина платила 20 s. ренты магистру тамплиеров. Связь ее с манором Гью Брока должна была быть крайне слабой. На этой почве бывают случаи забвения отношений держания, встречающиеся в нашем источнике [36]. Особенно ослаблялась эта связь, если в число промежуточных ступеней вдвигалось держание по свободной милостыне (libera ebemosina), освобождавшее от всяких рент в пользу главного лорда. Тогда данное держание было гораздо теснее связано с другими владениями лица, которому оно было дано в libera elemosina, чем с манором, в котором оно юридически находилось.

Подобные же отношения создаются нередко в процессе отчуждения ренты. Отчуждение ренты свободных держателей особенно в пользу церкви представляет довольно обычное явление на страницах нашего источника. С каким лордом более связано держание, рента которого отчуждена? Чаще всего с обоими, поскольку оставались в силе другие обязанности по отношению к прежнему лорду (особенно посещение курии [37]), и притом рента нередко отчуждалась не вся, а лишь часть ее; рента могла быть отчуждена в пользу нескольких лиц [38]. Во всяком случае лицо, в пользу которого была отчуждена рента, становится между прежним лордом и держателем [39], разрушая манориальную симметрию.

Манориальная симметрия нарушается еще тем, что свободные держатели сплошь и рядом держат земли от нескольких лордов в нескольких манорах; таким образом, иногда складываются довольно значительные владения междуманориального типа. Не говоря уже о церковных владениях, часто складывающ-

щихся из мелких дарений [40], мы постоянно встречаемся с крайне сложными держаниями, нередко расположенными в нескольких манорах и виллах. Об этом уже приходилось упоминать. Если в некоторых сотнях (Papworth, Flemditch) источник старается выдержать принцип феодального держания и перечисляет все эти мелкие держания после имени лица, от которого их держат, то в других сотнях эти держания собраны под именем лица, держащего их in manu (Longstow, Chesterton, Stow). Мы находим сложные держания, состоящие из 10, 12 и более частей, из которых каждая держится от особого лица за особую ренту [41]. W. Eagle и его жена держат 9½ a. пашни и луга по частям от 10 лиц и каждому платят особую ренту [42]. M. de Norhampton держит 29½ a. от 18 различных лиц [43]. Вот довольно значительное держание Роджера, сына Джона, и Ричарда de Bassingburne в вилле Малый Абингтон (Кембр.): они держат от 5 разных лиц 199½ a., причем 32½ a. держат у них свободные держатели [44]. Образцом весьма сложного междуманориального держания может служить держание Роджера Willey в Бедфордшире, описанное отчасти в RH, но еще подробнее в Посмертных Расследованиях по случаю смерти его отца Гью [45]. Оно состоит почти из полусотни по большей части мелких держаний от разных лиц в нескольких виллах, заключает свыше 200 a. и оценивается в 5.17.4½.

Сложность этих отношений увеличивается тем, что одно и то же лицо иногда держит в одной вотчине или в разных вотчинах часть земель как свободные держания и часть как вилланские. Примером такого сложного держания может служить держание Томаса Dovenel в Sawston (Кембр.): он держит в этой деревне вилланские земли от двух лордов и свободные от трех [46].

Иногда присяжные сами затрудняются определить, от каких лордов держится данная земля, и ограничиваются замечанием, что она держится «от разных господ» (de diversis dominis), от многих феодов (de pluribus feodis). Присяжные порой не могут распределить массу свободных держателей по вотчинному признаку и ограничиваются тем, что перечисляют их с указанием лишь тех лиц, от которых они держат непосредственно и которым они уплачивают ренты. Так, в Haslingfield (Кембр.) [47] описано три типичных манора с доменами, вилланами и свободными держателями. Но сверх того приложена особая schedula, где дано еще 26 свободных держателей. Они держат (кроме двух последних) небольшие земли от разных лиц; о некоторых сказано, что они держат de diversis dominis или de perquisicione sua. Таким образом, отчуждение земли и суб-инфеодация совершенно разрывают в глазах присяжных манориальные связи. Вот оригинальная вотчина Filegrave (Бекингемшир) [48]. В ней совсем нет вилланов. В домене лорда (Johannes filius Johannis clerici) всего ½ виргаты, остальные 9½ виргат в руках свободных держателей; причем только 2½ держатся непосредственно от лорда и платят ему, прочие держатся от ряда других лиц, причем связи последних с манором лорда не указаны. Таких описей не мало [49]. Эта сложность вотчинной структуры иногда нового происхождения и свя-

зана с недавними отчуждениями. Например, по поводу необычайной путаницы держаний в Bourn (Кембридж. [50]) присяжные заявляют: «Мы говорим, что господин Гильберт Pecche и его предки держали от господина короля непосредственно баронию в Bourn, и это держание ими целиком продано и отчуждено следующим лицам». Но в целом это явление не ново для Англии, по крайней мере для некоторых ее районов. Дуглас на материале хартий показал, что отчуждения и скупка земли были широко распространенным явлением среди крестьян Восточной Англии уже в XII в. [51]. Известная часть свободных держателей оказывалась фактически вне манориальной организации. Но известное (правда незначительное) число держаний и de jure стояло вне вотчинной системы. Мы встречаем держания, юридически не входившие ни в один манор и сами не представлявшие маноры [52].

Конечно, у нас имеется опасность переоценить роль таких элементов, и на эту опасность указывала глава II: фрагментарность источника часто соблазняет принять фрагменты маноров за самостоятельные единицы. Но есть совершенно достаточно случаев, не возбуждающих сомнений в том, что данные держания или комплексы держаний не входили ни в какой манор. Таковы, например, мелкие держания непосредственно от короля, разбросанные по разным виллам и не связанные ни с какими королевскими манорами. При этом иногда рента уплачивалась шерифу [53]. Среди таких держаний не мало parvae serjanteriae. Такой же характер внеманориальных держаний имеют нередко assartae, расчистки в лесах, ренты за которые уплачивались королю [54].

Но и помимо таких случаев мы постоянно встречаемся в описях как с отдельными держаниями, так и с целыми их группами, связь которых с какими бы то ни было вотчинами либо потеряна, либо никогда не существовала. Манориальная организация не обладала в Англии той обязательностью, как организация по виллам и держаниям. Но и эти принципы выдерживаются не всегда. Есть феоды, не входящие в виллы [55]. Теоретически каждое держание должно быть связано через держательскую лестницу с королем. Но мы видели, что на деле практика суб-инфеодации иногда приводит к забвению промежуточных звеньев.

Свободное держание, как выяснил Виноградов [56], вообще довольно мало связано с манориальной организацией. Мэтланд, вероятно, преувеличил индивидуальный характер общинных прав свободного держателя и его независимость от деревенско-общинной организации, в которой Мэтланд склонен видеть исключительно вилланскую организацию [57]; но, несомненно, связь свободного держателя с манором была очень слаба. Если свободный держатель не нес отработочных повинностей, то было довольно безразлично, в контору какого манора данного лорда он уплачивал свою ренту, какой манор показывал эту ренту в своих отчетах. Нам очень трудно решить, к какой вотчине причислить ту или иную группу свободных держаний какого-нибудь лорда, если они расположены в деревнях, где у данного лорда нет манора. В таких случаях источник часто говорит, что такие

держания относятся к феоду, homagium, или к баронии данного лорда, не связывая их ни с каким манором. Далеко не всегда свободный держатель был связан с манориальной курией. Условия держания далеко не всегда предполагали обязанность посещения им манориальной курии. Марльборокский статут 1267 г. постановил, чтобы такое требование со стороны лорда основывалось на специальном соглашении либо на давности [58]. Развитие королевской юстиции, дававшей защиту правам свободных держателей, делает для них излишней эту связь. Хотя в XIII и в XIV вв. дела о фригольде иногда и начинались в сеньориальных судах, но они редко там кончались — их легко можно было перенести в суд сотни, а потом в королевский суд. Уже со времен Генриха II проводится доктрина, что нельзя начать дела о фригольде без королевского writ [59]. Все дела фригольдеров вплоть до superoneravit communem pasturam suam [60] рассматривались королевскими судами. Образуются особые курии междуманориального характера для всех свободных держателей данного лорда, в роде знаменитой курии Рамзейского монастыря в Broughton'e. Сложность состава свободного держания еще более ослабляла эту связь, поскольку один и тот же свободный держатель держал земли в разных манорах и у разных лордов. С точки зрения королевских судов фригольд приближался к собственности. Если феодалы и настаивали на уплате ренты как на условии, несоблюдение которого влечет конфискацию (breve «cessavit per biennium»), то королевские суды были склонны смотреть на ренту свободного держателя как на личное обязательство и признавали ответственность лишь в размере причиненного убытка [61]. Признают ли суды собственность лорда на землю свободного держателя? Брактон определяет собственность (фригольд) лорда манора как домен, вилланов, tenementa ipsorum cum serviciis и servicia liberorum hominum [62]. Мы в праве рассматривать свободное держание как элемент, лишь слабо и поверхностно связанный с манориальной организацией, хотя и здесь имеются весьма значительные градации. Мы встречаем и у свободных держателей отработочные ренты, но лишь в виде исключения они играют сколько-нибудь значительную роль. Своеобразное место фригольдеров в манориальной системе создается и их личной независимостью от лорда. Элемент внеэкономического принуждения здесь сводится нередко лишь к homagium и fidelitas, да и то не всегда; мы уже видели второстепенное значение юрисдикционной связи.

Обращает на себя внимание социальный состав свободных держателей и их политическая характеристика. Мы отмечаем в числе свободных держаний такие, которые находились в руках крупных людей — духовных и светских лордов. Такие держания в сумме не слишком велики, но дают в общем, по моим приблизительным вычислениям, около 4—5% всего фригольда. Среди свободных держателей не мало таких, которые держат сравнительно крупные участки земли, в гайду, две гайды и более, иногда состоящие из одного держания, а чаще из ряда мелких. Этот разряд свободных держателей составляет промежуточную ступень между крестьянами и рыцарством.

и частью, как ясно показывает источник, входит в состав последнего. Средний крестьянский тип (держателей наделов примерно в виргату или полувиргату) менее четко выражен среди свободных держателей, чем среди вилланов, но зато среди свободных держателей мы наблюдаем огромный процент мелких и мельчайших хозяйств [63]. Верхушка фригольдеров — зажиточное крестьянство и мелкие рыцари представляли в феодальной Англии значительную силу, как основной контингент на собраниях сотен и графств, как члены жюри, потом как избиратели в парламент. Эта сильная, относительно независимая прослойка плохо укладывалась в манориальную систему.

Есть в числе фригольдеров — и не мало — таких, которые были тесно связаны с хозяйством лорда, если даже их связь собственно с манором была слаба. Фригольдерская рента далеко не всегда была номинальной. Как правило, она в среднем значительно ниже вилланской, но порой достигает значительной высоты [64]. Можно думать, что такие случаи являются результатом недавних сдач. В то же время к свободным держаниям причисляются также начинающие развиваться в это время сдачи на сроки, на жизнь, на года; но они не нашли вполне адэкватного выражения в нашем источнике Эта сфера развивающейся аренды опять-таки представляет неманориальное явление. Итак, кайма свободных держаний вокруг манора — своеобразная кайма, развитие которой во многом определяет развитие манора и которая в основном направляет это развитие в сторону разложения манориальной системы. В характеристике манора мы выделяем свободные держания как «н е м а н о р и а л ь н ы й» элемент.

Интересно наличие вилланских держаний, не входящих ни в один манор. Мы иногда встречаем отдельные вилланские держания или небольшие их группы, платящие своим господам ренту, и никак не связанные с какой-либо манориальной организацией. Вот, например, в вилле Stiwell (Бекингемшир) от главного лорда манора, графа Глостерского, аббатисса de Funtheveroud держит одну карукату свободной земли; от аббатиссы Маргарита Aspernil держит 2 виргаты «и имеет эти две виргаты в вилланах» (habet illas duas virgatas in villanis); каждая из этих виргат платит ей в год 0.15.6. Кроме того у нее имеется два свободных держателя [65]. Можно было иметь вилланов в чужом маноре, сажая их на свое свободное держание в этом маноре. Так. Джон de Pabenham в вилле Puddington (Бедфордшир) держит одну виргату в маноре Николая le Cruse как свободный держатель Но эту виргату держат у него два виллана; в той же вилле у Джона небольшой «манор» с 5 ½ виргатами домена и ½ виргаты вилланской земли [66]. Таким образом, две виргаты были одновременно свободным держанием в маноре Николая и вилланской землей в маноре Джона. Сложные отношения создавались отчуждением вилланских рент. Так, Генри de Childerley продал из своего манора в Childerley minor ренту четырех вилланов Филиппу de Coleville; в состав их ренты входят не только денежные платежи (и небольшие взносы натурой), но и отработочные повинности [67]. Неясно,

были ли отчуждены только ренты или самые вилланы с их землей и оставались ли у них какие-либо связи с манором и его курией. Мы знаем случаи отчуждения части вилланских рент: один виллан Вальтера de Pelham платит половину ренты своему лорду, половину Симону le Wallis [68]. Здесь виллан хотя и служит двум господам, но, очевидно, принадлежит одному— Вальтеру. Но нередки случаи, когда один виллан принадлежит нескольким господам, поровну или в известной пропорции владеющим им, его землей и его рентами. Мы находим крепостных двух [69], четырех [70], пяти [71] господ. Нередко это было результатом раздела между сонаследниками. Во владении каждого из них оказывалось $^1/_2$, $^1/_3$, $^1/_4$, $^1/_5$ виллана. На этой почве могли возникать весьма сложные казусы, если, например, один из господ отпускал свою часть виллана на волю. Такой случай имел место в Barton (Кембр.): некий виллан Томас Hodierne держал половину держания от одного лорда (Рольф le Lord de Barton) и половину от другого (приора Барнвельского). Светский лорд освободил его и сделал его держание свободным за ренту и щитовые деньги. После его смерти приор взыскал гериот и взял в свои руки все держание. Суд вынес решение в пользу приора, «так как все, что приобретает крепостной, он приобретает для господина» [72].

Таким образом, отдельные маноры врастают друг в друга и доменом и вилланской землей и свободными держаниями. То, что в одном маноре является фригольдом, может быть в другом также фригольдом, или доменом, или вилланской землей. Границы маноров очерчены неясно. Относительно многих земель мы не в состоянии сказать, к какому манору они принадлежат. Маноры перепутаны друг с другом не только в чересполосице пахотных земель и на общинных пастбищах, но и в отношениях владения, держания и хозяйства. При этом манор как хозяйственный комплекс далеко не совпадает с тем, что он представляет собой как система держаний. И внутри одного манора границы между доменом, вилланской землей и фригольдом представляются далеко не всегда ясными. Я не говорю уже о превращении вилланских держаний в свободные и о промежуточных ступенях между теми и другими (не всегда можно определить, является ли то или иное держание свободным или несвободным), о понижении status'a свободных держаний, которые лорд стремится превратить в вилланские, о вилланских держаниях в руках свободных и о свободных держаниях в руках вилланов, о свободных или вилланских держаниях, взятых «в руки» лорда. Мы видим, что домен сливается со свободным держанием даже в пределах одного манора. Так, мы видим сплошь и рядом, что лорд присоединяет к домену части держательской земли. Это присоединение производится часто не только путем взятия в свои руки выморочной или конфискованной земли, но и путем покупки или съемки у своих же держателей. Так, Ральф Passelewe держит ½ виргаты от своего же свободного держателя в маноре Biddenham (Бедф.), уплачивает ему 3 d. и несет внешние службы [73]. Роберт Maudut держит в вилле Dernford (Оксф.) 1 виргату от Гильберта le More «своего свободного держателя» и платит ему 2 d. в год [74].

Уже приводилась характеристика «типического» манора. Крупный домен, обрабатываемый руками и инвентарем крепостных крестьян. Вилланская земля, охватывающая большую часть держательской земли манора и обеспечивающая домен отработочной рентой. Незначительный фригольд — кайма, состоящая из мелких рыцарских держаний и наделов немногочисленных свободных крестьян, платящих денежные ренты. На самом деле взимание и распределение феодальной ренты принимает несравненно более сложные формы. До настоящего времени типической вотчиной все еще считается крупный манор. Нам надо обратить внимание на обилие м е л к и х вотчинных единиц, которые не оставили после себя ни манориальных описей, ни ежегодных отчетов, ни протоколов манориальных курий; в этих вотчинах могло даже и не быть курий, что, несомненно, накладывало своеобразный отпечаток на судьбу виллапов, не давая им никаких, даже обычных гарантий против произвола лорда [75]. Едва ли в таких манорах можно говорить о «манориальном обычае» и о той охране, которую он мог давать вилланам. Мелкий манор представляет своеобразное социальное явление, мало подходящее под обычную манориальную характеристику. Мы мало знаем об его организации; по отдельным местам источника мы можем заключить, что даже в самым мелких манорах существовали, например, старосты. У Джона de Bokysworth всего три виллана в Eversden (Кембр.), но один из них должен становиться старостой по воле лорда [76]. У Бартоломью Hauteyn 5 вилланов в Burn (Кембр.), но каждый из них debet fieri prepositus ad voluntatem domini [77]. Но в целом жизнь этих мелких маноров для нас закрыта. А между тем по данным RH, например, в Кембриджшире из 195 светских вотчин, в которых есть вилланская земля, в 89 — эта земля не превышает 60 а., а в 62 из них не достигает и 30 а.

Но далеко не во всех вотчинах вообще имелась вилланская земля. Этот характернейший признак манора сплошь и рядом вовсе отсутствует. Мы наблюдаем не только крайнее разнообразие в размерах вотчин, но и в их структуре. Многие из них знают только свободные держания; несомненно, организация таких вотчин весьма значительно отличалась от того, что мы знаем о «типических» манорах. Были вотчины без доменов, были вотчины без свободных держаний. Мы можем установить несколько типов вотчинной структуры. К типу *a* мы причисляем все «типичные» маноры с доменом, вилланской землей и свободными держаниями. К типу *b* мы отнесем вотчины с доменом и с вилланской землей, но без свободных держаний. Позднейшая юридическая теория считала для м а н о р а необходимым наличие хотя бы двух фригольдеров. В XIII в., когда манор еще не получил юридического завершения, о таком требовании еще не было речи; но в общем маноры без свободных держаний не часты в RH. Тип *c* — вотчина с доменом и свободными держаниями, но без вилланской земли. Это широко распространенный тип, примеры которого можно найти на многих страницах нашего источника. Тип *d* — манор с вилланской землей и свободными держаниями, но без домена [78]. Тип *e* — одни свободные держания без домена и вилланской

земли. Дуглас считает неправильным приложение термина «манор» к таким комплексам держаний [79]; но в RH мы встречаем случаи, когда такого рода вотчины называются манорами [80]. Тип *f* — одна вилланская земля без домена и свободных держаний. Такова, например, вотчина Джона Ewe в Carsington (Оксф.), состоящая из 10 виллапских виргат, каждая из которых платит 1 марку [81] Тип *g* — один д о м е н без виллапской земли и без свободных держаний. В чистом виде мы встречаем этот тип, особенно в значительных размерах, очень редко (например, держание Джона de Scaccario в Baldington sc. Laur (Оксф.) в 8½ виргат [82]; но порой встречаются вотчины, приближающиеся к нему по структуре. домен с незначительной держательской землей. Таково держание Вальтера, сына Роджера, в той же вилле: 7½ виргат в домене, и ½ виргаты в свободном держании (ad voluntatem [83]). Таков манор (так и названный manerium) Laungel Томаса de Laungel [84]: большой домен в три карукаты и 8 виргат (в трех виллах), доход с которого оценивается в 15.0.0, и незначительные свободные держания (2 v. 16 mes. с рентой в 2.16.11). К этому типу принадлежит и большинство цистерцианских вотчин. Наконец в особый тип *h* приходится выделить комплекс (по большей части небольшой), построенный по типу N. cum suis tenentibus, в котором источник не позволяет ясно различать составные части. Между этими типами имеется ряд переходных форм. Характеристика их меняется в зависимости от соотношения трех главных элементов: тип *a* может быть близок и к *b*, и к *c*, и к *d*, и к *f*, и к *g*.

В сущности к типическим манорам, как их понимали Сибом и Виноградов, можно отнести лишь маноры типа *a* и *b*. Только здесь мы можем найти характерные особенности манориального хозяйства — отработочные ренты, домен, обрабатываемый руками несвободного крестьянства. В типах *d* и *f* мы находим виланов, но здесь нет домена, и поэтому отработочные ренты имеют второстепенный и случайный характер (главным образом, извозные повинности). Сюда близок и тип *e*, где лорд получает лишь ренты свободных держаний, более близкий к «соке», чем к «манору» В маноре типа *c* и *g* мы находим домен, но не обеспеченный несвободным трудом, располагающий, самое большее (тип *c*), незначительными отработочными повинностями свободных держаний. И в манорах типа *a* и *b* их структура еще не является ручательством за преобладание отработочных рент и за обеспеченность домена несвободными рабочими руками; в конце концов не столько структура манора, сколько господствующая в нем форма ренты определяет его хозяйственную характеристику.

Каково численное соотношение между вотчинами этих типов? После всех сделанных выше замечаний ясно, что всякий подсчет будет иметь далеко не совершенный характер, что слишком трудно бывает распутать вросшие друг в друга маноры, выделить манориальные и неманориальные элементы. Во всяком случае, приблизительный учет показывает, что наиболее характерный для манориальной системы тип *a* является безусловно преобладающим. Больше половины вотчинных единиц принадлежит к этому типу. Еще боль-

ше будет перевес, если мы подсчитаем территорию, занятую манорами каждого типа. К типу *a* принадлежит огромное большинство крупных вотчин Примерно около $^3/_4$ всей поддающейся учету территории занято манорами этого типа. Перевес будет еще больше, если мы присчитаем сюда тип *b* и примем в расчет, что наш источник, как было выяснено выше, имеет тенденцию дробить маноры и порой рисует их части как самостоятельные единицы. Если типический манор с доменом и вилланской землей и не покрывает всей территории, охваченной RH, то все же можно сказать, что он безусловно доминирует. Вероятно, не менее 80% всей доступной учету территории было занято манорами типа *a* и *b*. Но выше уже было выяснено, что и в пределах этих типов возможны весьма значительные варианты; манор типа *a* может приближаться к любому другому типу

Таким образом, констатируя преобладание манориальной системы на изучаемой нами территории, нам приходится все же отметить крайнюю сложность, запутанность и разнообразие форм вотчинной структуры. Возникает вопрос, представляет ли эта сложность новое явление, связанное с разложением манориальной системы, как думал, например, Сибом, или же это явление, удержавшееся от той эпохи, когда манор еще не стал формирующей силой в английской деревне, как полагал например Виноградов, отмечавший более значительную сложность манориальной структуры DB по сравнению с RH. Мне уже приходилось отмечать, что перемены, внесенные мобилизацией земли, отчуждением и суб-инфеодацией, крайне запутывали манориальную структуру. Конечно, является вопросом, насколько они новы для XIII в. Но несомненно и то, что английская деревня не успела оформиться в симметричные маноры и сохранила структуру, во многом напоминающую эпоху DB. Это очень ясно видно из сопоставления RH и DB, если мы расположим материал последней так, как он был расположен до окончательной редакции, т. е. по виллам. Сравнивая, например, структуру вилл и маноров сотен Willey и Stodden, сохранившихся в Бедфордширских RH, с структурой их в эпоху DB, мы получим довольно близкие аналогии Те виллы, которые обладали сложной структурой в эпоху DB, в общем сохранили ее и 200 лет спустя [85]

Что надо понимать под вотчиной? На этот вопрос нам так же трудно ответить, как и юристам и присяжным XIII в. Понимая этот термин в строго феодальном смысле, мы должны определить вотчину как организацию зависимого крестьянства с целью извлечения из него феодальной ренты. Наличие комплекса в той или иной степени зависимых крестьянских семей и крестьянских наделов является при этом необходимым признаком вотчины; другие признаки, как господская земля, курия и т. п., являются непостоянными. Понимая вотчину в более широком смысле, мы можем определить ее как земельное владение, принадлежащее представителю господствующего сословия и эксплоатируемое путем применения труда зависимых крестьян (при любой форме феодальной ренты) или наемных рабочих. Мы можем в таком случае почесть за вотчину всякое более или менее

значительное земельное владение, независимо от того, имелись ли при нем крестьяне, несущие барщину и платящие ренты. Это определение для нас удобнее, поскольку наемный труд в той или иной форме встречается почти во всякой феодальной вотчине и в рассматриваемый нами период начинает играть значительную роль в вотчинном хозяйстве.

Но при этом определении внешние структурные признаки вотчины исчезают; достаточно крупное земельное владение, даже не связанное с крестьянскими наделами, мы можем рассматривать как вотчину. Где же нижняя граница такой вотчины? Где кончается мелкий вотчинник и начинается крупный крестьянин — фригольдер, который также, как правило, применял наемную рабочую силу (а иногда мог иметь и крепостных)? Этой границы юридически не существовало, потому что господствующий класс в Англии в лице своей низшей части — рыцарства — не представлял собой замкнутого привилегированного сословия. Размеры рыцарского феода варьировали от 1 гайды до 28 карукат. Звание рыцаря далеко не всегда вводится титулом dominus или miles. 20 либрат также являются весьма шатким признаком. Во всяком случае источник не дает нам твердых критериев для определения этого термина.

Понятно, что всякое деление материала по вотчинам будет иметь условный и неточный характер. Во всем крайнем многообразии вотчинных образований, если оставить в стороне второстепенные и мало встречающиеся формы (как вилланская земля без домена), мы можем в основном выделить т р и главных типа вотчинной структуры, являющихся и разными типами хозяйства. В первом—отличительным признаком является наличие д о м е н а и в и л л а н с к о й з е м л и. Это «типический манор» Сибома и Виноградова. Отличительным признаком второго — является к о м п л е к с с в о б о д н ы х д е р ж а н и й, феодально зависимых от одного лорда и в большинстве случаев платящих ему ренту; здесь напрашивается термин «сока», иногда фигурирующий и в нашем источнике. Но исторически такой комплекс сложнее соки, включая ряд новообразований [86]. Для третьего типа характерен д о м е н, но без вилланской земли, не опирающийся на несвободную рабочую силу. В чистом виде первый тип представлен вотчинами группы *b*, второй — вотчинами группы *e*, третий — вотчинами группы *g*. Нетрудно видеть, что в чистом виде эти типы выступают не часто; элементы их обычно объединены в отдельных вотчинах, но тем не менее они не слиты и легко различимы. В типических манорах, как правило, имеются свободные держания. Но они слабо связаны с характерным для этого типа комплексом домена и вилланской земли; они представляют самостоятельную часть, нередко лишь внешним образом примыкающую к манориальной организации. Равным образом, в вотчинах второго типа очень часто имеется более или менее значительный д о м е н; но здесь домен хозяйственно не связан или крайне слабо связан с держательской землей (мелкими барщинами свободных держателей). Если свободные держатели используются в качестве наемных рабочих, то это не стоит в связи с вотчинной организацией, по-

сколько для этой цели могут быть использованы держатели и других вотчин. Поэтому домен в вотчинах группы *c* должен быть рассмотрен независимо от комплекса держаний и по существу принадлежит к третьему типу. Итак, оставив в стороне второстепенные формы, мы должны сосредоточиться на этих трех основных типах, как бы ни были они распределены по отдельным вотчинам. Мы последовательно рассмотрим (1) комплекс из домена и вилланских держаний, (2) комплекс свободных держаний, (3) домен без вилланских держаний. При этом необходимо оговориться, что комплекс первого типа может иметь различную хозяйственную характеристику в зависимости от того, какая форма ренты является в нем господствующей. Я рассматриваю на материале RH соотношение намеченных трех типов в Кембриджшире, Гентингдоншире, Бедфордшире, Бекингемшире, Оксфордшире и Уорвикшире.

Учет будет проведен в следующих направлениях Во-первых, я постараюсь выяснить соотношение манориальных и неманориальных элементов в каждом графстве (понимая под манором то, что под ним обычно понимают, т. е. крепостную и барщинную вотчину). Манориальные элементы характеризуются взаимно связанными домениальной и виллапской землей. Неманориальные элементы представлены доменом, не обеспеченным вилланской землей, и свободными держаниями. По вышеуказанным причинам не всегда легко провести точную разграничительную линию между доменом и свободными держаниями в тех случаях, когда специфичность домена не отмечена наличием вилланских держаний. Поэтому граница между двумя рубриками неманориальных элементов является довольно шаткой, и я часто даю общий процент для обеих рубрик. Затем я стараюсь выяснить различие в структуре крупной и мелкой вотчины в каждом графстве. Эта проблема представляется особенно важной в виду того, что среди сохранившихся вотчинных документов огромное большинство составляют документы крупных вотчин. Крупная вотчина и ее структура определяют ходячие представления об английской средневековой деревне вообще. А между тем подсчеты очень часто выявляют специфические особенности в структуре мелкой вотчины и, в частности, гораздо большее значение в ней неманориальных элементов. Наконец, я стараюсь определить сравнительную структуру церковной и светской вотчин. Эта проблема также подсказана преобладанием церковных документов в сохранившемся вотчинном материале; необходимо выяснить, в какой мере сделанные над ними наблюдения могут быть распространены и на светские вотчины. В целом наш материал дает на этот вопрос отрицательный ответ, отмечая специфичность церковной вотчины. Для определения сравнительной роли крупной и мелкой, церковной и светской вотчин является необходимым вычислить их территориальное соотношение.

Глава II выяснила целый ряд трудностей, связанных с подсчетами по материалам Сотенных Свитков. В данной главе перечислен еще ряд трудностей. Счет здесь сложен и затруднителен. Приходится тратить много

времени на распутывание сложной держательской паутины в отдельных манорах, и все же остается не мало неясного и сомнительного. В ряде случаев та или иная цифра не может быть вычислена, или вычисляется лишь приблизительно. Пестрота земельных мер вносит еще один элемент неточности в наши выкладки. Не подлежит сомнению, что все или почти все полученные нами цифры являются лишь приблизительными, что толкование ряда входящих в их состав слагаемых может быть оспорено. Но я повторяю, что моей целью не является определение точных цифр. Приходится довольствоваться лишь ориентировочными данными, которые позволяют уловить хотя бы общие тенденции и важнейшие различия. Наиболее сомнительны цифры для домениальной земли. Не говоря уже о тех неясностях, которые связаны с карукатой (гл. II), часто источники умалчивают о ее размерах вовсе, следуя в этом практике некоторых поместных описей (ср. экстенты Глостерского картулярия). Всего точнее и проще данные относительно виллапской земли, правда, порой попадаются держания, относительно которых возникают сомнения, причислять ли их к виллапским или свободным. Но это по большей части мелкие коттерские держания, и решение этого вопроса в ту или иную сторону очень мало отзовется на конечных результатах. Обычно я пропускал такие случаи в подсчетах. Много неясностей связано со сложным составом свободных держаний. Только что упоминалось о неясности границы между ними и доменом. Надо еще припомнить, что среди свободных держаний некоторые находились в руках лордов маноров (того же или других) и, таким образом, должны бы собственно быть причислены к домену; если у этих лордов были виллапы, то правильней было бы такие свободные держания отнести к манориальному домену. Особенно часто сомнения такого рода возникают в связи с церковными держаниями в чужих манорах. Такие церковные держания встречаются нередко. Нам не легко определить способ хозяйства, принятый на этих держаниях. Были ли они связаны с манорами данного монастыря, с какими именно? Как они эксплоатировались? Причислялись ли они к домену или сдавались? Обычно я их оставлял в составе свободных держаний (кроме тех случаев, когда вхождение их в домен того или иного манора представлялось весьма правдоподобным). Возможно, что нам придется в связи с этим несколько понизить цифру для свободных держаний (и неманориальных элементов) и несколько повысить цифру для манориального домена. Точные вычисления здесь немыслимы; но по приблизительным выкладкам, сделанным мной для некоторых сотен, ошибка в конечных подсчетах едва ли может быть больше 2—3% [87].

Легко подсчитать число крупных вотчин; но как определить нижнюю границу вотчины, как определить, где кончается суб-манор и начинается «держание»? Наличие виллапов (хотя бы одного или двух) заставило меня рассматривать данный комплекс как вотчину; но есть много сложных мелких комплексов без виллапов. Здесь граница крайне неясна, так как часто приходится следовать за тем расчленением материала, которое дает источ-

ник. Задача — посчитать сложные образования междуманориального характера, как особые вотчинные единицы, и крайне трудна и сомнительна по своим результатам. Я был вынужден от нее отказаться. Поэтому все выкладки относительно числа вотчин и средних размеров вотчин имеют условный характер и служат лишь для целей сравнения; это особенно относится к счету числа мелких вотчин и их средних размеров. Более надежны средние цифры для крупных вотчин. Хотя и здесь могли иногда ускользнуть некоторые свободные держания, но мы видели, что такой отрыв нередко соответствовал и действительному положению дел Очень трудно разграничить церковные и светские вотчины. Здесь опять-таки трудности начинаются в области свободных держаний: как мы только что видели, многие церковные вотчины врастают в светские, владея в них свободными держаниями на разных условиях, очень часто на правах свободной милостыни. Я считал их в числе свободных держаний светских вотчин. Исключения делались для таких церковных держаний, которые, по всей вероятности, были хозяйственно связаны с определенными церковными манорами, или по своей величине и структуре могли претендовать на роль отдельных вотчинных единиц. Несомненно, такое деление допускает много неясностей и неточностей, но в целом церковные владения складываются гораздо больше из крупных вотчин, чем из мелких держаний в чужих вотчинах. О трудностях определения размеров церковной земли в акрах писал Савин, исследуя монастырское хозяйство перед диссолюцией [88]. Все же я счел полезным сделать этот подсчет, сколь бы несовершенным он ни казался, и мне кажется, что он выясняет некоторые особенности того материала, на котором до сих пор, главным образом, основываются историки английской деревни.

Лишь в очень грубых чертах возможно было разделить вотчины на «крупные», «средние» и «мелкие». У нас слишком мало данных о действительной доходности вотчин, о господствующих в них системах хозяйства. Размеры пашни — вот единственный постоянный критерий, которым мы могли пользоваться. Совершенно условно считаем мы крупными вотчинами те, где общие размеры пашни более 1000 акров, средними — те, где они составляют от 500 до 1000 а., и мелкими те, где они менее 500 а.

Рассмотрим наш материал по графствам, переходя с востока на запад. В Гентингдоншире господствуют типический манор и крепостничество. Гентингдоншир — издавна церковное гнездо. Почти половина земли в нем принадлежит к церковным вотчинам. Территория сотни Hirstingdon почти сплошь занята манорами Рамзейского монастыря. И в других сотнях церковные вотчины играют крупнейшую роль, составляя около 54% всей учтенной земли в сотне Normancross и 35% — в Leightonstone. Лишь в южной сотне Toseland владения церкви падают до 13%. Источники (DB, RH, TE, VE) показывают свыше 40 церковных учреждений, имевших владения в графстве. Ряд из них — Рамзейское аббатство, Гентингдонское приорство, Сент-Айвсское приорство («келья» Рамзейского монастыря), приорство св. Неота, аббатство Sawtry, приорство Stonely, госпиталь Иоанна Крестителя и

лепрозорий св Маргариты—расположены в самом Гентингдоншире. Другие, как Кембриджширское аббатство Thorney, Линконширское аббатство Croyland, Нортгемптонширское аббатство Питерборо, епископства Илийское и Линконское издавна владеют здесь поместьями, держаниями и доходами.

Мы начнем обзор с одного из главных гнезд манориальной системы и манориальной теории — с сотни Hirstingdon в Гентингдоншире. Эта сотня — центр владений знаменитого Рамзейского монастыря, расположенного в ее северной части. Общеизвестна роль, которую этот монастырь сыграл в историографии манора благодаря своему картулярию и своим отчетам. Классическая картина манориального строя, основанного на крепостничестве и барщине, создалась в немалой мере на материале Рамзейского картулярия. Рамзейские манориальные отчеты в значительной степени определили выводы Пэджа, убедив его в упорной сохранности отработочных рент в Англии.

Действительно, трудно найти более законченный образец господства манориального строя, чем сотня Hirstingdon. Один за другим проходят перед нами большие симметрические маноры с доменами, вилланской землей и незначительным фригольдом. Крупные маноры в большинстве случаев охватывают или целые деревни или даже по две, по три деревни. Из 20 вилл лишь в семи мы находим дробление между вотчинами, да и то в большинстве случаев это дробление незначительно. Церковное землевладение занимает почти всю сотню. Если не считать виллы M. Stukeley с vicus Baldewinho, почти все остальные деревни находятся во владении у Рамзейского аббатства, одна (сложного состава)—у епископа Илийского (Sumersham cum socna), небольшие вотчины принадлежат приорам: Сент-Айвсскому и Гентингдонскому. Среди них вкраплено несколько мелких светских вотчин. Рамзейский монастырь и епископ Илийский издавна владеют теми манорами, которые перечислены за ними в RH — все они записаны уже в Книгу Страшного Суда [89].

Опись виллы M Stukeley испорчена настолько, что не допускает подсчета. Поэтому исчисление светского землевладения в сотне затруднено; подсчеты основываются почти исключительно на церковном материале; мы рискуем, таким образом, еще более сгустить и без того густо наложенную на сотню церковно-манориальную окраску. В уцелевших описях пять светских вотчин дают менее 5% всей учтенной пахотной земли. Все это — мелкие вотчины, в большинстве случаев суб-маноры, в среднем в 125 а. Средний размер церковного манора — 1242 а. (всего их 13), причем манор епископа Илийского в Sumersham достигает 2448 а. пахотной земли.

Симметричность построения маноров позволяет очень просто разделить материал по рубрикам: домен, вилланская земля, свободные держания. Соотношение между ними: 4201½—9207¼—2325¼ [90]; 380 а. дает земля приходских церквей (gleba). В процентах это дает 26—57—15—2. Во всей сотне мы можем насчитать всего лишь 192 а. домена без вилланов. Эти цифры, несомненно, несколько преувеличивают «манориальность» сотни, но едва ли значительно. Здесь действительно господствуют вилланство и

домен, тесно связанный с вилланскими наделами (почти все они барщинные); свободные держания представляют лишь узкую кайму вокруг типично манориальных образований, хотя может быть и не столь узкую, как можно было ожидать.

Церковное землевладение преобладает и в сотне Normancross. Здесь почти 60% всей учтенной земли падает на церковные вотчины; при этом около $^2/_3$ церковной территории занято крупными вотчинами (свыше 1000 а.); на светских землях крупные вотчины дают лишь около 45%. Восемь крупных вотчин занимают почти 60% всей пахотной территории; среди них только три светских вотчины, остальные церковные, на первом месте стоят владения аббатов Thorney [91]. В общем в Normancross может быть учтено 18 вилл и 8 hamelettae. Число случаев, когда вилла совпадает с вотчиной, — 13, т. е. значительное большинство. Таким образом, и эта сотня представляет типично манориальную картину, с определяющей ролью крупного церковного поместья. Сотня дает типическое для классического манора соотношение манориальные элементы, домен и вилланская земля дают 23 и 40% всей учтенной территории, свободные держания — 22%; но около 15% падает на домен «неманориального» характера; главная часть его находится в вотчине цистерцианского монастыря Sawtry — Magna Sawtry Monachorum, которая имеет в домене 1440 а. и не более 20 а. в руках мелких держателей. Рядом с крупной и средней вотчиной (последняя представляет сравнительно незначительную прослойку — около 15%), примерно, 25% всей территории занято мелкими образованиями вотчинного типа. В мелких вотчинах процент вилланской земли на много ниже среднего для сотни и значительно уступает проценту свободных держаний. В крупных вотчинах типичные манориальные черты выступают еще резче, чем в средних цифрах.

В западной сотне Leightonstone церковное владение дает 35%; при этом 80% всей церковной земли падает на 5 больших церковных маноров, среди которых на первом месте стоят огромные маноры епископства Линконского (Spaldwick и Leighton [93]). Сотня дает картину господства типического крупного манора: около 70% всей учтенной территории занято 11 большими манорами. Всего учитывалось 24 виллы с 16 hamelettae. Случаев, когда вилла (с hamelettae) совпадает с манором, — 13, т. е. больше половины. Процентное отношение домена, вилланской земли и свободных держаний для сотни близко к цифрам сотни Normancross, но с еще более резко выраженным типично манориальным характером: неманориальный домен совсем незначителен, зато вилланская земля подымается до 52% всей учтенной территории. Домен составляет, как и в Normancross, около 24%, свободные держания — около 22%. Как и в Normancross, средняя вотчина дает незначительную прослойку. Мелкие вотчины занимают около 25% всей территории. Вилланская земля в них относительно больше, чем в Normancross, но все же уступает свободным держаниям. Манориальные черты в крупной вотчине выражены еще резче; вилланская земля здесь в три с половиной

раза превышает свободные держания (примерно 57 и 16%). Эти три сотни представляют крупный манориально-крепостной массив.

Совсем другими чертами отмечена четвертая, южная сотня Гентингдоншира Сотня Toseland резко отличается от остальных низким процентом церковного землевладения — в ней на церковные вотчины приходится лишь 10% всей учтенной пашни и значительно меньшую роль, чем в остальных сотнях, играет крупная вотчина. Имеется только 2 манора, превосходящих размерами 1000 а.; они составляют около 13% всей территории. Это Stanton, манор Николая Segrave [94] и Hemingford Рамзейского монастыря [95]. Средние вотчины, размерами от 500 до 1000 а., дают около $^1/_3$ территории сотни Таким образом, более половины сотни приходится на мелкие вотчинные образования. В сотне наблюдается весьма значительное дробление вилл между вотчинами. Подсчитано 18 вилл с 11 hamelettae. Совпадений вилл с маноpами мало—не более 5 случаев. В отношении дробности вотчин сотня напоминает Кембриджшир, к которому непосредственно примыкает географически.

Процентные отношения для сотни Toseland резко отличаются от северных сотен. Здесь вилланская земля дает 35%, а свободные держания — 28%. Более высокий процент мы имеем для домениальной земли (27%). Значителен неманориальный домен (10%), разбросанный по мелким и средним вотчинам. Мелкая вотчина резко отличается от средней и крупной значительно большей ролью свободных держаний и относительно слабым развитием вилланской земли (около 40% в средних и крупных, менее 30% в мелких)

Нам удобнее в своих подсчетах сотню Toseland присоединить к южному Кембриджширу. Три северных сотни Гентингдоншира выступят тогда перед нами с общей характеристикой. Они в общем дают, примерно, 24% домена, 50% вилланских держаний и 26% неманориальных элементов, у которых, примерно, 5% приходятся на домен и 21% на свободные держания. Графство Гентингдоншир является районом распространения типического крепостнического манора. Крепостные наделы занимают половину всей пахотной земли графства, а в отдельных сотнях — больше половины. Только четверть всей учтенной земли не подходит под манориальную характеристику, представляя или свободные держания или домен, не обеспеченный вилланской землей. Крупные вотчины (свыше 1000 а.) занимают около $^2/_3$ всей территории. Около $^1/_4$ занято мелкими (менее 500 а.). Незначительна прослойка средних (около 10%). Более половины всей территории (точнее вычислить трудно) занято церковными вотчинами. Может вызвать сомнения низкий процент домениальной земли; но мы должны принять в расчет, что домен, особенно в больших церковных манорах, обычно вычислен в карукатах. На гентингдонширском же материале мы убедились (гл. II), что число карукат официальных переписей должно быть повышено в зависимости от количества пахотных повинностей вилланов, которые нередко значительны в больших манорах и особенно в церковных. Поэтому цифры наших таблиц, где домен вдвое меньше вилланской земли, надо исправить в этом направлении. Некоторые элементы домена могут скрываться среди свобод-

ных держаний. Значительной структурной разницы между церковной и светской вотчиной мы не замечаем, но процент вилланских держаний неизменно выше в церковных вотчинах, а процент свободных держаний в среднем выше в светских. В целом мы видим, что представление о крупной церковной вотчине, как крепостной по преимуществу, вполне подтверждается на гентингдонширском материале; но в этом графстве и светская вотчина отличается значительным развитием крепостнических элементов.

Гораздо значительней разница между крупными и мелкими вотчинами. Неманориальные элементы в мелких вотчинах достигают примерно до 45%, а вилланская земля падает до 34%. В крупных вотчинах (свыше 1000 а.) она доходит до 55%, между тем как свободные держания падают до 16%; 3% составляет неманориальный домен. Средние вотчины (500—1000 а.) дают средние цифры. около 48% для вилланской земли, около 23% для неманориальных элементов. Манориальный домен более всего развит в средних вотчинах (около 30%); меньше всего в мелких — менее 20%. В крупных он составляет до 25%. Но мы должны помнить условность цифр, относящихся к домену.

Все эти цифры лишь приблизительны Но они все же ясно обнаруживают основную особенность крупной вотчины по сравнению с мелкой. И как раз крупная вотчина, и притом крупная церковная вотчина, является определяющей для характера вотчинной структуры трех рассмотренных нами сотен Гентингдоншира.

Общее число крупных вотчин в трех сотнях Гентингдоншира 26, из них 16 церковных. Средние размеры крупной вотчины около 1900 а. пашни. Средних — 12, со средними размерами около 650 а., мелких можно насчитать до 80, со средними размерами около 220 а. Я делал оговорку относительно шаткости всех вычислений, относящихся к мелким вотчинам.

Среди крупных вотчин очень мало исключений, не укладывающихся в типичную манориальную схему Они-то и создают крупные цифры неманориальных элементов сотни Normancross. Вот манор Imbert'a de Monteferr' в Offord Cluny с доменом в 300 а. и свободными держаниями в 642 а., но без вилланской земли [96] и маноры Цистерцианского аббатства Sawtry, дающие классические примеры домена без держателей. Таково его владение в Sawtry с доменом в 1440 а. и с незначительным числом мелких держаний (не более 20 а.) [97] и другое более мелкое владение в Grafham, с 2 карукатами в домене и с мелкими держаниями, дающими доход в 10 шиллингов [98]. В Conington у него две карукаты в домене и нет вилланов, но зато 300 а. свободной земли [99]. В Catworth у него домен и 130 а свободных держаний и нет вилланов [100], 60 а. в Winewic. В Кембриджшире у него есть вотчины в Gamlingay и в Hantley St. George. В Gamlingay у него в домене 352 а., из которых 220 а. в одной ограде (in uno clauso), мельница, луг, лес, и только 9 а. свободных держаний [101]. В Hantley St. George 134 а. пашни и одно держание за денежную ренту [102]. Сверх того у него есть еще ряд мелких доменов без вилланской земли (Sawston 60 а. и др.).

Кембриджширские описи уцелели для южной части графства к югу от Аузы и от болот Имеются описи сотен Staploe, Staine, Stow, Papworth, Chesterton (на севере описанной территории, частью покрывают болотное пространство), Longstow, Wetherley, Triplaw, Whitlesford. Chilford — в центре и на юге. Не хватает двух сотен (Cheveley и Radfield) на востоке и Armingford на юго-западе. Сеффок примыкает к этой территории с востока, Эссекс и Гертфордшир — с юга, Бедфордшир и Гентингдоншир — с запада, Isle of Ely — с севера. Вся эта территория представляет низкую равнину, слегка подымающуюся на юго-востоке. Почва очень плодородна; до настоящего времени Кембриджшир остается одним из первых графств Англии по производству зерна; эта характеристика за ним установилась издавна. В XIV в. в нем процветает кустарное производство камвольных тканей. Кембридж не мог быть значительным потребляющим центром, но по Кему и Аузе графство поддерживало связь с Линном. Всего в Кембриджширских RH можно подсчитать около 110 населенных мест (мной исключены из подсчета описи городских и пригородных местностей, а также некоторые слишком пострадавшие описи). Уже в эпоху DB кембриджширские виллы отличались крайней сложностью вотчинной структуры. Из Кембриджширской Книги Страшного Суда Мэтланд взял материал для описания деревни неманориального типа [103]. Кембриджширская деревня Orwell и кембриджширская сотня Wetherley были для него примерами сложной структуры вилл, не подходящей под манориальную характеристику. До завоевания здесь было мало похожего на крепостную вотчину. После DB растет вилланство и манориальная система, но все же здесь не установился типический манор. Эту особенность Кембриджшир удерживает и в эпоху RH. Кембриджширский манор Duxford Мэтланд приводит как пример сложнейшего переплетения маноров и держаний в одной вилле в XIII в С графствами Восточной Англии Кембриджшир разделяет значительное развитие свободных держаний и раннюю их мобилизацию. Отчуждение свободных держаний и их частей создали здесь такую запутанность отношений держания, разобраться в которой не легко, а иногда почти невозможно, особенно потому, что при учете не всегда выдерживается один и тот же принцип. Описание сложного комплекса держаний, образованного из единичного свободного держания путем отчуждения его частей, может производиться двумя способами: или даются общие размеры первоначального держания и затем идет перечисление выделенных из него частей, или же сначала дается лишь та часть держания, которая не подверглась отчуждению, а потом идет перечисление выделенных частей. При подсчетах здесь возможны ошибки, которые могут привести к значительному преувеличению или, наоборот, преуменьшению размеров свободных держаний. При этом надо принять в расчет еще и то, что в ряде Кембриджширских описей домен не дается отдельно, а даются лишь общие размеры вотчины (часто в таких неопределенных мерах, как рыцарские феоды), а затем следует лишь перечисление держаний и их повинностей. Все это делает территориальный учет Кемб-

риджширских вотчин крайне затруднительным. Для ряда сотен придется дать лишь приблизительные вычисления Домен может быть вычислен лишь для 6 сотен из 11 — для сотен Chesterton, Chilford, Longstow, Triplaw, Papworth, Whitlesford. Для них мы можем дать учет вотчинной структуры по тем рубрикам, которые были приняты при учете Гентингдонширских вотчин. Для остальных сотен можно будет сравнивать лишь размеры вилланских и свободных держаний. Перечисленные сотни расположены довольно равномерно по территории южного Кембриджшира, не представленным остается только северо-восточный угол. Во всяком случае этого материала вполне достаточно для общей характеристики данного района.

Сотня Chesterton лежит тремя отдельными пятнами вокруг Кембриджа, к северу и к северо-западу от него. Она вошла в RH не целиком: нет большой виллы Dry Drayton, давшей 4 сотенных присяжных. Всего описано 9 деревень. Имеется всего лишь одна крупная вотчина (более 1000 а.) — старинный домен короны Chesterton, в котором можно насчитать 1612 а. пашни [104] Эта вотчина находится в руках монастыря Barnwell (близ Кембриджа), часть (так называемая feodum rectoris) во владении монастыря св. Андрея в Верчелли (дар Генриха III в 1218—1219 гг.). В этой вотчине незначительный домен (172 а., в феоде ректора — 55 а.), обычная и свободная земли поделены почти поровну (672 а. обычной и 654 а. свободной земли). Для вотчины характерна необычайная дробность держаний: 180 держаний на обычной земле и 200 на свободной — это несомненный результат свободы отчуждения. Нам трудно признать эту вотчину типическим манором. Гораздо типичнее вотчина Histon того же аббата [105], где на 48 а. свободных держаний приходится свыше 726 а. вилланской земли. В целом сотня дает значительный перевес вилланской земли над свободной — мы можем насчитать в ней около 2827 а. вилланской земли и 1407 а. свободной при домене в 1536 а. При этом почти все вотчины как крупные, так и мелкие принадлежат к типу *a*; значительный перевес вилланской земли над свободной наблюдается почти во всех вотчинах, независимо от их размеров, от их принадлежности церкви или нецерковным владениям.

Огромный перевес свободных держаний над вилланской землей мы находим в сотне Chilford, на юго-восточной оконечности графства, где описано 14 деревень. В целом вилланская земля составляет не более 14% всей учтенной в сотне территории. При этом бо́льшая часть ее сосредоточена в трех крупных манорах — Linton Magna (Will de Say) [106]; Bercham (Simon de Furnels) [107] и Camps (эрл Оксфордский) [108]. «Неманориальные» элементы составляют около 44% всей учтенной территории. Сотня отличается необычайной пестротой и дробностью вотчинной структуры. Мелкие вотчины (менее 500 а.) самого разнообразного строения занимают свыше 60% всей ее территории. В этих вотчинах процент вилланской земли падает до 9%. Вилла Horseheath [109], где можно насчитать до 13 вотчинных единиц типов *a*, *c*, *g* и *e*, — один из самых ярких примеров сложности вотчинной структуры кембриджширской деревни.

В соседней сотне Whitlesford, где описано 5 деревень (виллы Selvirle и Asle [110] по суммарности в учет не вошли), вилланская земля составляет до 32% всей учтенной территории. На свободные держания придется около 25%. Значителен домен, не связанный с вилланской землей (13%); заметную его часть дают вотчины маленького цистерцианского монастыря Tilteу (кроме пашни в Duxford и Icleton, у него упоминается pastura ad 600 bidentes в Duxford) [111] И в этой сотне мы видим преобладающую роль мелкой вотчины (около 60% всей территории), в которой немануриальные элементы играют более значительную роль, чем в средней и крупной.

К Whitlesford с запада примыкает сотня Triplaw, где описано 8 вилл. В ней мы видим еще более значительное развитие вилланской земли, дающее до 36% всей учтенной территории. Но $^3/_4$ ее лежат в четырех вотчинах, две из которых принадлежат епископу Илийскому (Triplaw и Shelford) [112], одна монастырю Chatteriz (в Foxton) [113] и одна Ральфу де Плесси (как опекуну) в Fulmire [114]. В мелких вотчинах процент вилланской земли падает до 14%. Немануриальные элементы дают до 30%; в мелкой вотчине их роль гораздо значительнее, чем в крупной.

Домен и, стало быть, общие размеры пашни поддаются вычислению еще в двух сотнях — Longstow и Papworth, лежащих на западе графства и примыкающих к Гентингдонширу. Сотня Longstow, где описано 13 вилл, представляет особый интерес по необычайному развитию свободных держаний. К сожалению, они описаны настолько запутанно, что подсчеты здесь крайне сомнительны, и мы иногда рискуем одну и ту же землю подсчитать дважды. Полученную мною при подсчете цифру в 40% я считаю преувеличенной, но все же процент должен быть очень велик. Значителен также процент домена, не обеспеченного вилланской землей. Процент вилланской земли ниже среднего для Кембриджшира. Очень низка цифра манориального домена Но если мы возьмем крупнейшие в сотне вотчины епископа Илийского в Parva Grausden и Herdwick [114a], то в них соотношение между доменом, вилланской и свободной землей будет совершенно иным (620—1252—409 или 27—55 — 18%).

В сотне Papworth, где описано 10 вилл, свободные держания почти равны вилланской земле и даже превышают ее, если sochemanni в Fendrayton и Swavesey были liberi [115]. Домен нельзя вычислить целиком, но, повидимому, он был незначителен. Из 3653 а. вилланской земли 2200 лежат в четырех вотчинах Рамзейского монастыря (Graveley, Over, Knapwell и Elsworth) [116], еще 620 в крупнейшем светском маноре Елены Zuche в Swavesey [117]. Процент вилланской земли в светских манорах по меньшей мере вдвое меньше, чем в церковных, в мелких по меньшей мере втрое меньше, чем в крупных.

Крайняя дробность вотчин характерна для всего Кембриджшира. Крупные вотчины встречаются лишь единицами по отдельным сотням. Средние размеры вотчин, насколько их можно вычислить, невелики — около 290 а. Если мы применим тот принцип подсчета, который был нами принят для Гентингдоншира, к тем шести сотням Кембриджшира, где дано точное

описание вотчин (с доменом), то найдем в этих шести сотнях не более 8 маноров с пашней, превышающей 1 000 а.; они занимают около 15% всей поддающейся учету территории в этих сотнях. И эти маноры не очень крупны — в среднем они дают около 1 200 а. пашни на манор Если мы подсчитаем вотчины, содержащие от 500 до 1 000 а. пашни, то на них придется около 35% всей учтенной территории (всего их можно насчитать 28). Таким образом, половина территории данных сотен занята мелкими вотчинами разнообразного типа. В некоторых сотнях мелкие вотчины занимают свыше 60% учтенной территории (Triplaw). Если мы примем во внимание, что среди свободных держаний крупных вотчин нередко таятся образования вотчинного типа, которые не всегда удавалось выделить, то роль мелкой вотчины в этих графствах станет еще очевиднее. Церковное землевладение в этих сотнях Кембриджшира составляет около 27% всей учтенной территории. К этому надо прибавить около 2%, приходящихся на церковные держания в светских вотчинах. Среди церковных вотчин мы встречаем больший процент крупных, чем среди светских.

Вычисления запутанных свободных держаний до крайности затруднены, но все же мы можем уверенно сказать, что неманориальные элементы в этих сотнях очень значительны, даже если цифра в 40% и несколько преувеличена. Из них на неманориальный домен придется, примерно, 10%, а на свободные держания — 30% С этим надо сопоставить очень низкий процент вилланского держания, дающий всего лишь 30% учтенной территории (колеблющийся между 52 и 14% по отдельным сотням).

В крупной вотчине процент вилланской земли в среднем в 2—3 раза больше, чем в мелкой. Церковная вотчина дает значительно больший процент вилланской земли, чем нецерковная. Надо отметить сравнительно значительное развитие домена (равен вилланской земле, а может быть и больше, так как часто выражен в карукатах). При этом в крупных и церковных манорах мы наблюдаем более сильное развитие манориального домена, чем в мелких и нецерковных. Процент неманориальных элементов гораздо выше в мелких вотчинах, чем в крупных, в нецерковных, чем в церковных. В мелких вотчинах неманориальные элементы составляют 58% всей территории, между тем как вилланские держания не составляют и трети их (18%). Манориальные черты выражены сильнее в церковных манорах — здесь вилланская земля дает в среднем 45%, а неманориальные элементы всего 24% всей территории. Но и здесь приходится отметить характерные образования неманориального типа, как вотчину аббатства Уольтамского Horseheath [118] — домен в 234 а. без вилланов и вотчины аббата Sawtry (в Gamlingay и Herdwick и пр.).

Таким образом, о преобладании крупной крепостной вотчины в Кембриджшире говорить не приходится. Дробность вотчин, пестрота и сложность вотчинной структуры связываются здесь с крупной ролью неманориальных элементов и мелкой вотчины. Перед нами область слабо манориализированная в XI в.; процесс манориализации далеко не завершился и в XIII в.

Необычайная сложность свободного держания свидетельствует об интенсивно протекающем процессе мобилизации земли; он непрерывно спутывает и разлагает складывающиеся элементы манора.

Доля церковных учреждений в свободных держаниях светских вотчин составит около 3% всех свободных держаний, или менее 2% всей светской земли.

Для остальных сотен Кембриджшира мы не можем получить даже приблизительных цифр для домениальной земли.

В сотне Stow (может быть учтено 8 деревень) домен в большинстве случаев не дан вовсе, свободные держания даны в крайне затруднительной для подсчета форме (описываются вместе все владения данного лица от разных лордов), при которой легко подсчитать одну и ту же землю дважды. Во всяком случае ясно, что в сотне наблюдается некоторый перевес вилланских держаний над свободными. Выясняется также значительная дробность вотчин и сложность свободного держания. Общая сумма вилланских держаний — 2 743 а. Из 27 вотчин (приблизительно) в семи, более крупных, сосредоточено 2249 а. вилланской земли (83%). Свободная земля в них дает не более 660 а. Крупнейшие в сотне вотчины — Oakington аббата Croyland [119] и Girton аббата Рамзейского [120]. В них вилланская земля больше, чем в семь раз, превышает свободную.

В сотне Staine (7 деревень) нельзя вычислить домена. Наблюдается значительная дробность вотчин (более 30 в сотне). Крупных вотчин мало (одна ?). Церковное землевладение незначительно. Наблюдается значительный перевес свободных держаний над вилланскими — 2 212 и 1 660 а.

В сотне Flemditch (6 деревень) рядом со значительной дробностью вотчин встречаем несколько более крупных маноров (4 из 17; два из них епископа Илийского), в которых сосредоточивается 1 161 а. вилланской земли из 2 293 а. (около 50%). Пахотная площадь свободных держаний несколько превышает пахотную площадь вилланских, но в крупных меньше ее (900 а. с небольшим).

В сотне Staploe, расположенной на северо-востоке, на границе болот (11 вилл и 2 hamelettae) вилланская земля значительно превышает свободную (4 605 и 2 664). К свободной присчитываются 121 а. в руках свободных сокменов, а к вилланской 814 а. в руках bondi sochemanni. В сотне имеются значительные церковные владения (2 513 а. в держаниях). В то время как в церковных вотчинах вилланская земля превышает свободную почти в 4 раза (1 999—514 а.), в светских разница значительно меньше (57 и 43%—2 806 и 2 150 а). При этом основная масса церковного вилланства сидит на двух церковных вотчинах — Рамзейского монастыря (Burwell) [121] и Госпитальеров (Chippenham) [122] — всего в этих двух вотчинах насчитывается 1 808 а. вилланской земли. Крупных вотчин немного. В 4 более крупных вотчинах мы наблюдаем огромный перевес вилланской земли над свободной (2 696—644 а., или 81 и 19%); в остальных манорах это соотношение будет 2 109 и 2 020, т. е. почти поровну. Сотня отличается значитель-

ным дроблением вотчин — их можно насчитать до сорока. В сотне имеется королевский манор (Soham) [123], старинный домен короны (учтено 152 а. свободной земли и 316 а. в руках bondi sochemanni).

Остается сотня Wetherley, давшая Мэтланду классический образец неманориальной сотни перед норманским завоеванием; она вполне сохранила сложность вотчинной структуры и в Сотенных Свитках. В ее двенадцати деревнях можно насчитать до 60 вотчинных единиц. В целом мы видим здесь значительный перевес свободного держания над вилланским (4 564 и 3 358 а., причем цифра для свободных держаний дана неполная). В сотне преобладает мелкая и средняя вотчина, более или менее крупных маноров можно насчитать не более пяти; у них характерный перевес вилланской земли над фригольдом (850—1 563 а.). Церковные владения незначительны.

Обзор этих сотен показывает, что характерные черты, выясненные в подсчете первых шести сотен, в основном сохраняются и здесь.

По характеру вотчинной структуры два соседних графства восточной группы мало похожи друг на друга; впрочем, мы должны помнить, что перед нами только южный Кембриджшир; северного, возглавляемого таким важным церковным центром, как Или, у нас нет. В то же время и южный Гентингдоншир (сотня Toseland) резко отличается от остальных трех сотен и по своим показателям близок к южному Кембриджширу, к которому он непосредственно примыкает.

Таким образом, в нашем материале, относящемся к восточной группе, мы можем различать две части — северную и южную. Отличительной чертой северной является преобладание крупной вотчины, весьма значительный процент церковного землевладения, типические манориальные черты. Южная часть характеризуется дробностью и пестротой вотчин, весьма значительным развитием свободного держания, сравнительно второстепенной ролью церковного землевладения. Обращаясь к свободному держанию южной части, мы отмечаем его необычайную дробность и сложность. Как раз эта область дает нам примеры свободных виргат, раздробленных на множество мелких и мельчайших держаний — яркую картину усиленной мобилизации свободной земли. И в южном материале не мало крупных вотчин манориального типа, особенно среди церковных владений. Но в целом его характеристика близка к той, которую Дуглас дал для примыкающей к нему непосредственно Восточной Англии.

Как объяснить эту резкую разницу между Севером и Югом? Кембриджшир и Гентингдоншир — графства-близнецы, представлявшие долгое время одну административную единицу. Почвенные условия и экономические связи у них мало различаются. Можно сделать предположение, что особенности северного Гентингдоншира вызваны сильным и ранним развитием в нем крупного церковного землевладения и связанной с этим ранней манориализацией графства. Нецерковная сотня Toseland резко отличается от прочих сотен Гентингдоншира своим неманориальным характером. Та

разница, которая поражает нас в 1279 г., существовала в основном уже в Книге Страшного Суда.

Случай сохранил нам описи почти непрерывной полосы земель на запад от южных сотен Кембриджшира и Гептингдоншира вверх по Аузе до самых ее истоков: здесь расположен ряд деревень, входящих в состав Бедфордшира и Бекингемшира.

От расследования 1279 г. для Бедфордшира сохранилась лишь часть, охватывающая сотню Willey (hundredus de Wilye et dimidius hundredus de Bukkelowe; обе эти части, еще разделенные во времена DB, уже слились к эпохе RH), и четыре прилегающих к ней деревни сотни Stodden (опись одной из этих деревень не окончена), т. е. северо-западный угол графства, размером приблизительно в 75 кв. миль, несколько меньше $^1/_6$ всего Бедфордшира. Эту территорию Ауза перерезывает извилистой линией; из 25 деревень 18 имеют на этой реке мельницы и рыбные ловли. Местность слегка волниста, особенно в северной части, плодородна, одинаково удобна и для скотоводства и для земледелия. Как уже указывалось выше, Бедфордширские описи представляют сравнительно с описями других графств ряд формальных особенностей. Здесь не сохранилось никаких следов опроса, никаких намеков на комиссаров, на присяжных, на опросные пункты. В противоположность пестроте и беспорядочности других сохранившихся описей, Бедфордширские описи дают в сжатой, систематической и симметричной форме ответы на важнейшие пункты расследования, отбросив все случайное и второстепенное. Однообразная упорядоченность и схематичность Бедфордширских описей облегчает работу счетчика, но и вызывает некоторые сомнения. Мы в праве заподозрить некоторую насильственную схематизацию материала, некоторое его упрощение для придания отчету более законченного и симметричного вида. Бедфордширские описи много проще, грубее и тусклее, чем описи других графств. Больше, чем где-либо, мы должны считаться с фрагментарным характером нашего источника. У нас здесь маленький островок, со всех сторон окруженный неизвестностью. В целом ряде случаев мы не знаем, имеем ли мы дело с мелкой самостоятельной вотчинной единицей или с частью большой вотчины. Всего на данной территории можно учесть приблизительно 25.294$^1/_4$ а. пашни, луга, пастбища и леса, находящихся в частном владении; из них 24 041$^1/_2$ а. приходится на пашню, 285$^1/_4$ а. на луг и пастбище, 967 а. на лес: Почти все луга, пастбища и леса показаны в составе домена. Размеры пашни надо слегка уменьшить, а размеры луга и пастбища слегка увеличить, так как под рубрику пашни отнесено несколько случаев, где дана одна общая цифра для пашни, луга и пастбища. Общую цифру учтенной территории надо несколько увеличить в виду того, что есть несколько пропусков размеров держаний в источнике; так как все эти пропуски относятся к свободным держаниям, где невозможны никакие заключения от размеров повинностей, они остались неучтенными. Надо прибавить также некоторую сумму на мелкие участки, не определенные точнее в источнике. В нем упоминается

в общем около 140 cotagia; вероятно, они дадут еще около 500 а. Не поддается учету также усадебная и огородная земля. Со всеми этими оговорками цифры источника создают впечатление перевеса земледельческого хозяйства в изучаемом нами уголке центральной Англии. Скотоводство могло укрыться от нас на commons. Но едва ли commons могли быть очень велики. Вся территория изучаемых нами 25 деревень равна приблизительно 48 000 а. Таким образом, вне нашего учета остается несколько больше 20 000 а. Отсюда надо еще вычесть неудобную землю, общинные леса; на общинные пастбища и луга остается площадь много меньшая, чем площадь пашни.

Всего в описи дано 25 деревень (из них опись Riseley не окончена). Средние размеры пахотных полей в деревне около 1 000 а. Большинство деревень близки к этой середине; наблюдаются, впрочем, колебания от $139^{3}/_{4}$ (Colworth) до 1 671 а. (Stagsden).

Отношение между виллами и вотчинами очень пестро. «Типичные» случаи, когда вилла и вотчина совпадают, представляют исключение — их всего три (Oackley, Colworth, Bletsoe), в двух случаях целые виллы входят в состав вотчин (Souldrop, вероятно, принадлежит к манору Госпитальеров Melchebourn; Steventon составляет один манор с частями Little Odell и Carlton); но в огромном большинстве случаев вотчина представляет часть виллы; порой она составляется из частей нескольких вилл. Почти все виллы распадаются на мелкие части вотчинного характера. Число таких частей доходит в некоторых виллах до 10 (Biddenham, Turvey); в общем в 25 виллах можно насчитать около 100 таких частей, представляющих вотчины или части вотчин. Размеры этих частей сильно варьируют и в среднем представляют около 250 а.

Разделяя всю сумму пашни вотчин и их фрагментов на три основных части — домен, вилланскую землю и свободные держания, мы получим следующие цифры: 8 $025^{1}/_{4}$ а. домена, 5 $086^{1}/_{4}$ а. вилланской земли и 10 $209^{7}/_{8}$ а. свободной, при этом 2 $523^{1}/_{4}$ а. приходится на домен, не обеспеченный вилланской землей. Распределяя материал по принятым нами рубрикам, мы получим для манориальных элементов: домен—5 502 а. (23%); вилланская земля—5 $086^{1}/_{4}$ а. (22%). Для неманориальных: домен—2 $523^{1}/_{4}$ а. (12%); свободные держания — 10 $209^{7}/_{8}$ а. (43%); всего неманориальные элементы составляют 55% всей пашни. Обращает внимание незначительный процент вилланской земли. Если мы вглядимся в распространение манориальных и неманориальных элементов по отдельным деревням, то увидим, что оно до крайности неравномерно. Если мы возьмем за отправную точку количество вилланской земли, то найдем такую деревню, где ее вовсе нет (Souldrop), и такую, где она составляет 76% всей пахоты (Chellington). Это — крайности. В общем мы можем разделить все деревни на две группы — деревни с ничтожной вилланской землей (таких большинство) и деревни с большой вилланской землей. В первую группу — «свободных деревень»—войдут деревни с вилланской землей от 0 до 16%; во вторую — от 33½% до 76%. Первая группа захватывает 14 вилл из 25

с общей суммой пахотной земли (считая глебу) в 14 534½ а. из учтенных 25 275. Домен в этой группе колеблется между 17½ и 61% всей пахоты и дает в среднем 36%; свободные держания в общем в п я т ь с л и ш н и м р а з больше виллапской земли. Здесь лежит почти весь немапориальный домен (2 486 а. — 17%). Таким образом, немапориальные элементы в этих виллах составляют 69%.

Во вторую группу входят лишь восемь вилл, с общими размерами пашни в 6 146$^{3}/_{4}$ а. Здесь совсем нет немапориального домена. Вилланская земля почти в 2½ раза больше свободной. Тут же приходится отметить, что домениальная земля во второй группе вилл в процентном отношении з н а ч и т е л ь н о м е н ь ш е, чем в первой. Домен и вилланство развиваются здесь, повидимому, не в такой тесной связи, как это обычно полагают.

Промежуточную группу составят две виллы — Stagsden и Puddington.

Сопоставляя обе основные группы, мы должны отметить у них еще одно существенное различие. Виллы второй—крепостной — группы дают очень простую вотчинную структуру: они или совпадают с вотчинами или дробятся на незначительное число вотчин или их частей. Наибольшую вотчинную раздробленность мы находим в вилле Clapham; но раздробленность эта явно недавнего времени: все вотчины, на которые распадается Clapham, построены совершенно одинаково и возникли, очевидно, в результате раздела (или скорее двух разделов). В Domesday Book Clapham фигурирует как один манор. В Pavenham, Little Odell и Steventon расположены крупнейшие вотчины в сотне Willey — вотчина Bald. Wake и часть вотчины J. de Wahulle. Большая часть вилл первой группы распадается на мелкие вотчины (или части вотчин). Три крупнейшие вотчины в нашем материале, превышающие своими размерами 1 000 а., вотчина Bald. Wake (217½ а.+ +900 а.+362 а.=1 479½ а.), вотчина J. Wahulle в Great и Little Odell (400 а +775 а.+731 $^{3}/_{4}$ а.=1 906$^{3}/_{4}$ а) и «бывший» манор Clapham (420 а.+ 510 а.+401$^{1}/_{4}$ а.=1 361$^{1}/_{4}$ а.) — все отличаются хорошим развитием вилланской земли. Соотношение между доменом, вилланской землей и свободными держаниями здесь составит 22—47—31%. Но в вотчинах размерами менее 1 000 а. мы такого соответствия между размерами вотчин и развитием вилланства не замечаем. Большинство вотчин размерами от 500 до 1 000 а. отличаются слабым развитием вилланства. За вычетом трех больших вотчин мы получим такие цифры для трех основных элементов вотчины: 6 988—2 901—8 714 а., или 38—16—46%. Принимая в расчет немапориальный домен, мы насчитаем 11 257 а. немапориальных элементов, или 60%.

Таким образом, значительное развитие вилланства мы видим лишь в трех вотчинах, дающих вместе менее $^{1}/_{5}$ пахотной территории. В остальных маноpиальность крайне слаба, процент вилланства падает до 16%. Церковное землевладение в сотне крайне незначительно и материала для сопоставления не дает.

Складывая маноpиальные элементы, т. е. вилланскую землю и связанный с ней домен, с одной стороны, и немапориальные — домен без вилла-

ской земли и свободного держания, с другой, мы получаем 10 744 и 12 523 а. (46—54%).

Из бекингемширских RH до нас дошли описи 48 вилл в северном Бекингемшире. Вместе с бедфордширскими виллами они составляют полосу, тянущуюся от южных сотен Кембриджшира и Гентингдоншира к северному Оксфордширу, вдоль южной границы Нортгемптоншира. Непосредственно к описанной в RH бедфордширской территории примыкает бекингемширская сотня Bunstow. Здесь много общего с бедфордширскими порядками, что позволяет нам заключить, что «сотня Willey и полусотня Bucckelow» с их своеобразной вотчинной структурой не были случайными островками в средней Англии В сотне описано 15 вилл. Вотчинная структура подчас очень сложна. Особенно интересна вилла Hanslope [124], манор графа Уорвика. В этом маноре не менее десятка суб-маноров разнообразной структуры; здесь же находим яркие примеры немапориальной вилланской земли. Любопытна вилла Filegrave [125], где совсем нет вилланов; у лорда в домене всего ½ виргаты, у свободных держателей 9½ виргат, причем непосредственно от лорда манора они держат всего 2½ виргаты. Прочие держания — от других лиц, и платежи идут им, а не главному лорду. В сотне мы находим весьма значительный перевес свободной земли над вилланской (приблизительно 4 113 и 2 452 а. при домене в 3 500 а.). Свободные держания дают 40% всей пашни в сотне. Незначителен зато процент неманориального домена. Около половины всей территории занимают мелкие вотчины (менее 500 а.), в которых свободные держания возрастают до 50%. Нет ни одной вотчины, в которой пашня доходила бы до 1 000 а. Церковное землевладение ничтожно.

Далее на запад, к северу от Аузы, расположена сотня Stodfold (17 деревень). Здесь свободная земля приблизительно равна по размерам вилланской (свыше 3 900 а.). Мелкая вотчина занимает до половины всей территории. Крупных вотчин (свыше 1 000 а.) всего две. Из них одна (Magna Leckhampstead, лорд Hugo de Chastilun) [126] обычного манориального типа; другая аббата Bitlesden в Bitlesden and Whitefield, Dodeforde и Evershave [127] дает типическую цистерцианскую вотчину; в огромном домене 5 каруката, 5 гайд, 12½ а. (примерно 1 212½ а.); кроме того в вотчине 40 коттерских держаний и незначительные свободные держания. Эти владения создают весьма значительную цифру неманориального домена. Процент вилланской земли ниже в мелких вотчинах, чем в крупных. Если исключить владения аббата Bitlesden, то в остальных церковных вотчинах (мелких по размерам) процент вилланских держаний выше, чем в светских. Церковные владения составляют до 27% всей территории.

К югу от Аузы расположены сотни Mursley и Muta. В Mursley насчитывается 16 вилл и hamelettae. В описи иммунитетных прав упомянута еще hameletta Sinkelbur '. Возможно, что она вошла в опись виллы Swanbourn.

В Mursley вотчинная структура несколько симметричнее, чем в двух предыдущих сотнях (хотя здесь есть очень сложная по структуре вилла

Stiwel) [128]. Отношения между доменом, вилланской и свободной землей ближе к типично манориальным, которые мы наблюдаем в Гентингдоншире (приблизительно 28% в домене, 44% в вилланских и 25% в свободных держаниях — 3% приходится на неманориальный домен). Мелкая вотчина (менее 500 а.) составляет около 40% всей учтенной территории сотни, но ее средние размеры довольно значительны (свыше 300 а.). В мелких вотчинах процент неманориальных элементов вырастает до 42, а процент вилланских держаний падает до 36. Только в двух манорах можно насчитать более 1 000 а. — в одном светском (Dodington, лорд Hugo Gerund) [129] и одном церковном (Horwood Parva, Winslow и Shipton, лорд-аббат Сент-Ольбанский) [130]. В светском маноре совсем нет свободных держаний, в церковном они незначительны сравнительно с вилланской землей (270 и 1 328 а.). Церковные вотчины занимают около трети всей территории. Процент вилланской земли в них выше, чем в светских (примерно 50 и 40%).

В сотне Muta, где описано только четыре виллы, из 10 вотчин только одна крупнее 1 000 а. и две (очень мелких) меньше 500 а. Очень значителен процент церковного землевладения (около 40%). Цистерцианскому монастырю Bitlesden принадлежит манор Thornborough [131] с 25 виргатами и 15 а. в домене, 1 виргатой и 22 cotagia у виллапов. Но и у бенедиктинского приорства Luffield (в Нортгемптоншире) в той же вилле находим манор почти цистерцианского типа — 3 гайды и 3 виргаты в домене, 2 виргаты и 20 cotagia в вилланской земле; правда, здесь имеется еще около 8 виргат свободной земли. Все это создает весьма значительный процент неманориального домена (около 20%). В мелких вотчинах совсем нет вилланской земли, в прочих она составляет до 32% при свободных держаниях в 26%. Структура церковной вотчины определяется признаками «цистерцианского типа» и поэтому дает необычайно высокий процент неманориального домена и более низкий процент вилланской земли, чем светская вотчина. Впрочем, в остальных церковных владениях—в Achecot' епископа Честерского[132] и в вотчине аббата Oseney в Steepleclaydon [133] мы находим более или менее характерные манориальные черты (соотношение домена, вилланской земли и свободных держаний выразится как 23—42—35%). Близкие к этим цифры дает и светская вотчина.

Таким образом, бекингемширские сотни распадаются на две группы; расположенные к северу от Аузы сотни Stodfold и Bunstow напоминают по структуре кембриджширские; они дают 42—45% неманориальных элементов, 24—31% вилланской земли. Но средняя вотчина здесь крупнее, чем в Кембриджшире. В расположенных к югу от Аузы сотнях Mursley и Muta структура вотчин ближе к гентингдонширской. Если исключить специфические порядки вотчин аббата Bitlesden и приора Luffield, процент неманориальных элементов здесь падает до 26—28, размеры вилланской земли дают свыше 40%. Средние размеры вотчин превышают даже гентингдонширские. Сравнивая мелкие и крупные вотчины в бекингемширских сотнях, мы обнаруживаем в них менее резкую дифференцированность, чем в наблюдав-

шихся нами вотчинах до сих пор. Средние размеры мелкой вотчины довольно значительны; разница в структуре между мелкой и крупной вотчиной менее заметна, чем в Кембриджшире и Бедфордшире; но все же процент вилланской земли в мелких вотчинах неизменно ниже, а процент неманориальных элементов, особенно свободных держаний, почти всегда выше. При этом территориально мелкие вотчины занимают весьма значительную площадь, за исключением одной лишь сотни Muta. В северных сотнях Bunstow и Stodfold на них приходится почти половина (48%) всей учтенной пахотной территории.

Разница в структуре между церковными и светскими вотчинами незначительна, но за упоминавшимися исключениями процент вилланской земли почти неизменно выше в церковных вотчинах; при этом средние размеры церковных и светских вотчин довольно точно совпадают. Бекингемширские сотни отличаются сложностью и запутанностью вотчинной структуры.

Протянутая с востока на запад полоса, образуемая фрагментами Бедфордшира и Бекингемшира, приводит нас ко второму, западному массиву нашего материала — к Оксфордширу и к составляющим его продолжение на север двум сотням Уорвикшира — к широкой полосе, идущей с севера на юг от верховьев Авона к средней Темзе. Здесь описано свыше 400 вилл — большая часть нашего материала.

Оксфордширские описи очень пестры и обычно очень грубы. Мы в праве ждать в них не малого числа пропусков и упрощений. Домен обычно дается в карукатах, держания в виргатах. Счет на акры применяется гораздо реже. Размеры коттерских держаний обычно не определяются; по тем данным, которые у нас имеются, можно заключить о крайней их пестроте; но в общем средние размеры их невелики. Я принимаю средние размеры cottagium в 2 а. Виргата в среднем меньше, чем на востоке; нередко встречается виргата в 20 а. Это заставляет соблюдать осторожность в выкладках, касающихся размеров вотчин. В Оксфордшире мы находим гораздо больше крупных вотчин, чем в других рассмотренных нами графствах, если не считать Гентингдоншира. Это впечатление не зависит от разницы в размерах виргаты, а соответствует действительности. Если нижнюю границу крупных вотчин мы передвинем с 33 виргат до 40 виргат, то это не приведет к заметному сокращению числа крупных вотчин в Оксфордширском материале. Церковные вотчины занимают в Оксфордшире около 30% всей учтенной территории — примерно, столько же, сколько в Кембриджшире и Бекингемшире. Распределены они по сотням очень неравномерно. Мы встречаем такие сотни, как Dorchester, церковную почти сплошь, такие, как Banbury или Thame, где церковные вотчины занимают половину всей учтенной территории, и такие как Langtree и Pyrton, где на них приходится всего 7%. Мы можем различать в графстве два района — равнинный и плодородный север, составляющий большую часть графства, и холмистый и лесистый юг. Приблизительной границей может служить река Тем. На севере мы встречаем очень крупные сотни с многими десятками вилл и вотчин. На юге,

как правило, сотни — мелки. Мы увидим известную разницу и в вотчинной структуре.

Северную группу составляют сотни Banbury, Ploughley, Bullington. Wotton, Chadlington, Bampton. Опись сотни Bloxham не сохранилась. Все это типичные манориальные сотни, с преобладанием крупных вотчин обычным совпадением вотчины с виллой, значительным развитием вилланской земли и второстепенной ролью свободных держаний (по всем сотням вилланская земля составляет около 47%, а свободная около 27% всей учтенной территории).

В сотне Banbury насчитывается 21 деревня (из них 10 hamelettae). Сотня — наполовину церковная. На первом месте среди крупных землевладельцев сотни стоит епископ Линкольнский, на втором — аббат Эншемский. В церковных вотчинах сосредоточено $^3/_4$ всей вилланской земли в сотне (205 виргат из 278), из них более 150 виргат в вотчинах епископа Линкольнского. Процент вилланской земли в церковных вотчинах необычайно велик и доходит почти до 70% при незначительном домене (около 20%) и ничтожных свободных держаниях. В светских вотчинах вилланская земля составляет всего лишь около 25%, а неманориальные элементы (преимущественно свободные держания и сравнительно мелкие домены без вилланов) — до 50%. Мелкая вотчина отличается значительно более низким процентом вилланской земли, чем крупная и средняя (около 20%). Мелкая вотчина занимает около трети всей учтенной территории; около 45% занимают крупные; средние (500— 1 000 а.) — несколько более 20%.

Сотня Ploughley насчитывает 46 деревень. Несколько более четверти территории приходится на мелкие вотчины, остальная делится приблизительно поровну между крупными (свыше 1 000 а.) и средними. Церковные вотчины занимают около 30%. В сотне наблюдается огромное преобладание вилланской земли над свободной (приблизительно 50 и 20%) при среднем развитии домена (около 30%). Неманориальный домен ничтожен. В крупных вотчинах вилланская земля составляет 65%, а свободная всего 8% всей учтенной территории. В мелких — свободная несколько превосходит размерами вилланскую землю. В церковных вотчинах процент вилланской земли выше, а свободной ниже, чем в светских, при одинаковых средних размерах вотчины и одинаковом развитии домена. Но и в светских в среднем вилланская земля значительно крупнее свободной.

Огромное преобладание вилланских держаний находим и в сотне Bullington, где можно насчитать 52 деревни (значительную часть их представляют hamelettae); некоторые по суммарности описи учету не поддаются, как Forsthall и Arncot с владениями аббата Oseney и приора Burcester. В этой сотне свободные держания составляют всего около 18%, а вилланская земля до 45% при домене в 32% (и неманориальном домене около 5%). При этом в сотне доминирует мелкая вотчина, занимающая более половины всей учтенной территории: крупная занимает всего около 20%, а средняя около 30%. Даже в мелкой вотчине вилланская земля несколько преобла-

дает над свободной. В крупной преобладание это огромно — вилланская земля приблизительно в 3½ раза больше свободной. Церковная вотчина занимает до 30% всей учтенной территории. Здесь свободные держания ничтожны, составляя всего около 10% вотчинной пашни, между тем как вилланская земля дает более 50%; при этом средние размеры церковной вотчины н и ж е, чем светской. Но и в светских вотчинах вилланская земля в 1½ раза больше свободной.

В сотне Wotton описано 58 вилл и hamelettae. Здесь в общем вилланская земля почти вдвое превосходит свободные держания, при домене в 27% и незначительном неманориальном домене. Мелкая вотчина занимает около 30% всей учтенной территории, крупная и средняя делят остальную часть поровну. Церковным вотчинам принадлежит около 20%. В мелких вотчинах вилланская земля приблизительно равна свободной, но в крупных превосходит его больше, чем втрое. В церковных вотчинах вилланская земля превышает свободную вчетверо, на нецерковных меньше, чем вдвое, при меньших средних размерах церковной вотчины. Неманориальный домен складывается почти целиком из владений цистерцианского монастыря Bruerne в Sowell и Duntrop [135], где у него имеется 9 гайд в домене и только 4 виргаты вилланской земли.

В сотне Chadlington насчитывается 42 деревни И здесь мы находим перевес вилланской земли над свободной (40% и 25%) при небольшом домене (24%); значителен неманориальный домен, складывающийся, главным образом, из владений аббата Bruerne в Fifide, Churchil, Wallcot, Shorthampton и Certeden [136], где у него 102 виргаты в домене и около 20 мелких свободных держаний. Сотня Chadlington отличается высоким процентом крупных вотчин. они занимают около 56% всей учтенной территории, на средние приходится около 33%, а на мелкие всего около 11%. Средние размеры вотчины здесь самые высокие по всему Оксфордширу (почти 30 виргат). В мелких вотчинах свободные держания значительно превосходят вилланскую землю; в средних и крупных отношение близко к среднему для сотни. Церковные вотчины занимают около $^1/_4$ всей учтенной территории. На них перевес вилланской земли над свободной значительнее, чем в нецерковных (свободные держания представляют примерно половину вилланской земли в церковных вотчинах и $^3/_4$ в светских). Средние размеры церковной и нецерковной вотчины приблизительно одинаковы (церковная даже несколько меньше).

Далее на юг лежат мелкие сотни: Thame, Dorchester, Lewknor, Pyrton, Ewelme и Langtree, расположенные отчасти чересполосно.

В сотне Thame описано 8 деревень, которые все входят в состав манора сотни епископа Линконского, но непосредственно епископу Линконскому принадлежат лишь манор в Thame и держания в Tetsworth, Morcot и Weston. Остальная территория распадается на ряд вотчин, которые мы можем рассматривать как самостоятельные единицы. В таком случае церковные вотчины составят в сотне 50%. Крупная вотчина дает до 45%, остальная

территория поровну распределена между мелкой и средней. Thame — типичная манориальная сотня, с свободными держаниями всего в 20% и вилланской землей примерно в 47% всей территории. Домен, связанный с вилланской землей, ниже среднего (24%), но довольно значителен неманориальный домен, составляющий 9% всей учтенной территории. Этот домен приходится, главным образом, на вотчины цистерцианского аббатства Thame (домен в 3 карукаты, 18 виргат + ? в Thame, Tetsworth и Morton) [134]. В мелкой вотчине свободные держания почти равны вилланской земле; в крупной — они втрое меньше. Сравнение структуры церковной и нецерковной вотчины не дает определенных результатов, поскольку церковная вотчина много крупнее нецерковной.

В Lewknor описано 18 вилл и hamelettae. Церковные вотчины составляют в ней до трети всей территории. Значительную роль играет мелкая вотчина, дающая до 45%; столько же придется на крупную; средняя составит всего около 10%. И в Lewknor преобладает типический манор с значительным перевесом вилланской земли над свободной (40 и 27%), средним развитием домена (30%) и незначительным неманориальным доменом. В мелкой вотчине вилланская земля и неманориальные элементы приблизительно одинаковы. В крупных нецерковных — соотношение между вилланской землей и свободной близко к среднему для сотни, но в крупных церковных вотчинах вилланская земля вчетверо превосходит свободную. Церковная вотчина в среднем много крупнее нецерковной. В сотне есть вотчина (Sidenham) [138] цистерцианского аббатства Thame с доменом в 3 карукаты и весьма значительной вилланской землей (28 виргат); мы не можем поэтому считать данный домен неманориальным. Но вилланские держания не несут никаких отработочных повинностей.

В Pyrton, где описано 12 вилл и hamelettae, церковное землевладение незначительно (около 7% всей территории). Совсем нет крупных вотчин. Треть территории занята мелкими вотчинами, две трети — средними. Это отражается и на средних для сотни цифрах вотчинной структуры. Свободные держания вдвое превышают вилланскую землю. Довольно значителен неманориальный домен, в котором видное место принадлежит вотчине цистерцианского аббатства Thame в Stoke [139]. В мелких вотчинах свободные держания втрое превышают вилланскую землю. Церковный материал слишком скуден и своеобразен для каких-либо выводов.

В сотне Ewelme, где описано 28 вилл и hamelettae, мы находим перевес свободных держаний над вилланской землей (40 и 30%). В двух крупных светских манорах вилланская земля втрое меньше свободной, особенно в Bensington эрла Корнуольского [140], где сверх $15^{3}/_{4}$+? виргат свободной земли имеется еще 69 виргат в руках liberi sochemanni при вилланской земле в 23 виргаты (в Bensington, Warborough и Silinford). Зато в единственной крупной церковной вотчине — Nywenton с hamelettae [141] — свыше 60 виргат вилланской земли при 1 виргате свободной. Все же в крупной вотчине сотни Ewelme вилланская земля равна свободной. Это редкий слу-

чай, но он, как мы видели, определяется структурой всего двух вотчин. Крупные вотчины занимают около 34% всей территории (хотя крупных вотчин всего три). Средняя вотчина, занимающая около 30%, дает значительный перевес свободным держаниям. В мелких вотчинах, занимающих до 37%, свободные держания вдвое превосходят вилланскую землю. Церковные вотчины занимают около $^1/_4$ всей территории сотни. При указанном выше соотношении в структуре крупных вотчин не является неожиданным, что между церковными и нецерковными вотчинами наблюдается резкое различие: в церковных — свободные держания вчетверо меньше вилланской земли, в нецерковных — они вдвое ее больше. При этом средние размеры нецерковной вотчины значительно больше Любопытен неманориальный домен. Рядом с цистерцианским аббатством Thame, у которого было две карукаты пашни и 196 акров леса в домене и небольшая держательская земля (4 вилланских cotagia, 2 виргаты, 38 крофт и лес у свободных держателей) в Wyfaude [142], здесь фигурирует и бенедиктинский женский монастырь Godstow с двумя карукатами и 4 а. в Bensington [143] и августинское аббатство Osency с 1 карукатой и 1 виргатой там же, если только эти описи не даны в сокращенном виде. В этой же сотне находим довольно значительную нецерковную вотчину, состоящую из большого домена в 17 виргат (по частям от трех разных лордов) и ничтожной держательской земли, причем 6 вилланских cotagia не несут никаких отработочных повинностей (в L. Hassel, лорд — Petrus filius Oliveri) [144]

В сотне Langtree посчитано 9 вилл и hamelettae, и в ней мы наблюдаем значительный перевес свободных держаний над вилланской землей. В единственной крупной вотчине (Джона de Ripar' в Stock Basset) [145] вилланская земля вдвое превышает свободную. В мелких вотчинах, занимающих до 40% территории сотни, свободная земля почти втрое больше вилланской. Необычайно развит неманориальный домен — более 15% всей территории сотни, причем под эту рубрику приходится зачислить все церковные владения в этой сотне. В том числе августинское женское приорство Goring держит от разных лордов 4 гайды и 5 виргат в Goring и Stock Basset [146], аббат Эншемский — 1 гайду и 32 а. леса, приор Уолингфордский — 2 виргаты, приор Okeburn — 2 виргаты и мельницу. Никаких указаний на держателей в церковных вотчинах описи не дают, что заставляет заподозрить, не имеем ли мы перед собой упрощенного описания церковных владений.

При всей невнятности описи небольшой сотни Dorchester (частое отсутствие описания домена, обычный пропуск мелких держаний, хаотическое распределение материала по виллам и манорам, в результате чего нередки повторения), она дает достаточно определенную картину. Это по преимуществу церковная сотня, которая почти вся находится во владении епископа Линконского. Основная масса несвободного крестьянства ($^9/_{10}$) сосредоточена в больших поместьях церковных лордов — епископа Линконского и аббата Эншемского. На нецерковных вотчинах наблюдается совершенно ничтожное развитие вилланства. В целом площадь вилланских держаний превосходит

площадь свободных (113—80 виргат). Дальнейшие заключения (особенно относительно структуры мелкой и крупной вотчины) затруднительны.

Оксфордширская вотчина по своей структуре в среднем приближается к Гентингдонширской. Все показатели — и относительные размеры домена, и высокий процент вилланской земли, и сравнительно низкая цифра для свободной—здесь очень близки к Гентингдонширским. Еще сильнее будет сходство, если мы исключим три южных холмистых и лесистых сотни Pyrton, Langtree и Ewelme, где относительные размеры вилланской земли невелики. В целом Оксфордшир дает несколько бо́льшую роль неманориальным элементам, что, впрочем, может быть объяснено большей суммарностью описи. Средние размеры вотчины в Оксфордшире много выше, чем в Кембриджшире, но едва ли превосходят средние цифры для Гентингдоншира и Бекингемшира в виду того, что размеры виргаты в Оксфордшире, как было сказано, невелики. Крупная вотчина играет в большей части Оксфордшира такую же определяющую роль, как и в Гентингдоншире. Церковные вотчины занимают в Оксфордшире меньше места, но по средним размерам церковная вотчина мало отличается от Гентингдонширской и, подобно ей, показывает сравнительно с нецерковной значительно большее развитие вилланства. Большие скопления вилланской земли мы встречаем преимущественно во владениях крупных церковных учреждений — епископства Линконского и Винчестерского, аббатств Абингдонского, Вестминстерского, Сайсистерского, Эншемского, Oseney, Winchcombe. Но не только крупные, но и средние и мелкие церковные вотчины характеризуются значительным преобладанием вилланской земли над свободной. В сотне Bullington, где мы видим на церковной земле очень высокое процентное отношение вилланской земли к свободной, совсем нет больших церковных вотчин. Но в то же время среди церковных вотчин мы находим значительные вотчины без вилланов или с крайне незначительной вилланской землей. Таковы владения цистерцианских монастырей, реже — других церковных лордов.

Территория, очерченная уорвикширским материалом, непосредственно примыкает к северному Оксфордширу. В Уорвикшире нам даны сотни Kineton и Stoneleigh. С юго-востока они ограничены северным Оксфордширом, с востока — Нортгемптонширом, с северо-востока— Лестерширом. Уорвикшир разделяется довольно отчетливо на два района—полевой и лесной, woodland и champion, по выражению Сельдена. Наши сотни расположены в plain champain или Feldon, как называли этот район, в бассейне верхнего Авона и отчасти к югу от него; но они близко подходят и к лесному району, тянущемуся к северу от Авона и к западу от линии, проведенной с севера на юг через Уорвик. DB показывает во многих виллах изрядные леса. Упоминания о лесах, парках, заповедниках очень часты в RH. В маноре аббата Stoneleigh имеются три общинных леса, в которых считается 1 000 a. de bosco et wasto. Район отличается мягким климатом и плодородной почвой. По рекам и речкам много лугов и мельниц. Грас в своей попытке

разделения Англии на районы по высоте хлебных цен отнес Уорвикшир вместе с Вустерширом и северным Глостерширом к первому, самому дешевому району («район верхнего Северна») [147]. Он отмечает, что обработка земли требовала здесь незначительного труда и затрат. Реки Авон и Северн представляли превосходные пути сообщения, хлеб вывозился через них в Бристоль. Грас при этом забывает, что Авон был в XIII в несудоходен. Надо сверх того заметить, что низкие цены на хлеб характерны для данного района в более позднее время. Для периода 1259—1300 гг., судя по цифрам самого Граса, район верхнего Северна стоит не на первом, а на десятом месте по хлебным ценам (из 14 районов, установленных Грасом). В Уорвикшире господствовала система открытых полей; двухполье и трехполье встречаются рядом еще в эпоху Якова I. В XIII в. наблюдались случаи перехода от одной системы к другой. Не видно никаких географических и исторических предпосылок, которые могли бы задержать развитие манориальной системы. DB рисует здесь типичные маноры (не упоминая этого термина) с домениальными каруками, сервами, виллапами и бордариями.

Уорвикширский материал очень отчетливо распадается на две части — южную, образуемую сотней Kineton, и северную, образуемую сотней Stoneleigh. Kineton непосредственно примыкает к северному Оксфордширу и отличается в общем характерными оксфордширскими особенностями. Цифры для домена, вилланской земли, неманориальных элементов, средние размеры вотчины, даже соотношение между территорией крупных и мелких вотчин, их сравнительная структура — все это близко подходит к средним цифрам для Оксфордшира. Надо лишь отметить более низкий процент домена и несколько более высокий процент свободных держаний, но процент вилланской земли совпадает точно. Аналогия замечается и в строении церковных и светских вотчин; но территория первых—ниже средней для Оксфордшира. Зато очень резко отличается от Оксфордшира сотня Stoneleigh. Здесь мы видим ничтожное развитие домена (20%) и незначительную вилланскую землю (28%) при большой свободной (37%) и значительном неманориальном домене (до 15%), создаваемом, главным образом, большим доменом (17 карукат) цистерцианского аббатства Stoneleigh [148]. Средняя вотчина гораздо мельче, чем в Kineton, территория, охватываемая мелкими вотчинами, гораздо больше (до 45%). Stoneleigh — сотня с весьма значительным развитием церковной земли, но здесь и на церковных вотчинах мы отмечаем слабое (слабее, чем на светских) развитие вилланской земли (всего 24%), значительную свободную землю и особенно огромный неманориальный домен. Впрочем, наиболее крупное скопление вилланских держаний ($33^1/_4$ виргаты) мы находим в вотчине Itchington епископа Честерского [149]. По размерам свободной земли, по роли неманориальных элементов, по незначительности вилланской земли сотня Stoneleigh может быть поставлена на ряду с наиболее характерными сотнями южного Кембриджшира.

Таким образом, южные сотни Оксфордшира, подводящие нас к Беркширу, и Уорвикширская сотня Stoneleigh, подводящая нас к Нортгемптонширу

и Лестерширу, дают значительные отклонения от манориального типа. Мы продвинулись довольно далеко от границ Восточной Англии на юго-запад, потом в Уорвикшире повернули к северу и дошли до границ Девло. И хотя наиболее характерные отклонения нами обнаружены именно в пограничных районах (Кембриджшир, Stoneleigh), но и в таких типичных Midlands, как Бедфордшир, Бекингемшир, Оксфордшир, мы встречаем деревни и целые сотни, не укладывающиеся в манориальную характеристику.

Подводя итоги всем нашим подсчетам, мы можем дать ответ на вопрос о том, кто же прав — классическая теория с Сибомом и Виноградовым или же ее критики. Можем ли мы сказать вместе с первыми, что Англия была покрыта однотипными манорами, или же принуждены согласиться с Мэтландом, что Англия не состояла из маноров? Конечно, наш материал не отвечает за Англию в целом. В общем ни того, ни другого мнения мы без оговорок принять не можем. Совершенно несомненно, что в данной зоне манориальная система, базирующаяся на тесно связанных друг с другом домене и виллапской земле, выступает огромным массивом, захватывая почти 65% всей учтенной территории. Свободные держания и трудно отличаемый от них на своих нижних ступенях немапориальный домен нельзя, однако, назвать узкой каймой вокруг этого центрального массива — на них приходится, повидимому, свыше трети — 35% всего материала. Если мы примем в расчет, что наши суммирующие цифры определяются наилучшей сохранностью в нашем материале типично-манориальных графств: Гентингдоншира и Оксфордшира, то роль немапориальных элементов окажется еще значительнее. Если мы при учете будем рассматривать отдельные графства как одинаковые величины, независимо от степени сохранности их описей, то в общем доля неманориальных элементов вырастает до 40%. Вероятно, эта цифра ближе к действительности. По некоторым сотням процент неманориальных элементов значительно выше, составляя 55% в Бедфордширском материале, 54% (?) в сотне Longstow (Кембриджшир), 42—46% в сотне Papworth (там же), 45% в сотне Stodfold (Бекингемшир), 42% в сотне Bunstow (там же), 56% в сотне Pyrton (Оксфордшир), 51% в сотне Langtree (там же), 46% в сотне Ewelme (там же), 52% в сотне Stoneleigh (Уорвикшир). Как видно из этого перечисления, пятна, в которых неманориальные элементы играют весьма значительную или даже преобладающую роль, разбросаны по всей изучаемой нами территории, с одного ее конца до другого. Еще ярче выступят эти пятна, если мы в своих подсчетах не будем связывать себя границами сотен. Пятно из 14 бедфордширских вилл дает до 69% неманориальных элементов. Но, с другой стороны, нельзя забывать, что процент неманориальных элементов для целых графств, как Гентингдоншир, падает до 27%, что в отдельных сотнях он еще ниже (Hirstingdon, Hunts,— 18%, хотя здесь весьма вероятна ошибка в виду дефектности описи, Leightonstone, Hunts, — 22%, Muta, Bucks — 26%, Bullington, Oxf., — 22%, Wotton, там же — 27%, Ploughley, там же — 22%). Но во всяком случае мы имеем дело не с узкой, а с очень широкой каймой. Едва ли даже

здесь можно говорить о «кайме». Свободные держания и домен без вилланов — весьма существенный составной элемент в структуре английской деревни, даже в наиболее манориализованной ее полосе. Даже если предположить, что некоторая часть материала, попавшего под рубрику «неманориальных» элементов, представляла в действительности части домена манориального типа, что эта рубрика вообще несколько раздута фрагментарностью и несистематичностью нашего источника, то все же цифра в 35—40% едва ли может быть значительно понижена. Церковные инклавы в светских манорах, часть которых сосчитана, как свободные держания или неманориальный домен, не составляют, как мы видели, в среднем и 2% всего материала; лишь некоторая часть их могла быть связана с доменами, обеспеченными вилланскими держаниями. То же можно сказать и о владениях светских лордов в чужих манорах. Едва ли поправка на возможность этого преувеличения сможет составить более 2—3%.

Переходя к анализу манориальных элементов в вотчине, нам приходится отметить сравнительно слабое развитие домена (в среднем 26% всей учтенной территории) и значительный перевес вилланской земли. Это соотношение нарушается лишь в Бедфордшире, где обе эти части приблизительно равны. Но уже не однажды приходилось отмечать, что цифры для домена являются очень гадательными; их, вероятно, надо несколько увеличить. Вообще мы стоим на более твердой почве, когда сравниваем размеры домена в одной сотне с размерами домена в другой, чем когда мы сравниваем размеры домена с размерами других частей вотчины. Все же мы можем отметить некоторые характерные особенности цифр, относящихся к домену. Прежде всего бросается в глаза отсутствие постоянства в соотношениях между доменом и вилланской землей: мы находим наиболее развитой домен в графствах с относительно слабым развитием вилланской земли (Кембриджшир, Бекингемшир), в графствах же с наиболее развитой вилланской землей (Гентингдоншир, Оксфордшир, южный Уорвикшир) наблюдается незначительное развитие домена. По отдельным сотням находим еще более резкие колебания в соотношениях между вилланской землей и доменом (крайние случаи — сотня Chilford в Кембриджшире, где домен — 42%, а вилланская земля — 14% всей учтенной территории, и Banbury в Оксфордшире, где домен составляет 22%, а вилланская земля —47%); по отдельным вотчинам колебания еще резче. Из отсутствия пропорциональности между размерами домена и вилланской земли мы можем сделать один немаловажный вывод: в установлении относительных размеров домена и вилланской земли в вотчине система отработочных рент не играет определяющей роли; если когда-нибудь и существовало более или менее постоянное соотношение между доменом и вилланской землей, определявшееся господством отработочной ренты, то это соотношение ко времени нашего источника нарушено и система отработочной ренты не определяет более структуры вотчины. В среднем относительные размеры домена по отдельным графствам колеблются в гораздо более тесных пределах, чем относительные

размеры вилланской земли (домен между 22 и 31%, вилланская земля между 22 и 46%). Вообще относительные размеры домена представляют наиболее устойчивую цифру в нашем материале и средняя цифра для домена — 26%, или близкие к ней, постоянно повторяются в наших выкладках.

Среди неманориальных элементов неманориальный домен, т. е. домен, не связанный с вилланской землей, играет второстепенную роль, составляя в среднем 6% (или, делая поправку на неравномерность материала, 9%) всей территории. Если иногда он не отличим от обычного свободного держания, то в верхней своей части он представляет своеобразное образование в виде больших владений, никак не связанных с вилланской землей. Мы находим большие домены такого рода преимущественно на церковной земле, притом, главным образом, в поместьях монастырей цистерцианского ордена. Выше было указано несколько случаев светских владений такого типа; они нередки и чаще всего связываются с довольно значительной свободной землей. Но у цистерцианцев обычно и свободная земля незначительна. Надо, конечно, отметить, что скромная цифра 6—9% далеко не исчерпывает домена, не обеспеченного вилланским трудом; в данной главе мы рассматриваем лишь вотчинную структуру, которая вскрывает перед нами, можно думать, более глубокие и давние пласты, чем система рент. В дальнейшем нам придется значительно увеличить размеры домена, не обеспеченного вилланским трудом, присоединив сюда те вотчины, где вилланы не несли отработочных повинностей или несли их в незначительных размерах.

Среди «неманориальных» элементов вотчины преобладают свободные держания, по большей части мелкие (хотя, как мы видели, эти держания могли принадлежать большим господам и порой складываться в значительные владения). Как уже отмечалось, цифры для свободных держаний, вероятно, надо несколько понизить, присоединив некоторые держания к манориальному и особенно к неманориальному домену. Но процент таких сомнительных элементов сравнительно незначителен. При относительной устойчивости средних процентных отношений для домена свободная земля по отдельным графствам, как правило, изменяется обратно пропорционально вилланской земле: графства с наибольшим развитием вилланской земли дают наименьшее развитие свободной. Общая цифра нашего материала дает около 30% свободных держаний. Эта цифра ни в коем случае не является ничтожной по сравнению с вилланской землей (39—34%). По некоторым графствам (Кембриджшир, Бедфордшир) свободная земля даже превышает вилланскую. Превышение мы находим и в отдельных сотнях других графств (Bunstow в Бекингемшире, Pyrton, Ewelme, Langtree в Оксфордшире, Stoneleigh в Уорвикшире). Вспомним, что свободные держания были сферой развития почти исключительно денежной ренты, между тем как на вилланской земле развивались как отработочная, так и денежная рента; полученные нами цифры дают известные указания по вопросу о роли денежной ренты. Степенью развития свободных держаний

определяется в значительной мере также и сложность вотчинной структуры, и роль невотчинных элементов, и переплетение вотчин, о котором была речь выше. Чем шире кайма свободных держаний, тем труднее делается учет вотчин и отделение их одна от другой.

В своих общих характеристиках мы объединили вотчины самой разнообразной величины и структуры: и крупнейшие маноры, и мелкие комплексы держаний, и церковные и светские вотчины Можно ждать более четких и детальных характеристик от распределения материала по более дробным группам. Рассмотрим сначала особенности структуры вотчин различной величины Приходится отметить, что в наших подсчетах мы рискуем часть свободных держаний, связанных с крупными вотчинами, отнести к мелким самостоятельным единицам вследствие фрагментарности и недостаточной ясности нашего источника Противопоставляя крупную и мелкую вотчину, мы должны сделать эту поправку, заставляющую отчасти сглаживать резкость различий между ними.

Если мы выделим из нашего материала вотчины мельче 500 а. (16 виргат) и посчитаем их отдельно, то убедимся, что такие вотчины занимают около 36% изучаемой нами пахотной территории По отдельным графствам эта цифра сильно колеблется, падая до 30% в Гентингдоншире и поднимаясь до 65% в Бедфордшире. Еще резче расхождения по отдельным сотням в сотне Muta (Бекингемшир) мелкая вотчина дает всего 2%, а в Chilford (Кембр.) — около 66%.

Сравнивая выделенные таким образом мелкие вотчины с остальными (крупными и средними вместе), мы еще раз отмечаем устойчивость домена, дающего в обеих группах в среднем одинаковый процент (около 25). По отдельным графствам резких расхождений в этом пункте не замечается.

Зато сильнейшие различия наблюдаются в роли вилланской земли: составляя около 47% в вотчинах свыше 500 а., она падает до 27% в вотчинах ниже этого уровня. В обратном отношении находятся неманориальные элементы и прежде всего свободные держания: 27 и 48%. В мелких вотчинах некоторых графств роль неманориальных элеменов возрастает до 65% (Бедфордшир); в сотне Langtree (Оксф.) он доходит до 69, а в Hirstingdon (Гент.) падает до 22 (хотя здесь у нас неполные данные). Но во всяком случае перед нами достаточно определенная картина — наименее известная по сохранившимся манориальным источникам мелкая вотчина, занимающая немалое место в английской феодальной деревне (свыше трети по нашему материалу), имеет ряд специфических особенностей в своей структуре, давая в среднем значительное превышение свободных держаний над вилланской землей. Если господствующие в исторической литературе представления о вотчинной структуре более или менее применимы к средней и крупной вотчине, то они совершенно не применимы к мелкой.

Если мы теперь выделим в особые группы крупные вотчины (с пахотой свыше 1 000 а) и средние (с пахотой от 500 до 1 000 а.), то убедимся, что и между средними и крупными вотчинами наблюдается известное различие

в структуре. Те 64% учтенной в нашем материале пахотной земли, которые приходятся на средние и крупные вотчины, делятся, примерно, поровну между этими двумя разрядами. Число учтенных крупных вотчин — 111, средних — 238, со средними размерами крупной вотчины в 61 виргату (около 1 830 а.), а средней — в 29 виргат (около 870 а.). Немапориальные элементы в обоих разрядах занимают, примерно, одинаковое место (около 25%); зато резкие различия наблюдаются в соотношении домена и вилланской земли. В крупнейших вотчинах мы видим огромное развитие вилланской земли, занимающей более половины вотчинной пахоты (52%), хотя и здесь наблюдается известное колебание по графствам (55—35%). Зато домен падает ниже средней нормы — до 23%. В средних вотчинах домен дает цифры значительно более высокие — свыше 30%, зато вилланская земля представляет только 42% всей пахоты. Словом, в средних манорах отношение домена к вилланской земле выше, чем в крупных, и это соотношение отличается значительной стойкостью — мы наблюдаем его почти во всех графствах; в мелких вотчинах процент домена и вилланской земли, примерно, одинаков (со всеми оговорками, которые мы делали относительно исчисления размеров домена). Таким образом, размеры домена относительно вилланской земли в общем находятся в обратной пропорции к размерам вотчин — чем крупнее вотчина, тем значительнее в ней роль вилланской земли. Такое соотношение мы находим как в крупных светских, так, особенно, в церковных вотчинах.

Сравнивая вотчины церковных и светских лордов, мы видим в среднем одинаковое развитие домена в тех и других, но церковные отличаются неизменным перевесом вилланской земли над немапориальными элементами (если не считать Бедфордшира, где наш материал дает лишь мелкие фрагменты церковных владений), между тем как в нецерковных вотчинах немапориальные элементы и вилланская земля в общем уравновешены. В нашем материале церковные вотчины занимают в целом 27%, а нецерковные — 73% всей учтенной пашни. Мы можем по достоинству оценить осторожность и проницательность Мэтланда, который в 1889 г. предостерегал от обобщения данных, полученных на материале крупных церковных вотчин (как раз по вопросу о преобладающем значении вилланских держаний). В церковном материале крупная вотчина значительно отличается от мелкой. Для вотчин свыше 1 000 а. вилланская земля определяется в 50% при домене в 22%, а для вотчин менее 1 000 а. — всего в 39% с доменом в 29% (хотя здесь имеются значительные местные варианты).

Глава IV

ОТРАБОТОЧНАЯ И ДЕНЕЖНАЯ РЕНТА В СРЕДНЕЙ АНГЛИИ

Переходя к этому вопросу — центральному в нашем исследовании, — мы наталкиваемся на ряд трудностей. Как можем мы определить сравнительную роль различных форм ренты? Путь к этому дает нам практика и вотчинных и правительственных описей, в которых как отработочные ренты, так и ренты продуктами часто оцениваются в деньгах По приказчичьим отчетам нам хорошо известен смысл этих оценок — по ним производится venditio operum — «продажа работ», т. е. замена их денежными платежами в тех случаях, когда данные работы не требуются; по таким же оценкам «продаются», т. е. заменяются денежными платежами и натуральные взносы. Но при количественном сопоставлении различных форм ренты возникает вопрос — в какой мере денежные оценки были эквивалентны заменяемым ими отработочным рентам? Не оценивали ли они труд крестьян выше или ниже его действительной стоимости? Вопрос этот существен хотя бы потому, что оценки работы вилланов, даваемые в манориальных и правительственных документах, как правило, ниже принятой в это время заработной платы наемных рабочих [1]. Но в тех случаях, когда оценивается поденная работа («диэта»), это может быть объяснено тем, что с барщинников не всегда требовался полный рабочий день. В случаях же сдельной работы оценки были довольно близки. Так, жатва акра расценивается в кембриджширских Сотенных Свитках 1279 г. в 3—6 пенсов. Между теми же цифрами колеблется поакровая оплата жнеца (десятилетие 1271—1280) по Роджерсу [2]. Впрочем, в Сотенных Свитках средняя оценка все же несколько ближе к нижней границе, чем у Роджерса. Можно предположить, что оценки работ приобретали в вотчинной практике традиционный характер, не пересматривались в соответствии с колебаниями заработной платы и при росте последней от нее отставали [3]. Для XIII в. материал для сравнения слишком скуден, но у нас не остается впечатления, что между вотчинными оценками и действительной стоимостью труда имелось в это время значительное расхождение [4]. Поэтому я считаю возможным эти вотчинные оценки положить в основу сравнения. Но здесь начинается ряд новых трудностей.

Иногда сравнение значительно облегчается тем, что наш источник дает оценку рабочих повинностей в целом или оценку отдельных видов повинностей; но нередко эта оценка отсутствует. В этих случаях вычисления делаются крайне затруднительными, так как оценка работ варьировала в отдельных случаях в связи как с неодинаковой продолжительностью рабочего дня [5], так и с принципами расценки. Так, большую разницу в оценке работ создавало применение крестьянами своей тяги — перевозка навоза на своей телеге оценивалась в 6 d, а на господской в 1 d за день. Не всегда видно, поденно или поурочно расценивается работа. Суммарные описания работ часто не выясняют, производились ли они на господских харчах или без них, что значительно меняет расценку (харчи в среднем расцениваются около 1 d. в день) Не всегда точно дается количество требуемых работ — особенно часто эта неопределенность встречается в применении к сенокосу [6]; значительная часть работ вообще не фиксировалась манориальной практикой (особенно часто извозные повинности и прекарии оставались «на воле лорда»). В главе II был указан еще ряд неясностей, возникающих в результате суммарности даже наиболее обстоятельных описей в RH.

Далеко не всегда мы можем сделать поправки на зачет праздников, а тем более болезней («nisi festus intercurrerit vel egrotus») [7]. Распределение работ часто очень причудливо и базируется на подвижных праздниках, как Пасха. Число и разнообразие крестьянских работ весьма значительно, способы их учета и оценки бесконечно варьируют. Все это делает точные подсчеты общих оценок вилланских работ крайне затруднительными, а в тех случаях, когда они даны, мы можем сильно сомневаться в их точности (особенно если они даются в круглых цифрах)

В основном я придерживался таких принципов в подсчете общих оценок вилланских работ.

При учете недельных работ (week works) я исходил из предположения, что около 4 недель в году пропадает для работы по причине праздников, дурной погоды, болезней и т. д. Эта цифра, несомненно, много ниже настоящей. Тогда остается 8 недель для осенних работ (от св Петра в оковах до св. Михаила) [8] и 40 на остальной сезон. При оценке отдельных видов работ мною применялись следующие средние расценки (в тех случаях, когда не было более точных указаний): осенние работы — 1½ d. за диэту; в остальной сезон — ½ d. за диэту; прекарии — 2 d. без харчей, 1 d. с харчами; пахота — 3 d. (если нет более точных указаний); возка (cariagia, summagia и т д.) — 2½ d.; косьба — 2 d.; продолжительность сенокоса определяется в среднем в 3 дня; уборка сена — $^3/_4$ d., продолжительность — 2 дня; боронование — 1 d., полка — $^3/_4$ d.; из сдельных работ. жатва 1 a. — 4 d., изготовление квартера солода — 2 d. [9].

От этих расценок зачастую приходилось отступать в зависимости от местных условий — от способа учета работ и расценок, принятых в данной сотне или деревне, у соседей и проч. На глаз, или сообразуясь с практикой

ближайших вотчин, приходилось подсчитывать и размеры повинностей «на воле лорда».

Эти нередко довольно сложные подсчеты в конечном итоге дают лишь приблизительные цифры, но все же по ним можно составить себе общее представление о размерах отработочных рент в отдельных вотчинах и районах.

При этом приходится постоянно иметь в виду, как было указано в главе II, что перечисленные в источнике работы представляют обычно максимальную цифру рабочих повинностей, и что фактически часть их или все они могут быть по воле лорда заменены денежными платежами. Такая возможность очень часто оговаривается и нашим источником, но мы должны помнить о ней и тогда, когда она не оговаривается. Нередко (в Бедфордшире, Бекингемшире, некоторых сотнях Оксфордшира) дается лишь общая оценка повинностей и указывается, что лорд в праве потребовать их либо в той, либо в другой форме. Но чаще даются более точные указания на максимальные размеры отработочных рент.

При учете денежных рент мы должны иметь в виду крайне сложный состав этих рент, являющийся результатом длительных исторических наслоений. В источнике обычно дается лишь часть этих рент, основная часть, конечно, а именно redditus assisae. Нередко указывается, кроме того, auxilium или tallagium, если он фиксирован, или же упоминается о том, что он зависит от воли лорда. В этих случаях мы можем по фиксированному auxilium судить о средних размерах произвольного (который был, надо думать, никак не меньше). Но целый ряд важнейших денежных рент не указан (или указывается очень редко). Здесь на первом месте надо поставить «placita et perquisita», доходы курии, которые, как нам известно из ряда других источников, как протоколы манориальных курий, Ministers' Accounts и IPM, представляют весьма важную статью денежного дохода лорда. Далеко не всегда даны уплаты за проверку круговой поруки, на подмогу шерифу, на стражу и др. платежи «внешнего» характера (redditus forinsecus) [10]. Далеко не всегда упоминается такая непостоянная рента государственного характера, как щитовые деньги, уплачивавшиеся как свободными, так и вилланами. Мы видели, что RH нередко умалчивают о мелких customary rents; не всегда в них учтен pannagium и другие виды денежных платежей за пользование лесом и пастбищем. Словом, перед нами в общем у м е н ь ш е н н а я цифра денежных повинностей вилланов, нередко значительно уменьшенная. При этом мы должны помнить, что денежная рента, поименованная отдельно от отработочной, как правило, не обращалась в отработочную (если об этом не было особой оговорки). Другими словами, сравнивая отработочную и денежную ренты (по данным RH), мы нередко рискуем преувеличить роль ренты отработочной, но никогда (при должной осторожности) не рискуем преувеличить роль ренты денежной.

Рента продуктами играет совершенно второстепенную роль в RH, в среднем составляя не более 2—3% вилланских повинностей; среди рент

продуктами на первом месте стоят яйца, куры, каплуны, реже гуси, еще реже зерно (главным образом, овес — в виде foddercorn) у свободных держателей — перец, тмин, воск. Но мы можем предполагать, что известная часть ренты продуктами от нас ускользает — она взыскивалась в виде гериотов, баналитетов, особенно за пользование господской мельницей. Временами мы встречаемся с коммутацией этих рент. В то же время известная часть рент продуктами стоит ближе к денежным, чем к натуральным рентам; некоторые ренты вносятся такими продуктами, которые должны быть куплены за деньги. Таковы, например, взносы: перцем, солью, сельдями, шпорами, перчатками и т д.

При крайней запутанности держательских отношений в области свободных держаний (гл. III) порой не легко определить размеры рент свободных держателей. Особенно это трудно в графстве с наибольшей дезинтеграцией свободных держаний — в Кембриджшире. Свободный держатель не только уплачивает ренту, но зачастую получает ее от своих, иногда довольно многочисленных держателей. При этом между свободным держателем, фактически хозяйничающим на своей земле, и лордом нередко стоит целая цепь промежуточных держаний, через руки которых проходит рента, отчасти распределяясь между ними. Случаи отчуждения ренты или ее части еще более затрудняют подсчет как раз в тех районах, где рента свободных держателей играет наиболее крупную роль. Затрудняют счет также случаи держания лордами маноров земель в чужих манорах, причем эти земли сдаются ими за ренту. Поэтому в ряде случаев нам удается получить лишь приблизительные ориентировочные цифры. В тех случаях, когда вычисление производится легко, мы в праве заподозрить некоторые упрощения в источнике

Подсчитать все ренты, упомянутые в RH, являлось бы трудом, превышающим силы одного исследователя; к тому же мы и таким путем не получили бы вполне достоверных цифр. Поэтому сплошные подсчеты вилланских отработочных рент, требующие большой осторожности и значительной затраты времени, производились мной лишь для некоторых графств и сотен. Во многих случаях я принужден был ограничиться лишь общими характеристиками на основании приблизительных сопоставлений. Особенно это имело место в тех случаях, когда господствующий характер ренты не вызывал сомнений и тщательное вычисление могло лишь подтвердить вывод, который можно было получить более простым путем.

По характеру феодальной ренты мы можем разделить наш материал на две большие группы — восточную и западную; в первую — войдут графства Гентингдонское и Кембриджское, во вторую — Оксфордское и Уорвикское. Перемычка между ними, образуемая фрагментами Бедфордского и Бекингемского графств, в расчет итти не может, так как здесь вилланские повинности описаны очень суммарно; дается лишь общая оценка, но не предоставляется возможности разделить различные формы рент.

Мы различали в восточной группе две части. три сотни Гентингдоншира, где преобладает «типический» крупный манор с большим развитием виллан-ской земли и сравнительно узкой каймой фригольда. Южная оконечность Гентингдоншира (Toseland) и Южный Кембриджшир отличаются, наоборот, сильным развитием свободных держаний, в общем почти уравновешивающих вилланскую землю, значительным развитием мелкой вотчины, занимающей половину, а иногда (сотня Triplaw) до $^2/_3$ всей учтенной территории.

Изучая три северных сотни Гентингдоншира с точки зрения господствующих в них форм ренты, мы получаем новое подкрепление своему впечатлению о преобладании в них типических манориальных порядков.

В сотне Hirstingdon перед нами проходит ряд маноров Рамзейского монастыря с их тяжелой барщиной. Таковы же порядки в огромном маноре Sumersham епископа Илийского (хотя барщина здесь легче). Денежная рента играет совершенно второстепенную роль. Точное вычисление затрудняется наличием значительного числа работ, зависящих от «воли господина», а именно прекарий и извозных повинностей. В среднем в рамзейских маноpах виргата несет отработочных повинностей примерно на 20 s., а денежных платежей, включая сюда tallagium, heysire, maltsilver, fishsilver и пр,— 2—3 s. [11]. Иногда мы видим небольшой redditus assisae; в Wistow вилланы платят 3 s. с виргаты, 3 виргаты в Needingworth по 5 s., в Broughton 30 v. и 5 cot. уплачивают вместе 5.0.0 [12]. Тяжесть обложения на более мелких виргатах легче; легче она в манорах епископа, чем в манорах монастыря. Но всюду мы видим безусловное преобладание отработочных рент, особенно тяжелых в виду неопределенности прекарных и извозных повинностей. Преобладание денежной ренты встречается изредка (Warboys, Wistow) среди мелких коттерских держаний, не изменяя общей характеристики. Конечно, при этом надо помнить не повторенные в нашем источнике, но хорошо нам известные по Рамзейскому картулярию слова: «ad voluntatem domini possunt opera poni ad censum» [13]. Часть работ могла заменяться денежными платежами, но это общей картины не меняет.

Ренты свободных держателей в сотне Hirstingdon незначительны. Даже в маноре Sumersham епископа Илийского, где наблюдается наибольшее развитие свободной ренты, последняя (правильнее денежная ее часть) составляет всего 10.6.6, между тем как оценка рабочих повинностей вилланов составляет 57.12.4, не считая извозных повинностей и прекарий (по воле лорда), а денежные их ренты дают 3.14.3, не считая произвольного tallagium, pannagium и др. нетаксированных рент.

Перед нами типичнейшая манориальная система, как ее рисовали классики манориальной теории, притом почти по тому же самому материалу. В двух других северных сотнях Гентингдоншира — Normancross и Leightonstone дело обстоит несколько сложнее, но в общем и здесь значительно перевешивает барщинная система. Здесь мы нередко встречаемся, особенно в мелких вотчинах, с полным или почти полным отсутствием отработочных

рент. В Normancross мы встречаем 11 вотчин без отработочных рент, в Leightonstone — 23, причем в числе их есть и большая вотчина Джона Гастингса, с доменом в 5 карукат и вилланской землей около 1 200 а. [14]. В ней основную массу вилланов на денежной ренте составляют bondi sochemanni. В Normancross мы насчитываем до 800 а. вилланской земли без отработочных повинностей (или с совершенно ничтожными повинностями), а в Leightonstone около 3 200 а. Этой вилланской земле соответствует около 1 150 а. домена в Normancross и 1 200 а. в Leightonstone. Это позволяет нам значительно увеличить размеры домена, не связанного с вилланским трудом («неманориального домена»). Отметим, что нередко, особенно в мелких вотчинах, отсутствие рабочих повинностей у вилланов сопровождается полным отсутствием домена (8 случаев в Leightonstone). Наряду с вотчинами, где вилланская земля совсем не несет рабочих повинностей (или несет лишь очень мелкие), находим не мало таких, где денежные ренты заметно превышают барщины. Таких вотчин не мало и в рассматриваемых нами сотнях. В общем мы можем насчитать в сотне Normancross свыше 1 900 а. вилланской земли, несущей преимущественно денежную ренту, и в Leightonstone — свыше 2 800 а. Этой вилланской земле соответствует в Normancross 1 350 а. домена, а в Leightonstone свыше 1 000 а. Эти цифры показывают нам, особенно в первой из упомянутых сотен, значительное количество домениальной земли, слабо обеспеченной вилланским трудом. В некоторых вотчинах вилланы несут примерно поровну отработочных и денежных рент. Таких вотчин, однако, очень немного. Безусловно преобладают в обеих сотнях вотчины, в которых почти все повинности целиком или преобладающая их часть отбываются в виде отработочных рент. В Normancross вилланская земля преимущественно на отработочной ренте дает около 5 900 а., а в Leightonstone 11 500 а., т. е 68% в Normancross и 60% в Leightonstone. Сюда входит вилланская земля почти всех крупных вотчин. Несмотря на значительную сложность системы рент, сотни Normancross и Leightonstone дают определенную картину преобладания отработочной ренты на вилланских держаниях. Незначительные сравнительно размеры свободной земли (22%) не позволяют предположить, чтобы ренты свободных держаний могли существенно изменить это соотношение. Преобладает отработочная рента на вилланских держаниях и в сотне Toseland, для которой характерны значительные отступления от манориального типа. Здесь вилланские земли, несущие барщину (или, главным образом, барщину), составляют до 53%, поровну отработочная и денежная рента делились на 28% вилланских земель, преобладание денежной ренты находим на 7% и исключительно денежную ренту на 7%. В остальных манорах нет возможности провести разграничение между отдельными видами ренты. Учтенная нами в главе III территория неманориального домена очень незначительно расширяется добавлением неучтенных доменов без отработочных рент (всего на 82½ а.). Более значительное развитие свободных держаний определяет и более значительную роль их ренты.

Таким образом, в Гентингдоншире перед нами ясная картина — при всех вариантах и в структуре манора и в соотношениях между обоими видами ренты — всюду мы наблюдаем преобладание о т р а б о т о ч н о й р е н т ы на вилланской земле. При этом отработочные ренты более развиты в крупных вотчинах с большими скоплениями вилланов, а денежные — в мелких. Это можно видеть хотя бы из того, что средние размеры вилланской земли в вотчинах, где нет отработочных рент — 78 а.; в вотчинах, где мы находим преобладание денежных рент над отработочными — 193 а; в вотчинах, где обе системы находятся в равновесии — 148 а. в вотчинах с преобладанием отработочных рент — 487 а.! [15]. Мы видим также значительно большее распространение отработочных рент в церковных вотчинах сравнительно со светскими. Но в Гентингдоншире церковная вотчина вообще крупнее светской, и не всегда ясно, что является здесь определяющим моментом — принадлежность ли данной вотчины церкви или ее крупные размеры

Для Кембриджшира я произвел сложный и нелегкий подсчет в с е х вилланских повинностей. Но во многих случаях оценки работ в источнике не давались, размеры некоторых работ указывались неопределенно, некоторые из них были на воле лорда, и поэтому приходилось в подсчеты вносить много гипотетического, и я сомневаюсь, чтобы мои цифры всегда были точны. Но во всяком случае они не могут сильно расходиться с действительными, и для наших целей их точность достаточна. Всего мною подсчитана 241 вотчина в Южном Кембриджшире, что соответствует 34 285 а. вилланской земли и 4 210 вилланским держаниям.

В своих подсчетах я принимал за вотчинные единицы только такие комплексы держаний, в которые входила вилланская земля, каковы бы ни были ее размеры. Домен в кембриджширских сотнях дан не всегда; в тех случаях, когда он дан или его можно вычислить, размеры его учитывались. Кроме того, я вычислял: вилланскую землю в акрах, размеры денежной ренты, оценку рабочих повинностей и натуральных взносов, число вилланских хозяйств. Я высчитал общую сумму свободных рент, уплачиваемых лорду данной вотчины, в том числе и держателями других вотчин

Общие подсчеты дали следующие результаты для всех учтенных вилланских держаний.

Отработочные ренты — 725.7.9. Денежные ренты — 474 17 4, ренты продуктами — 31.13.8. Денежная рента свободных держаний, уплачиваемая лордам тех же вотчин, — 344.4.1$^1/_4$. Отработочная рента свободных держаний — 4.11.½. Их же рента продуктами — 4.11½. Таким образом по учтенным вотчинам рента отработочная составляет — 729.19½, рента денежная — 819.15½, рента продуктами — 36.4.8½. Общая сумма рент — 1585.18 7$^1/_2$.

Таким образом, для южного Кембриджшира преобладающей формой ренты является д е н е ж н а я, составляющая более половины (52%) всей рентной массы, между тем как рента отработочная дает около 46 %, а рента

продуктами около 2%. Но этот перевес достигается за счет свободных держаний, дающих почти сплошь денежную ренту с ничтожными отработочными повинностями. В вилланской ренте безусловно преобладают ренты отработочные, составляющие около 60%, между тем как денежные составляют около 37%, а ренты продуктами около 3%.

Нами учтены далеко не все ренты свободных держателей. Мы находим как раз в Кембриджшире не мало вотчин, в которых не было вилланов и которые поэтому не вошли в наш подсчет. Не мало рент уплачивалось не лордам вотчин, а другим лицам. Сумму свободных рент надо значительно увеличить, чтобы получить цифру, близкую к действительности. Возможно, что увеличение на 50% не даст чрезмерного превышения. Но такие подсчеты настолько сложны и неверны, что я после многих неудач от них отказался. Во всяком случае мы имеем полное право сказать, что южный Кембриджшир является областью преобладания денежной ренты, но в то же время преобладания барщины на вилланских держаниях. Преобладание денежной ренты приходится отнести за счет необычайно сильного развития свободного держания в этом графстве. В виде проверки я привожу подсчет свободных рент по нескольким сотням, где подсчет дает более надежные результаты в связи с более ясным расположением материала. Наиболее точные результаты удалось мне получить для сотни Flemditch, где к тому же соотношение между вилланской и свободной землей приближается к характерному для Кембриджшира равновесию [16]. Несколько уменьшенная цифра денежных рент свободных держаний дает здесь — 47.0.5½, денежная рента вилланской земли — 39.14.3½, отработочная рента вилланов — 43.3.1½. Рента продуктами, равно как и отработочная рента свободных держателей не подсчитывались. Здесь соотношение отработочных и денежных рент в вилланских повинностях не совсем совпадает со средними цифрами для Кембриджшира, составляя для отработочных повинностей 52%, а для денежных — 48%; перевес отработочных рент над денежными здесь ниже среднего. Но для нас существенна огромная роль свободной денежной ренты, превышающей не только денежные ренты вилланской земли, но и оценку ее отработочных рент, и составляющей около 37% всей рентной массы (не считая отработочных рент свободных держаний и их рент продуктами). Между тем в манорах с вилланами сумма свободных денежных рент, получаемая лордами маноров, дает цифру всего лишь в 22% (за вычетом тех же рент). Таким образом, наше предположение, что сумму свободных денежных рент надо увеличить против принятых нами цифр на 50%, нельзя счесть преувеличением, даже если в этой сотне свободные ренты выше средних. По моим вычислениям, основанным на кембриджширском материале, средняя денежная рента с акра свободной земли в среднем составляла около 4 d. (в сотне Flemditch около 5,2 d.). Все виды рент с акра вилланской земли составят 8,6 d. Принимая приблизительное равенство свободной и вилланской земли в Кембриджшире, мы можем допустить, что по отношению ко всей рентной массе денежная рента свободных

держаний составит 32%, а денежная рента обоих видов держания около 60%. Эти вычисления очень грубы, но едва ли сильно расходятся с действительными соотношениями.

Мы замечаем значительные варианты в соотношении свободной и вилланской ренты, а также денежной и отработочной по отдельным сотням. Так, в сотне Chilford денежная рента свободных держаний дает свыше 50 фунтов (точнее вычислить трудно), денежная рента вилланской земли — 12.13.1½, а отработочная рента вилланов — 35,0.3¼. Но в Chilford свободные держания вообще больше, чем вдвое, превышают вилланскую землю.

В сотне Stow вилланские барщины превышают сумму денежных рент вилланских и свободных держаний (последняя цифра вычисляется очень неточно).

В общем отношение свободной ренты к вилланской обусловлено прежде всего развитием свободного держания и соотношением крупных и мелких, церковных и светских вотчин. Более детальный анализ этих проблем будет дан ниже.

Переходя к поясу, связывающему массивы Гептингдоншир — Кембриджшир и Оксфордшир — Уорвикшир, мы наталкиваемся на невозможность отделить здесь денежные повинности вилланов от отработочных. Можно сравнивать только общие оценки повинностей вилланов и свободных. Но у нас есть основания предполагать, что и в вилланских повинностях денежная рента играла весьма крупную роль. В Бедфордширских описях вилланские повинности описываются краткой формулой, дающей лишь общую оценку ренты с виргаты вилланской земли. Наиболее обычная формула: quelibet (virgata) valet per annum 00 s. vel opera ad valorem. Иногда встречаются варианты [17].

Примерно так же описаны и коттерские держания, но там нередки случаи указания только денежной оценки без упоминания об opera. Рента виргаты оценивается в 25, 20, 17, 14 s., в 1 марку, в 12, 10, 8, 5 s. Чаще всего встречается оценка в 20 s. Самые низкие оценки могут возбудить сомнение — не даны ли здесь оценки полувиргат. Оценка всегда дана круглым числом, что расходится с обычными результатами подсчета отработочных рент в других графствах. Коттерские держания оцениваются от 3 s. до 5 d., чаще всего в 1 s.

Все приведенные формулы имеют, как кажется, один и тот же смысл: присяжные приводят лишь приблизительную общую оценку всех повинностей, не давая себе труда отдельно определять долю каждой формы ренты. Но, очевидно, денежная рента играла не малую роль среди вилланских повинностей. Какую — сказать не легко. Общая сумма вилланских рент — 134.1.1, свободных — 78.4.9¾, или 65 и 35%. В числе последних подсчитаны только денежные. Если даже большая часть вилланских повинностей состояла из барщины, перевес денежной ренты в целом является весьма вероятным. Вилланское держание в среднем обложено довольно низко (6 d. с акра), равно как и свободное (1,8 d. с акра).

Столь же неясны указания на соотношение отработочных и денежных рент вилланов в Бекингемширских описях. Здесь повторяется та же основная формула, что и в Бедфордшире, или заменяется другими равнозначущими [18]. Несколько иные обороты речи мы встречаем в сотне Muta. Там говорится про виллана — виргатария «reddit perannum 10 s. 3 d. etc»., или «reddit per annum 00 s 0 d. pro opere et servicio», или «reddit per annum 00 s. pro omnibus serviciis», или «reddit pro operibus et omnibus serviciis 00 s ». Формула «pro opere et servicio» неизменно повторяется и в описях сотни Stodfold. Почти неизменное повторение этой формулы в обеих сотнях заставляет нас видеть здесь не завершившуюся коммутацию, а лишь один из вариантов общей оценки всех видов ренты. Но формула, выдвигающая на первое место денежную оценку, сама по себе свидетельствует о крупном значении денежной ренты.

Рента свободных держаний крупной роли в Бекингемшире не играет, несмотря на то, что по своим размерам свободная земля лишь немного уступает вилланской. В повинностях свободных держателей денежная рента незначительна, большую роль играют всякие службы и уплаты redditus forinsecus, размеры которого редко поддаются учету. Но и вилланское держание в большинстве Бекингемширских сотен обложено очень легко, если не считать единственной сотни Bunstow, где обложение необычайно тяжело. Вот цифры рент по отдельным сотням Бекингемшира.

Сотня	Вилланская рента	На 1 а. вилланской земли	Рента фригольда	На 1 а. фригольда
Bunstow	137.16.6	13 d.	68.4.9	4 d.
Stodfold	64.4.10½	4 d.	13.8.5	1 d
Muta	34.3.11	4 d.	5.17.8	0,8 d.
Mursley	105.15.6¼	4 d	20.14.3½	1,4 d.
	345.0.9¾	5,6	108.5.2	1,9 d

Обложение рентой вилланской земли поражает своей неравномерностью. В Acle (Stodfold) [19] все ренты полувиргаты исчисляются в 22 пенса, между тем как в Stoke Goldington (Bunstow) [20] держание в 6 а. обложено рентами на 10 шиллингов, а в ряде других маноров той же сотни обычная рента держания в 9 а. — 1 марка (0.13.4). Возможно, что наше исчисление дает неверные пропорции в виду того, что RH сотне Bunstow дают пашню в акрах, а в других сотнях— в виргатах, и виргата в данных сотнях могла быть значительно меньше средней (30 а.); но и при всем том разница остается очень значительной. Если мы примем для Бекингемшира среднюю виргату в 18 а., на что как будто бы есть указания в цифрах вилланских держаний в Bun-

stow, то средняя оценка акра в других сотнях поднимается для вилланской земли максимально до 6 d, а для свободной до 1,4—2,1 d.

В лучшем положении мы находимся для западного массива нашей описи — для Оксфордшира и Уорвикшира, где соотношение денежных и отработочных рент может быть хотя бы приблизительно вычислено. По ряду сотен оно прямо дано в источнике.

Так, в сотне Bampton перечисление вилланских повинностей построено по следующей схеме: «reddit eidem pro tenemento illo 00 s. 0 d pro opere et servicio 0 s. 0 d. quia taxantur». Здесь денежная рента (redditus) отделена от рабочих повинностей (opus et servicia), причем последние, как видно, также могут быть истребованы в виде денежных взносов. Таким образом, оценка рабочих повинностей дает здесь максимальную цифру; в действительности часть ее или она вся целиком могла переходить в денежную ренту Оценка вилланских отработочных рент в сотне Bampton превышает денежную ренту виллапов; первая составляет 169.0.9½, вторая — 139.16.2¼ (55 и 45%) Рента свободных держаний дает 98.17.9. Таким образом, во всей рентной массе (не посчитана рента продуктами и мелкие отработочные ренты свободных держателей) денежная рента составит — 238.13.11¾ из 407.14.9, или 59% На деле перевес денежной ренты в силу приведенных ранее соображений был еще выше.

Можно подсчитать ренты также в сотне Banbury. Здесь мы находим перевес денежных рент не только во всей рентной массе, но и в вилланской ренте. Денежные ренты вилланов дают 55 19.8, отработочные 38.6.9 (8.17.6 могли взыскиваться либо в виде рабочих повинностей либо денег; при подсчетах делим их поровну), денежные ренты свободных держаний— 26.0.11½ Таким образом, денежные ренты составляют 57% вилланской ренты (103.3.11) и 67% всей рентной массы (129.4.10½). Если мы примем в расчет, что в сотне весьма обычной была произвольная талья, и что scutagium упоминается в числе повинностей вилланов и свободных держателей, но не определяется точнее, а потому не вошел в счет, — то значительный перевес денежной ренты над отработочной совершенно очевиден.

В сотне Thame, где в большинстве вотчин легко вычисляются отработочные и денежные повинности, мы находим огромный перевес последних над первыми. Отработочная рента дает в тех манорах, где ее можно отдельно подсчитать, 17.0.7, денежная рента вилланов — 41 7.0, а денежная рента свободных держаний (в тех же манорах) — 25.15.5, общая сумма денежной ренты (67.2.5) в 2,6 раз больше суммы отработочной. Исключенные мною из подсчета неясные случаи могли бы лишь усилить этот перевес. Не могли войти в учет tallagia и scutagia

Особняком среди сотен Оксфордшира стоит сотня Chadlington, первая по развитию крупной вотчины. Здесь в большинстве случаев даны цифры и для денежной ренты и для оценки отработочных рент. Отношение между ними дает огромный перевес в сторону отработочных рент, составляющих 217.13.5 против 85.18.10. Даже если мы прибавим к последней цифре

tallagium (он в сотне, главным образом, произвольный, но его можно вычислить приблизительно, исходя из цифр фиксированного), составляющий около 38.5.4, то соотношение это изменится очень мало. В сотне имеется значительная свободная земля (384 виргаты), но и ее денежные ренты все же не могут уравновесить барщинных повинностей в сотне.

В остальных сотнях точные подсчеты затруднительны, но приблизительные — возможны. В большинстве сотен Оксфордшира отработочные ренты не оцениваются, а либо описываются крайне суммарно (а порой многословно, но с большими трудностями для подсчета), либо указывается, что они были на воле лорда. Иногда дается общая оценка повинностей с указанием, что от лорда зависело потребовать их в виде отработочных повинностей или денег. В приблизительном исчислении отработочных рент мы можем исходить: 1) от тех случаев, когда денежные и отработочные ренты даны отдельно; 2) от размеров денежной ренты, которые обычно даны; 3) от средних размеров общей суммы рент, приходящихся на вилланскую виргату, которые мы можем вычислить для отдельных сотен. Полученные цифры далеки от точности, но могут иметь ориентировочное значение.

В сотне Bullington раздельно даны оценки отработочной и денежной рент для 119½ вилланских виргат (из 495); еще для 51 даны денежные ренты (при неопределенности барщинных работ). К исчислению могут быть привлечены еще 110 коттерских держаний. Средняя оценка повинностей виргаты — 0.9.2, коттерского держания — 0.1.10. Соотношение между денежной и отработочной рентой будет по этому материалу 61.4.3 и 27.10.3. Мы имеем основания предполагать значительный перевес денежной ренты. Надо принять во внимание не совсем незначительную свободную землю (203 виргаты).

В сотне Ploughley может быть вычислена только денежная рента вилланских держаний. Об отработочных повинностях говорится очень глухо («et debet metere falcare et cariare fenum», «operabitur et talliabiurt et redimet pueros suos ad voluntatem domini»). В немногих случаях (около 30) возможно вычислить общую оценку повинностей виргаты. В среднем она дает 10 s. 8 d. Если даже мы ее повысим до 12 s., а оценку повинностей коттера дадим в 3 s., то общие оценки денежной и отработочной ренты, примерно, сравняются (189.10.9 и 196.4.2½), при невключении сюда господствующего в сотне произвольного tallagium. Мы не ошибемся, если предположим, что денежные и отработочные ренты вилланов находились в этой сотне, примерно, на одинаковом уровне, но, вероятно, с известным перевесом в сторону денежной ренты. В Plouhley мы находим не малую свободную землю (321 виргату), так что общий перевес денежной ренты не подлежит никакому сомнению.

В сотне Wotton денежная рента дана для всех почти виргат и коттерских держаний, но размеры отработочной ренты редко поддаются исчислению. В тех немногих случаях, когда удается вычислить общую оценку повинностей вилланской виргаты, мы видим, что эта оценка очень низка. Средняя цифра около 7 s. 3 d. Если мы примем ее за 9 s, мы не рискуем недооценить роли отработочной ренты. Среднюю оценку рент коттерского держания

принимаем за 3 s. Тогда общей сумме денежных рент, исчисляемой в 169.6.2, будет соответствовать 175.4.1½ как предположительная цифра для отработочных рент. Tallagium в сотне повсюду произвольный и учету не поддается. Таким образом, отработочные и денежные ренты вилланов в сотне делятся приблизительно поровну. Свободные держания в Wotton составляют 389 виргат. Общий перевес денежной ренты несомненен.

В сотнях Ewelme, Pyrton, Langtree, Dorchester денежные ренты вилланов указаны точно, а рабочие повинности перечислены достаточно ясно для того, чтобы составить себе общее представление об их размерах (хотя точная оценка порой затруднительна). Во всех этих сотнях ясно преобладание денежных рент в повинностях вилланов. В сотне Ewelme только у 37 вилланских виргат преобладают отработочные ренты, у 82 обе формы ренты распределены приблизительно поровну, у 52 преобладают денежные ренты, у 23 отработочные ренты либо отсутствуют совершенно, либо имеются в ничтожных размерах. Кроме того, в этой сотне фригольд значительно превышает своими размерами вилланскую землю. В сотне Lewknor отработочные и денежные ренты вилланов более уравновешены, с перевесом, впрочем, на стороне последних. Преобладание отработочных рент мы находим на 67 виргатах, на 69 денежные и отработочные ренты поделились приблизительно поровну, на 35 денежные ренты преобладают, на 43 они господствуют исключительно (или с небольшими следами отработочных рент). Вотчин без упоминания о денежных рентах не имеется вовсе. В сотне свободная земля значительно меньше вилланской, но все же составляет около 140 виргат.

Перевес денежных рент дает сотня Langtree. Там только 8½ виргат несут преимущественно отработочные повинности, у 45½ виргат отработочные и денежные поделены приблизительно поровну, у 10 денежные преобладают и у 23½ отработочных либо нет совсем, либо имеются лишь незначительные их следы. В Langtree свободные держания значительно превышают вилланскую землю. В сотне Dorchester мы не находим ни одной вотчины, где бы оценка отработочных рент превышала денежную ренту вилланов или хотя бы была ей равна. Фригольд в сотне меньше вилланской земли, но не на много. Преобладание денежной ренты не вызывает сомнений.

В наш учет не вошли нередкие случаи, когда все ренты переведены на деньги, но лорд сохраняет за собой право потребовать отбывания отработочных повинностей натурой, или когда лорд может альтернативно требовать либо денег, либо отработочных повинностей. Всюду исчисленная нами денежная рента представляет certum, certitudo, redditus assisae, не подлежит замене другими формами ренты. Размеры же отработочной ренты неустойчивы и могут уменьшаться в связи с возможностью полной или частичной замены ее деньгами. Таким образом, — еще раз подчеркиваю, — наши исчисления дают максимальные величины для отработочных рент и минимальные для денежных, не говоря уже о том, что tallagia могли быть учтены крайне редко и что ряд других денежных повинностей вообще не учитывается нашим источником.

Таким образом, мы имеем основания говорить о преобладании денежной ренты в Оксфордшире В большинстве сотен мы находим перевес денежной ренты вилланов над отработочной. Только в Chadlington и Bampton отработочная рента вилланов выше денежной, в Wotton и Ploughley может быть они равны, но Chadlington, Bampton, Wotton и Ploughley принадлежат к числу самых крупных сотен Оксфордшира, и потому мы можем в общем предположить приблизительное равновесие обеих форм ренты на вилланских держаниях. Денежная рента свободных держаний создает перевес постоянной денежной ренты; обратимость значительной части отработочной ренты, произвольный tallagium, pannagium, exennia, доходы курии — все это еще более определяет характеристику Оксфордшира как района преобладания денежной ренты.

Переходим в Уорвикширскому материалу, сначала к сотне Stoneleigh [21]. Здесь обычное распределение работ по неделям, по системе так называемой week works является не правилом, а исключением (частые отступления от нее наблюдались и в Оксфордшире). В сущности только в о д н о м большом церковном маноре — манор Itchington Episcopi (кажется епископа Честерского — начало описи стерто) [22] мы находим week works. Это очень характерный большой церковный манор, с большим доменом в 5 карукат, с многочисленными вилланами, преимущественно виргатариями, с тяжелой барщиной и сравнительно незначительной свободной землей. Но это единственный манор в таком роде. Есть еще три манора с частичными week works — в двух из них виргатарии обязаны жать 5 дней в неделю во время осеннего сезона, но не несут week works в течение остального года (маноры Hugo de Charuel и Eust. de Heche в Harbury) [23]; в одном (манор Theob. Verdon в Brandon) [24] полувиргатарии должны работать от Петра и Павла (29/VI) до Петра в оковах (1/VIII) по два дня в неделю, и от Петра в оковах до св. Михаила (29 сент.) попеременно по 2 и по 3 дня в неделю. Коттарии работают ежедневно по одному дню, тоже только в сезон между 29/VI и 29/IX. В остальных манорах и вовсе нет week works, рабочие повинности в общем очень незначительны и определяются известным числом дней в г о д у. Если число рабочих дней полувиргатария в Itchington Episcopi с полными week works — 99 в году, то полувиргатарий в Brandon (неполные week works) работает всего 38 дней; в тех же манорах, где нет week works, работа полувиргатария в среднем составляет всего лишь 9½ дней в году. Таких маноров 15. Но есть еще группа маноров (8), где исчисление работ весьма затруднительно в виду того, что количество их не определено или определено лишь отчасти. В этих манорах некоторые работы, обычно связанные с сенокосом, с уборкой сена, иногда с жатвой и уборкой хлеба, реже другие работы, исполняются ad voluntatem domini, в размерах потребности лорда в таких работах (donec pratum domini falcetur etc.). Но это не значит, что барщинные работы именно в этих манорах были особенно велики. Если брать при исчислении этих повинностей максимальные цифры (исходя из работ полувиргатариев в наиболее тяжело обложенных

барщинных манорах), то число рабочих дней полувиргатария в манорах, где принята эта система, в среднем не может быть выше 42 дней в году; есть основания думать, что фактически оно было в среднем значительно ниже. Наконец, в 13 случаях вилланы не несут н и к а к и х рабочих повинностей; впрочем, в 10 случаях это совпадает с отсутствием домена: местами мы можем предполагать исчезновение (коммутацию) барщинных работ в связи с ликвидацией домена. Отсутствие в громадном большинстве случаев week works, незначительные и порой неопределенные барщины — все это не похоже на порядки типичных маноров. Посмотрим, какие работы требовались, главным образом, с вилланов. Исключив Itchington Episcopi, в 31 вотчине, где были рабочие повинности, я насчитал 634 дня пахоты, 450 дней боронования, 3 343 дня жатвы, 2 885½ дней косьбы и уборки сена, 529 дней возки сена и хлеба (с поля и луга в амбар). Мы почти не встречаем так называемых opera manualia в сезон между 29/IX и 29/VI. В общем их цифра на всю сотню составить максимум 471 день; главной работой была полка, изредка собирание орехов. Надо отметить совершенную незначительность извозных повинностей, не связанных с уборкой хлеба и сена. Их всего лишь 112 на всю сотню, причем 87 приходятся на один манор (Ulfton ?) приора Ковентри [25], 20 приходятся на маноры приора Кенильвортского в Leamington и Harbury [26], причем возить приходится в Кенильворт, другими словами, в монастырь. Есть еще случай возки леса (4 дня). Слабое развитие извозных повинностей заставляет предполагать слабую связь домена с рынком (во всяком случае она не поддерживалась при помощи рабочих повинностей). Общая сумма рабочих дней, отбываемых всеми вилланами, кроме Itchington'ских, — 7 424½, а в Itchington'е, типичном маноре, — 3 986. Таким образом, рабочих повинностей по всей сотне, кроме Itchington'а, не хватило бы и на два манора типа Itchington. А между тем домен Itchington'а не составляет и $^1/_{14}$ всей площади домена сотни. Совершенно ясно, что хозяйство большого домена, превосходящего своими размерами площадь вилланских держаний, не могло держаться на рабочих повинностях вилланов, игравших для большинства маноров лишь подсобную роль, напоминая обязательные помочи (metebene и пр.). При этом лорд нередко кормит вилланов во время их работы.

Слабому развитию рабочих повинностей отвечает значительное денежное обложение вилланов. Если рабочие повинности вилланов сотни в общем можно оценить примерно в 80 фунтов, то их денежные ренты равны 132.5.7½. В виду того, что сумма оценки рабочих повинностей мною несколько преувеличена (я брал максимальные цифры рабочих повинностей там, где они ad voluntatem domini), мы можем уверенно сказать, что сумма денежных рент вилланов значительно превосходит оценку их барщины. Кстати, в Уорвикширских описях работа вилланов н и к о г д а не переводится на деньги; для своих выкладок я брал средние оценки, вычисленные мною на материале других графств. При этом надо иметь в виду, что рентой (redditus assisae, как ее назвали бы Ministers' Accounts) далеко не исчерпываются

денежные платежи вилланов. В ряде маноров упоминаются кроме того auxilium, изредка tallagium (не видно, чтобы это были существенно разные вещи), а в одном случае говорится об exennium domino (новогоднем подарке) [27]. Auxilium дан в 22 случаях из 41. Не решаюсь утверждать, что в остальных он не брался (пропуски упоминаний об auxilia нередки и в других частях RH). В пяти случаях размеры его даны. Они варьируют до крайности. В одном случае виргата платит auxilium в 0.5 4, при ренте в 7 s., в другом 0.0.6½ при ренте в 4 s. и барщинах на 5 s. ½ d. В третьем случае 4 виргатария платят одну марку. В одном случае auxilium с ½ виргаты — 2 s. В трех случаях auxilium только упомянут, но не определен, и в большинстве случаев — 11 — он на воле лорда. Во всяком случае auxilium увеличивал, и может быть иногда значительно увеличивал, денежные платежи вилланов. Я не говорю о денежных платежах графству, сотне, государству. В одном случае говорится о таких forinseca servitia — 10 servi, которые держат 11 виргат, платят 0.7.6 шерифу, 22½ d. белифу сотни (preposito hundredi), ad decenam hundredo 2 s., кроме того — сторожевые деньги, щитовые деньги [28]. Во всяком случае мы можем уверенно сказать, что в вилланских повинностях денежные платежи значительно преобладали над барщинными работами. Второстепенная роль последних подчеркивается еще тем, что они, как правило, не пропорциональны наделам. Иногда все вилланы данной вотчины несут одинаковые барщины. Но в тех случаях, когда в числе повинностей есть cariagia и arature, их не несут коттарии. Совершенно ничтожны вилланские ренты продуктами, состоящие почти исключительно из петухов и кур. Все упомянутые по сотне ренты продуктами могут быть оценены в 1.2.1½ [29]. Почти никогда не упоминается о consuetudines non taxatae, лишь в одном случае говорится о redemptio sanguinis и alia servicia ad voluntatem domini. В сотне Stoneleigh денежные ренты свободных держателей составляют в общем 122.6.2½. Оценка рабочих повинностей свободных держателей дает 2.5.1½. Свободные уплачивают незначительные ренты продуктами. В общем соотношение денежной ренты свободных держаний, денежной ренты вилланов и отработочных рент выразится в процентах, как 37 : 40 : 23, а отношение денежной ренты к отработочной — как 77 : 23.

Те же характерные черты выступают перед нами и в другой Уорвикширской сотне Kineton. Здесь в огромном большинстве вотчин мы не находим системы недельных работ, хотя в общем она встречается здесь чаще, чем в сотне Stoneleigh. Наиболее крупные массивы отработочной ренты создаются манорами епископа Честерского [30], дающими общую оценку в 30.4.6, и эрла Уорвикского [31] с оценкой в 32.0.0. Мной подсчитано 90 вотчин (исключены не прочтенные вследствие стертости рукописи [32], а также те немногочисленные случаи, когда способ исчисления повинностей в источнике делал сомнительным их подсчет). В целом денежные ренты в подсчитанных манорах составляют 354.15 9, а отработочные — около 233.13.0 (вычисление сделано приблизительно, так как оценки работ не даны и размеры их

не всегда определены точно). Во многих вотчинах мы встречаемся с tallagium или auxilium по воле лорда.

Как и в сотне Stoneleigh, свободные держатели нередко несут небольшие барщинные работы, но денежные ренты в их повинностях играют подавляющую роль, составляя около 123.10.11 на сотню (исключая маноры, не вошедшие в подсчет вилланских повинностей). Таким образом, отношение денежной ренты свободных держаний к денежной и отработочной рентам вилланских выразится в процентах. 17 . 50 : 32. Для обеих сотен соответствующие цифры составят в процентах· 23 · 47 · 30.

Таким образом, пересмотрев весь наш материал, мы можем с уверенностью охарактеризовать область, охваченную уцелевшими Сотенными Свитками как область преобладания денежной ренты. Но при этом мы должны помнить еще следующее: 1) Сотенные Свитки, как обнаружил Баллард (гл. II), имеют тенденцию к понижению действительной суммы денежных платежей, передавая в то же время отработочные повинности довольно точно, 2) Сотенные Свитки очень редко дают размеры auxilia, tallagia, pannagia, и почти никогда не дают доходов курии; 3) мы старались включать в подсчет лишь фиксированные денежные ренты, redditus assisae, отработочные же ренты могли из года в год целиком или частью заменяться денежными рентами Все это дает нам право говорить не просто о преобладании, а о вероятном значительном преобладании денежных рент над отработочными. Если придать термину рента несколько более широкое толкование и отнести сюда также и платежи государству, то к денежным рентам придется отнести также и scutagium, hidagium, подмогу шерифу, уплату при проверке круговой поруки (местами она составляла иммунитетное право лорда и входила в состав доходов курии), сторожевые деньги и проч., которые в целом составляли не малую сумму. Все это, несомненно, еще значительно повышает роль денежных рент.

Вопреки все еще господствующему представлению о типичном маноре этой эпохи, нам приходится говорить о ведущей роли денежной ренты в английской деревне второй половины XIII в.

При этом мы можем выделить в нашем материале районы с неодинаковой характеристикой. В восточном районе, образуемом графствами Гентингдоншир и Кембриджшир, в повинностях вилланов преобладают, местами даже значительно преобладают, отработочные ренты. Но в Кембриджшире это преобладание более чем уравновешивается значительным развитием свободного держания и свободной денежной ренты, так что в целом денежная рента является все же господствующей. Лишь в трех северных сотнях Гентингдоншира перевес отработочной ренты в вилланских повинностях не компенсируется развитием свободной ренты и отработочные ренты здесь явно преобладают. Но при всех этих различиях для всего восточного района в целом характерно преобладание отработочных рент в повинностях вилланов. В западном районе, образуемом Оксфордширом и Уорвикширом, картина меняется. Здесь мы встречаем в целом значительное преобладание

денежных рент, причем это преобладание достигается не только за счет свободных рент, которые вообще менее значительны, чем в Кембриджшире, но и по причине крупной роли денежной ренты в вилланских повинностях В целом для западного района характерно приблизительное равновесие обеих форм ренты или даже преобладание денежной ренты в вилланских повинностях.

По структуре феодальной ренты Гентингдоншир представляет собой крайний случай преобладания отработочной ренты, превосходящей как денежную ренту вилланов, так и всю сумму денежной ренты. Кембриджшир дает перевес отработочных рент над денежными в повинностях вилланов, но благодаря значительным рентам свободного держания в общем перевес оказывается на стороне денежной ренты. В Оксфордшире в ренте вилланов денежная и отработочная части приблизительно равны, но рента свободных держаний создает заметный перевес денежной ренты. В Уорвикшире перед нами крайний случай преобладания денежной ренты, составляющей большую часть не только всей рентной массы, но и вилланской ренты. К сожалению, описи Бедфордшира и Бекингемшира не дают нам материала для суждения о соотношении обеих форм ренты в этих графствах, хотя есть основания думать, что денежная рента играла там весьма значительную роль.

Таким образом, наш материал при сравнительной экономической однородности охватываемой им области показывает известные географические особенности в распределении феодальной ренты. Основным является здесь убывание роли отработочной ренты в повинностях вилланов при переходе с востока на запад. При этом мы и в западном районе встречаем такие случаи, как сотня Chadlington с безусловным преобладанием барщин и Bampton с их преобладанием в вилланских повинностях [33].

В каком отношении это географическое распределение отработочной и денежной ренты стоит к распространению типов вотчинной структуры, установленному в предшествующей главе? Приходится отметить, что распространение системы отработочных рент не вполне совпадает с распространением вилланства. Только в Гентингдоншире мы находим «типическое» совпадение господства вилланства и отработочных рент, слабого развития денежной ренты вилланов и незначительной роли свободного держания и его ренты. Из прочих графств мы находим наибольшее развитие вилланских отработочных рент в Кембриджшире, где вилланство развито слабее, чем в Оксфордшире и Уорвикшире — в этих графствах более значительное развитие вилланства выступает наряду с меньшей ролью вилланских отработочных рент. Мы можем сказать, что дифференциация между свободным и вилланским держанием сильнее на Востоке. Здесь вилланское держание является барщинным по преимуществу. При этом на западе, особенно в Уорвикшире, гораздо более развиты барщинные работы свободных держателей (при развитой денежной ренте вилланов). Еще далее на запад — в Уэльсе повинности свободных и несвободных еще более сходны между со-

бой [34]. Впрочем, охваченный нашим материалом географический район слишком однороден, чтобы здесь возможны были сколько-нибудь широкие наблюдения и установление общих закономерностей экономико-географического порядка. К этой задаче мы перейдем в следующей главе.

В пределах отдельных географических единиц мы видели значительные колебания вотчинной структуры в связи с величиной вотчин, с их принадлежностью церкви или светским лордам. Нам пришлось отметить скопления вилланских держаний по преимуществу в крупных и церковных вотчинах, очень значительную роль неманориальных элементов в мелкой светской вотчине. Как обстоит дело с распределением различных форм ренты по мелким и крупным, церковным и светским вотчинам?

Подробный анализ этого вопроса я постараюсь дать на кембриджширском материале, поскольку в этом графстве мы находим наиболее сложную дифференцированность в типах и размерах вотчинной структуры. К этому я присоединяю беглые подсчеты по другим графствам

В целях анализа, все вотчины, включающие вилланов и вилланские ренты, распределены мною по размерам вилланской земли. В группе A помещены вотчины, включающие менее 30 а. вилланской земли; в группе B — от 30 до 60 а. (1—2 виргат) вилланской земли; в группе C — от 60 до 120 а. (2—4 виргат); в группе D—120—240 а. (1—2 гайды); в группе E — от 240 до 360 а. (2—3 гайды), и в группе F — свыше 360 а. Отдельно подсчитаны церковные и светские вотчины. Число акров свободной земли не подсчитано в виду крайней запутанности рентных отношений в Кембриджшире; входящее в данную вотчину свободное держание часто связано с уплатой рент не с лордом данной вотчины, а с другими лицами, зачастую с лордами других вотчин, — поэтому я вычислял общую сумму свободной ренты, получаемой лордом данной вотчины от свободных держателей как своей, так и других вотчин. Как уже выяснялось, в этих вычислениях значительная часть свободной ренты (рента, не связанная с вотчинами, где имелись вилланы) осталась не включенной (по моим примерным выкладкам не включено около $^1/_3$ свободной ренты).

Сначала сделаем несколько замечаний по обсуждавшемуся в предшествующей главе вопросу о распределении вилланских держаний по вотчинам различной величины.

Таблица на стр. 134—135 представляет распределение вилланской земли по разным разрядам вотчин. Она позволяет нам констатировать в Кембриджшире, несмотря на некоторую распыленность вилланства по мелким вотчинам, особенно светским, значительную его концентрацию в больших вотчинах. В 131 вотчине из 194 светских вилланская земля не достигает одной гайды; основная масса вилланской земли падает на три верхние разряда (16.699 а. из 21928, т. е. 75%); еще больше перевес на церковных землях, где на высшие разряды падает и большая часть вотчин (27 из 46) и подавляющее количество вилланской земли — 11 583 а. из 12 326, т. е. 94%. По всем вотчинам размеры вилланской земли в трех высших разрядах составляют

Группа	Церковные вотчины		
	число вотчин	размеры вилланской земли	число вилланских держаний
A	9 (20%)	190 (1½%)	52 (4%)
B	6 (13%)	237 (2%)	44 (3%)
C	4 (9%)	316 (2½%)	54 (4%)
D	7 (15%)	1 095 (9%)	131 (10%)
E	4 (9%)	1 180 (9½%)	143 (11%)
F	16 (35%)	9 308 (75%)	893 (68%)
	46	12 326	1 317

28,278 (в 90 вотчинах) из 34 254 (в 240 вотчинах), или 83%. Два высших разряда дадут 10 488 а. из 12 326 на церковных вотчинах (85%), 11 144 а. из 21 928 (50%) на светских и 21 623 из 34 254 (64%) на всех. Наконец, верхний разряд (вилланская земля в 360 а. и выше) дает на церковных вотчинах 9 308 а. из 12 326 (75%) в 16 вотчинах из 46 (35%); но в светских он дает только 4 707 а. (21%) и в 10 вотчинах из 194 (5%), а по светским и церковным вотчинам — 14 015 а. из 34 254 (41%) в 26 вотчинах из 240 (11%). Если в церковных манорах подавляющая масса вилланской земли лежит в верхнем разряде (свыше 360 а.), то в светских главная ее масса приходится на разряды E (240—360 а.) и D (120—240 а.), где лежит около 55%. Большая концентрация вилланской земли в церковных владениях доказывается также средней цифрой акров вилланской земли в церковной вотчине — 268 а. против 112 а. в светских. Но, как мы видели, церковная вотчина вообще в среднем значительно крупнее светской в Кембриджшире.

Меньшую концентрацию мы наблюдаем, если будем подсчитывать не акры вилланской земли, а число вилланских держаний, причем и здесь концентрация слабее в светских вотчинах, чем в церковных.

Средние размеры вилланского держания

Группа	Церковные вотчины	Светские вотчины	Все вотчины	
A	3,7 а	2,6 а.	2,7 а.	5 а.
B	5,4 »	5 »	5,1 »	
C	5,9 »	6,5 »	6,4 »	
D	8,3 »	9,4 »	9,2 »	9,3 а.
E	8,1 »	8,2 »	8,2 »	
F	10,5 »	10 »	10,2 »	

Другими словами, вилланские держания, или, пожалуй, вилланские семьи, более разбросаны по мелким вотчинам, чем вилланские земли. Это обусловливается, конечно, мелкими размерами вилланского держания в

Нецерковные вотчины			Все вотчины		
число вотчин	размеры вилланской земли	число вилланских держаний	число вотчин	размеры вилланской земли	число вилланских держаний
62 (32%)	840 (4%)	322 (11%)	71 (30%)	1 030 (3%)	374 (9%)
27 (14%)	1 187 (6%)	239 (8%)	33 (14%)	1 424 (4%)	283 (7%)
42 (21%)	3 202 (15%)	493 (17%)	46 (19%)	3 518 (10%)	547 (13%)
32 (17%)	5 555 (25%)	592 (20%)	39 (16%)	6 650 (20%)	723 (17%)
21 (11%)	6 437 (29%)	778 (26%)	25 (10%)	7 617 (22%)	921 (22%)
10 (5%)	4 707 (21%)	480 (17%)	26 (11%)	14 015 (41%)	1 373 (33%)
194	21 928	2 904	240	34 254	4 221

мелкой вотчине, преобладанием коттеров среди вилланов трех низших разрядов, полувиргатариев и виргатариев в трех высших.

Это очень ясно выступает в таблице, где даны средние размеры вилланского держания по разрядам Составляя 9,3 а. для трех высших разрядов, они падают до 5 а. в трех низших, и даже до 2,6 в светских вотчинах разряда А. Это наблюдение бросает новый свет на хозяйство мелкой вотчины· в ней преобладают мелкие вилланские держания с мелкими повинностями Переходим к анализу вилланских рент

Общие суммы рент

Группа	Церковные вотчины	Нецерковные вотчины	Все вотчины
A	8.12.3 (2%)	48.16.8 (6%)	57.8.11 (4%)
B	12.6.5 (3%)	61.6.9 (8%)	73.13.2 (6%)
C	7.17.3 (2%)	134 16 0 (17%)	142.13.3 (11%)
D	38 4.5 (9%)	190.0.3 (23%)	228.4.8 (19%)
E	46.2.2 (11%)	211.8.6. (26%)	257.10.8 (21%)
F	310.9.8 (73%)	161.18.6 (20%)	472·8 2 (39%)
	423.12 2	808.6.7	1 231.18.9

Мы можем наблюдать значительную концентрацию вилланской ренты в крупных вотчинах двух верхних разрядов (E и F), охватывающих до 60% всей рентной массы, причем в церковных вотчинах мы наблюдаем огромный перевес разряда F, дающий 73% всей вилланской ренты, получаемой церковными лордами, между тем как на светских вотчинах относительный перевес имеют разряды D и E (23—26%). Все это после рассмотренного выше соотношения размеров вилланских земель по разрядам не представляет неожиданности. Рассматривая соотношение между отдельными формами ренты, мы отмечаем рядом с незначительностью рент продуктами не-

Группа	Церковные вотчины		
	денежная рента	отработочная рента	рента продуктами
A	3 13.2 (42%)	4.18.4 (57%)	0.0.9½ (1%)
B	3.8.1 (28%)	8.13.0 (70%)	0 5.4 (2%)
C	3 8.6 (44%(	4.4.3 (53%)	0.4.6 (2%)
D	13.7.6 (35%)	24.3.9 (63%)	0.13 2 (2%)
E	15.2.0 (32%)	30.18.1 (67%)	0.2.1 (1%)
F	106.16.7 (33%)	195.1.10 (63%)	8·11.4 (3%)
	145.15.10 (34%)	267.19 3 (64%)	9.17.1 (2%)

изменный перевес отработочных рент над денежными по всем разрядам [35].

Единственное исключение — мельчайшие светские вотчины, дающие некоторый перевес денежным рентам; впрочем, ближайшие разряды в светских вотчинах (B) дают уже значительный перевес отработочным рентам. Но мы должны иметь в виду, что здесь перед нами своеобразный состав вилланов с преобладанием коттеров; их эксплоатация основывалась не на феодальной ренте, игравшей лишь дополнительную роль. В целом денежная, отработочная и рента продуктами в процентах относятся как: 37% : 59% : 2%. На церковных вотчинах это соотношение будет несколько иным, с более значительным перевесом в сторону отработочных рент: 34—64—2%, а на светских — 41—57—2%. Сравнивая соотношение разных форм ренты по вотчинам различных размеров, мы видим в общем наибольшее сравнительное развитие отработочных рент не в наиболее крупных вотчинах разряда F, а в предшествующем разряде E (вилланская земля от 240 до 360), где рабочие повинности составляют почти 70% всех повинностей, причем такой перевес создается не церковными вотчинами (малочисленными в этом разряде), а светскими. Крупнейшие вотчины разряда F показывают около 60% отработочных рент, причем церковные вотчины дают 63%, а в нецерковных мы наблюдаем лишь незначительный перевес отработочных рент (менее 52% при 46% денежных рент). Такое значительное падение цифры барщинных работ в крупнейших светских вотчинах создается двумя большими манорами Филиппа Colevil в Histon [36] и Childerley Minor [37] и Джона Lestrange в Milton [38], где весьма значительны денежные ренты, составляющие свыше половины всех денежных рент данного разряда. Если исключить эти две вотчины, перевес отработочных рент над денежными в крупнейших светских вотчинах не будет отличаться от предшествовавшего разряда, превосходя разряды B—D. Но в целом перевес системы отработочных рент над денежными сравнительно мало возрастает вместе с размерами вилланской земли. Отработочные ренты играют, несомненно, бо́льшую роль в церковных вотчинах, но разница в общем не очень значительна.

Здесь следует отметить, что в Кембриджшире было мало крупных цер-

Нецерковные вотчины			Все вотчины		
денежная рента	отработочная рента	рента продуктами	денежная рента	отработочная рента	рента продуктами
27.16.3 (57%)	20 0.8 (41%)	0.19.9 (2%)	31.9.5 (55%)	24.19.0 (43%)	1.0.6 (2%)
20.17.8 (34%)	38.13.0 (63%)	1.16.1 (3%)	24.5.9 (33%)	47.6.0 (65%)	2.1.5 (2%)
57.9.2 (43%)	74.14.2 (55%)	2.12.8 (2%)	60.17.8 (43%)	78.18.5 (55%)	2.17.2 (2%)
86.18 7 (46%)	95.0.6 (50%)	8 1.1 (4%)	100.6.1 (44%)	119.4.3 (53%)	8.14 3 (3%)
61.18.8 (29%)	145.4.0 (68%)	4.5.10 (2%)	77.0.8 (30%)	176.2.1 (68%)	4.7.11 (2%)
74.1.2 (46%)	83.16.2 (52%)	4.1.2 (2%)	130.17.9 (38%)	278.18.0 (59%)	12.12.5 (3%)
329.1.6 (41%)	457.8.6 (57%)	21.16.7 (2%)	474.17.4 (39%)	725.7.9. (59%)	31.13 8 (2%)

ковных учреждений, если не считать епископства Илийского и приорства Илийского. И Церковная Таксация 1290 г. и Церковная Оценка 1535 г. показывают здесь немногочисленные, преимущественно мелкие монастыри с незначительным доходом. Среди владельцев вотчин двух верхних разрядов (E и F) мы встречаем из местных церковных учреждений лишь епископство и приорство Илийское и женское аббатство Chatteriz. Наиболее значительный процент денежной ренты в группе F дают вотчины чужих монастырей. В Ickleton (prior de Monte Maurilii) денежная рента втрое превышает отработочную (4.3.4 и 1.4.4) [39], в Hockinton (аббат Croyland) она также значительно выше (7.2.7 и 4.19.10) [40]; но особенно значительное развитие денежной ренты, определившее сравнительно скромный процент для отработочных рент группы, мы находим в маноре Histon (аббата Эншемского), где денежная рента дает огромную цифру в 43.8.6 и отработочная составляет всего 5.5.11¾ [41]. В Chippenham у госпитальеров мы находим некоторый перевес отработочных рент (денежные—17.16.2, отработочные—24.16.0) [42]. В целом, подсчитывая ренты чужих церковных учреждений, мы получим для группы F: денежную ренту в 72.10.8 и отработочную в 36.6.6.1¾, — другими словами, в них денежная рента в д в о е превышает отработочную. Здесь я не подсчитал вотчин недалекого Рамзейского монастыря [43]. Но хотя мы и замечаем обычный для этого знаменитого крепостника перевес отработочных рент над денежными, но этот перевес не так значителен, как в Гентингдонширских манорах Рамзейского аббатства, особенно в сотне Hirstingdon, где лежит центр его владений. В Over мы наблюдаем альтернативную систему, при которой денежная рента могла возрастать до 10.3.1, а отработочная падать до нуля. Сравнительно развитую денежную ренту встречаем мы также в Elsworth, где она, впрочем, много ниже отработочной (9.4.4. и 17.11.11 + averagia ad voluntatem). Но все же в целом Рамзейский монастырь оправдывает свою репутацию и в Кембриджшире, давая в общем для группы F денежных рент 21.8.5½ или 28.16.5½ (альтернативная система в Over!), а отработочных на 89.6.10 или 70.11.6. Но еще значительнее перевес отработочных рент в вотчинах группы F местных церковных владель-

цев — епископа Илийского, приора Илийского и аббатиссы Chatteriz [43a] — здесь мы находим денежных рент на 11.17.11, а отработочных на 91.9.5½. При этом не подсчитаны работы, находившиеся на воле лорда, равно, впрочем, как и tallagia на воле лорда.

Здесь нам приходится констатировать зависимость системы рент от большей или меньшей близости данной вотчины к владельцу. Отработочная рента больше всего развивалась в близких вотчинах, в отдаленных мы наблюдаем сравнительно значительное развитие денежной. Это наблюдение можно подтвердить ссылками и на другие источники. Глостерский монастырь св Петра, одна из знаменитых твердынь крепостничества на западе, базируясь исключительно на барщине в глостерширских манорах, допускал отчасти денежные ренты в отдаленных вотчинах, как Littletone и Linkeholte [44].

Во всяком случае мы имеем все основания утверждать, что сравнительно скромный процент отработочных рент в крупнейших церковных вотчинах Кембриджшира создан относительной слабостью в нем местного церковного землевладения и значительной ролью отдаленных монастырей среди владельцев крупнейших вотчин. Мы должны сохранить за кембриджширскими церковными учреждениями установившуюся за английскими монастырями и епископствами репутацию последовательных сторонников барщинной системы. Может быть, теми же обстоятельствами объясняется понижение процента отработочных рент в разряде F сравнительно с разрядом E и в светских вотчинах

Группа	Церковные вотчины					Нецерковные вотчины					Все вотчины				
	0	1	2	3	4	3	1	2	3	4	0	1	2	3	4
A	—	2	2	3	2	10	26	10	13	3	10	28	12	16	5
B	1	3	—	2	—	4	4	1	13	5	5	7	1	15	5
C	—	1	1	1	1	4	12	8	18	1	4	13	9	19	2
D	—	3	—	4	—	1	14	2	13	2	1	17	2	17	2
E	—	1	—	3	—	—	5	1	15	—	—	6	1	18	—
F	—	3	1	12	—	—	4	—	6	—	—	7	1	18	—
	1	13	4	25	3	10	65	22	78	11	20	78	26	103	14

Приводимая здесь таблица дает распределение Кембриджширских вотчин по признаку перевеса в них денежной или отработочной ренты. Рубрикой «0» отмечены вотчины, где вовсе не наблюдается отработочных рент, рубрикой 1 — вотчины с преобладанием денежной ренты; 2 — с равновесием обеих систем; 3 — с преобладанием отработочной ренты; 4 — такие, в которых источник не дает возможности отделить денежную ренту от отработочной. Среди церковных вотчин встречается лишь одна без отработочных рент, да и та среди очень мелких. В верхних разрядах наблюдается решительный перевес вотчин с преобладанием отработочных рент. Все вотчины с преоб-

ладанием денежных рент принадлежат более или менее отдаленным монастырям.

Не менее отчетливую картину дают и светские вотчины. Здесь вотчины без барщин встречаются чаще, но лишь в низших разрядах (A — D), в ясно выраженном убывающем порядке. Всего значительнее перевес барщинных вотчин в разряде E, в котором лежит главная масса светских вотчин

Преобладание отработочных рент преимущественно в крупных и церковных вотчинах подтверждается и на материале других графств. Если мы возьмем графство Гентингдоншир, сотню Hirstingdon, главное гнездо больших рамзейских вотчин, то увидим здесь повсеместное преобладание барщинных порядков. Все рамзейские вотчины дают чистый или почти чистый барщинный тип. То же находим мы и в огромной вотчине недалекого епископства Илийского — Sumersham [45] и в сравнительно небольших вотчинах местного приорства Сент-Айвс [46]. Впрочем, барщинная система преобладает и среди мелких церковных и светских вотчин, но отсутствие барщин или хотя бы равновесие денежной и отработочной рент мы находим исключительно среди мельчайших, преимущественно светских вотчин (единственная церковная вотчина без барщин — вотчина приора Гентингдонского в M. Stukeley [47] с 40 a. домена и 51 ½ a вилланской земли).

Очень четко характерные типы феодальной ренты выступают и в сотне Normancross. Во всех крупных церковных вотчинах, среди которых на первом месте стоят вотчины аббатства Thorney (неподалеку, в Кембриджшире), [48] аббатства Рамзейского [49] и лежащего на границе с сотней в соседнем Нортгемптоншире аббатства Питерборо [50], мы находим перевес барщинной системы. Кроме этих больших церковных вотчин барщинная система преобладает только в большом маноре леди Morteyn — Conington [51]. В сотне есть довольно значительное число вотчин (12) совсем без барщин — все это мельчайшие светские вотчины, из которых только две дают цифры 137 и 267 a. вилланской земли [52]. В большинстве остальных вотчин мы находим перевес денежных рент над отработочными. Среди них имеется лишь одна крупная светская вотчина Glatton эрла Корнуольского [53]. В среднем размеры вилланской земли в вотчинах без барщин — 66 a., в вотчинах с преобладанием денежных рент или с равновесием обеих систем — около 160 a., между тем как вотчинах с преобладанием барщин или с чисто барщинной системой они доходят почти до 700 a. Едва ли можно найти более яркую картину сосредоточения барщинной системы в крупных и притом преимущественно церковных вотчинах. Правда, здесь имеются исключения в виде вотчин аббатства Sawtry, но это цистерцианский монастырь со всем своеобразием вотчинного хозяйства этого ордена.

Почти такую же картину мы можем наблюдать в сотне Leightonstone. Здесь среди вотчин чисто барщинного типа на первом месте идут вотчины Рамзейского монастыря [54], епископства Линконского [55], приорства Гентингдонского [56]; крупнейшие в сотне нецерковные вотчины леди Bohun — Kimbolton [57] и Bucksworth [58] представляют барщинный тип, равно

как и другие более или менее значительные светские вотчины. Исключение среди крупных вотчин представляют прежде всего два больших светских манора — Brampton и Alkmundebir [59], в первом из которых совсем нет барщин, во втором преобладают денежные ренты. Но оба эти манора — старинные домены короны и их несвободные держатели обозначены, как bondi sochemanni. Кроме них имеется лишь один большой манор Keston [60] графини Ferreres с преобладанием денежной ренты. За этими исключениями вотчины без барщин (довольно многочисленные в этой сотне — 19), равно как и вотчины с незначительными барщинами принадлежат к числу мелких.

Не менее отчетливо расслоение типов ренты выступает в сотне Toseland, где вообще крупные церковные вотчины представляют исключения (единственная значительная церковная вотчина — Hemingford аббата Рамзейского [61] — чистый барщинный тип); светские вотчины в общем невелики. В сотне Toseland виллапские держания несут преимущественно отработочные повинности. В среднем виллапская земля в вотчинах с преобладанием барщин дает около 240 а., в вотчинах, где обе системы находятся в равновесии, — около 175 а., в вотчинах с преобладанием денежной ренты около 125 а., в вотчинах без барщин (их не мало — 22) — около 23 а. Эти цифры близки к кембриджширским.

Гораздо менее отчетливо барщинный характер крупной и церковной вотчины выступает в западном районе и прежде всего в Оксфордшире. Здесь чистый (или почти чистый) барщинный тип вообще редок; отработочная и денежная рента поделилась, в среднем, поровну; очень обычен сравнительно редкий в Кембриджшире тип, примерно, одинакового развития в вотчине денежных и отработочных рент; среди крупных и церковных вотчин нередко встречаются образцы чистой денежной ренты или незначительного развития барщин.

В сотне Banbury имеется только один светский манор (и не из больших— 14 виргат виллапской земли) с значительным преобладанием отработочных рент [62]. В большинстве случаев оба вида ренты развиты более или менее одинаково. К этому типу принадлежат почти все церковные маноры, в том числе и огромные владения епископа Линконского, охватывающие 55% всей виллапской земли в сотне. В большом маноре аббата Эншемского Charbury с деревнями [63] принята альтернативная система: «quelibet virgata solvit per annum 5 s. si non operatur, et si operatur nullum dat redditum». Среди вотчин без барщин или с незначительными барщинами преобладают мелкие светские вотчины, но и здесь мы находим такие вотчины, как вотчину приора Clatercote в Cleidon с 12 виргатами виллапской земли [64], которую можно отнести к церковным вотчинам типа F, или, по крайней мере, E (принимая в расчет меньшие размеры Оксфордширской виргаты).

В сотне Bullington, как мы видели, в большинстве случаев не легко определить соотношение обоих видов ренты. Среди тех, где это определение возможно, мы находим крупный манор Headington с деревнями Хью de Плесси с незначительными барщинами, — но это старинный домен короны [65] —

манор Mersbaldintone епископа Линконского с 10 виргатами вилланской земли и вовсе без барщин [66], манор Littlemore тамплиеров с 4 гайдами вилланской земли и без барщин [67]. Правда, среди вотчин с одной денежной рентой преобладают мелкие. с коттерскими вилланскими держаниями. Маноров, где было бы ясно выражено преобладание барщины, в сотне мы не находим.

Так же неопределенны показатели в сотне Ploughley, где среди вотчин без барщин преобладают мелкие скопления вилланов (часто без домена), но встречаются и такие маноры, как Heyford Warin Томаса Бранта с 30 виргатами и 7 коттерскими держаниями вилланской земли при 4 карукатах домена [68].

Очень развита, как мы видели, барщинная система в сотне Chadlington. Здесь отработочная рента преобладает в большинстве вотчин как больших, так и малых, как церковных, так и светских. Среди немногочисленных вотчин без барщин или с преобладанием денежной ренты большинство невелико: единственное исключение — Keynham, вотчина Вильяма de Mandevil с 21½ виргатами и 6 cottagia вилланской земли. Здесь денежная рента является результатом коммутации, произведенной к большой невыгоде вилланов [69].

В сотне Thame мы наблюдаем сравнительно незначительное развитие отработочных рент даже в крупных и церковных вотчинах, но среди вотчин без барщин решительно преобладают мелкие светские вотчины.

В сотне Wotton точное определение соотношения между денежной и отработочной рентой затруднительно, но среди вотчин без барщин наряду с многочисленными мелкими вотчинами находим такие, как Cudelington Гью де Плесси с 28 вилланскими виргатами [70], Hensington тамплиеров с 10½ вилланскими виргатами [71], Bereford Olof Матильды de Martivol с 15 виргатами и 1 cottagium и без домена [72]. В крупнейших вотчинах сотни безусловно преобладает барщинный тип.

В сотне Dorchester развитие барщины незначительно, даже в больших манорах епископа Линконского [73] Сильнее всего барщина развита в большом маноре аббата Эншемского Stoke Abbatis (25 виргат и 25 a. вилланской земли) [74].

В сотне Langtrée, где вообще преобладает мелкая вотчина и денежная рента, мы находим наибольшее развитие барщин (примерно половину всех повинностей) в наиболее крупных вотчинах этой сотни (Whitechurch графини Aumarle и Stoke Basset Джона de Ripariis), где вилланская земля дает 16—18 виргат [75], но в маноре Chakenden Джона Marmion с 16½ v. 7 cot. вилланской земли отработочные ренты ничтожны [76].

Мало заметно выступает разница между крупными и мелкими вотчинами в сотне Pyrton. В значительнейших манорах сотни пропорция между денежной и отработочной рентой может сильно варьировать, допуская большую или меньшую коммутацию отработочных рент, наряду с постоянным redditus assisae [77].

В Lewknor при общем значительном преобладании денежной ренты мы встречаем один огромный манор (47½ виргат виллапской земли) аббата Абингдонского с преобладанием барщин [78]. С преобладанием барщин встречаемся мы еще в одном значительном светском маноре Томаса Breuce [79] (17½ виргат вилланской земли). Денежная рента преобладает среди мелких маноров. В очень большом маноре цистерцианского аббатства Thame (с 28 виргатами виллапской земли) вовсе нет барщинных работ [80].

Крайне неотчетливо соотношение между величиной манора и системой рент выступает в сотне Ewelme. В самом крупном церковном маноре Nywenton с деревнями (Кембриджского Колледжа св. Троицы) [81] с 60 виргатами и 6 cottagia вилланской земли отработочные и денежные повинности поделились приблизительно поровну, но с некоторым преобладанием денежной системы; для сотни, в которой значительно преобладают денежные ренты это выше среднего уровня отработочных рент.

Ясней соотношение между размерами вотчин и характером ренты в сотне Bampton, где преобладает барщинная система. Здесь мы видим преобладание барщин в больших манорах епископа Винчестерского [82], Роберта Pogeys [83]. Отработочных рент нет обычно лишь в очень мелких манорах. Но и среди довольно значительных маноров не редкость преобладание денежных рент (маноры Роберта Grey [84]).

Таким образом, основная тенденция к преимущественному развитию отработочных рент в крупных и особенно церковных владениях, наблюдается и в Оксфордшире; и здесь отсутствие отработочных рент (наблюдающееся гораздо чаще, чем на востоке) характерно преимущественно для мелких вотчин. Но здесь эта дифференциация выражена слабее и общее правило допускает очень много исключений.

Распределение рент в Уорвикширской сотне Stoneleigh было описано выше. Крупнейшим барщинным манором в сотне был Itchington епископа Честерского [85] — большой церковный манор (33¼ виргаты вилланской земли) После него следуют церковные же маноры — аббата Combe в Harbury [86] (11½ v. вилланской земли), и Ulfton (?) приора Ковентри (15⅔ v. и 4 cot. вилланской земли). В остальных манорах мы встречаем по большей части ничтожные барщины. Огромный манор Stoneleigh с деревнями цистерцианского аббатства Stoneleigh отличается характерной для цистерцианских вотчин структурой — огромным доменом, небольшой свободной землей, с совсем ничтожной вилланской землей, занятой мелкими держаниями с мелкими рентами и барщинами.

В сотне Kineton, где, как мы видели, уровень развития отработочной ренты очень низок, барщинный тип преобладает среди крупных вотчин, между которыми видное место занимают церковные.

Крупными вотчинами с преобладанием барщины являются Compton Murdac [87] (Wil. Murdac)—17 виргат и 17 cot. вилланской земли; Chadsnut, Gaydon и Bishop's Tachbrook (епископа Честерского) [88] — свыше 48 вилланских виргат; огромный Brailes (графа Уорвика) [89] — 56 виргат вил-

ланской земли; Honington и Bradmore (приора Ковентри [96]) — 35 виргат, 240 а. и 17 cot вилланской земли; M. Compton (короля [91]) — 40 виргат вилланской земли Но и среди вотчин с преобладанием денежной ренты передки крупные, как Walton Village и Walton Mauduyt (Матильды Walton [92])—42½ виргаты и 7 cot. вилланской земли, Butler's Marston (Wil. de Botiler [93]) — 42 виргаты, 12 cot. и 2 а вилланской земли, Hardwick и Prior's Marston (приора Ковентри [94]) — 40 виргат 6 а. и 4 cot. вилланской земли, и еще можно насчитать 5 маноров без барщин или с мелкими барщинами с 18—22 виргатами вилланской земли [95]; но в общем здесь преобладают более мелкие вотчины.

Таким образом, характеристика, данная для Оксфордшира, подходит в общем и для Уорвикшира, хотя здесь разница между крупной барщинной и мелкой оброчной вотчиной выступает яснее.

Вполне понятно, что классическая историография, базировавшаяся на материале крупных и преимущественно церковных вотчин, преувеличила роль отработочных рент в вотчинном строе XIII в. и приписала им господствующее положение, которого они в действительности не занимали.

В таблице на стр. 144 я хочу дать общую картину распределения вилланской земли между вотчинами без барщин, вотчинами с преобладанием денежных рент, с равновесием обоих видов ренты и с преобладанием отработочных рент. Для каждого из этих типов дается число вотчин, размеры вилланской земли во всех вотчинах данного типа и средние размеры вилланской земли на вотчину. Эта таблица наглядно подтверждает те выводы, которые были получены мной из предшествующего просмотра нашего материала. Подсчеты произведены по графствам. Сомнительные случаи (где отношение отработочных и денежных рент неясно) — исключены. Таблица позволяет внести дополнения в характеристику районов распределения феодальной ренты. Мы видим, что здесь резко разграничены восточный и западный районы; для первого характерно не только огромное преобладание вотчин преимущественно барщинного типа (я говорю лишь о вилланских держаниях), но и резкая дифференциация между мелкой оброчной и крупной барщинной вотчиной. Гентингдоншир дает гораздо более крупные цифры для средних барщинных вотчин (как и для других разрядов) в связи с преобладанием в нем крупного монастырского землевладения. В западном районе преобладают вотчины либо оброчного, либо смешанного типа. Дифференциация выступает не столь резко, как на востоке, но все же достаточно отчетливо. В Гентингдоншире вилланская земля среднего барщинного манора превышает вилланскую землю чисто оброчного манора в 13 раз, в Кембриджшире — в 5 раз, в Оксфордшире — в 2½ раза, в Уорвикшире — в 3½ раза.

При характеристике распределения денежной и отработочной ренты нельзя забывать о том, что эта рента дифференцируется не только по различным разрядам вотчин, но и внутри каждой отдельной вотчины по разрядам держателей. Мы можем установить следующее общее правило: денежная рента играет бóльшую роль в мелких

Графство	Вотчины без барщин			Вотчины с преобладанием денежной ренты			Вотчины с равновесием обеих форм ренты			Вотчины с преобладанием барщины		
	число вотчин	общие размеры вилланской земли	средние размеры вилланской земли	число вотчин	общие размеры вилланской земли	средние размеры вилланской земли	число вотчин	общие размеры вилланской земли	средние размеры вилланской земли	число вотчин	общие размеры вилланской земли	средние размеры вилланской земли
Гентингдоншир	92 [91]	4288 a [3121 a][1]	47 a. [33 a]	21	5404 a.	258 a.	17	2434 a.	143 a.	35	21522 a.	615 a.
Кембриджшир	20	779 a.	39 a.	73	8476 a.	116 a.	25	1771 a.	71 a.	96	20225 a.	210 a.
Оксфордшир	69	452 v.	$6^1/_2$ v.	60	596 v.	10 v.	117	1314 v.	$11^1/_2$ v.	86	1265 v.	$15^1/_4$ v.
Уорвикшир	44	253 v.	$5^3/_4$ v.	37	316 v.	$8^1/_2$ v.	18	145 v.	8 v.	20	376 v.	19 v.

[1] Крупные цифры в этом разряде создаются благодаря вотчине Brampton Джона Гастингса (старинный домен короны), где имеется 1167 a. земли крепостных сокменов (bondi sochemanni) RH II, 607—609. Взятые в скобки цифры вычислены с исключением этой вотчины.

коттерских) держаниях, чем в крупных Значительная часть мелких держаний либо совсем не несет отработочных повинностей, либо несет их в незначительных размерах сравнительно со своей денежной рентой. Нам порой не легко установить принадлежность тех или иных мелких держаний к свободным или вилланским в виду того, что по характеру повинностей значительной разницы между теми и другими не наблюдается. Вероятно, и вотчинная администрация не всегда знала эту разницу и не очень за нею следила: коттер менее интересовал ее в качестве объекта феодальной эксплоатации, чем в качестве резервной наемной рабочей силы.

Отмечавшееся выше значительное развитие мелких вилланских держаний в мелких вотчинах представляет важный дополнительный источник в характеристике мелкопоместных феодалов. Здесь всего отчетливее развивалась система денежных рент, здесь рабочее население вотчины в бо́льшей, чем где-либо, степени оказывалось на положении оседлых наемных рабочих.

Выше было выяснено крупное значение денежной ренты свободных держаний для общей характеристики вотчинной системы. Денежная рента свободных держаний создает перевес денежной ренты в Кембриджшире, она делает этот перевес очень значительным в Оксфордшире и особенно в Уорвикшире. Данные, собранные нами в III главе, достаточно ясно показывают, что развитие свободного держания значительней в светских вотчинах, чем в церковных, значительней в мелких, чем в крупных, хотя размеры денежной ренты свободных держателей до крайности варьируют, но в общем мы должны констатировать, что в мелких вотчинах она играет более значительную роль, чем в крупных, где свободное держание нередко несет службы и повинности нехозяйственного характера. Сравнительную роль денежной ренты свободных держателей в вотчинах различных размеров всего удобнее проследить на примере Кембриджшира, где эта рента играет особенно заметную роль. Таблица на стр. 146 ясно показывает убывающую роль денежной ренты свободных держателей с возрастанием размера вотчины (определяемого размерами вилланской земли). Составляя почти половину всей ренты в мельчайших вотчинах, она падает до 12% в крупнейших. Особенно резко это падение в церковных вотчинах—с 62% для мельчайших вотчин до 7% для крупнейших. Вполне понятно, что исследователи, отправлявшиеся от крупных церковных вотчин, уделяли очень мало внимания ренте свободных держаний.

Обнаруженное нами преобладание системы денежных рент в большей части изучаемой нами области заставляет пересмотреть вопрос об организации домениального хозяйства. Нам необходимо выяснить, в какой мере отработочные повинности вилланов могли удовлетворить потребность господского хозяйства в рабочей силе; особенно остро этот вопрос стоит по отношению к западным районам и к мелким вотчинам. С этим вопросом теснейшим образом связан другой — о том, какую роль играл наемный труд в господском хозяйстве.

Группа	Церковные вотчины		Нецерковные вотчины		Все вотчины	
	вилл рента	рента свободных держателей	вилл. рента	рента свободных держателей	вилл. рента	рента свободных держателей
A	8.12.3 38%	14.8.8 [1] 62%	48.16.8 56%	37.14.11¾ 44%	57.8.11 52%	52.37¾ + ? 48%
B	12.6.5 44%	15.7.6 56%	61.6.9 72%	23.17.3 28%	73.13.2 65%	39.4.9 35%
C	7·17 3 75%	2.13.5 + ? 25%	134.16.0 77%	40.3.5½ 23%	142.13.3 77%	42.16.10½ 23%
D	31.4.2½ 74%	10.16.7¾ [2] 26%	190.0.3 78%	53.11¼ 22%	221.4.5½ 77%	64.7.8 23%
E	46.2.2 88%	6.5.1 12%	211.8.6 78%	61.8¾ 22%	257.10.8 80%	67.13.1¾ 20%
F	310.9.8 93%	22.3.6 7%	161.18.6 79%	42.16.10½ 21%	472.8.2 88%	65.0.4½ 12%
	416.11.11½ 85%	71.14.9¾ 15%	808.6.7 76%	259.11.7¾ 24%	1 231.18.9 79%	331.6.5½ 21%

Все вычисления здесь крайне затрудняются тем, что господская земля обычно исчисляется в карукатах. В главе III уже выяснен условный характер этого термина. Переводя карукаты на виргаты и акры по обычному стандарту, мы легко можем сделать ошибку в сторону преуменьшения действительных размеров домена, но в таком случае мы гарантированы от преуменьшения роли отработочных рент в домениальном хозяйстве

Прежде всего мы должны вспомнить, что немалая часть учтенного в нашем источнике домена совершенно не обеспечена несвободными рабочими руками. По нашим, правда, не очень точным вычислениям (гл. III), около 20 % всего домена либо вовсе не связано с вилланскими держаниями, либо связано с очень небольшой вилланской землей. Для Кембриджшира эта цифра возрастает до 28%, для Бедфордшира даже до 34 %. Мы насчитывали ряд хозяйств, особенно у цистерцианских монастырей, где вовсе не было вилланов или имелись немногочисленные коттерские держания. К этой домениальной земле без вилланов надо присоединить не малую домениальную землю без отработочных повинностей. Иногда отсутствие отработочных рент у вилланов связано с отсутствием домена. Но чаще и в безбарщинных манорах налицо домениальная земля.

В Гентингдоншире мы насчитываем 1 815 а. домениальной земли в манорах с вилланами, но без барщин. Это повышает «неманориальный» домен

[1] Ввиду незначительных размеров рента продуктами и отработочная не подсчитаны.

[2] Исключен манор Bourn приора Барнвельского (RH II,524—5) в виду трудности учета ренты свободных держателей.

в графстве до 8 061 а., т. е. до 25% всей домениальной земли. В Кембриджшире мало вотчин с вилланами и без барщин и к тому же там не всегда даются размеры домена. Поэтому мы от точных вычислений отказываемся. Но в 14 безбарщинных вотчинах, где можно высчитать домен, он равен приблизительно 378 а., а в шести его определить нельзя. Это позволяет прибавить к 28% «неманориального» домена еще хотя бы 1%.

Легче исчислить домен с виллапами, но без барщины в Оксфордшире. Здесь можно насчитать около 200 виргат такого домена. Вместе с 516 виргатами домена без вилланов это составит 716 виргат, или 24% всего домена. В Уорвикшире 170 виргат домена с вилланской землей, но без барщины доводят общие размеры неманориального домена до 377 виргат, или свыше 42% всей домениальной земли. Вычисляя среднюю цифру для рассмотренных графств (и принимая каждое графство за равную величину), получим вывод, что 30% всей домениальной земли в изучаемом нами районе вовсе не было обеспечено несвободной рабочей силой (если имелись рабочие повинности, то совершенно ничтожные).

Это еще не значит, что остальные вотчины основывали свое домениальное хозяйство на отработочных рентах вилланов. В большинстве случаев мы наблюдаем смешанную систему, при которой барщинным трудом выполнялась лишь часть работ на домене.

Вопрос о том, насколько домениальное хозяйство обслуживалось рабочими повинностями и насколько оно нуждалось в дополнительном труде, может быть разрешен путем сравнения размеров отработочных рент в каждом маноре с размерами домениальной пашни. Количество рабочих повинностей (в денежной их оценке), приходящихся на акр домена, другими словами, оценка рабочих повинностей, деленная на число акров домениальной пашни, может служить показателем насыщенности манориального хозяйства подневольными рабочими повинностями. Но здесь перед нами ряд трудностей. Прежде всего, какова мера насыщенности домена барщинным трудом? Какое количество труда должно приходиться на акр домениальной пашни при достаточной насыщенности манора барщинным трудом? Эта величина может варьировать в зависимости от применяющейся системы земледелия (двух- или трехпольная система, количество повторных вспахиваний и т. д.) и от того, сколько барщинного труда применяется в других частях хозяйства, помимо барского поля. Все же некоторые ориентировочные цифры установить здесь можно. Пахота одного акра оценивается по Сотенным Свиткам от 4 до 6 пенсов. Но акр вспахивался не один раз. Вспашка под озимое производилась два-три раза. Жатва акра оценивалась в 3—4 пенса. Надо еще прибавить боронование (посев обычно не поручался барщинникам), полку, уборку урожая, иногда молотьбу. Таким образом, одни лишь полевые работы, приходящиеся на акр домениальной пашни, никак не могли оцениваться ниже 12 пенсов. Но надо помнить, что кроме этих работ барщинник должен был косить и убирать луг, стричь овец, нести ряд извозных

повинностей, оценивавшихся иногда очень высоко, копать канавы, починять постройки и т. д., — словом, на барском поле он исполнял лишь часть своих барщинных работ. Если, поэтому, мы увеличим цифру барщин, приходящихся на акр домена, до 18 пенсов, мы едва ли рискуем впасть в преувеличение. Эту цифру придется, однако, понизить в связи с господством двух- или трехпольной системы, оставлявшей ежегодно половину или треть акров под паром. Но и в этом случае она не может быть менее 12—14 пенсов. Принимая во внимание, что некоторая часть полевых работ могла исполняться несвободными дворовыми рабочими (что являлось до известной степени видоизмененной формой барщинного труда), и делая возможно более широкие уступки традиционной точке зрения, я снижаю контрольную цифру до 6 пенсов на акр домена. Если оценка барщинных работ, деленная на число акров домениальной пашни, дает цифру в 6 пенсов и более, я признаю манор достаточно снабженным несвободным трудом. Если эта цифра менее 6 пенсов, я предполагаю, что манор не мог обходиться без дополнительного наемного труда. Мне представляется, что принятая мной контрольная цифра настолько низка, что снимает с меня всякую возможность упрека в желании преуменьшить роль отработочных рент в домениальном хозяйстве XIII в.

Конечно, мы не должны забывать, что имеем перед собою совершенно условные цифры, лишь дающие нам известные отправные моменты для сравнения степени обеспеченности отдельных вотчин барщинным трудом

Обращаемся к вотчинам Кембриджшира, где, как мы имели возможность убедиться, уровень барщины был сравнительно очень высок, и исключаем из нашего материала те вотчины, где размеры домениальной земли не даны, где не было вилланов или не было барщин. Берем те разряды вотчин, где мы наблюдали наиболее сильное развитие отработочных рент по сравнению с денежными, а именно разряд F среди церковных вотчин, разряд E среди светских. Для первой группы мы получим цифру акров домена— 4 311½ и соответствующую цифру отработочных рент — около 15 фунтов. Это дает отношение 8 d. на акр домена. Но светские вотчины разряда E дают лишь 5 d. (домен, поддающийся исчислению 3 464 a., оценка отработочных рент — 76.1.1³/₄). Разряд F дает тоже около этого — приблизительно 6 d. (1 964 a. в домене 48.7.6 — оценка отработочных рент). Разряд D (светск.) дает уже 4 d. (3 192 a. и 57.14.5 ½). В разряде C поддаются учету 3 794 a. домена, которым соответствуют отработочные ренты в 39.7¼, что дает только 2½ d. на акр. В разряде B эта цифра понижается до 1½ d., а в разряде A до ²/₃ d. Вполне понятно, что мы отчасти подготовили эту нисходящую лестницу, расположив материал в нисходящем порядке по размерам вилланской земли, а стало быть, и вилланских повинностей. Нам уже приходилось констатировать, что размеры вилланской земли и домена не находятся в постоянной связи. Но наш материал позволил нам выяснить, что в светских вотчинах лишь разряды F и, пожалуй, E достаточно обеспечены барщинным трудом на домене, тогда как разряды A—D им не обеспечены. Между

тем в этих разрядах домен не так уж незначителен. Абсолютные цифры здесь не показательны, поскольку в низших разрядах источник гораздо чаще дает размеры домена, чем в высших; но в среднем вотчина разряда A дает домен приблизительно в 80 а., разряда B в 140 а., разряда C также около 140 а., разряда D — около 190 а., разряда E — 340 а., примерно столько же в вотчинах разряда F. Умножая эту среднюю цифру на число вотчин в каждом разряде, мы получим следующие ориентировочные цифры.

Разряд	Размеры домена	Обеспечение 1 а домена отработ. рентами	Средние размеры домена
A	4 360 а.	$^2/_3$ d	80
B	3 780 »	$1^1/_2$ »	140
C	5 880 »	$2^1/_2$ »	140
D	5 080 »	4 »	190
E	7 140 »	5 »	340
F	3 400 »	6 »	340

Можно было бы расположить материал более целесообразно, но и эта таблица ясно показывает, что даже в графствах с наиболее развитыми отработочными рентами домен был недостаточно обеспечен барщинными работами вилланов. Здесь не подсчитан к тому же домен в вотчинах без вилланов, составляющий в Кембриджшире до 28% всего домена (это минимальная цифра, так как в светских вотчинах этот процент был гораздо выше). Поэтому можно было бы к данной таблице прибавить еще одну рубрику: разряд 0, размеры домена — 10 745 а., обеспечение домена отработочными рентами — 0. Средняя для графства обеспеченность акра домена отработочными рентами составит в таком случае около 2½ d.

Надо отметить, что в мелких вотчинах с незначительными виланскими землями и повинностями, с доменом в 80—140 а. мог играть не малую роль личный труд владельца вотчины, который порой был зажиточным крестьянином — фригольдером.

Незначительная обеспеченность Кембриджширской светской вотчины крепостным трудом при высоких сравнительно отработочных рентах прежде всего объясняется крупными размерами домена по сравнению с виланской землей или, вернее, незначительными размерами виланской земли в вотчине. Домен был почти равен виланской земле: только в церковных вотчинах виланская земля почти на треть превосходила домен.

Я не вычислял степени обеспеченности домена барщинным трудом в Гентингдоншире. Но не трудно видеть, что, за вычетом сравнительно незначительного (территориально) числа вотчин без вилланов или с небольшими отработочными рентами, графство было богато обеспечено виланскими барщинами. Не говоря уже о высоком проценте отработочных рент среди повинностей вилланов, отношение виланской земли к домену здесь дает исключительно высокую цифру: виланская земля почти вдвое, в крупных вотчинах вдвое, а в церковных больше чем вдвое превосходит домениальную.

Оксфордшир дает сравнительно с восточными графствами меньший процент отработочных рент в повинностях вилланов; но зато отношение вилланской земли к домену здесь довольно высокое: вилланская земля на 60% больше домениальной, причем перевес еще возрастает в крупных и особенно в церковных вотчинах. Еще значительнее он в Уорвикшире, где вилланская земля почти вдвое, а в крупных вотчинах ровно вдвое превосходит домен.

Я рассмотрел соотношение между размерами барщин и размерами домена по нескольким сотням Оксфордшира (Bampton, Chadlington, Banbury, Thame) и по сотне Stoneleigh в Уорвикшире. Из оксфордширских сотен Bampton и Chadlington дают значительный перевес отработочных рент вилланов над денежными; Banbury и Thame дают сравнительно слабое развитие отработочных рент. Соотношение домена и вилланской земли близко к среднему для Оксфордшира.

В сотне Bampton соотношение между отработочными рентами вилланов и денежными ниже, чем среднее для Кембриджшира. Тем не менее здесь мы находим бо́льшую обеспеченность домена несвободной рабочей силой в виду сравнительно бо́льших размеров вилланской земли. Для этой сотни у нас получаются следующие цифры:

Сотня Bampton

Оценка отработочных рент на 1 а. домена	Число вотчин	Общие размеры домена	Средние размеры домена	Среднее обеспечение 1 а.
1) 0	7	30 виргат	$4^{2}/_{7}$ виргат	0
2) менее 3	14	85 »	6 »	$1^{1}/_{2}$ d.
3) от 3—6	10	86 »	$8^{3}/_{5}$ »	$3^{3}/_{4}$ »
4) 6 и выше	11	88 »	8 »	$8^{3}/_{4}$ »

Средней цифрой барщинных повинностей на акр домена для всей сотни будет $4^{1}/_{4}$ d. В Bampton мы, как и в Кембриджшире, наблюдаем зависимость степени обеспеченности домена отработочной рентой от размеров вотчины: но если там мы наблюдали эту зависимость по отношению к размерам вилланской земли, то здесь она выступает перед нами и по отношению к размерам домена. Высшие в смысле обеспеченности разряды дают и более высокие средние цифры для размеров домена. Крупнейшая в сотне вотчина епископа Винчестерского, Whitney с деревнями [96], с доменом в 28 виргат лучше всех обеспечена вилланскими работами (10 d. на акр), если не считать вотчины Роберта Pogeys в Bampton и Aston [97], где обеспечение достигает 15 d. на акр (домен равен 8 виргатам).

Сотня Chadlington, где повинности вилланов значительно выше, чем в Bampton, дает более низкую среднюю обеспеченность домена вилланской работой, благодаря огромному развитию домена без вилланов.

Сотня Chadlington

Оценка отработочных рент на 1 а. домена	Число вотчин	Общие размеры домена	Средние размеры домена	Среднее обеспечение 1 а.
1) 0	9	163¼ v.	16 v	0
2) менее 3	8	73½ »	9 »	1⅝ d.
3) 3—6	10	102½ »	10¾ »	4⅖ »
4) 6 и выше	15	135 »	9 »	9 »

Среднее обеспечение 1 акра для всей сотни 3¾ d. Привычное соотношение между размерами вотчины и степенью ее обеспеченности вилланским трудом здесь нарушено. Крупнейшие средние размеры домена мы находим в низшем разряде. Но это вызвано огромным доменом цистерцианского аббатства Bruerne (102 v.) [98]. Если мы исключим его из подсчета, то средние размеры домена без отработочных рент (вернее, без вилланов) дадут всего 5 виргат — цифру, близкую к Bampton. В остальных разрядах средние цифры для домена близки к цифрам Bampton. Крупнейшие (после владений аббата Bruerne) домены мы находим в разрядах 2 и 3.

Сотня Banbury при низких отработочных повинностях вилланов (значительно более низких, чем в Кембриджшире) дает несколько более высокую среднюю цифру обеспеченности домена вилланским трудом, чем это графство (3 d.), в связи с большим развитием вилланской земли сравнительно с домениальной.

Сотня Banbury

Оценка отработочных рент на 1 а. домена	Число вотчин	Общие размеры домена	Средние размеры домена	Среднее обеспечение 1 а.
1) 0	9	37½ v	4 v.	0
2) менее 3	8	50 »	4¼ »	2 d.
3) 3—6	1	16 »	16 »	4½ »
4) 6 и выше	3	40 »	15⅔ »	6 »

Два высших разряда в сотне Banbury составлены исключительно из церковных владений, третий — из Charlebury аббата Эншемского [99] и четвертый — из трех маноров епископа Линконского (Croperdy, Herdwick, Hissenden) [100]. При этом в Charlebury барщины могли заменяться денежными рентами. В манорах епископа Линконского отработочные ренты несколько ниже денежных, но зато на 40 виргат домена приходится 151½ виргаты вилланской земли.

В сотне Thame отработочные ренты незначительны. Верхние разряды здесь совсем отсутствуют.

Сотня Thame

Оценка отработочных рент на 1 а. домена	Число вотчин	Общие размеры домена	Средние размеры домена	Среднее обеспечение 1 а.
1) 0	6	$40^1/_6$ v	$6^2/_3$ v	0
2) менее 3	8	$81^1/_2$ »	10 »	$1^1/_2$ d.
3) от 3—6	0	0	0 »	0
4) 6 и выше	0	0	0 »	0

Средняя обеспеченность акра домена вилланским трудом выразится в 1 d.

В Уорвикширской сотне Stoneleigh в верхнем разряде только две вотчины; среди них значительный домен, хорошо обеспеченный вилланскими рабочими повинностями (7½ а.), находим в вотчине Itchington епископа Честерского (20 виргат в домене). Но огромный домен в Stoneleigh с деревнями (68 v) аббата Stoneleigh (цистерцианский монастырь!) совсем не обеспечен вилланскими повинностями ($^1/_7$ d. на акр). Средняя обеспеченность акра — 1½ d.

Сотня Stoneleigh

Оценка отработочных рент на 1 а. домена	Число вотчин	Общие размеры домена	Средние размеры домена	Среднее обеспечение 1 а.
1) 0	7	26 v.	$13^4/_7$ v	0
2) менее 3	16	$166^2/_3$ »	$10^1/_2$ »	$^1/_2$ d.
3) от 3—6	6	$27^1/_4$ »	$4^1/_2$ »	$3^1/_3$ »
4) 6 и выше	2	28 »	14 »	7 »

Исчисление отработочных рент в вотчинах разряда 3) представляется мне несколько преувеличенным.

Я не склонен придавать большое значение этим выкладкам. Полученные здесь цифры являются функцией не только размеров вилланских повинностей и домена, но и третьего переменного — величины каруката, которая нам по большей части неизвестна. Вероятно, в западных графствах цифры следовало бы несколько повысить в связи с меньшими размерами каруката, которая всюду исчислялась нами в 4 виргаты и 120 а. Далее, могли встречаться известные варианты в распределении отработочных повинностей, хотя в общем в этом отношении приходится отметить значительное единообразие.

Но во всяком случае мои цифры позволяют нам достаточно уверенно сказать, что в изучаемой нами области домен в целом недостаточно обеспечен отработочными рентами вилланов.

Крупные и особенно церковные вотчины в общем обеспечены лучше, хотя и здесь есть ряд немаловажных исключений. Но мелкие и средние вотчины явным образом не могли обходиться при помощи одних лишь отработочных повинностей вилланов.

Как пополнялась эта потребность в рабочей силе? В самых мелких доменах мелких вотчинников, вероятно, в значительной мере личным трудом самих владельцев, в крупных — отчасти трудом несвободных дворовых рабочих. Домениальные плуги играли в рамзейских вотчинах более крупную роль, чем «помощь деревни» (auxilium villatae). В цистерцианских монастырях большая часть работ выполнялась руками младшего монастырского персонала (conversi). Но у нас есть все основания думать, что значительную роль в хозяйстве мелкого и среднего вотчинника играл наемный труд. Значительный процент малоземельного крестьянства во всех изученных нами графствах указывает нам главный источник недостающей рабочей силы. «Превращение натуральной ренты в денежную не только необходимо сопровождается, но даже антиципируется образованием класса неимущих и нанимающихся за деньги батраков» (Маркс, Капитал, т. III, гл. 47, § IV).

Нам приходится отказаться от классической характеристики английской деревни XIII в. как деревни крепостной и барщинной или, вернее, значительно видоизменить эту характеристику. Крепостничество (вилланство) преобладает, главным образом, в крупных вотчинах, там же всего сильнее развита и барщинная система; всего более четко этот тип выступает в крупных церковных вотчинах, которые и дали основной материал для классической теории.

Глава V

ФЕОДАЛЬНАЯ РЕНТА ПО ПОСМЕРТНЫМ РАССЛЕДОВАНИЯМ

В моем исследовании этой главе принадлежит особое место. Если в предшествующих главах я не выходил за рамки нескольких средне-английских графств, то здесь я делаю попытку распространить свои наблюдения на всю страну. Перед нами пройдут 36 из 40 графств Англии. На этом материале возможна более широкая и общая постановка основных проблем нашего исследования, чем на более детальном, но локально ограниченном материале предыдущих глав.

Мы будем изучать английскую феодальную вотчину по очень неясному и трудному источнику. Историография вопроса знает одну — в общем неудавшуюся — попытку широкого использования этого источника для разрешения одной из основных проблем аграрного развития Англии. Я имею в виду статью Грея о коммутации рабочих повинностей вилланов перед Черной Смертью [1]. Грей отнесся к Посмертным Расследованиям с крайней доверчивостью. Он считает их данные «почти столь же точными, как данные приказчичьих отчетов» и полагает, что из них гораздо легче извлечь общие заключения. Он отмечает большую достоверность Посмертных Расследований, особенно в трактовании крестьянских повинностей. Поэтому понятно, что он считает Посмертные Расследования «перворазрядным источником» для разрешения вопросов, связанных с рабочими повинностями и денежными платежами крестьян, и, в частности, вопроса о коммутации [2]. Но Грей не дал того, что обязан был дать исследователь, вводящий новый и мало известный источник,— он не дал критики источника, расшифровки его терминов, детальной проверки его достоверности, раскрытия смысла и значения его цифр и оценок.

Не все относились к Посмертным Расследованиям так доверчиво [3]. Но их привлекали как дополнительный и иллюстративный материал при изучении тех или иных вопросов аграрной истории средневековой Англии [4].

Строя теперь на этом источнике во всяком случае не менее широко задуманное здание, чем у Грея, мы считаем долгом начать с того, чего он не сделал,— с характеристики и критики источника.

Когда умирал непосредственный держатель короны, земли его брались в руки короля. Королевский чиновник производил расследование об их доходности и о том, кто является ближайшим наследником. Эти расследования и носят название Посмертных Расследований (Inquisitiones post Mortem). Пока наследник не был установлен, пока он не приносил феодальной присяги и не уплачивал рельефа (или не представлял поручительства в уплате) или пока не назначалась опека над несовершеннолетним наследником, земли оставались в руках короля и доходы с них шли в его пользу (primer seisin). Процедура расследования постепенно вырабатывалась в течение царствования Генриха III, и для нее создавались специальные органы. Расследование производилось на основании королевского приказа «diem clausit extremum» [5]. Этим приказом предписывалось расследовать, сколько земли умерший держал в день своей смерти от короля и сколько от других лордов, и за какую службу, какова годовая доходность этих земель, кто ближайший наследник покойного и в каком он возрасте. Вместе с тем предписывалось вступить во владение данными землями от имени короля впредь до дальнейшего распоряжения. Сначала расследования производились шерифами, они же вступали во владение землями умершего держателя и передавали их наследнику. Но опека над землями, взятыми в руки короля, поручалась особым чиновникам, custodes escaetorum или escaetores. Потом этим escheator'ам поручается как вступление во владение, так и производство расследования. Escheator'ов было двое на Англию — к северу и к югу от Трента. У них были помощники по графствам, которым часто поручалось производство расследований. Некоторые иммунитетные территории стояли вне власти королевских исчиторов; в них расследования производились чиновниками иммунитета. Произведенное расследование отправлялось в канцелярию: копия отправлялась в Казначейство, в виду того, что исчиторы должны были туда сдавать отчеты об управлении взятыми в королевскую руку землями. В случае неудовлетворительности представленного расследования Канцелярия требовала производства нового, более тщательного. Для руководства королевским чиновникам в 1259 г. была дана особая инструкция [6]. Эта инструкция предписывала производить весьма тщательную опись всем статьям манориальных доходов. Относительно домена надо было сообщить размеры пахотной земли в акрах и указать оценку акра. То же надо было дать для луга. Предписывалось указать размеры «отдельных» пастбищ (pastura separabilis) с указанием, сколько скота может прокормить каждое из них; при этом надо было определить, за какую плату можно было бы сдать акр пастбища. Предписывалось указать количество скота, которое лорд мог выгонять на общинное пастбище. Должны были быть также указаны размеры леса и доходы с него (pannagium, herbagium и пр.); мельницы и их доходность, рыбные ловли и их доходность, следовало указать даже доход с сада и голубятни. Не менее подробно должна была описывать ся и держательская земля. Надо было дать перечисление всех свободных держателей и их держаний, с указанием, с какого времени они держат, какие

на них лежат повинности и сколько они платят в год. Относительно вилланов надо было дать их число и перечислить их повинности с указанием оценки каждой из них в отдельности, особо надо было указать размеры уплачиваемых ими денежных взносов (de redditu assiso). Надо было также указать, кто из свободных держателей и из вилланов может и кто не может женить сыновей и выдавать замуж дочерей без разрешения лорда, кого можно и кого нельзя облагать тальей (tallagium) по воле лорда. Надо было дать примерную оценку (quantum valere possit) доходов курии (placita et perquisita), проверки круговой поруки, гериотов, рыночных доходов и church-scot. Если с манором была соединена сотня, требовалось указать ее доходность. Надо было также указать, сколько живого инвентаря можно держать в поместье, какие могут быть произведены улучшения в смысле заимок, расчисток, постройки мельниц и хлебопекарен для пользования вилланов, устройства рынков и т. д. Далее шел ряд предписаний относительно описи королевских конфискаций и выморочных земель в данном маноре, отчуждений земель, рент, церковного патроната, сведенных лесов, потери рабочей силы из-за бегства или освобождения вилланов и т. д. Если бы расследования всегда полностью выполняли эту программу, у нас был бы действительно бесценный источник.

Расследование производилось теми сотенными присяжными, на которых лежала вся тяжесть частых и разнообразных расследований, столь характерных для тогдашней Англии. Часто королевские чиновники и присяжные руководствовались инструкцией, по крайней мере первой ее частью, но иногда описи были до крайности суммарны. Подчас все сообщаемые сведения ограничивались общей цифрой доходности поместья.

Можно предполагать, что у чиновников, производивших расследование и дававших отчет канцелярии и казначейству, могли быть веские резоны преуменьшать доходы маноров, вверявшихся их заведыванию. Случаи указов о производстве вторичного расследования об этом свидетельствуют. Но, повидимому, во многих случаях такие сокрытия сходили с рук. В случаях повторных расследований мы находим нередко значительные расхождения с первыми расследованиями и значительное повышение цифр доходности. Например, манор Coln, Wilts, описан на основании указов от 15 октября 38 Hen. III и 18 ноября 39 Hen. III. В первом случае общая сумма оценки указана в 15.9.7, во втором — 23.0.4 [7].

Escheators давали в казначейство отчет о доходах, полученных с поместий, находившихся в их ведении. В Лондонском публичном архиве хранится длинная серия Escheators' Accounts, Exch. Насколько мне удалось выяснить (я просматривал материалы, относящиеся к царствованию Генриха III), отчеты давались лишь в денежном доходе: в денежной ренте держателей за разные сроки, в талье, в фирме мельниц, в доходе курии, в коммутированных вилланских работах, в денежной выручке от сдачи в аренду разных угодий и от продажи всякого рода продуктов: хлеба, бурелома, сена, яиц, солода [8], яблок и даже якорей, оставшихся после кораблекру-

шения (de wrecco maris). О рабочих повинностях держателей упоминается лишь постольку, поскольку они заменялись денежными платежами. В отчете делаются скидки на расход (decasus redditus). Здесь главное место занимают выдачи разным лицам по обязательствам, лежащим на маноре, жалованье управляющему, расходы на покупку семян для посева, на уплату рабочим, на угощение пахарей-барщинников. В общем эти отчеты близко напоминают денежную часть отчетов, дававшихся манориальными старостами и приказчиками. Для большей части статей описи, дававшиеся в Посмертных Расследованиях, могли иметь лишь ориентировочное значение (особенно для продаж). Может быть поэтому Канцелярия и Казначейство не слишком требовательны к точному соблюдению формы инструкции.

В Лондонском Публичном Архиве хранится огромное количество папок с делами о Посмертных Расследованиях. Здесь собраны королевские указы о производстве расследований и ответные донесения исчиторов. Ко многим приложены более или менее подробные описи поместий. За Посмертными Расследованиями утвердилась репутация труднейшего в палеографическом отношении источника. Обычно они написаны на небольших кусочках пергамента очень мелким шрифтом со множеством аббревиатур, и часто, вследствие выцветания чернил и потемнения пергамента, читаются с трудом. Попадаются совсем вытертые или оторванные места, но в большинстве случаев возможно точное их прочтение. Серия Посмертных Расследований начинается с 20-го года царствования Генриха III (1236). Подробные их описи частью изданы в виде так называемых Календарей Посмертных Расследований. Старое издание Архивной комиссии (Record Commission) в четырех фолиантах (1806—1828) [9] напечатано со старой описи XVII в., часто неточной и включающей ряд документов, не являющихся Посмертными Расследованиями. С 1904 г. Публичный Архив выпускает новое официальное издание Календарей [10], представляющих подробную опись подлинных документов. Это издание очень ценно для ориентировки в источнике, но, поскольку Посмертными Расследованиями до последнего времени пользовались преимущественно генеалоги, то и при издании приняты во внимание, главным образом, их интересы. Данные описей приводятся не всегда и большей частью— неполно. Обычно лишь дается упоминание о том, что к данному расследованию приложена опись поместья. Поэтому историку аграрных отношений приходится обращаться непосредственно к архивному материалу. Я изучил большинство описей, относящихся к эпохе Генриха III (1236—1272) и к первым годам царствования Эдуарда I. Из описей XIV в. мной было просмотрено всего лишь несколько десятков. Поэтому все дальнейшее относится только к Посмертным Расследованиям XIII в.

Огромным преимуществом Посмертных Расследований как источника является то, что они дают материал, относящийся почти ко всем графствам Англии. Но если общие работы по аграрной истории Англии в средние века основывались преимущественно на церковном материале, то Посмертные Расследования дают, за единичными исключениями, описи

владений светских лордов. Они представляют поэтому важный корректив к установившимся в историографии взглядам, но все же дают одностороннюю картину. Грей в своей статье о коммутации не вполне исправил эту односторонность, т. к. им не были приняты в расчет владения крупных монастырей [11]. Далее, Посмертные Расследования дают нам описи владений только непосредственных держателей короны. Среди них есть мелкие владельцы; большинство составляют лорды средней руки, но все же несомненно, что процент крупных и крупнейших владельцев в их среде гораздо больше, чем среди вотчинников в целом. Поэтому в нашем материале порядки крупных светских владений играют несколько преувеличенную роль.

Посмертные Расследования дают нам ряд на первый взгляд очень точных и простых цифр. Но для того, чтобы иметь возможность использовать их для наших целей, нам необходимо выяснить, какой смысл связывался с этими цифрами. При всей пестроте расследований они обычно дают следующие статьи:

Оценка домена

1. Оценка усадьбы, двора, сада, виноградника, голубятни и т. д.
2. Размеры домениальной пашни и ее оценка.
3. Размеры луга в акрах и его оценка.
4. Размеры пастбища и его оценка.
5. Размеры леса и его оценка, нередко с указанием отдельных статей дохода.
6. Перечисление мельниц и оценка их годового дохода.
7. Ряд второстепенных статей дохода: доходы с соляных варниц, торфа, рыбных ловель, пекарен, пивоварен и т. д.

Оценка держаний

1. Денежная рента (Redditus assisae) свободных держаний.
2. Денежная рента вилланских держаний.
3. Рабочие повинности вилланов с их переводом на деньги. Часто дается только денежная оценка повинностей.
4. Рента продуктами, иногда с денежной оценкой.
5. Доходы манориальной курии (Placita et perquisita curie).
6. Оценка дохода от проверки круговой поруки, от рынка, торговых пошлин, от сотни.

Часто даны не все эти статьи, иногда некоторые из них объединены вместе. Основной материал представляют оценки отдельных статей дохода. Как производились эти оценки? В иных случаях дело обстояло очень просто Не трудно было определить сумму денежных платежей держателей. Манориальная практика частичной замены рабочих повинностей денежными платежами (venditio operum) позволяла легко дать оценку отработочной ренты. Значительно сложнее обстояло дело в тех случаях, когда надо было давать средний и притом чистый доход, как, например, при оценке домениальной пашни и других статей домениального дохода. Для получения цифр чистого дохода с цифр валового дохода делались те или иные скидки [12]. Но обычным приемом при вычислении среднего чистого дохода было

соображение, за какую годовую плату данную статью можно было бы сдать в аренду. Это вызывает затруднения в тех случаях, когда данная статья в аренду не сдается [13]. Вообще подобного рода оценки делались на глаз и приблизительно и представляли весьма условную цифру. Иногда, не располагая другими данными для оценки домениальной земли, присяжные отправляются от доходности держательской земли, определяемой держательскими рентами [14].

Усадьба оценивается обычно невысоко. Иногда встречается очень детальное описание всех построек с указанием их состояния. Главная часть усадебного дохода слагается из доходов с сада, двора, огорода и голубятни. Цифры этих доходов обычно не велики. Yalding, Kent, где сад равен 7 акрам и fructus cum herbagio оцениваются в 1.6.8,— исключение [15]. Часто доход с усадьбы не дается вовсе или включается в доход с пашни [16].

Пашня представляет основной источник домениального дохода в огромном большинстве маноров. Обычно дается число акров в пашне (реже карукат или боват, еще реже виргат) и оценка акра пашни (карукаты, бовaты и т. д.). Нередко земля делится на несколько разрядов по качеству и даются отдельно размеры и оценка земель каждого разряда. Принципы счета акров не всегда одинаковы. Обычно дается вся площадь пахотных полей, но иногда считаются только засеянные акры, а пар в счет не идет. В тех случаях, когда указано, что подсчитаны только засеянные акры, вычисление полной площади пахоты затруднено тем, что не всегда ясна система земледелия. Счет акров обычно идет при помощи «короткой» сотни — в сто акров, но иногда и «длинной» сотни — в сто двадцать акров. Обычно можно определить, какой способ учета принят в том или ином случае, но не мало случаев остается под сомнением [17]. Поэтому доверяться даже как будто очень точно указанным цифрам акров в домениальной пашне нужно с большой осторожностью. Во всяком случае средние цифры акров домениальной пашни в нашем источнике, как правило, н и ж е действительных (если мы имеем в виду всю пахотную площадь домена).

Размеры домениальной пашни даются иногда очень неопределенно [18]. Часто они обозначены в боватах или карукатах, точный размер которых неизвестен даже местным жителям [19]. Даже акры могут иметь неопределенное значение полос в полях [20].

Оценки пашни очень варьируют от 1—2 пенсов за акр до 0.2.6 [21]. Повышает оценку земли удобрение [22]. Выше оценивается земля, на которой можно сеять пшеницу и ячмень, чем та, на которой можно сеять только овес [23]. Оценка выпаса скота по жнивью обычно включается в оценку домениальной пашни, но иногда подсчитана отдельно. Отдельно иногда подсчитан и доход с соломы.

Порой мы встречаемся с очень суммарными оценками пашни, иногда оценка луга и пастбища, даже усадьбы включена в оценку пашни [24]. Бовaты домена часто считаются cum pertinenciis — с ними посчитаны

принадлежащие к ним луга и пастбища [25]. Обычно из источника можно заключить, что домен находится в руках лорда. Очень редки случаи, когда он сдан держателям. Так в Chillaton, Devon [26] он в аренде у вилланов.

Луг обычно исчисляется в акрах (редко в боватах) [27]. Оценки его всегда выше оценок пашни; наивысшие, встретившиеся мне оценки — 0.3.1 за акр в Radcliff, Notts и 0.4.0 в Tadcaster, Yorks. Иногда качество луга обозначается: debile, debilior, non falcabile, pessimum и т. д., очевидно, для оправдания низких оценок. Кроме данного в оценке количества акров луга, можно предполагать еще небольшие участки луга, как pertinencia к пахоте. В оценку луга обычно включен и выпас скота по скошенному, но иногда этот доход оценивается отдельно.

Очень много трудностей связано с вопросом о пастбищном доходе. Первый вопрос, который здесь возникает,— дается ли в источнике только выделенное пастбище лорда, его pastura separabilis, или также и оценка его доли в общинном выпасе, как это предписывала инструкция. В иных случаях, когда дано число акров, ясно, что дело идет о выделенном пастбище. Но отсутствие определения пастбища в акрах еще ни о чем не говорит. Точные размеры пастбища в акрах могли быть и неизвестны [28]. Иногда отмечается, что данная оценка относится к выделенному или к общинному пастбищу. В ряде случаев, когда размеры пастбища выражены числом голов скота или не даны вовсе (дана лишь оценка в деньгах), трудно судить о том, какое пастбище — общинное или выделенное — имеется в виду. Иногда оценка пастбищных прав, представлявших pertinencia домениальной пашни, могла быть включена в оценку этой пашни. Но у нас есть все основания предполагать, что общинное пастбище часто не входило в оценку пастбищного дохода. Особенно это ясно из описей северных маноров, где мы в праве предполагать весьма развитое скотоводство, и где часто отсутствует всякое упоминание о пастбищном доходе, между тем как в единичных случаях мы встречаем там упоминания о многих сотнях овец и рогатого скота и о пастбищном доходе, превышающем все прочие статьи манориальных доходов [29]. Это совершенно обесценивает для нас цифры пастбищного дохода: мы можем по нему лишь до некоторой степени судить о размере выделенных пастбищ домена, но и то не всегда. Часть пастбищного дохода могла слагаться из сдачи держателям в аренду части пастбищ; см. Eastbourne, Sussex, C. Hen. III, F. 2 (7); pastūra quam pastores tenent.

Сложного состава был лесной доход. Сюда входит продажа (venditio) леса и особенно подлеска (subbosci), а также мертвого леса (mortui bosci), heybot и housebot, herbagium и pannagium, доход с орехов. Большинство этих доходов представляет не столько доходы от домениального хозяйства, сколько поборы с держателей за пользования домениальным лесом. Такого характера прежде всего pannagium, housebot и heybot. Продажа леса и подлеска — это не рыночная операция, а побор со своих же держателей за право пользоваться этими статьями [30]. В оценку herbagium отчасти вхо-

дила оценка выпаса господского скота [31], но отчасти и поборы за выпас держательского скота. Иногда мы встречаем весьма крупные суммы лесного дохода, связанные, повидимому, с большими вырубками леса. Но обычно лесной доход исчислялся sine wasto Подлесок обычно вырубался по частям. Ежегодно «продается» четверть всего подлеска, или одна пятая, или еще меньшая часть. Оценить доход лорда с общинного леса присяжные часто затруднялись: «non potest extendi quare est communis».

Лесной доход варьировал из года в год Так pannagium платился иногда лишь «si boscus portat [32]» В Hamsey, Sussex, heybot и housebot оцениваются в 1 0 0, «plus vel minus» [33]. Парк, наполненный дичью, не приносил обычных лесных доходов [34]. Размеры леса часто даны в акрах, но иногда совсем не даются. Иногда они описаны способом, обычным со времени Книги Страшного Суда: «parcus 1½ leuc. et amplius in circuitu» [35].

Много неясностей связано и с мельничным доходом. Прежде всего мельничный доход считается то с доменом, то с держаниями. Мельница могла эксплоатироваться домениальной администрацией, но часто она сдавалась в аренду, иногда ее держит фригольдер [36]. Иногда в одном и том же манноре совмещаются оба способа эксплоатации [37]. Но даже эксплоатируемая манориальной администрацией мельница представляет не только статью домениального хозяйства — она тесно связана с поборами с держателей. Secta molendini является весьма существенным моментом в мельничном доходе. Поэтому встречаются специальные оговорки о том, что с данной мельницей не связана secta. В Hadstone, Northumbr., бонды и свободные держатели откупились от обязательной secta molendini [38]. За это к фирмам бондов присчитано 1.4.0 и к фирмам свободных 0 5 0. Обычно мельничный доход исчислен в деньгах. Но это не должно вводить нас в обман: здесь перед нами денежная оценка мельничного дохода, который лишь отчасти был денежным, а частью слагался из натуральных уплат [39]. В ряде случаев мы видим только натуральные уплаты в муке, солоде, ячмене и т. д. Натуральной могла быть и рента, уплачиваемая арендатором мельницы [40]. Нередко оговариваются мельничные расходы [41].

Порой мельница, особенно сданная в аренду, рассматривается как одно целое с принадлежащим к ней участком земли и с запрудой.

Мельничный доход еще в меньшей степени, чем лесной, можно признать домениальным. Он складывается, главным образом, из принудительных платежей держателей. В то же время в нем виднейшую роль играет рента продуктами. Совершенно ничтожная роль рент продуктами в описях повинностей вилланов и свободных держателей не должна вводить нас в заблуждение. Большая часть рент продуктами, повидимому, вносилась в виде платы за пользование мельницей. Из других баналитетов изредка упоминается печь (furnus, pistrina), пивоварня (bracina) Иногда печь отдается в аренду [42]. Нередки упоминания о валяльных мельницах (molendina fullonica). Способ их эксплоатации и связь их с системой баналитетов не ясны. Очень часто даны оценки рыбных ловель как домениальных, так и общинных (доли

лорда в последних). Иногда они сдаются в аренду. Нередко даются доходы от торфяных болот [43], от соляных варниц (saline, обычно в натуре). Редко оценивается доход от дичи в парке [44]. Но часто мы находим доход от кроликов, притом иногда доход коммерческого характера [45]. Встречаем и такие доходы, как доход от выброшенных морем обломков кораблей (wreccum maris [46]).

Ряд сложных затруднений связан с учетом дохода с держаний. Частью они уже входят в доход домена (особенно в доходы с пастбищ, леса и мельниц). В части, подсчитанной отдельно, они распадаются на следующие главные статьи, которые, впрочем, иногда не отделены друг от друга, или отделены не вполне. 1) денежная рента (redditus assisae) свободных держателей; 2) денежная рента вилланов; 3) рабочие повинности вилланов (изредка и свободных держателей); 4) натуральные платежи и тех и других; 5) tallagia и auxilia; 6) разные мелкие обычные ренты — churchscot и др.; 7) доходы с манориальной курии. Особое место занимают доходы с сотни, если она соединена с манором, рыночные пошлины и т. д. Источник чаще всего дает суммарные оценки этих статей дохода. Но иногда даны и размеры держательской земли, порой перечислены все держания с указанием повинностей каждого из них. Наиболее существенны для нас первые три статьи, но они представляют особые трудности при подсчете. Это зависит от того, что они часто недостаточно ясно разделены. Прежде всего мы встречаемся с частой, даже обычной неразделенностью денежных рент, идущих со свободных и с вилланских наделов. Это, впрочем, отличает и такой обстоятельный источник, как Ministers' Accounts. Лишь принимая заранее незначительность фригольда и его рент, можно было использовать данные IPM для вопроса о коммутации так, как их использовал Грей,— сравнивая вилланские рабочие повинности со всей суммой денежных платежей [47]. Но иногда ренты свободных держателей и вилланов подсчитаны отдельно, и этих случаев в общем достаточно для того, чтобы ориентироваться в сравнительных размерах обеих частей денежной ренты. Много сомнений вызывает один из важнейших вилланских платежей — tallagium или auxilium. О tallagia и auxilia говорится далеко не всегда. Иногда отмечается, что tallagium уплачивается по воле лорда, иногда при этом делается его приблизительная оценка [48]. Изредка встречается отметка nullum tallagium [49]. Отсутствие упоминания о tallagia и auxilia не свидетельствует еще об их отсутствии, тем более, что tallagium мог присчитываться и к другим статьям дохода, например к доходам с курии [50]. В йоркширских IPM ренты посчитаны вместе с tallagia. Так или иначе несомненные случаи пропуска tallagium или auxilium, который порой очень значителен, должны в среднем понижать оценку денежной ренты вилланов.

Далее, и это самое важное, не всегда оценка барщин отделена от оценки денежного дохода. Грей полагает, что ренты и рабочие повинности всегда почти заносились отдельно, что там, где нет упоминания о рабочих повинностях, мы имеем все основания предполагать отсутствие последних —

«такова, — прибавляет он, — точность этих документов» [51]. С этим я не могу согласиться. Не говоря о том, что встречаются суммарные оценки рент и рабочих повинностей [52], в ряде случаев мы имеем основания предполагать наличие рабочих повинностей там, где о них отдельно не упоминается. Сравнение параллельных описей (краткой и распространенной) Lambeth, Surrey [53] показывает наличие рабочих повинностей там, где суммарная опись говорит лишь о рентах. Об этом говорит и неопределенность терминологии. Обычное обозначение денежных рент — redditus, отработочных — opera или servitia. Но случается, что servitia обозначает денежную ренту, а redditus — отработочную [54] Мне не пришлось проверить весь материал Грея, но я сильно опасаюсь, что он сделал ряд ошибок, заключая по молчанию источников об отсутствии отработочных рент. В некоторых случаях у него были очень суммарные описи, которые можно легко объединить под одним заголовком—денежные и отработочные ренты [55]. Странно к тому же, что Грей берет для своих заключений относительно коммутации вилланских рабочих повинностей такие описи, в которых ясно совершенное отсутствие вилланов [56]. О том, как мало говорит о наличии или отсутствии рабочих повинностей неупоминание о них в источнике, лучше всего показывает сравнение хронологически совпадающих описей манора Catworth в IPM и Сотенных Свитках 1279 г. [57]. IPM говорят только о денежных рентах вилланов, уплачиваемых в три срока. Сотенные Свитки дают только перечисление рабочих повинностей. Это звучит не более неожиданно, чем многозначительная приписка в некоторых рамзейских экстентах после перечисления рабочих повинностей виллана: «Ad censum autem potest dominus omnia opera sua ponere si voluerit que estimantur in hyeme et in estate quolibet die 1 d. et in autumno duos d.» etc. [58]. Перед нами обычный случай альтернативной системы, которая применялась в барщинных манорах. Повинности держателей могли быть исчислены или днями работы, или денежной оценкой [59]. Способ их взимания на практике был гибок и мог варьировать из года в год. Это надо помнить всем, кто работает не только над правительственными описями, но и над манориальными. Верную картину может дать только изучение последовательных серий Ministers' Accounts.

Иногда в описях проводится разница между работами, которые всегда выполняются как таковые, и работами, которые могут быть заменены денежными платежами [60]. В некоторых случаях источник дает достаточно ясное указание на то, что рабочих повинностей в данном маноре не было. Достаточно выразительны такие обороты, как nullam operationem faciendo [61] и нередко встречающаяся оговорка, что opera sunt posita ad firmam или ad redditum и т. п. У нас много указаний на то, что процесс коммутации был в полном ходу. Но во всех сомнительных случаях необходима крайняя осторожность.

Но даже в тех случаях, когда отработочная рента отделена от денежной, мы не всегда уверены в том, что в оценку первой не входит и других

элементов. Очень обычно такое противопоставление: redditus assisae liberorum hominum и opera villenagii [62]. Здесь возможно включение в оценку вилланских отработочных рент также и мелких обычных рент деньгами и натурой. Особенно такой термин, как consuetudines, может обозначать не только отработочные ренты, но и все обычные повинности вилланов [63].

Некоторые работы, которые оплачивались манориальной администрацией, хотя бы в виде угощения, не входили в общую оценку, так как считались бездоходными, или же из их оценки вычиталась стоимость угощения [64].

Возможно, что общие оценки рент и рабочих повинностей включают в себя нередко и натуральные взносы, о которых нет особых упоминаний. Не следует забывать наличия натуральной ренты в мельничном доходе. Вообще можно предположить, что размеры ренты продуктами понижены, иногда сильно понижены в нашем источнике [65].

Всякого рода мелкие поборы деньгами и натурой (в том числе pannagium, churchscot) могли присчитываться к другим статьям — к денежным рентам, к рабочим повинностям, к доходам курии. Pannagium часто включается в лесной доход домена, но нередко выделяется из него и присчитывается к вилланским платежам [66]. Pannagium стремился оторваться от пользования лесом и превратиться в постоянную денежную ренту [67].

Доход курии [68] дается в большинстве описей. Он составляет иногда значительную прибавку к денежной ренте держателей. Но наш источник все время дает подозрительно низкие цифры оценки этой статьи по сравнению, например, с Ministers' Accounts. Очевидно, при оценке производились некоторые скидки для получения цифры чистого дохода (вероятнее всего, на вознаграждение манориальной администрации). Иногда некоторые взносы, составлявшие обычно часть дохода курии, считаются в других статьях. Курьезно соединение в Yalding, Kent, licentia maritagii с averagia [69].

Рыночный доход (mercatum, forum, stallagium, teloneum) дается очень редко. Повидимому, он не играл большой роли в манориальном доходе. Среди сотенных доходов обращают на себя внимание opera hundredi [70]. Но они играют настолько второстепенную роль, что в вопросе о соотношении отработочных и денежных рент ими можно пренебречь.

Суммируя выводы, мы можем отметить следующие особенности нашего источника, которые необходимо принимать во внимание при его использовании для подсчетов.

1. Сумма акров домена в среднем ниже действительной.

2. Оценка домениальных доходов имеет чисто условный характер: по мнению присяжных, за эту сумму можно было бы сдать данные статьи в аренду.

3. Пастбищный доход частью совсем не показан, частью показан много ниже действительного.

4. Лесной и мельничный доходы скрывают много держательских платежей и, между прочим, повидимому, большую часть платежей натурой.

5. Денежная рента вилланов, в среднем, дана ниже действительной, так как в нее далеко не всегда включены auxilium и tallagium.

6. Отсутствие упоминания о рабочих повинностях не дает права думать, что таковых не было в действительности. Такие случаи не могут быть принимаемы в расчет при сравнении денежной и отработочной рент.

7. В оценку рабочих повинностей могли входить некоторые денежные и натуральные взносы.

8. Часть отмеченных в источнике отработочных рент могла ежегодно заменяться денежными платежами.

9. Цифры ренты продуктами, как они даны в перечислении держательских повинностей, в среднем ниже, иногда значительно ниже, действительных.

10. Денежный доход курии в источнике сильно понижен.

Теперь возникает вопрос — насколько вообще возможно довериться цифрам IPM, насколько (при всей их условности) добросовестны эти цифры, насколько они свободны от искажений, являющихся результатом ошибок или сознательных утаек.

У нас есть очень удачный материал для проверки точности IPM. Мы можем сравнивать опись маноров Роджера Bigod, эрла Норфокского, произведенную в 54 году царствования Генриха III [71], с сохраняющейся в Лондонском Публичном Архиве великолепной серией приказчичьих отчетов для тех же маноров. Ряд отчетов почти или совсем совпадает по времени с описями IPM. При этом описи IPM отличаются здесь редкой обстоятельностью в перечислении всех статей дохода и особенно держательских повинностей. Я производил сравнение по 14 манорам [72]. Для семи из них приказчичьи отчеты относятся к 53 Hen. III (годом раньше IPM), в одном случае к 54 Hen. III (году составления IPM), остальные отделяются 2—3 годами в ту или другую сторону Лишь в одном случае разница в семь и в одном в десять лет. Далеко не все цифры IPM и MA поддаются сравнению. Учет происходит в том и другом случае не совсем на одинаковых основаниях. Если MA дают цифры валового дохода, а потом уже цифры расходов, то IPM стараются дать цифры чистого дохода и с целого ряда статей делают скидки, основания которых нам не всегда ясны. MA не дают числа акров в домене. Но они дают число акров засева под разные злаки. К сожалению, в Эссексе, Норфоке и Сеффоке, к которым относится наш материал, не была распространена двух- или трехпольная система и поэтому мост между площадью домениальной пахоты и площадью засева не всегда может быть перекинут. Деление на статьи дохода ведется по-разному в MA и IPM.

Все же ряд статей может быть подвергнут проверке. Все это самые существенные для нас статьи: 1) общие суммы денежных рент; 2) размеры отработочных рент, причем описи допускают довольно детальные сравнения; 3) ренты продуктами; 4) мельничный доход; 5) доход курии; 6) местами — доход с лесов, болот, торфа и т. д.

Сумма денежных рент в MA обычно выше, чем в IPM, но разница в большинстве случаев не очень велика и не может ввести нас в большие ошибки [73]. Трудно сказать, объясняется ли снижение утайкой (чиновникам легче было утаить сумму денежных рент от казначейства, чем старосте от лорда)

или же какой-нибудь скидкой с валового дохода. Последнее представляется вполне вероятным. Общая сумма денежных рент (redditus assisae) по 14 манорам равна в MA 195.13½, в IPM 167.16.7¾, или около 87% суммы MA [73].

Для ряда поместий, где IPM дают перечисления отдельных видов рабочих повинностей, возможно детальное сравнение. В некоторых случаях мы имеем очень близкие совпадения, но в целом мы видим неизменное понижение на стороне IPM. Сличение с MA показывает, что это понижение не может быть объяснено учетом обычного в манорах эрла Норфокского venditio operum. Не подсчитаны обычно работы, не оценивавшиеся манориальной администрацией вследствие связанных с ними расходов. Поэтому не включены прекарии там, где они «non apprecianlur». Ряд второстепенных работ совсем не отмечается, — например, изготовление солода, возка и разбрасывание навоза, бороньба и т. д. Даже там, где они более точны, IPM дают упрощенную и неполную картину. Но в некоторых случаях мы встречаем крупные пропуски, которые могут быть объяснены только небрежностью и которые крайне снижают общую сумму рабочих повинностей. В общем пять манеров дают близкие к MA цифры, пять других дают значительное понижение, в трех же мы видим всего лишь 10—2% указанных в MA рабочих повинностей [74]. Большая небрежность в описи рабочих повинностей может быть объяснена тем, что казначейство, в первую очередь, интересовалось денежным отчетом и на эту сторону было обращено главное внимание. Общая сумма рабочих повинностей по 14 манорам оценивается в MA — 145.19.8; в IPM — 81.4.3¼, или 56% цифры MA.

Ренты продуктами почти неизменно снижены в IPM, изредка снижение очень значительно, в одном случае они вовсе пропущены. Но по большей части цифры довольно близки. Впрочем, ренты продуктами составляют в этом материале очень малую часть манориального дохода.

Мельничный доход в MA, как правило, значительно выше, чем в IPM. Но здесь возможно, что IPM дают лишь чистый доход. MA иногда дают расходы на мельницу. Порой эти расходы значительны; из года в год они сильно меняются. Возможно, что при исчислении чистого дохода IPM брали для вычета какую-то цифру, представлявшуюся им средней В одном случае цифра IPM выше, чем в MA, в 4 случаях цифры довольно близки, в остальных IPM дают значительное снижение [75] Общая сумма мельничного дохода в MA — 57.3.1¼; в IPM 36.1.88, или 63% суммы MA.

Наиболее резкие расхождения между MA и IPM мы находим в графе судебных доходов. Общая их сумма по MA равна 124.18.2, а по IPM 28.12.4 [76]. Таким образом, судебный доход по IPM составляет менее ¼ того, что дано в MA. Возможно, что здесь произведены вычеты на оплату белифа или стьюарда или на другие расходы, связанные с курией [77].

Ряд доходов, поименованных в MA, не дается в IPM, или дается в уменьшенном виде. При этом пропускаются нередко очень крупные статьи. Даю

несколько примеров: в Staverton MA отмечают доход с торфяных разработок в 16.16.9½ (но в отчетах за некоторые годы отмечено: nihil hoc anno), в Halvergate MA оценивают фирму четырех болот в 50 17.4; а IPM считают с пяти болот—14.0.0, в Ditchingham MA дают лесной доход в 21.19.3, а IPM—9 17.2 (в этом году MA отмечают, впрочем, большую продажу подлеска), в Walsham MA дают фирму болота в 17.0 0, а IPM считают ее вместе с торфяными разработками в 4.3.4; в Acle фирма болота по MA — 35.9.0, по IPM — 4.0.0. Пропуски или снижения в IPM могут иногда дать искаженное представление о характере манориального дохода, главной статьей которого, как, например, в Halvergate или Acle, мог быть доход с болот, т. е. преимущественно пастбищный доход. IPM часто пропускают мелкие ренты, но иногда в них встречаются статьи, не входящие в MA [78]

Выше говорилось о трудности проверки размеров домениальной пашни размерами домениального засева, особенно на восточно-английском материале. Общая площадь засева по семи манорам в MA равняется $1412^{3}/_{4}$ а. и 34 р. +?; размеры домениальной пашни по тем же манорам в IPM равны 1 542½ а. [79]. Можно предположить, что IPM дают здесь, как и в Forncett [80], лишь засеянные акры.

В целом ряде случаев возможны сравнения между описями IPM и Сотенными Свитками 1279 г. Но эти сравнения дают не много Самое существенное то, что здесь мы сравниваем IPM с источником, точность которого сама нуждается в проверке и часто может быть подвергнута сомнениям. Порой IPM позволяют исправить ошибки Сотенных Свитков (гл II). Сопоставление IPM и RH наводит на мысль, что в исчислении держательских повинностей эти источники руководствовались различными принципами. Выше было приведено описание повинностей в Catworth по IPM и по RH. Где IPM дают одни лишь денежные платежи, RH дали только отработочные ренты. Вообще IPM там, где мы можем сравнить их с RH, дают более высокие цифры денежных платежей и более низкие — отработочных рент. Вот хорошее описание манора Brailes (Уорвикшир), принадлежавшего эрлу Уорвикскому (IPM C. 52 Hen. III, F. 35/13 и Misc. Bks Exch. K. R. Ser. I, № 15, fol 79). RH дают здесь пять карукат в домене, IPM — 600 акров. Цифры сходятся совершенно точно. В вилланских держаниях RH дают 60 виргат, IPM — 62½. Разница незначительна, тем более, что описи не совсем одновременны (IPM лет на 8 старше, чем RH). Но в оценке повинностей вилланов мы видим значительное расхождение RH дают 27 d. денежной ренты на виргату, что составляет 6.15.0 за 60 виргат. IPM дают денежную ренту с вилланских виргат в 10 3.3½. Отработочные ренты, не оцененные, а лишь перечисленные в RH, не могут дать меньше 30.0.0. А между тем IPM дают их оценку в 10.8.4. IPM совсем не упоминают о довольно значительной ренте продуктами — 420 бушелей овса и 60 кур. Доходы курии в RH не даются, в IPM они исчислены в 8 0.0. Сумму tallagium RH дают в 10 марок, IPM — в 9. Трудно предположить, чтобы за 8 лет, истекших между IPM и RH, манор частично перешел от денежных рент к натуральным. В то же

время IPM едва ли преувеличивали денежный доход, поскольку именно в нем исчиторам приходилось давать отчет казначейству. Можно предположить, что, как правило, часть отработочных рент, перечисленных в RH, ежегодно продавалась, но и в этом случае сумма отработочных рент уменьшена в IPM.

Можно ли вообще пользоваться таким неясным, неполным и мало достоверным материалом? Не подлежит сомнению, что перед нами крайне ненадежный источник. Если, как в Walsham, опись передает размеры денежной ренты почти точно (9.0.0 в IPM, 9.14.8½ в MA), а отработочные ренты уменьшают в 25 раз (0.5.11 в IPM и 7.8.2½ в MA), то какую цену может иметь такая опись для каких бы то ни было заключений о действительном соотношении различных форм ренты? Здесь нет и того корректива, который позволяет нам доверять общим показаниям RH, несмотря на все их пропуски и ошибки: мы едва ли можем говорить о массовом материале.

Поставив себе целью обследовать IPM за первые 40 лет (с 1236 г.), т. е. за эпоху от 30-х до 70-х годов XIII в., я старался выбрать материал, более или менее равномерно распределенный по всей территории Англии. После некоторых предварительных подсчетов я остановился на цифре в 10 манеров на графство, что должно было составить около 400 манеров на Англию. Полной равномерности достигнуть не удалось. Для одних графств оказался очень обильный и подробный материал. Но для некоторых других норма в 10 маноров оказалась невыполнимой, так как качественно материал оказался очень неравномерным. Если для Эссекса у меня оказался довольно обильный материал (данные о рентах для 61 манора), если он не скуден для Восточной Англии (33 манора для Сеффока и 21 для Норфока), то для ряда графств получился недобор. Рядом с подробными и четкими описями Нортумбрии некоторые другие графства, как графства северного Денло, дали очень неясные и суммарные описания. Говорить о применении выборочного метода при таких условиях, конечно, также не приходится.

Значит ли это, что мы должны отказаться от использования материала IPM для наших целей? Конечно, строить на материале IPM какие-нибудь самостоятельные выводы, и особенно выводы детализированные, очень опасно. Полученные путем изучения их цифры очень неясны по своему значению и сомнительны по своей точности. Но сопоставление этих цифр, примененное к большим территориям, позволяет улавливать некоторые характерные черты, некоторые существенные особенности, правда, в довольно смутных очертаниях. Получаемые, таким образом, результаты приобретают, однако, значительный вес тогда, когда они подтверждаются другими источниками, другими ранее полученными выводами. Необходима лишь крайняя осторожность в использовании этого опасного материала, воздержание от каких бы то ни было выводов там, где не получается достаточно четких указаний. Получаемая нами после работы над IPM картина крайне завуалирована, местами расплывается в туманные пятна. Ее надо долго

разгадывать и разглядывать. Но внимательный глаз рассмотрит на ней линии, которые трудно увидеть другим способом и которыми мы не можем пренебречь при воссоздании картины общественного строя феодальной Англии. Я брал для каждого графства по возможности ранние описи, стараясь не выходить за пределы царствования Генриха III (до 1272 г.) и лишь в случае недостаточности собранного таким образом материала переходил в первые годы царствования Эдуарда I. Поскольку отобраны были те владения, для которых имелись экстенты, — другими словами, поскольку были отобраны маноры, — отдельные держания или комплексы неманориального типа оставлялись без внимания, между тем как наличие их — и даже в весьма значительном количестве — в нашем источнике не подлежит сомнению. Поэтому понятно, что в наших выводах манору, и притом крупному манору, будет принадлежать исключительная роль, каковой он в действительности не играл. Этого обстоятельства мы не должны упускать из виду при оценке наших выводов.

Какие же вопросы мы можем ставить нашему источнику и какими методами добиваться ответа на эти вопросы? Мне кажется, что следующие вопросы являются основными при определении типа феодального хозяйства в Англии XIII в. и в то же время могут получить более или менее удовлетворительное разрешение на материале нашего источника: 1) вопрос о преобладающей форме феодальной ренты, 2) вопрос о соотношении домениального и держательского сектора (другими словами —о соотношении домениального и рентного дохода) в маноре; 3) вопрос о роли ренты свободных держателей — рядом с вилланской; 4) вопрос о зависимости домениального хозяйства от рабочих повинностей вилланов и о роли наемного труда. Все эти вопросы могут найти разное разрешение для разных районов Англии.

Каким путем мы будем итти в поисках ответов на эти вопросы?

1. Соотношение между разными формами ренты определяется из соотношения их оценок в описях держательских повинностей, поскольку эти оценки даны раздельно. Но надо помнить, что здесь перед нами главная масса держательской ренты, но далеко не вся. Часть ее входит в мельничный и лесной, отчасти в пастбищный доход, особенно же в доход курии. Но: а) из мельничного и лесного дохода она не всегда может быть выделена; б) сведения о доходах курии не всегда даются и заведомо крайне уменьшены; в) во всех этих статьях дохода нам не легко или даже невозможно отделить денежные ренты от натуральных, а иногда и от отработочных.

Таким образом, основной материал здесь составят цифры, помеченные как redditus assisae и как opera villanorum (плюс иногда рабочие повинности свободных держателей) и натуральные ренты, отмеченные в числе повинностей свободных держателей и вилланов. Прочие указанные выше статьи дохода могут иногда влиять на наше суждение о сравнительных размерах разных форм ренты, особенно в тех случаях, когда они очень велики (как мельничные баналитеты на севере). Рассматривая отдельно данные о разных формах ренты, приходится отметить следующее.

Размеры денежной ренты в нашем материале, несомненно, непропорционально сильно снижены; кроме redditus assisae в денежной форме уплачивалась большая часть лесных рент (pannagium, herbagium etc.), часть мельничных фирм и баналитетов, все или почти все доходы курии, которые в манориальном доходе играли несравненно бо́льшую роль, чем это показывает нам источник. Что касается отработочных рент, то у нас нет оснований предполагать их заметное наличие в не входящих в учет частях манорального дохода (пастбищном, лесном, мельничном, куриальном и т. п.), хотя здесь и могли иногда скрываться мелкие отработочные ренты (например, за пользование лесом) [30]. Далее наш источник не учитывает ежегодной venditio operum, замены части отработочных рент денежными, которые должны были порой значительно снижать сумму отработочной ренты. Таким образом, мы были бы в праве ожидать преувеличения относительных цифр отработочной ренты. Но отмеченные выше небрежность и неполнота источника в перечислении рабочих повинностей до известной степени уравновешивают отмеченную тенденцию к повышению относительного значения отработочных рент. При этом мы не должны забывать, что не отмечаемая в нашем источнике venditio operum не только понижала размеры отработочных рент, но и соответственно повышала размеры денежных рент. Таким образом, у нас не так уж много риска преуменьшить в наших выкладках роль отработочных рент сравнительно с денежными.

Для проверки имеющего основное значение для наших выводов утверждения, что отношение приведенных в IPM оценок redditus assisae к оценкам opera villanorum не дает преуменьшения действительной роли отработочных рент по сравнению с денежными, я произведу параллельные подсчеты по IPM и MA для 14 маноров эрла Норфокского, где наш анализ уже отметил значительное преуменьшение в описании отработочных рент в IPM и где, стало быть, риск недооценить их роль имеется налицо. Берем приведенные выше цифры отработочных рент и redditus assisae для 14 маноров. Отношение их по MA составит 145.19.8 к 195.13½, или, в процентах, 42 и 58 По IPM это отношение выразится: 81.43¼ и 167.16.7¾, или, в процентах. 32 и 68 Перед нами как будто значительная недооценка отработочных рент в IPM. Но MA показывают, что в те годы, за которые привлекается источник, было «продано» в этих манорах работ на 43.8.4½. Таким образом, отношение между действительными размерами отработочной ренты и денежной ренты (плюс «продажа работ») будет уже· 102.11.3¼ к 239.1.5, или, в процентах, 30 и 70, т. е. действительное отношение отработочных рент к денежным ниже, чем показывают IPM. Для полноты проверки надо было бы к сумме денежных рент в MA присчитать и другие денежные ренты, кроме redditus assisae и «продажи работ». Чтобы не усложнять чрезмерно вычисления, я беру только одну статью — доход курии. Он выражается для 14 маноров в 124.18.2. Таким образом, отношение отработочной ренты к денежной будет: 102.11.3¼ к 363.29.7, или, в процентах, 22 и 78! На самом деле перевес денежных рент еще значительнее.

Вывод ясен: наше положение, что, сравнивая данные в IPM цифры для redditus assisae и opera, мы не рискуем преуменьшить роль отработочных рент сравнительно с денежными, не только подтверждается полностью, но даже может быть заменено другим положением при этом сравнении мы рискуем сильно преувеличить роль отработочной ренты.

Наш источник, несомненно, преуменьшает роль рент продуктами, которые часто даются неполно, иногда совсем пропускаются, и значительной частью входят в другие статьи дохода, особенно в мельничный. Мы должны с этим считаться, особенно там, где, как в северных графствах, мельничный доход очень велик и имеет ясно выраженный по преимуществу натуральный характер. Но у нас есть основания предполагать, что известная часть рент продуктами фактически замещалась денежными. Многочисленные в MA, а также и в отчетах исчиторов, продажи хлеба de exitu molendini или домашней птицы и яиц de redditu часто представляли не рыночную операцию, а замену этих натуральных взносов денежными платежами [8]. Таким образом, допуская, что роль рент продуктами далеко не в полной мере выдвигается нашим источником, мы должны отметить еще одну статью, где могли скрываться неучтенные денежные ренты

2. Соотношение домениального и держательского сектора в манориальном хозяйстве выясняется из сравнения домениального дохода с суммой держательских рент. Выше было выяснено, что для домена у нас имеются более или менее постоянные данные лишь о доходе с пашни и луга. Данные о пастбищном доходе не могут быть использованы. В лесном и мельничном доходе домениальные и рентные элементы далеко не всегда можно разделить. Поэтому приходится вычислять домениальный доход лишь по доходу с пашни и луга. Конечно, это дает упрощенную картину, стирающую индивидуальные черты, вносимые в домениальное хозяйство развитием на ряду с пашенным и луговым хозяйством пастбищного, лесного хозяйства и т. д. Иногда мы можем вносить в эту упрощенную картину некоторые поправки, но далеко не всегда. Дополнительной цифрой при определении роли домениального сектора может быть также цифра акров в домениальной пашне, хотя выше уже говорилось о затруднениях, связанных с толкованием этой цифры. Размер держательской ренты определяется суммой оценок денежной, отработочной ренты и ренты продуктами, как они даны в описях. Это опять-таки неполная оценка, поскольку здесь отсутствует доля в лесном и мельничном доходе, доход курии, некоторые мелкие обычные ренты и т. д. Лишь для тех графств, где баналитеты играют очень крупную роль. мы можем вводить их в общую сумму рентного дохода.

3. Сравнительная роль свободного и вилланского держания может быть вычислена из сравнения ренты свободных держаний с вилланской. Значительным препятствием при этом является то, что в большинстве случаев денежные ренты свободных держателей и вилланов подсчитаны вместе Но все же временами их можно разделить и получить, таким образом, некоторые ориентировочные цифры, далекие, однако, во многих случаях от точности в виду

недостаточности материала. Процент свободной ренты не дает еще точных указаний на процент свободной земли. ренты свободных держаний обычно сильно варьируют, иногда совсем не соответствуя размерам держаний. Часто за незначительной рентой скрывается огромная площадь свободных держаний. В общем мы можем предположить, что процент свободной земли по отношению к виллапской много больше, чем процент свободных рент по отношению к виллапским. Конечно, среди свободных держаний таится не малое число некрестьянских держаний, иногда даже скрытых от наших глаз манеров. Но все же свободные ренты имеют известную ориентировочную ценность.

4. О методе определения степени обеспеченности домениального хозяйства отработочными повинностями виллапов было сказано выше, в главе IV. Здесь мы применим тот же метод и тот же предельный показатель (6 d.).

Конечно, все цифры, которые мы получим в результате наших подсчетов. будут иметь лишь ориентировочное значение. Например, полученное нами процентное отношение отработочной ренты к денежной и к ренте продуктами в том или ином районе Англии по IPM отнюдь не принимается как действительное отношение. Оно подлежит исследованию и испытанию на основании тех общих правил, которые были установлены выше, и на основании произведенного нами анализа источника и его цифр; после этого можно будет сделать общее заключение о вероятном преобладании, а иногда о значительном преобладании той или иной формы ренты в данном районе. Давать более точные заключения я не собираюсь.

Одним из крупнейших достижений современной исторической науки является требование тщательного локального дифференцирования и материала и выводов. Мы не можем уже говорить об Англии вообще, как говорил, например, Сибом или Виноградов, соединяя вместе данные, идущие из различных мест страны. Суждениям об Англии в целом мы принуждены предпосылать анализ отдельных ее районов с их местными особенностями и потом объединять полученные результаты в одно сложное и дифференцированное целое. Более или менее равномерное распределение собранного мною материала по графствам гарантирует до известной степени соблюдение этого основного методологического требования. Конечно, границы графств не совпадали с границами районов различной вотчинной структуры. Вопрос о разделении средневековой Англии на районы — вопрос еще очень спорный. Предложенное Грасом разделение [81], основанное на средних уровнях хлебных цен, не представляется мне убедительным. Исследование Стентона [82] показало местные исторические особенности северного Денло, исследование Дугласа [83] — особенности Восточной Англии (East Anglia), исследование Джолиффа [84] — Нортумбрии. К XIII в. эти исторические особенности стали сглаживаться. Грей [85] разделил всю Англию на две части, исходя из сохранности рабочих повинностей к эпохе Черной Смерти: северо-запад с незначительными рабочими повинностями и юго-восток с большей их сохранностью. Границей служит линия, проведенная от Бостона

к устью Северна. Деление на районы по полевым системам, установленное тем же Греем [86], не может быть применено к нашему источнику, в котором этот вопрос почти не затрагивается. То деление на районы, которое я применяю, несколько условно и отчасти определяется качественной неравномерностью имеющегося в моем распоряжении материала. В сущности, с отчетливыми индивидуальными характеристиками перед нами выступают два района: северный, включающий Нортумберленд, Кемберленд (с незначительным материалом для Вестморленда и Ланкашира), и восточный район, охватывающий графства Линконшир, Гентингдоншир, Кембриджшир, Норфок, Сеффок, Гертфордшир, Эссекс и Миддльсекс. Это один из самых плодородных, самый густо населенный и богатый район Англии, включающий главный потребляющий центр — Лондон и главный центр хлебного экспорта — Линн. Иоркшир по своей характеристике примыкает отчасти к северному, отчасти к восточному району Южные графства (Серри, Сессекс, Гампшир, Дорсет, Уильтшир, Сомерсетшир, Девоншир и Глостершир) близко подходят по своей характеристике к южным Midlands: Бедфордширу Бекингемширу, Беркширу, Оксфордширу и Уорвикширу. Для остальных графств у нас не всегда достаточно материала, и материал этот недостаточно ясен. Таким образом, характеристика западных графств (Герифордшир, Вустершир, Шропшир, Чешир) и северных Midlands (Ретленд, Лестершир, Ноттингемшир, Дерби и Стаффордшир) может быть дана лишь условно, с большими оговорками, и нуждается в дальнейшей проверке.

Я начну свое обозрение с северной группы. Для этой группы основной материал мне дали 14 маноров в Нортумберленде, 12 маноров в Кемберленде и только два манора в Вестморленде [87]. Четыре ланкаширских описи очень суммарны и неясны. Дерам не представлен вовсе. Таким образом, материал относится почти исключительно к самой северной окраине Англии. В большинстве случаев описи отличаются ясностью и подробностью (особенно для Нортумберленда). Нередко даны статьи, отсутствующие в большинстве IPM, иногда перечислены все держатели с указанием размеров отдельных держаний и их повинностей, что позволяет составить достаточно ясное представление о социальной структуре северного поместья. Но есть и очень существенные пробелы, которые необходимо отметить в самом начале анализа Особенности северного — «Нортумбрийского» — аграрного строя в общем верно охарактеризованы Джолифом в его очерке Northumbrian Institutions в январской книжке EHR за 1926 г. Известно, какую определяющую роль в северных графствах играло пастбищное хозяйство. Описи, приведенные в IPM, поражают нас отсутствием всякого упоминания о пастбищах и об их доходности в большинстве маноров. В большинстве тех случаев, когда пастбищный доход дан, он совсем незначителен. Приходится предположить, что пастбищный доход, может быть по трудности учета, не включался в оценку. Трудности, действительно, были очень велики, поскольку оценивались не столько стада, сколько, по южному образцу, именно пастбища. Стада многих деревень паслись совместно на пастбищах с весьма неопределенными

границами, часто очень отдаленных, переходя с места на место, периодически перекочевывая то на летнее пастбище в горах, то на зимнее — в долинах. Оценка пастбища в таких случаях весьма затруднительна. Две нортумберлендских описи, где все же была сделана попытка определить размеры пастбищного дохода, бросают некоторый свет на практику составления оценок. В большом маноре Prudhoe с деревнями пастбище на 900 овец не оценивается («non extenditur»). В другом маноре того же владельца (Gilb. de Umfrenvill) — Harbottle — пастбище для лошадей, для 1 140 овец и 1 400 коров оценивается в 41.18.4 и представляет главную статью дохода, выше дохода с пашни, выше суммы держательских рент. Я думаю, что мы не ошибемся, если признаем случай Harbottle характерным для северного хозяйства, а случай Prudhoe характерным для практики обследования. В тех случаях, когда даны незначительные суммы пастбищного дохода (таких случаев 9), мы, может быть, имеем дело с доходом от эксплоатации или сдачи выделенных домениальных пастбищ. Отсутствие всякого упоминания о пастбищном доходе в 17 из 28 маноров в этом пастбищном районе Англии достаточно характерно для манеры составления описей, и с ней мы должны в данном случае, в первую очередь, считаться. Пастбищный доход ускользнул от оценки, хотя, по всей видимости, он представлял одну из важнейших, если не важнейшую статью дохода. Неполнота наших сведений о пастбищном хозяйстве, характерная для всего источника в целом, здесь представляется особенно досадной. Надо отметить также незначительность лесного дохода. Эта незначительность могла бы найти объяснение в обилии леса и в правах на него крестьянства, не нуждавшегося в домениальном лесе.

Манориальная система, несомненно, сделала уже значительные завоевания на территории прежней Нортумбрии, но все же в структуре северного манора сохраняется ряд характерных исторических особенностей. Ряд маноров выступает перед нами как совокупность деревень; в одной (или двух) из них расположен домен, в других лишь держания. В общем к 9 из 28 маноров, составляющих наш основной материал, тянет около 30 деревень, населенных держателями, причем в некоторых из маноров мы насчитываем до 6 зависимых деревень. Это уже не старинные шайры, но еще весьма значительные их фрагменты. С этим связана совершенная незначительность, а в огромном большинстве маноров и полное отсутствие доходов от курии. Манориальная курия не развилась в Нортумбрии; прежняя курия шайра, совпадающая с курией сотни (сеньориальной), является курией для населения манора. Поэтому доходов манориальной курии иногда не хватает даже для оплаты белифа [88].

Все же манориализация старинного шайра несомненна. Я не могу согласиться с Джолифом, утверждающим, что «в Нортумбрии в XIII в., если не считать церковных земель, мы встречаем очень незначительное домениальное хозяйство, и нет достаточных данных, чтобы предположить его значительность в прошлом» [89]. Здесь всюду, конечно, идет речь лишь о домене в тесном смысле слова, т. е. о домениальной пашне, луге и, может быть, выде-

ленном пастбище. Приводимые Джолифом из IPM примеры capital manor баронии Wigton, в домене которого было лишь 36 акров пахоты, Lydell, где домен был «negligible», и вилл Singleton и Ribby, где домен был представлен quedam placea grangie [90], очень характерны для северного хозяйства, но как пережиток. Не трогая пока прошлого, уже в царствование Генриха III в большинстве маноров Нортумбрии мы находим домен, который нельзя назвать незначительным. Так, например, домен манора Prudhoe даже по южной мерке придется назвать очень большим — 1 108 а. пашни и луга с общей оценкой в 24 2 6. Средние размеры домена по 28 манорам — около 220 а. пашни (считая бовату в среднем в 15 а.) тоже не могут быть названы очень малыми, равно как и средняя доходность домениальной пашни и луга в 6 17.4. Но здесь перед нами выступает другая особенность северного манора, которая значительно ослабляет значение этих больших цифр — это огромные размеры самого манора. Доход с домениальной пашни и луга составляет не более четверти дохода с держаний. Даже в маноре Prudhoe, о котором шла речь выше, доход с его большой домениальной пашни составляет всего четверть рентного дохода. При большей экстенсивности хозяйства доходность среднего северного манора (не считая пастбищного дохода) почти вдвое превышает доходность среднего манора южной Англии. Держательская земля значительно превосходит домениальную пашню, причем, повидимому, значительная часть ее приходится на фригольд. Бондменская земля в Нортумберленде превышает домен больше, чем вдвое (4 316 а. домениальной пашни и луга, приблизительно 9 800 а. бондменской земли). Приблизительно таково же отношение в Кемберленде (здесь не всегда можно точно выделить размеры бондменской земли). Весьма значительна площадь свободных держаний. Они обложены нередко крайне слабо (в Sketon, Cumberland весь значительный фригольд — 5 карукат и 6 боват — платит всего 6 пенсов); большая часть держаний ничего не платит или несет военную службу и т. д.; 60 а. фригольда в Hadstone, Northumberland платят полфунта перцу и т. д. Между тем, общие размеры ренты свободных держаний весьма значительны. По 17 манорам, где можно выделить денежные ренты свободных держаний, таковые равны 53.12 3.

Сравнительно слабому развитию домена соответствует еще более слабое развитие отработочной ренты. Не менее, чем в 9 манорах, мы не находим ее вовсе. В большинстве случаев она посчитана вместе с другими повинностями. Высчитать ее можно лишь в 9 манорах, где она составляет всего лишь 10% держательских повинностей. Принимая в расчет значительное число маноров без отработочной ренты, придется среднюю цифру отработочных рент для Нортумбрии еще значительно понизить.

Зато мы встречаемся в северных манорах с огромной ролью ренты продуктами, которая занимает совершенно второстепенное место в южно-английском маноре. Часть этой ренты вносится непосредственно лорду манора в виде уплат солодом, железом, солью и т. д. В Warkworth, Northumbr., натуральные взносы составляют главную часть ренты бондов. Но главная

часть ренты продуктами взимается путем баналитетов. Мельничный доход, обычно незначительный в южных манорах, на севере огромен и оставляет позади доход домениальной пашни. Поскольку возможно установить его состав, он вносился, главным образом, мукой и солодом. Иногда он принимал характер ренты, делался постоянным, вне зависимости от фактических размеров помола. Это связывалось порой с его коммутацией, полной или частичной, причем мельничный сбор включался, как постоянная величина, в ренту держателей как свободных, так и несвободных [91]. Мельницы иногда сдаются в аренду (firmantur) за натуральные взносы, главным образом, мукой [92]. Кроме мельниц мы встречаем и другие баналитеты, как печь — furnus, пекарню — pistrina, пивоварню — bracina. Сопоставляя отдельные части манориального дохода, поскольку их можно выделить, мы можем свести их примерно к следующим процентным отношениям: 1) отношение домениального дохода (пашни и луг) к доходу с держаний: 21 и 79 % (по 28 манорам); 2) состав держательских рент (по 9 манорам): денежные ренты — 54%, ренты продуктами и баналитеты — 36%. (не вся эта сумма вносилась натурой, — вероятно, некоторую часть следует отнести на счет денежной ренты), отработочная рента — 10 %. По указанным выше соображениям последнюю цифру следовало бы, вероятно, значительно снизить. Денежные ренты возможно разделить на ренты свободных держателей ($9^0/_0$) и ренты бондов, фирмариев и коттеров (45%) [93]

Незначительность отработочной ренты заставляет нас предположить, что она не могла целиком удовлетворять растущей потребности домена в рабочей силе, не говоря уже о том, что в ряде маноров мы совсем не встречаем рабочих повинностей. Если мы сложим домениальные пахотные земли тех маноров, в которых возможно выделить оценку рабочих повинностей, то получим цифру в 1 891 а., при общей оценке рабочих повинностей в этих манорах в 27.9.7, что составляет около 3½ пенсов на акр Это показывает сравнительно малую роль отработочных рент в домениальном хозяйстве. Незначительность и вспомогательный характер барщин в Нортумбрии отмечает и Джолифф Но, может быть, обработка земли была здесь настолько экстенсивной, что требовала очень мало работ на акр пашни? Повидимому, это не так. Экстенсивной системе, в роде описанной Греем [94] для этой части Англии, должна бы соответствовать весьма низкая оценка доходности акра пашни, а между тем средняя оценка в наших манорах — 6½ пенсов — выше средней оценки во многих южных графствах. Это заставляет нас предположить, что здесь считалась только площадь под засевом. В таком случае цифра в 3½ пенса представляется очень низкой. Если представить себе процесс манориализации севера как процесс одновременного роста домена и отработочных повинностей, то придется сказать, что рост отработочной ренты отставал от роста домена. Барщины бондменов и фирмариев (фирмарии мало отличаются от бондменов по своим повинностям) оказались менее подвижными, чем размеры барской запашки. Как же разрешался в таком случае вопрос о рабочей силе? В нортумберлендских манорах рядом

с 323 bondi, 11 husbandi (что одно и то же), 1 нативом и 23 фирмариями находим 203 котариев. Мелкие держатели нередки и среди свободных. Они могли дать ту рабочую силу, в которой нуждался домен.

Мы встречаемся и с иным способом использования домениальной земли. В Rothbury, Northumbr., указан доход в 3.17.7, который платят firmarii terrarum de dominico per particulas [95].

Итак, на севере мы встречаемся с манориальной системой, но особого типа. Барщины, в которых видели существо манориального строя, здесь очень незначительны. Зато велика сравнительно с остальной Англией роль ренты продуктами. Все же преобладающую роль играют, даже в этом окраинном углу Англии, денежные ренты, составляющие больше половины всех держательских платежей, причем решительно преобладают ренты несвободного крестьянства. Домен выделился достаточно отчетливо, но все же незначителен по сравнению со всей большой территорией манора, иногда охватывающего несколько деревень. Домениальное хозяйство не могло обслуживаться барщинными работами крестьян. Крупный пробел создается у нас вследствие отсутствия сведений о пастбищном хозяйстве домена и держаний. Мы можем лишь догадываться о его перворазрядном значении. Большой интерес представил бы такой же анализ для северного Денло, характерные особенности которого описаны Стентоном, отметившим своеобразие манориальной структуры в районе графств Иорк, Дерби, Ноттингем, Лестер-Линкон и Ретленд [96]. Но для этого района у нас крайне скудный и суммарный материал, если не считать двух графств — Иоркшир (20 маноров) и Линконшир (16 маноров). Этот материал не позволяет вскрыть какие-либо характерные особенности, общие для всего района. Возможно, что эти особенности скрыты скудностью и суммарностью нашего материала, но можно также предположить, что ход экономического развития успел в значительной мере стереть исторические особенности района поселения датских воинов. Так, Линконшир по своей экономической характеристике скорее примыкает к граничащей с ним на юге восточной группе. Правда, он представлен в нашем материале по преимуществу манорами, расположенными в его южной части. Некоторое своеобразие представляет Иоркшир [97]. Наш материал относится, главным образом, к южной «Датской» части графства, а не к северной — «Нортумбрийской». Можно сказать, что по своему типу Иоркширский манор лежит посередине между северным и южным. С северным его роднит чрезвычайно слабое развитие отработочных рент. В тех 9 манорах, где есть возможность выделить эти ренты, они составляют всего 4.5.5, против 37.18.4 денежных рент и 9.14.1 дохода с баналитетов (считая здесь весь мельничный доход), причем 2 5.5 из отработочных рент могут заменяться денежными платежами. Другим сходным моментом является весьма значительное развитие баналитетов, особенно мельничных, причем, повидимому, значительная часть их оплачивалась натурой. Несвязанная с баналитетами рента продуктами незначительна. Нередко наблюдаем разбросанность держателей по деревням. Крайняя незначительность куриального

дохода может быть отчасти отнесена на счет способа составления описей, иногда сливавшего некоторые из доходов курии с рентами [98]. Но и там, где доходы курии даны отдельно, они совсем незначительны [99]. Как и на севере, нет возможности определить размеры пастбищного хозяйства, о котором даны лишь самые скудные сведения, но немалое значение которого мы в праве предполагать. Этим сходство с северными манорами ограничивается. Средние размеры манора невелики, вдвое меньше, чем на севере; относительное значение домениального хозяйства (в том условном смысле, в каком мы употребляем это понятие) значительно выше, чем на севере (34 и 66%). Много больше, чем на севере, сравнительная роль ренты свободных держаний, что не является еще свидетельством об их большем территориальном развитии. Соотношение денежной ренты свободных держаний, вилланской денежной ренты, отработочной ренты и мельничного дохода выражается в процентах по 9 манорам как: 21—52—8—19%. При этом, в силу уже отмеченной выше обратимости части отработочных рент в денежные, процент отработочных рент должен быть еще снижен. Бондменская земля поддается приблизительному подсчету и составляет, примерно, в полтора раза больше домениальной пашни. Земля свободных держателей может быть исчислена далеко не везде, но во всяком случае у нас достаточно данных для того, чтобы считать ее довольно значительной. Во всяком случае домениальная пашня была, повидимому, гораздо меньше трети всей манориальной пашни. Бросается в глаза значительное развитие заимок (assarta) среди бондменских земель: 415 акров в Slayteburn, где рента assarta составляет главную часть денежной ренты бондменов, 100 акров в Bradford.

Для остальных графств северного Денло у нас имеется лишь скудный и мало пригодный для наших целей материал, особенно в виду того, что в нем очень редко посчитаны отдельно отработочные ренты. Ретленд дает 4 манора [100], Лестершир—8 [101], Ноттингемшир—12 [102] и Дерби — 10 маноров [103], всего 34 манора. Только в одном маноре в Лестершире, в двух Ноттингемширских и в двух Дербиширских можно выделить отработочные ренты. В Дербишире (Staveley и Walton) они незначительны, в Лестершире (Evington) — 13.1.4 против 18.14.3½ денежной ренты и в Ноттингемшире (Holm) —5.6.3 против 5.0.0 денежной ренты — довольно велики. Нередко даны указания на отсутствие отработочных рент. Во всяком случае у нас нет достаточных данных для суждения о размерах отработочных рент в северном Денло, хотя и есть указания на то, что не следует вслед за Греем преуменьшать их значение. Зато всегда почти выделяется рента свободных держателей, дающая невысокий процент в Ретланде и Лестершире (9—13%) и более высокий в Ноттингемшире и Дерби (23—27%). В общем рента свободных держателей в этих графствах, где мы в праве предполагать значительное развитие фригольда, сравнительно невелика и заставляет предполагать легкое обложение свободных держаний рентами. Мельничный доход некоторых маноров довольно велик [104], но в среднем не отличается от уровня южных графств, составляя около полутора фунта на манор; это

показывает второстепенную роль баналитетов. Средние доходы манора (без пастбищного хозяйства) сравнительно невелики, но это вызывается, главным образом, мелкими размерами представленных в нашем материале Дербиширских маноров. В остальных графствах средние размеры не уступают южным, хотя и значительно ниже Нортумбрийских. Значительно развито и домениальное хозяйство (пашня и выделенный луг). Отношение дохода с них к рентному доходу выражается в процентах, как 34 и 66, отношение однообразное почти для всех выделенных нами групп, кроме северной и восточной. Еще более незначителен материал для граничащего с этими графствами с запада Стаффордшира. Здесь у нас всего 2 описи [105], не дающие, конечно, оснований для каких бы то ни было выводов. Но надо отметить, что в одном из этих двух маноров нет вилланов (Clayton), а в другом (Madeley) нет отработочных рент и все повинности переведены на деньги (firma).

Так же мало удовлетворительны сведения, касающиеся графств, лежащих далее к западу и к юго-западу от этой группы — Чешира, Шропшира, Вустершира и Герифордшира. Сведения здесь довольно скудны: для Чешира — 6 маноров [106], Шропшира — 10 [107], Вустершира — 8 [108] и Герифордшира — 5 [109]); к тому же не все описи достаточно детальны и не всегда дают нужные нам сведения. Пашня обычно дана в карукатах, иногда в виргатах, один раз в боватах [110]. Трудно выделить какие-либо местные особенности. Лишь в Чешире мы видим, как в Нортумбрии и Иоркшире, огромный мельничный доход, превышающий доход с домениальной пашни и свидетельствующий о большом развитии баналитетов. Если включить мельничные сборы в число рентных доходов, то они составят 34% всей рентной массы, больше чем в Иоркшире, и почти столько же, сколько в Нортумбрии. Но уже в Шропшире эти сборы падают втрое, еще ниже они в Герифордшире и в Вустершире. Таким образом, мы можем очертить район высоких мельничных баналитетов — это север Англии, замыкаемый южной границей Иоркшира и Чешира. Западную группу отличают низкие средние размеры манориального дохода. Может быть это связано с тем, что значительная его часть слагалась из доходов помещика от общинного пастбища и остается поэтому вне поля нашего зрения. Особенно низки размеры манориальных доходов в Шропшире — минимальные для всей Англии. Отношение домениального дохода к держательской ренте — 33 и 67%. Отработочная рента выделяется в общем достаточно хорошо. Она составляет по отдельным графствам от 14 до 26% всего рентного дохода (в среднем 20—21%). Хуже выделяется рента свободных держаний, предположительные цифры которой в среднем составляют 16—18% всей рентной массы. Главная масса рент падает на денежные ренты вилланов, дающие 53—61%. Около 11% (может быть несколько больше) приходится на мельничный доход. Вычисление соотношения между размерами отработочной ренты и домениальной пашни затруднительно, в виду того, что последняя часто выражена не в акрах, а в карукатах или виргатах. Во всяком случае есть все

данные предположить недостаточную насыщенность манора несвободной рабочей силой. Таким образом, обширный и меньше всего известный исследователям район, заключающий в себе северо-западную половину Англии, представлен в нашем материале далеко не полно и не равномерно. Совсем отсутствует Дерам; для Ланкашира, Вестморленда и Стаффордшира слишком мало данных; для ряда графств описи недостаточно детальны. В сущности более или менее отчетливо выступают только северная окраина —Нортумберленд и Кемберленд, а также Йоркшир, главным образом его южная часть. Остальная часть северо-западной Англии очень тускло просвечивает сквозь наш источник. Но во всяком случае здесь можно наметить некоторые, хотя бы и смутные очертания. В частности нам пришлось констатировать наличие (или вероятное наличие) отработочных рент во всех графствах, но в то же время они всюду играют второстепенную роль, особенно в тех графствах, которые лучше представлены в нашем материале. Всюду они значительно уступают денежным рентам, а в северных графствах (Нортумбрия, Йоркшир, Чешир) и рентам продуктами. Неполнота наших сведений о манориальном хозяйстве, обусловленная недостаточными данными о пастбищном доходе, нигде не сказывается так досадно, как в этом в значительной своей части холмистом и богатом пастбищами районе.

Богаче и равномернее представлена в нашем материале юго-восточная половина (или несколько более половины) Англии. Это как раз та территория, где на материале, оставленном большими монастырскими поместьями, создалась классическая картина манориального строя. Этот район можно для удобства рассмотрения разбить на три группы: в о с т о ч н у ю, включающую графства: Линкон, Нортгемптон, Кембридж, Гентингдон, Гертфорд, Норфок, Сеффок, Эссекс и Миддльсекс; с р е д н ю ю (южные Midlands) — графства: Бедфорд, Бекингем, Беркшир, Оксфордшир, Уорвикшир, и ю ж н у ю — графства: Серри, Сессекс, Гампшир, Дорсет, Уильтшир, Сомерсетшир, Глостершир, Девоншир. Кент выделяется особой манориальной структурой.

Основной материал для восточной группы дают нам обильные описи для Эссекса [111] (в моем материале 31 полная опись и, кроме того, сведения о рентах для 30 маноров); Сеффока [112] (24 полных описи и сведения о рентах для 9 маноров) и Норфока (19 полных описей и 2 для рент) [113]. Эти описи не только обильны, но и очень ясно отделяют разные формы рент, особенно отработочные от денежных. Довольно обильны описи для Нортгемптоншира [114] (16) и Линконшира [115] (16), но они часто настолько суммарны, что не всегда допускают разделения различных видов ренты. Скудны и суммарны описи для Кембриджшира [116] (8), Гертфордшира [117] (9) и Гентингдоншира [118] (7). Но для двух из этих графств у нас есть гораздо более обильный и детальный параллельный материал в виде Сотенных Свитков 1279 г. [119]. Для Миддльсекса [120] у нас только три, но достаточно детальных описи. Всего для восточного района мной использовано 133 полных описи и, кроме того, данные о рентах для 42 маноров; но географи-

ческое распределение этого материала как в количественном, так и в качественном отношениях недостаточно равномерно.

Восточная группа отличается высоким развитием домениальной пашни. Наименьшее ее развитие мы находим в северных графствах этой группы — Линконшире (в среднем 164 акра) и Норфоке (152 а.), где она приближается к средней цифре для Иоркшира, и в Нотгемптоншире (201 а), где она близка к цифрам для северных Midlands (217 а.). Огромную среднюю цифру находим в Миддльсексе (597 а.), где у нас только три очень больших манора, которых едва ли довольно для получения средней цифры. Если не считать Миддльсекса, то для южной половины восточной группы средняя пашня составит 312 а., а для северной 160 а. Общая средняя — 300 а., а если не считать Миддльсекса — 274 а. Эта средняя превышает среднюю каждой из остальных групп. Соответственно этому и отношение домениального дохода (пашни и луга) к рентному здесь выше, чем в других группах (42 и 58%). В некоторых случаях домениальный доход даже превышает рентный (Эссекс, Кембриджшир) или почти равен ему (Гентингдоншир, Гертфордшир, Миддльсекс). В остальных группах наивысшие для отдельных графств цифры процента домениального дохода не превышают средней цифры для восточной группы. Относительно низкие цифры домениального дохода дают Сеффок и Норфок. Мы должны опять вспомнить, что пастбищный доход учету не поддается. Сравнительно высокий процент домениального дохода в Линконшире в значительной мере создается доходом с домениальных лугов

Всего резче особенности восточной группы выделяются при анализе состава держательской ренты. В восточной группе мы видим наибольшие относительные размеры отработочных рент, колеблющиеся по отдельным графствам между 31 и 55 процентами, в среднем составляя 39 процентов всей рентной массы. Ни в одном из графств, входящих в остальные группы, процент отработочных рент не достигает минимальной цифры (31%— Эссекс, Гертфордшир) в восточной группе. Надо сказать, что отработочная рента в графствах восточной группы выделяется не всегда с одинаковой отчетливостью. Всего отчетливее она в Эссексе, где ее можно выделить почти во всех манорах (57 случаев), в Сеффоке (33 случая), в Норфоке (18 случаев) и Гертфордшире (11 случаев). Она выделяется во всех восьми кембриджширских и трех миддльсекских манорах. Но в Гентингдоншире очень большие рабочие повинности выделяются только один раз, да и то не очень отчетливо. Здесь нам на помощь могут прийти наблюдения над другими источниками, особенно над Сотенными Свитками 1279 г., позволяющими отметить в Гентигдоншире значительное развитие системы отработочных рент. Тот же источник поддерживает наше представление о Кембриджшире как о графстве со сравнительно высокими отработочными рентами вилланов. Во всяком случае при всей неравномерности материала он весьма определенно показывает нам сравнительно высокое развитие отработочных рент в данном районе. Некоторые оговорки необходимы для двух графств, лежащих на окраинах района — Линконшира, протянувшегося далеко на север (до

Иоркшира), и Нортгемптоншира, вытянувшегося далеко на запад, вклиниваясь между северными и южными Midlands. Оба эти графства представлены в общем достаточным числом маноров—по 16. В Линкольшире, однако, рабочие повинности можно выделить лишь в 4 маворах; в двух их, очевидно, не было; в остальных восьми они посчитаны вместе с денежными рентами вилланов. В двух случаях из этих восьми в общих оценках вилланских рент рабочие повинности играют, повидимому, главную роль (Tallington и Uffington), но остальные случаи неясны. Наш материал относится, главным образом, к южному Линкольширу. Во всяком случае по своему типу линкольширский манор более приближается к восточному, чем к северному манору. Бросается в глаза высокое развитие лугового и болотного дохода в связи с особенностями линкольширского ландшафта (заболоченная восточная прибрежная полоса). Некоторое нарушение намеченного нами географического распределения отработочных повинностей представляет Нортгемптоншир, уходящий от основной массы восточных графств далеко на запад. Именно здесь мы находим как будто наивысшие цифры для отработочных рент. Правда, это впечатление создается на небольшом материале (всего 6 маноров), причем главную массу дает один манор — Rowell эрла Глостерского. Но еще по крайней мере в двух или трех манорах в суммарно подсчитанных повинностях вилланов мы в праве предполагать если не преобладание, то во всяком случае значительный процент отработочных рент (Houghton, Paulerspury, м. б. Aynho). Я оставляю открытым вопрос, представляют ли высокие отработочные повинности особенность Нортгемптоншира, сближающую его с восточными графствами, к которым он примыкает своей восточной границей, или же это впечатление создано случайным отбором сравнительно незначительного материала.

Денежная рента вилланов в восточной группе приблизительно уравновешивает их отработочные повинности. Восточные графства отличаются также сравнительно очень высоким процентом ренты свободных держателей, наивысшей — в Кембриджшире, наименьшей — в Гентингдоншире (что подтверждается и данными Сотенных Свитков). В среднем она составляет 28% всей рентной массы, значительно выше, чем по всем группам и графствам северо-западной половины, не исключая и Иоркшира. Но это еще ничего не говорит о сравнительных территориальных размерах свободной земли.

Значительно выше, чем в других группах, в восточных графствах показатель насыщенности домена несвободным трудом (4½).

Всего равномерней как количественно, так и качественно наш материал распределяется по южным графствам [121] и южным Midlands [122]. В среднем здесь у нас по 10 маноров на графство, меньше всего для Серри (6), больше всего для Гампшира (17). Разница в структуре обеих групп незначительна, и их можно рассматривать вместе. Средние размеры домениальной пашни здесь выше, чем на севере (считая и большие маноры Нортумбрии), но ниже, чем на востоке. Разница в средних цифрах для Midlands (262) и юга (228) создается, главным образом, высокой (вероятно, случайной) цифрой для

Беркшира (402). Отношение домениального дохода к рентному приблизительно одинаково (36 и 64 в южных Midlands и 33 и 67 в южных графствах), приближаясь к северному типу (кроме Нортумбрии) и отличаясь от восточного более низким развитием домениального сектора. Наивысшее развитие домениального сектора находим в Беркшире (43%). самое низшее — в Девоншире (21%). Но в общем оно мало колеблется по графствам. Почти совпадают относительные цифры для отработочных повинностей в обеих группах (23 и 24%), колеблясь от 17% (Девоншир) до 30% (Сомерсетшир и Глостершир), превышая северо-западные графства и отставая от восточных Во всех графствах отмечается значительный перевес денежной ренты, в среднем дающий 77—76% и нигде не опускающийся ниже 70% всей рентной массы.

Изучая состав денежной ренты, можно констатировать убывание доли ренты свободных держаний с востока на запад. Давая наивысшие цифры в Бедфордшире (41%), Бекингемшире (31%), Сессексе (34%) и Серри (27%), рента свободных держателей падает до 13% в Девоншире, до 12% в Сомерсетшире и до 8% в Глостершире. Всюду основную часть как вилланских платежей, так и рентной массы в целом составляют денежные платежи вилланов, давая от 38 (Сессекс) до 70% (Девоншир) всей рентной массы, и в среднем больше, чем вдвое, превосходя размеры отработочных рент. Ниже, чем на востоке, показатель обеспеченности домена барщинным трудом ($2\frac{1}{2}$ для Midlands и $2^{7}/_{8}$ для южных графств). Наивысший показатель, превышающий среднюю цифру для восточной группы, находим в ближайшем к этой восточной группе и примыкающем к Лондону графстве Серри ($4^{3}/_{4}$). Но в общем приходится сделать заключение о сравнительно слабой обеспеченности домена вилланскими работами.

Особый тип представляет Кент [123]. В кентских манорах встречаются вилланы и рабочие повинности, но последние очень незначительны, составляя около 6% всей рентной массы — меньше, чем в каком-либо другом из графств Англии. В денежных платежах мы не можем отделить свободных рент от вилланских.

Развитие пахотного и лугового хозяйства на домене сравнительно невелико по отношению к рентному доходу (29 и 71%). Но зато мы встречаем здесь значительный доход с выделенного пастбища и леса (почти всегда даны в акрах). Если присчитать их к домениальному доходу, то получится отношение 40 и 60%. Повидимому, захват лордами общинных земель продвигается в Кенте успешнее, чем в остальных графствах. Значителен сравнительно с соседними графствами доход с мельниц и с курии.

Возникает вопрос, не преувеличили ли мы значение географического принципа, положив в основу нашего рассмотрения отдельные районы? Не прячется ли за более или менее выдержанной нами равномерностью распределения материала по районам неравномерность его распределения по другим признакам? Например, не обусловливается ли большое развитие отработочных рент в восточных графствах значительной ролью крупных

сеньоров, как эрла Глостерского, эрла Норфокского и эрла Оксфордского среди лордов маноров этой группы? На это можно ответить, что географический принцип распределения материала был избран нами не случайно. На него наталкивает историография вопроса, показавшая чрезвычайную плодотворность его применения и выяснившая ряд значительных местных особенностей в исторической и отчасти экономической характеристике отдельных районов. Об этом было сказано выше. Но не следовало ли в таком случае хотя бы осложнить наши выкладки введением еще другого принципа группировки материала?

Односторонность нашего материала не позволяет нам произвести более детальные подсчеты для выяснения разных форм ренты в церковных и светских, крупных и мелких вотчинах. Перед нами исключительно светские и почти исключительно крупные или средне-крупные вотчины, в структуре которых мы не можем ожидать заметных различий. Притом материал слишком скуден и случаен для каких бы то ни было твердых заключений. Но все же мы можем констатировать, что в ряде крупных вотчин больших магнатов [124] мы встречаем очень высокие цифры для процента отработочных рент. На первом месте здесь бесспорно стоят крупные маноры Ричарда Клера, эрла Глостерского, знаменитого лидера баронов. Глава феодальной партии был крупнейшим крепостником и сторонником барщинной системы. В нашем материале имеется 16 маноров этого эрла. Из них 13 — расположены в восточной группе (четыре в Эссексе [125], четыре в Норфоке [126], три в Сеффоке [127], по одному в Гертфордшире [128] и Нортгемптоншире [129], три в Кенте [130]. В некоторых из этих маноров исключительно велика барская запашка (1 146 а. в Thaxted, Essex, 1 $109^1/_4$ в Hundon, Suff., 1 199 в Clare, Suff., 1 256 в Disning, Suff.). Повидимому, это часть основного гнезда владений эрла.

В общем в манорах эрла Глостерского отработочные ренты сравнительно очень велики. Для восточных графств соотношение между свободной рентой, денежной рентой вилланов и отработочной рентой в манорах эрла выразится в процентах, как 23—30—47 (63.5.4½—81.10.$6^1/_4$—131.10.5). В кентских манорах того же эрла отработочная рента составит 13% всей рентной массы. Только в манорах эрла Глостерского (Eltham) в Кенте упоминаются вилланы. Если не вводить подсчет маноров эрла Глостерского, то средний процент отработочной ренты в Кенте упадет с 6 до $4^1/_4$. Во всяком случае из этих примеров можно видеть, что маноры эрла Глостерского при всем их своеобразии (или, с точки зрения старой теории, их «типичности») следуют в общем за местными особенностями. Развитие маноров именно такого типа в восточных графствах не представляется мне чистой случайностью, и я не счел возможным выделить их из подсчета при учете местных особенностей. Впрочем, они оказывают значительное влияние на средние цифры отработочных рент лишь в двух графствах — в Сеффоке и в Нортгемптоншире. Но и за исключением этих маноров средние цифры отработочных рент в данных графствах остаются

типичными для восточной группы. Крупным крепостником был Гью де Вер, эрл Оксфордский. В семи его манорах, расположенных в графствах Сеффок, Кембриджшир, Миддльсекс, Оксфордшир, барщины вилланов вдвое превышают их ренты, составляя свыше половины всей рентной массы; впрочем, у него есть маноры и иного типа. У эрла Девонширского ренты и барщины вилланов (в Девоншире и на острове Уайте) поделились примерно поровну при незначительной ренте свободных держателей. Не принадлежит к безусловным сторонникам барщинной системы эрл Норфокский. Но в общем я не думаю, чтобы мои выводы определились неравномерностью распределения вотчин крупнейших баронов по отдельным графствам.

Рассмотрим средние цифры доходности маноров в таблицах на стр. 187—189. Хотя это и весьма условная оценка, включающая только пашню, луг и ренты, а для северных маноров еще и бапалитеты, но она дает известную ориентировку в размерах маноров. Мы убедимся, что более высокие, чем в других графствах, размеры восточного манора создаются благодаря исключительно высоким размерам миддльсекских маноров в нашем материале. Если мы их исключим, то средние размеры доходности у восточного манора окажутся ниже, чем у манора южных Midlands, Кента, Нортумбрии, и лишь немногим выше, чем в южной группе и в северном Денло. Большие миддльсекские маноры дают средний показатель для отработочных рент в 33%, т. е. ниже среднего уровня для всей восточной группы. Среди южных Midlands наиболее крупные размеры маноров дает Беркшир, но в нем средний процент отработочных рент (18) значительно ниже среднего уровня группы (23), приближаясь к минимальному (17). В южной группе наибольший показатель для размеров манора дает Сессекс; здесь процент отработочных рент (28) выше среднего (24) и приближается к максимуму (30). Наименьшую цифру для среднего манора этой группы дает Глостершир, но в нем максимальный для группы процент отработочных рент. Точно так же и в западной группе наименьшие по размерам маноры Шропшира дают наивысший для группы процент отработочных рент. Таким образом, мы видим, что средние размеры маноров даже в пределах отдельных групп не оказывают влияния на относительную величину отработочной ренты. Чем же это объясняется? Уже оговоренными выше особенностями нашего материала — в нем почти отсутствует мелкий манор. Подавляющая часть нашего материала — крупные маноры, в структуре которых варианты в размерах существенной разницы не создают. Это сравнительное однообразие и односторонность нашего материала мы должны еще раз настойчиво подчеркнуть: перед нами далеко не все типы маноров, а лишь их верхушечная часть. Но это же оберегает нас от возможности упрека в преуменьшении роли отработочных рент.

Результаты моих подсчетов суммированы в таблицах на стр. 187 — 189. Здесь в первом столбце даны средние цифры для пахотной земли домена. В том случае, если значительная часть этой земли выражена в карукатах или других мерах, перевод которых на акры может быть сделан лишь при-

близительно, число акров поставлено в скобки. В тех случаях, когда не было более точных указаний в самом источнике, число акров в карукате принималось за 120, в виргате за 30, в бовате за 15. Число акров в домениальной пашне часто дает пониженную цифру. Мы видели, что иногда в счет шли лишь засеянные акры. О понижении размеров домена при счете на карукаты было сказано в главе II. От нас порой ускользает «длинная сотня». Это приходится брать в расчет при сопоставлениях.

Второй столбец дает процентное отношение домениального дохода к рентному, или, точнее, отношение оценки пашни и луга к сумме оценки держательских рент (только тех рент, которые посчитаны в описи как таковые). Лишь в северных графствах (Нортумбрии, Иоркшире и Чешире) к рентам присчитаны мельничные доходы и другие баналитеты.

Третий столбец дает процентное отношение денежных рент свободных держателей, денежных рент вилланов и отработочных рент.

Для большинства графств ренты продуктами не подсчитаны, ввиду их крайней незначительности. Но для северных графств (см. выше) введена четвертая цифра, дающая ренты продуктами (составленная, главным образом, из мельничных баналитетов).

Четвертый столбец дает средние размеры оценки манора. Сюда включены не все статьи, данные в описях, а лишь суммированы те статьи, которые вошли в наш учет: оценка домениальной пашни, домениального луга и рент, в северных графствах и мельничные доходы и другие баналитеты.

Пятый столбец дает показатели насыщенности домена рабочими повинностями вилланов. Эти показатели получаются от деления оценки рабочих повинностей на число акров домениальной пашни. В тех случаях, когда домениальная пашня дана в каруках и т. д., показатель дается в скобках.

Шестой столбец дает число использованных описей для каждого графства и каждой группы графств. Первая цифра дает число описей, использованных полностью, вторая — число описей, из которых взяты лишь некоторые сведения (главным образом, касающиеся соотношения отдельных видов рент). Отступления от этих правил оговорены в примечаниях к таблице.

Вычисление средних цифр по группам производилось, исходя из средних цифр для каждого графства, чтобы обеспечить возможно бо́льшую равномерность в территориальном распределении материала, так как при вычислении, отправляющемся непосредственно от индивидуальных маноров, перевес получили бы те территории, для которых в нашем материале случайно оказалось больше описей.

Для северных графств даны лишь общие цифры под заголовком «Нортумбрия» — здесь Нортумберленд, Кемберленд и то, что удалось собрать для Вестморленда, подсчитаны вместе, как одно целое. Особо выделены Кент и Иоркшир.

Я считаю нужным еще раз подчеркнуть чисто условный и ориентировочный характер всех данных в таблицах цифр.

Восточная группа

Графства	Средние размеры домениальной пашни	Процентное отношение домениального дохода (пашня и луг) к рентному		Процентное отношение денежной и отработочной ренты			Средняя оценка доходности манора	Среднее обеспечение домена раб. повинностями	Число использованных описей	
				Денежн рента своб. держ	Денежн. рента виллланов	Отраб. рента			Основн	Дополн.
Эссекс	292	53	47	32	31	37	18.1.6	$2^1/_3$	31.30	
Сеффок	385	30	70	16	42	42	23.18.$2^1/_2$	$4^3/_5$	24 9	
Норфок . . .	152	27	73	27	41	32	17.$12^1/_2$	$6^1/_3$	19.2	
Кембриджшир . .	305	51	49	45	15	40	13.13.$4^1/_2$	$2^1/_3$	8	
Гертфордшир . .	351	$47^1/_2$	53	69		31	21.6.$11^1/_2$	$2^1/_3$	9	
Гентингдоншир	344	46^1	54	12	88		15.15.4	$(6^3/_8)$	7	
Нортгемптоншир.	(201)	38	62	22 22	23 41	55 37^2	20.0 5	$(2^1/_2)^{(8)3}$	16.1	
Миддльсекс . . .	597	47	53	38	29	33	37.1 6	$2^2/_3$	3	
Линконшир . .	164	40	60	17	51	32	14.16.4	$4^1/_2$	16	
	300	42	58	28	33	39	20.1.4	$4^1/_2$	133.42	
	274^4				36	36^5	17.18.10^4	$3^3/_5{}^5$		

1. Может быть несколько менее.

2. Рабочие повинности могут быть выделены только в одном случае

3. В виду того, что исключительно высокие средние цифры отработочной ренты получаются под влиянием одного манора (Rowell эрла Глостерского), дан вариант, вычисленный без этого манора.

4. В виду исключительно крупных размеров трех миддльсекских маноров дан вариант средней цифры без Миддльсекса.

5. Вариант соответствует оговоренному в прим. 3.

Южные Midlands

Графства	Средние размеры домениальной пашни	Процентное отношение домениального дохода (пашня и луг) к рентному		Процентное отношение денежной и отработочной ренты			Средняя оценка доходности манора	Среднее обеспечение домена раб. повинностями	Число использованных описей	
				Денежн. рента своб. держ.	Денежн. рента вилланов	Отраб. ренты			Основн.	Дополн.
Бедфордшир . .	245	36	64	41	42	17	19.8.10	1¾	9	
Бекингемшир .	184	34	66	31	41	28	17.2.9	4	10	
Беркшир	402	43	57	24	58	18	24.13.7½	1½	8	
Оксфордшир . .	227	33	67	25	46	29	17.13.11	3¼	10	
Уорвикшир . .	243	35	65	23	54	22	18.6.7	2½	9	
	262	36	64	29	48	23	19.9.2	2½	46	

Южная группа

Графства	Средние размеры домениальной пашни	Процентное отношение домениального дохода (пашня и луг) к рентному		Процентное отношение денежной и отработочной ренты			Средняя оценка доходности манора	Среднее обеспечение домена раб. повинностями	Число использованных описей	
				Денежн. рента своб. держ.	Денежн. рента вилланов	Отраб. ренты			Основн.	Дополн.
Серри	190	23	77	(27	52	21)[6]	20.3.8	4¾	6	
Сессекс	325	39	61	34	38	28	25.11.4	3⅝	11	
Гэмпшир	209	35	65	22	53	25	13 2.1	1⅝	17	
Дорсет . . .	(196)	40	60	(15	65	20)[6]	10.11 6	(1½)	11	
Уильтшир . . .	(210)	40	60	25	55	20	17.13.8	(3⅓)	16	2
Сомерсетшир .	(229)	33	67	12	58	30	13.8.11	(3¾)	10	
Глостершир . .	(276)	37	63	8	62	30	10.0.2	(2)	11	
Девоншир . . .	(188)	21	79	13	70	17[7]	12.7.5	(2)	11	
	228	33	67	19	57	24	15.7.4	2⅞	105	2
Кент . . .	201	29 40	71 60[8]	94		6	21.5.8 25.15.7	1¼	12	

6 Мало данных.

7. Может быть несколько менее.

8. В варианте в счет домениального дохода включено домениальное пастбище и лес.

Северные Midlands

Графства	Средние размеры домениальной пашни	Процентное отношение домениального дохода (пашня и луг) к рентному		Процентное отношение денежной и отработочной ренты			Средняя оценка доходности манора	Среднее обеспечение домена раб. повинностями	Число использованных описей	
				Денежн. рента своб держ	Денежн рента вилланов	Отраб. ренты			Основн.	Дополн.
Ретленд	(268)	32	68	9	91		20.12.2		4	
Лестершир	(291)	37	63	13	87		20.13.3		8	
Ноттингемшир	(207)	42	58	23	77		17·10.0		10	
Дерби	(103)	28	72	27	73		8.3.0		10	
Стаффордшир									2	
	(217)	34	66	18	82		16.14.9		34	
Нортумбрия	220	21	79	9	45	10[9] 36[11]	32.2.5		34	1
Иоркшир	134	34	66	24	57	7[10] 22[11]	16.4.6		21	

Западная группа

Графства	Средние размеры домениальной пашни	Процентное отношение домениального дохода (пашня и луг) к рентному		Процентное отношение денежной и отработочной ренты			Средняя оценка доходности манора	Среднее обеспечение домена раб. повинностями	Число использованных описей	
				Денежн. рента своб. держ.	Денежн. рента вилланов	Отраб. ренты			Основн.	Дополн.
Герифордшир	221	34	66[9]	(83		17)	12.12.7		5	
Вустершир	(132)	23	77	(22	59	19)	18.4.1		8	
Шропшир	(116)	37	63	(15	59	26)	5.0.5		10	
Чешир	(198)	39	61	(17	62	21)	10.16.11		6	
	30	70		11	41	14 34[11]	14.8.0[12]			
	(167)	33	67	(18	61	21)	11.13.6		29	
				(16	53	20) 11[11]				

9. Цифра должна быть сильно снижена.
10. Не менее половины могло коммутироваться.
11. Ренты продуктами со включением мельничного дохода.
11. Ренты продуктами со включением мельничного дохода.
12. В подсчет введены мельничные уплаты.

Изучивши наш материал, мы готовы воскликнуть вместе с Сибомом: Англия была покрыта манорами! Маноры повсюду! Всюду перед нами выступают более или менее однообразно построенные поместные единицы, в подавляющем большинстве состоящие из домена, фригольда и виллан-ских держаний; всюду оценка проходит по одним и тем же главным статьям, обрисовывая одинаковость структуры. Но тут нам надо вспомнить, что мы сами подготовили себе этот результат, выбрав для рассмотрения только экстенты, только манориальные описи; отдельные держания неманориального типа не попали в наш подсчет

Правительственная анкета в значительной мере стерла разнообразие манориальной структуры, а мы еще более стерли это разнообразие своими схематическими подсчетами. Несомненно, пестрая действительность далеко не укладывалась в полученные нами однообразные схемы. Но может быть нам удалось уловить кое-что существенное и типическое.

Маноры повсюду. Мы их находим от Нортумберленда и Комберленда до Кента и Девона. Но что это за маноры? Классический манор — крупный манор с большим доменом, обрабатываемым подневольным трудом, с тяжелыми рабочими повинностями и небольшими денежными платежами многочисленных несвободных держателей, с незначительным фригольдом, платящим денежные взносы, — мы встречаем его нередко и здесь. Но не он дает тон, не он определяет господствующий тип. Несомненно, можно говорить о преобладающем, господствующим типе, приближающемся в то же время к среднему манору. Каковы же его характерные черты?

1) Почти всюду (за немногими исключениями) мы видим перевес рентного сектора над домениальным. Но эти цифры настолько условны, поскольку они не включают пастбищного дохода домена, что вопрос о соотношении обоих секторов приходится в большинстве случаев оставлять открытым. Мы можем лишь сказать, что доходы с домениальной пашни и луга, как правило, уступают доходам от рент. В согласии с этим стоят и сравнительно низкие средние цифры домениальной пашни. В общем средняя домениальная пашня в маноре IPM не велика (хотя и встречаются огромные домены, особенно в манорах эрла Глостерского). Она колеблется в среднем между 300 и 144 а. в разных группах. И эта средняя пашня может считаться и типической — к ней очень близко подходит большая часть доменов. Но не надо забывать, что у нас, повидимому, в большинстве случаев пониженные цифры для домениальной пашни. К тому же во многих случаях, когда у нас низкая цифра домениальной пашни и дохода с нее, мы можем предполагать очень значительные цифры дохода с пастбищ.

2) Во всех группах и почти во всех графствах, где мы можем отделить рабочие повинности от других повинностей виллана, мы можем констатировать преобладание денежной ренты над отработочной. Наибольшие средние цифры отработочных повинностей дает восточная группа графств, но и там средний процент отработочной ренты сравнительно с денежной выражается максимально в 39%. Цифры снижаются для средней и южной групп

до 23—24%, опускаясь еще ниже на западе и совсем падая в Иоркшире, Нортумбрии и Кенте. Рента продуктами незначительна на всей территории Англии, кроме севера. Таким образом, можно сказать, что в английском феодальном поместьи в середине XIII в., поскольку оно представлено в манорах светских держателей короны, преобладающей формой ренты является денежная. В нашем материале денежная рента составляет никак не менее $^2/_3$ всей рентной массы. Денежные ренты преобладают и среди вилланских повинностей во всей Англии, кроме восточного района.

3) Денежная рента по своему составу может быть разделена на ренту свободных и вилланских держаний. На нашем материале это разделение можно провести, хотя и не всегда. Результат, который мы здесь получаем, также значительно разнится от обычных представлений о манориальной системе. Мы видим, что рента свободных держаний составляет в восточных и центральных графствах — 28—29% всей рентной массы, и не опускается ни в одной из групп ниже 18%, кроме Нортумбрии, где, как мы видели, свободные держания были очень велики, но слабо обложены рентами. В среднем около $^1/_4$ и никак не менее $^1/_5$ всей рентной массы падало на денежные платежи свободных держателей. Известный факт, что свободные держания были в среднем обложены гораздо более легкими рентами, чем вилланские, говорит о значительном проценте свободной земли в общей массе держательских земель. Более точные утверждения рискованны, но во всяком случае мы можем предполагать, что свободные держания, платящие денежную ренту, играли гораздо более видную роль в английской деревне середины XIII в., чем это принято думать. Но основную массу рент составляют денежные ренты вилланов. Английский несвободный крестьянин уплачивал в среднем больше половины своих повинностей деньгами. Этот вывод трудно оспорить: мы видели, что наши вычисления имеют тенденцию скорее уменьшать роль денежной ренты вилланов сравнительно с отработочной.

4) Значительное развитие денежной ренты по сравнению с отработочной ставит вопрос о том, насколько рабочие повинности вилланов могли покрыть потребность домениального хозяйства в рабочей силе. Хотя домениальная пашня была в среднем не велика, но все же она недостаточно обслуживалась рабочими повинностями несвободного крестьянства. Только в трех графствах отношение оценки барщинных работ в пенсах к размерам домениальной пашни в акрах превосходит в среднем цифру 6, которую мы признали за минимальный показатель достаточной насыщенности манора несвободным трудом. Едва ли может быть сомнение, что рабочие повинности вилланов не могли обслужить потребности манора в рабочей силе. Как же удовлетворялась эта потребность? Отчасти оплаченными повинностями (прекариями и т. д.), не учитывавшимися нашим источником, отчасти трудом несвободных дворовых рабочих, хотя это мы имели в виду, устанавливая такую низкую контрольную цифру, как 6 пенсов. У нас есть достаточно оснований предполагать, что уже в середине XIII в. наемный рабочий должен был входить как постоянный фактор в хозяйство большинства маноров.

Мы можем кое-что сделать в смысле локальной дифференциации господствующих типов манориальной структуры. Но здесь следует избегать слишком детальных и точных разграничений, так как в этом случае нам часто придется оперировать с недостаточными количественно и поэтому случайными данными. Надежнее то, что относится к целым группам графств, чем то, что относится к отдельным графствам.

Север выделяется особой структурой манориальной системы. Особый тип преобладает и в Кенте; там есть вилланство, есть и барщины, но их немного. Там сильно развито выделенное луговое, пастбищное и лесное хозяйство домена — это передовой уголок домениального хозяйства в Англии. Но мала барщина и в отсталых углах севера. Выше всего средние размеры домениальной пашни и роль пахотного домениального хозяйства в восточной группе. Отношение домениального (преимущественно пахотного) дохода к рентному здесь в процентах 42 и 58, между тем как уже следующая за нею в этом отношении группа южных Midlands считает только 36 и 64. Значительно выше, чем в других группах, здесь и отработочные ренты, в среднем 36 — 39% рентной массы, между тем как в следующих группах — южных Midlands и южной — рабочие повинности дают всего лишь 23—24%. Ни в одном из графств остальной Англии средняя барщина не поднимается до минимума восточной группы. Возможно, что уровень отработочных повинностей восточной группы снижен в нашем подсчете, так как наш источник не дает возможности учесть отработочные ренты Гентингдоншира, где Сотенные Свитки указывают на высокое развитие барщин. Хотя и в этом районе наблюдается перевес денежных рент, но этот перевес создается денежными рентами свободных держаний. В вилланской ренте денежный и отработочный сектор приблизительно уравновешены. И среднее обеспечение манора барщинной рабочей силой здесь выше, чем в других группах, — в среднем $4\frac{1}{2}$ и во всяком случае не менее $3^{3}/_{5}$ на акр против $2^{7}/_{8}$ южной группы, которая непосредственно за ней следует в этом отношении. Словом, здесь у нас наибольшее приближение к тому «типическому» манору, который описан классической литературой.

Свои характерные особенности восточная группа сохраняет и в XIV в. В таблице Грея [131], рисующей сохранность отработочных рент к половине XIV в., первые четыре места, а также шестое и седьмое занимают графства восточной группы. Расхождения наблюдений Грея с моими касаются Линконшира и Нортгемптоншира, где барщины в большей части маноров не выделяются из общей оценки рент (об ошибке Грея в понимании таких случаев было сказано выше), и Гентингдоншира, где его материал был ограничен всего 4 манорами, из которых три занесены в подозрительную для меня группу D. Таким образом, восточная группа упорно держится за барщины. Надо отметить, что это как раз тот район, в котором развивается крестьянское восстание 1381 г.—Эссекс был его главным очагом. Среди других графств, охваченных восстанием, мы встречаем почти все, принадлежащие к восточной группе — Сеффок, Норфок, Гертфордшир, Кембриджшир, Гентигдон-

шир, Нортгемптоншир, Линкоишир. Эссексом была выставлена Майльэндская программа, основным требованием которой было уничтожение крепостного права и барщины. Вне восточной группы мы видим широкое революционное движение только в Кенте, причем Кент выставляет особую программу (смитфильдскую), выдвигающую, в первую очередь, вопрос о захвате лордами общинных прав и о крестьянском малоземелии. Вне этих графств мы встречаем лишь эпизодические или отраженные волнения, причем они часто направлены против церковных лордов, в Бекингемшире против Сент-Ольбанского аббата, в Бедфордшире — против Денстебльского, в Дерби — против Дельского. О волнениях в остальных графствах нам известно очень мало, особенно же об их массовом характере и о роли в нем крестьянства. В восточном районе наиболее резко выявилось противоречие между превращающимся в товаропроизводителя крестьянином и упорно сохраняющейся барщинно-крепостнической эксплоатацией.

В чем же характерные особенности восточного района и чем он отличается от других районов? Его характеристика уже давалась. Это самый богатый и густо населенный район Англии. В эпоху Книги Страшного Суда в трех графствах — Линкоишире, Норфоке и Сеффоке жило не менее $^1/_4$ всего населения Англии; цифры Lay subsidy 1297 г. и описи, составленные для взимания Poll tax, не оставляют сомнения, что этот характер восточных графств удержался с XI до конца XIV в. [132]. Если прибавить остальные, включенные в этот район графства, то, вероятно, здесь окажется более $^1/_3$, а может быть почти половина всего населения Англии. В этот район входит главный центр хлебного экспорта — Линн и главный потребляющий центр — Лондон. Здесь расположены Норич, Линкон, Кольчестер, здесь происходил ряд ярмарок (в Стоурбридже, Сент-Айвсе, Бостоне). Другими словами — здесь основная масса населения Англии, здесь ряд важнейших центров промышленности и торговли. Здесь наиболее отчетливо выступают предпосылки для развития товарности сельского хозяйства. И в то же время именно здесь мы встречаем наибольшее развитие домена, наибольшие рабочие повинности, наибольшее обеспечение домена крепостным трудом. Традиционная картина манориального строя выступает теперь перед нами как будто в перевернутом виде. Вместо привычной картины преобладания отработочной ренты, постепенно коммутирующейся под влиянием «денежного хозяйства», перед нами преобладание денежной ренты, с сохранением отработочной — в областях наиболее развитого экономического оборота.

Сравнивая полученные нами результаты подсчета разных видов ренты с подсчетами, произведенными на основании Сотенных Свитков, мы найдем, что при известных расхождениях показания обоих источников в общем идут в одном и том же направлении. В Кембриджшире по Сотенным Свиткам отношение денежной ренты свободных держателей, денежной ренты вилланов и отработочной ренты выразится в процентах, как 32—28—40; по IPM—как 45—15—40. В Бедфордшире сумма виланских рент составляет по RH — 61% всех рент, по IPM—59%. В Бекингемшире—76% по RH и 69

по IPM. Цифры для Уорвикшира составляют 23—47—30 по RH и 23—54—22 по IPM. Слабое развитие ренты фригольда по сравнению с виллан-ской рентой в Гентингдоншире вполне подтверждается материалом RH. При скудости IPM для данных графств мы можем быть вполне удовлетворены результатами этой проверки. Значительное расхождение получается лишь для Оксфордшира, где RH дают примерное равновесие между отработочными и денежными рентами виллапов, между тем как в IPM денежные ренты значительно выше отработочных. Но в оксфордширских IPM только 4 описи отделяют денежную ренту виллапов от отработочной.

В целом IPM дают почти неизменно более низкий процент отработочных рент, чем RH, особенно, если мы примем во внимание, что манор в IPM в среднем значительно крупнее манора RH. Нам не однажды уже приходилось отмечать эту особенность нашего источника. Как ответить на вопрос — преувеличивают ли RH роль отработочных рент, или IPM ее преуменьшают? Вернее, повидимому, первое. В отдельных случаях возможно и то и другое. Но во всяком случае IPM подтверждают полученный нами вывод о преобладании денежной ренты в Англии XIII в. Они позволяют при этом перенести наблюдаемый момент несколько назад и показывают, что это преобладание сложилось уже к середине XIII в. Географическое распределение ренты в IPM не расходится с теми выводами, которые дают нам RH. На востоке (Гентингдоншир, Кембриджшир в RH) мы наблюдаем большее развитие отработочных рент, чем в южных Midlands (Оксфордшир, Уорвикшир в RH).

На этом мы заканчиваем анализ материалов, данных нам IPM. Очень большой интерес представило бы сличение IPM для одних и тех же маноров через известные промежутки времени. Такое сличение, если бы его провести в достаточно широком масштабе, могло бы показать общие тенденции развития манориальной системы в том или ином направлении. Начав такую работу, я, однако, скоро оказался вынужденным ее оставить. Получавшиеся здесь результаты оказывались слишком шаткими, даже для самых общих заключений. Прежде всего, неустойчивость тех принципов, по которым производился учет в IPM, не позволяла вполне уверенно отождествлять отдельные статьи двух разновременных описей (это расхождение часто ясно из самого текста). К тому же неопределенность и неточность описей и обилие в них ошибок всегда ставит нас перед опасностью неточность или ошибку принять за перемену. Ошибки и неточности, отчасти стирающиеся при более или менее массовом счете, могут ввести в заблуждение при индивидуальных сравнениях. Наконец, и это самое главное, манор не представляет неподвижной величины — земля стала товаром, она отчуждается, приобретается, манор то увеличивается, то уменьшается. На это много прямых указаний в источнике. Нередки оговорки о новых приобретениях (novum acquisitum), увеличивающих и держания и домен [133]. Нередки также случаи отчуждения, предусмотренные в инструкции исчиторам. Перемены, которые открываются нам из сравнения, могут быть не переменами в

системе хозяйства и в структуре манора, а лишь перемещениями собственности. Все это делает ценность сравнений очень сомнительной. Все же я считаю не лишним поделиться некоторыми наблюдениями, полученными от таких сравнений, хотя и признаю их недостаточную обоснованность. Сравнение было мной проведено по 35 восточным и южным маторам [134]. Я брал их в 60-х или 70-х годах XIII столетия и сравнивал с описями 90-х годов того же столетия. Если можно делать из этого материала какие-нибудь выводы, то мы не можем констатировать определенных тенденций к повышению или понижению домениальной пашни — в 8 случаях из тех, где можно было отметить перемены, мы наблюдаем повышение, в 6 — понижение. При этом оценка акра пашни часто понижается (хотя есть случаи и повышения). Так же неопределенно складываются перемены в пастбищах и пастбищном доходе. Почти неизменно увеличивается луговой доход и размеры лугов. Очень часто замечается значительное понижение лесного дохода, а часто и площади домениальных лесов. Денежные ренты в большинстве случаев возрастают, но их рост не всегда сопровождается понижением рент отработочных, что можно было бы объяснить коммутацией. Иногда мы встречаем и рост отработочных рент, но почти всегда вместе с ростом денежных. Часто отношение между обоими видами ренты остается без перемен Если можно делать отсюда какие-нибудь выводы, то можно говорить о падении лесного дохода, отчасти оттого, что леса вырубаются (об этом нередко говорит источник, отмечая иногда, что лес «amputatus ad terram») [135], а отчасти оттого, что леса огораживаются под парки и отводятся для дичи, отчего сокращается их хозяйственная эксплоатация [136]. Возможно, что вырубка леса производилась иногда с целью расширения пашни, о чем как будто говорит рост денежной ренты. Возрастает мельничный доход, причем пришедшие в упадок водяные мельницы ремонтируются [137] и отчасти заменяются ветряными [138]. Вырастает число мельниц. Можно думать, что лорды начинают внимательнее относиться к баналитетам. В то же время замечается известный рост рентного сектора, причем этот рост, главным образом, приходится на повышение денежной ренты. При этом отработочные ренты меняются мало, то возрастая, то понижаясь. В общем гораздо чаще мы встречаем рост денежных рент, чем отработочных Таким образом, и здесь мы можем констатировать тенденцию к победе системы денежных рент.

Глава VI

БОРЬБА ЗА РЕНТУ В XIII ВЕКЕ

Процесс отделения города от деревни и развития рынка для сельского хозяйства протекал в Англии своеобразно. Деревня медленно отделялась от города, это отделение долго оставалось неполным. Города долго сохраняют полуаграрный характер, деревня упорно держится за домашнюю индустрию Английская торговля и промышленность, особенно торговля шерстью и суконная промышленность, идут в значительной мере мимо городов. Во внутренней и внешней торговле важнейшая роль принадлежала ярмаркам. Из них трехдневная ярмарка в Стоурбридже близ Кембриджа имела европейское значение. Туда съезжались ломбардские банкиры и купцы из Венеции и Генуи, и ганзейцы, и испанцы, и французы со своими товарами. Достаточно известна роль ярмарок в Винчестере и в Бостоне. Был ряд других ярмарок с местным значением. И промышленность в Англии не укладывается в рамки городов. Прядение и тканье обычно производились кустарным путем в деревнях; в городах сукна лишь подвергались отделке. Даже когда суконная промышленность стала перемещаться в города (с конца XIII в.), в деревне продолжали вырабатываться грубые, неотделанные сорта сукон, находившие хороший сбыт и внутри страны, а потом и за границей как полуфабрикат. Купец, связанный с обширным рынком, выступает в качестве организатора этой деревенской промышленности. Таким образом, английские города, кроме Лондона, который издавна имел значение не местного, а национального рынка, не играли той крупной роли, как на континенте Европы. Городская промышленность Англии далеко отставала от городской промышленности Фландрии, Италии, Северной Франции, Прирейнской Германии. Политическая история английских городов бедна и бледна по сравнению с историей городов континента, и не только потому, что в Англии рано создается сильная центральная власть. Но все же к середине XIII в. процесс отделения города от деревни сделал в Англии значительные успехи. Число городов, доходившее в эпоху Книги Страшного Суда до 80, к XIII веку сильно возросло. Эдуард I вызывал в парламент представителей 166 городов. Если

в 1086 г. городское население по скромным подсчетам составляло около 5%, а в 1377 г. около 12% всего населения Англии, то в середине XIII в. процентное отношение было, повидимому, ближе ко второй цифре, чем к первой (даже если не приписывать большого значения силе и продолжительности влияния Черной Смерти) [1]. Лондон в 1377 г. насчитывал до 40 тыс. жителей, средней цифрой для остальных городов было не менее 5 тыс. Эти цифры, вероятно, надо несколько понизить для середины XIII в., но все же они дают нам картину постоянного рынка для сельскохозяйственных продуктов, более или менее равномерно распределенного по всей стране, гуще на юго-востоке, реже на северо-западе. Расстояния между городами, по крайней мере в большей части Англии, были незначительны. К Англии вполне применима характеристика, данная Бюхером средневековой Германии — почти во всей стране крестьянин даже из отдаленного селения мог в один день добраться до городского рынка и к вечеру вернуться домой. Англия была густо усеяна рыночными местечками. Но городской рынок еще более приближался к деревне при посредстве скупщиков зерна (cornmongers) [2]) и скупщиков шерсти (woolmongers), которые могли выходить из среды крестьянства. Как ни затруднительны здесь статистические выкладки, но общее впечатление ясно — страна покрыта местными рынками сравнительно небольшой емкости, но близкими к деревне.

Мне представляется сомнительной периодизация Граса, который считает эпоху до 1100 г. до-рыночной (premarket period), когда излишек хлеба оставался непроданным, эпоху между 1100 и 1250 гг. временем развития манориальной торговли, в которой активную роль играет применяющееся к рынку сеньориальное хозяйство, и эпоху после 1250 г. — эпохой развития местного рынка, обслуживаемого преимущественно крестьянским хозяйством, что связывается с разложением манориальной системы [3]. Мне представляется, что и крестьянское и домениальное хозяйство обслуживали город, начиная с ранних стадий его отделения от деревни; но при этом крестьянское хозяйство обслуживало преимущественно ближайший рынок, а сеньориальное, пользуясь транспортными средствами крепостного крестьянства, располагало в этом отношении гораздо более широкими возможностями. Крестьянская торговля с городом нам мало известна. Хорошо известна зато торговля епископства Винчестерского с Лондоном, широкая сеть, накинутая на юго-восточную Англию системой извозных повинностей Рамзейского аббатства — мы находим здесь averagia в Гентингдон, Сент-Айвс, Кембридж, Ипсвич, Бери-сент-Эдмондс, Кольчестер, Сент-Ольбанс, Лондон, Кентербери [4].

Снабжением мелкого местного рынка роль английской деревни XII—XIII вв. не ограничивалась, она связывалась и с более далекими рынками, причем здесь ведущая роль принадлежала сеньориальному хозяйству. Говоря о лучше известной нам юго-восточной Англии, мы отмечаем здесь: 1) снабжение больших потребляющих центров, в первую очередь Лондона, 2) снабжение хлебом районов, производящих его в недостаточном количе-

стве (главным образом северных скотоводческих районов) и 3) снабжение континентальных рынков.

Вывоз хлеба за границу спорадически встречается уже в XII в., но тогда он еще не оказывал заметного влияния на характер сельского хозяйства. Зато видное место на континентальных рынках занимала уже в то время английская шерсть. Аграрная Англия играет роль деревни не только по отношению к своему городу, но и по отношению континентальной промышленности. Уже в X—XI вв. фламандцы вывозят из Англии грузы шерсти. Со второй половины XI в. рост фландрской промышленности связывается с вывозом английской шерсти. Фламандские купцы едут в Англию с серебром или товарами и возвращаются с грузами шерсти [5]. В Дувре, в Лондоне устраиваются склады, где в сезон стрижки собираются значительные массы экспортной шерсти, закупаемой по всей Англии. С XIII в. вывозные пошлины на шерсть делаются одним из виднейших доходов короны. В 1297 г. парламент заявляет: «Lana Anglie ascendit fere ad valorem medietatis totius terre et vectigal quod inde solvitur ascendit ad quintam partem valoris totius terre». Запрещение вывоза шерсти делается орудием международной политики Англии. В середине XIII в. торговля шерстью в Англии была вполне интернациональна. В 1273 г. в ней принимают участие купцы из Фландрии, Франции, Германии, Испании, Флоренции, Лукки, Пьяченцы. Иностранные купцы, скупщики шерсти, организуются для торговли с Англией, образуется знаменитая Лондонская Ганза. Лондон и юго-восточный угол Англии и географически и экономически тесно связаны с континентом. Фламандское, брабантское, флорентийское сукно расходится по всей Европе, а вырученное за него серебро частью уходит в Англию в уплату за шерсть.

Но и хлебная торговля не замыкалась в тесные границы местных рынков, хотя можно согласиться с Грасом, что в этой сфере местный рынок безусловно преобладал. Для юга и востока Англии, особенно для востока, хлебная торговля с более или менее отдаленными английскими, а отчасти и с заграничными рынками являлась одним из моментов, определявших пути развития феодального хозяйства. Обратимся к хорошо известным Казначейским Свиткам (Pipe Rolls) епископства Винчестерского за 1208—1209 г. В 17 манорах этого епископства было продано в этом году больше половины всего урожая пшеницы, причем в некоторых манорах продано до 86% (Woadhay), 88% (E. Meon) и 92% (Crawley) [6]. Из общей продукции 32 маноров (3 679 квартеров) продано 1 767½ кв., т. е. 48%. При этом 44% пошло на обсеменение полей и, таким образом, лишь около 9% было потреблено внутри епископского хозяйства. Пшеница была по преимуществу рыночным продуктом. Но и другие хлеба в значительной части выбрасываются на рынок (ячмень — 28%, mancorn — 39%; овес — 17%; горох, бобы, чечевица — 38%). Шерсть продавалась почти целиком. В целом, однако, денежный доход от продажи продуктов домениального хозяйства уступает денежной ренте крестьян. Предполагая, что не вся выручка от продажи крестьянами своих продуктов на рынке поглощалась

феодальной рентой, мы можем заключить, что в целом крестьяне епископских вотчин выбрасывали на рынок больше продуктов, чем сеньориальное хозяйство. К концу XIII в. (1299—1300 гг.) процент продаваемого продукта по отношению к производимому еще значительно возрос (для пшеницы до 70%, для ячменя до 39,5%, овса до 34%, ржи до 67% и mancorn до 47%). При этом сильно возрастает урожайность главного рыночного продукта — пшеницы, что, вероятно, достигается повышением техники обработки при некотором сокращении площади запашки. В манорах эрла Норфокского например, в Forncett продавалась большая часть произведенного хлеба, а пшеница продавалась почти вся за вычетом необходимого для посева количества [7] Возможно, что маноры епископства Винчестерского и эрла Норфокского отличались исключительно высокой товарностью. Можно, далее, поставить вопрос о том, насколько цифры «продаж» (vendiciones) в Ministers' Accounts говорят о товарности домениального хозяйства. Под этой рубрикой могут скрываться операции иного характера, не выходившие за пределы манора. Известно значение термина «vendicio operum», замены отработочных повинностей денежными платежами. Под продажей продуктов, получаемых с крестьян в виде мельничного сбора, churchscot и пр , можно нередко понимать коммутацию этих сборов. Продажа хлеба не всегда выходит за пределы манора. В Wistow (Rams.) хлеб «продается» рабочим господского двора (очевидно, делается соответствующая скидка денежной заработной платы), говорится о продажах келарю (celerario) [8]. В отчетах того же Wistow упоминается о продажах лицам, принадлежащим к манору [9]. В Holway и Poundisford — манорах епископства Винчестерского — значительная часть зерна продается вилланам этих же маноров [10]. «Продажа» нередко могла представлять лишь бухгалтерский прием, перенесение той или иной суммы из одной статьи в другую. Но не подлежит все же сомнению весьма значительная связь домениального хозяйства больших вотчин юга и востока Англии с хлебным рынком. Уже в Статьях Баронов 1215 г. мы встречаем требование реформы мер, в том числе и хлебных. В силу § 35 Великой Хартии Вольностей вводится во всем королевстве «una mensura bladi scilicet quarterium Londoniense». Лондонская торговля играла в этом отношении определяющую роль. Необходимо в этой связи указать на значение хлебного экспорта из восточной Англии. По Custom Accounts и Port Books Грас собирает следующие данные для хлебного экспорта из важнейших портов Англии в начале XIV века [11]

Название порта	Дата	Размеры экспорта	Размеры импорта
Бостон	1308—1309	27 кв.	
Бристоль	1303—1310	60 »	
Гулль	1307—1308	3 527 »	
Лондон	1308—1309	888½ кв.	53⅓ кв.
Линн	1303—1309	18 102 кв.	2 116 »
Сандвич	1304—1308	6 930 »	

Цифры очень незначительны. Но у нас есть все основания думать, что они много меньше действительных — много грузов не регистрировалось или регистрировалось неполно в таможенных и портовых книгах. Совершенно ясно, что торговля морем шла почти исключительно из Линна, Сандвича, Гулля и Лондона, т. е. с восточного берега Англии. Главный центр ее Линн [12]. Из Линна хлеб вывозился в Норвегию, Голландию, в Зеландию, Фландрию, Гасконь [13]. Во внутренней торговле хлебом в Англии важнейший путь шел вдоль берега из Линна в Ньюкестль.

Местный рынок для зерновых продуктов все же, несомненно, доминирует. На нем встречается и сеньориальное и крестьянское хозяйство, но последнее в целом преобладает. Об этом говорит больше всего обнаруженное нами преобладание денежной ренты. Экспорт был все же, главным образом, экспортом шерсти; здесь, повидимому, сеньориальное хозяйство играло первенствующую роль. Но развитие коммерческого овцеводства не оказывало еще в то время существенного влияния на характер ренты, так как овцеводство представляло мало трудоемкую отрасль хозяйства; зато оно должно было вести к переполнению общинных пастбищ господскими овцами и заставлять лордов обращать особое внимание на устройство выделенных пастбищ (pastura separabilis). На этой почве развертывалась борьба за общинные земли.

Однако товарное производство зерна в сеньориальном хозяйстве, связывающемся с отдаленными рынками, играет не малую роль в отдельных районах Англии, особенно на востоке. В связи с этим отработочная рента не только не исчезает в этих районах, но даже порой усиливается. Все же в целом баланс, несомненно, складывается в пользу развития денежной ренты.

Нам очень мало известен расходный бюджет крупного феодального владельца, в частности расходование им денег. В вотчинных отчетах мы находим небольшие денежные расходы. Манор мало расходует денег и еще меньше покупает Большая часть денежного расхода идет на заработную плату. Покупаются, главным образом, предметы необходимые для воспроизводства вотчинного хозяйства. Большая часть денежного дохода идет лорду. Как расходовал его лорд, мы знаем мало, но общий подъем жизненного стандарта и культуры господствующих классов в XIII в. заставляет нас предполагать крупные непроизводительные траты. Импорт в Англию предметов комфорта и роскоши сильно возрастает в XII—XIII вв., развивается и местная промышленность. За все должен был заплатить крестьянин — в форме денежной или отработочной ренты. Мы в праве предположить, что в это время нажим на крестьянство с целью усиления доходности вотчинного хозяйства должен был возрасти и на этой почве должна была усилиться классовая борьба в деревне. В исторической литературе много места отводилось вопросу о «феодальной реакции», будто бы наступившей после Черной Смерти и явившейся одной из причин, которые подготовили восстание 1381 г. Наиболее обстоятельный подбор фактов, указывающих на нали-

чие такой реакции во второй половине XIV в., дал Петрушевский в «Восстании Уота Тайлера» [14]. Савин в своей рецензии на первое издание книги Петрушевского указал на то, что те факты, которые приводятся автором, не были новостью, характерной для данной эпохи, а встречаются и ранее [15]. Мне представляется, что Савин в этом случае прав. Не ставя здесь вопроса о «феодальной реакции» второй половины XIV в., я должен отметить, что усиление феодального гнета констатируется и в ряде источников XIII в.; и у нас есть основание отнести начало этого процесса по крайней мере к середине предшествовавшего столетия, если не ранее. Виноградов и за ним большинство историков рассматривают XII—XIII вв. как эпоху окончательного формирования манора, крепостной и барщинной вотчины и, стало быть, общего ухудшения в положении вилланов, сохранявших до этого времени много остатков прежней свободы. Но Виноградов не выясняет причин этого ухудшения и не ставит его в связь с развитием товарно-денежных отношений: для него последние приводят к коммутации и к разложению манориального хозяйства.

Уже норманское завоевание вызвало общее ухудшение положения крестьянства и усиление его эксплоатации; и не только потому, что оно тяжелым катком прошло по пестрым социальным отношениям английской деревни, придавливая их под однообразный феодальный уровень, но и потому, что оно укрепило главное орудие классового гнета — феодальное государство. Теория, вошедшая в классические построения истории политического строя Англии, будто бы королевская власть в Англии соединялась с народом против феодалов, является для нас неприемлемой. Говоря о «народе», историки имеют в виду значительную и влиятельную прослойку мелкого и среднего рыцарства и зажиточного фригольдерства. В их понятии «народа» отсутствует основная масса трудящихся — несвободное крестьянство, которому пришлось на своем горбу вынести и создание сильного централизованного государства при Вильгельме, и реформы Генриха II, и политическую борьбу XIII в., и установление парламента. Каждый новый шаг в усилении английского государства, каждый новый камень в здании английской конституции обозначал новый этап в ухудшении положения трудящихся классов.

Ряд историков (в последнее время Бродниц) выставлял предположение, что английские феодалы, лишенные политической власти в силу раннего развития централизованного государства, устремили вследствие этого всю свою энергию на экономическую деятельность и стали усиленно разрабатывать ресурсы своего вотчинного хозяйства [16]. Связь между развитием государства и вотчинного хозяйства рисуется нам иначе. Стремление феодальных лордов извлекать возможно большие доходы из своих вотчин заставило их сплотиться в сильное государство и всячески укреплять это орудие классового господства. Города и верхушка свободного крестьянства поддерживили этот порядок. Масса крестьянства отдавала увеличенную ренту лордам, несла лишние дни барщин и оплачивала расходы на государство

своих угнетателей. Эпоха Стефана показала господствующему классу в целом, что в его интересах сплоченность и организованность. К тому же он начал уже связываться с рынком. Усобица прежде всего расстраивала вотчинное хозяйство. Уолингфордское соглашение 1153 г. обещало восстановление разоренных вотчин. Надежды феодалов возлагались на короля: «Rex colonos praediis assignabit, aedificia combusta renovabit, replebit pascua armentis, decorabit ovibus montana»! [17].

Царствование Генриха II должно было выполнить эти обещания. Оно представляет новый шаг по пути организации и сплочения феодального государства и угнетения трудящихся классов. Судебные реформы Генриха II, несомненно, были важнейшим шагом на пути укрепления королевской власти; они внесли в судопроизводство новые процессуальные формы, представлявшие до этого времени королевскую прерогативу; они создали более надежные гарантии восстановления нарушенных прав, чем это имело место в судах сотен и графств и в феодальных куриях. Но блага новых судебных порядков были дарованы не всему населению. Большая часть его была отстранена от пользования ими. Правило об exceptio villenagii в сущности делало новые суды бесполезными для вилланов. Платность судебной процедуры, оплата королевского breve, делала новые суды доступными лишь для более или менее состоятельных. Magnum emolumentum iustitia. Классовый характер реформы вполне ясен. Ассиза о новом захвате представляла огромный шаг вперед в развитии гражданского права, но большая часть населения в лице вилланов и бедняков была поставлена вне этого права. Exceptio villenagii не только ставит большинство трудящегося населения вне защиты королевского права — оно создает почву для обращения в вилланство тех слоев трудящегося населения, которые могли еще считать себя свободными. Резкая граница, которую реформы Генриха II провели между свободными и креностными, привела к новой нивеллировке крестьянства, направленной на закрепощение еще значительных промежуточных слоев, лежавших между свободой и крепостью. В записной книге Брактона мы находим случаи, когда в виде ответа на ассизу о новом захвате ответчик стремится выставить истца своим вилланом [18].

Граница между крепостными и свободными была до крайности неясна, даже для судей, которые не очень спешили с ее определением, так как эта неясность представляла не малые удобства для классовой юстиции. Несомненно, неопределенность повинностей, повинности «на воле лорда» представляли один из основных признаков вилланства. Но не всегда было ясно, какие повинности считать «на воле лорда». Другие признаки были не менее шатки. Судьи, в полном согласии с интересами вотчинного хозяйства, были склонны признать важнейшим признаком вилланства отработочную ренту: эта форма ренты требовала наибольшего бесправия крестьянина. Суды лишают защиты ту часть крестьянства, которая должна подвергнуться наиболее суровой эксплоатации в связи с намечающейся в это время тенденцией к возрастанию барщин в крупных церковных и светских вот-

чинах. В манориальной курии, даже в суде сотни и графства, крепостной часто стоял рядом со свободным. В королевском суде ему нет места; гражданские иски вилланов против третьих лиц, несомненно, исключительные случаи и могли встретиться, главным образом, в практике крестьянской верхушки. Та «искусственная кристаллизация права» [19], которая явилась результатом деятельности королевских судов, несомненно вела к ухудшению положения широких слоев трудящихся, к отделению их высокой стеной от полноправного меньшинства. Развитие общего права несло новые удары вилланам. Юридическая теория английских судей XII—XIII вв. резко враждебна к вилланам. Гланвилль отрицает у виллана всякую собственность, вследствие чего виллан не может на свои деньги выкупаться на свободу «Posset enim a domino suo secundum ius et consuetudinem regni ad villenagium revocari, quia omnia catalla cuiuslibet nativi ita intelliguntur esse in potestate domini sui» [20]. Dialogus de Scaccario трактует вилланов как собственность господина и вообще говорит о них с величайшим презрением [21]. Брактон приравнивает виллана к римскому рабу Эта прямолинейность в применении норм римского права к сложной феодальной действительности поражала историков как случай крайнего несоответствия между теорией и жизнью. Но зачем юристам XII—XIII вв. понадобилось выдвинуть эту теорию? Мне кажется, что они были гораздо ближе к жизни, чем это принято предполагать. Приравнивая виллана к римскому рабу, отрицая у него какие бы то ни было права на собственность, объявляя его и его имущество собственностью господина, отказывая ему в иске против господина, королевские судьи выражали вполне определенные классовые интересы. Эпоха Гланвилля, а еще более эпоха Брактона — время усиленного нажима на крепостное крестьянство со стороны крупного землевладения с целью увеличения феодальной ренты в связи с общим развитием товарности сельского хозяйства. Развивающему барщинное хозяйство лорду нужно было крестьянское бесправие, как отрицание за виллаком прав на землю; нужно было лорду, захватывающему общинные угодья в свое исключительное пользование или для сдачи их за деньги. Мертонский статут предоставил лордам широкие права на огораживание общинных земель, оговаривая лишь права свободных держателей. О вилланах умалчивается — и здесь в силе «exceptio villenagii» [22].

Мы не можем говорить об «отвлеченной юридической теории» бесправия вилланов, поскольку королевские суды проводили ее на практике. Виллан мог получить охрану своих прав лишь в манориальной курии. Но там лорд являлся не только тяжущейся стороной, но и судьей. В исторической литературе роль манориальной курии и манориального обычая, как органов защиты прав вилланов, была крайне преувеличена. Решения манориальной курии и нормы поместного обычного права могли связывать крестьян, но в весьма малой степени связывали лорда. Виноградов полагал, что фактически обычное право ограничивало права лорда, что случаи нарушения им установленных обычаем крестьянских прав были редким исключением.

Но эти ограничения все же не имели юридической силы и опирались, с одной стороны, на опасения лорда вызывать восстание или бегство крестьян или же на господствовавшие этические представления. Иначе подходит к этому вопросу Петрушевский, исследовавший делопроизводство манориальных курий герцогства Ланкастерского. Он полагает, что в манориальном обычае мы имеем дело с настоящими правовыми нормами; что не воля лорда, а настоящий гражданский процесс регулировал отношения внутри манора; что манориальный обычай давал виллану охрану его владельческих прав, ничем не уступающую той, которой пользовался в королевских судах свободный держатель, и что эта охрана была действительна против всех, кто находился под юрисдикцией курии и косвенно против лорда. Петрушевский приходит к заключению, что официальная юридическая теория «совершенно неправильно конструировала весь жизненный уклад поместья и в своем стремлении свести все к возможно более простым категориям вполне игнорировала все то, что более всего характерно для него»[23].

Другого взгляда держится Мэтланд. По его мнению отличительной чертой вилланского держания является неопределенность повинностей. В этом отношении манориальный обычай не дает виллану никаких твердых гарантий. Обычай открывает широкие возможности для господского произвола. Этические мотивы, по мнению Мэтланда, не могли играть той роли, которую им приписывает Виноградов. Религиозные учения той эпохи не ставили препятствий эксплоатации вилланов [24].

Еще определеннее высказывается Коультон, отмечающий слабость той защиты, которую манориальный обычай мог давать виллану. Повинности виллана плохо фиксированы. Значительная часть взиманий, накладываемых лордами на вилланов, вообще не могла быть точно определена (штрафы, баналитеты, пошлины и прочие «consuetudines non taxatae»). Манориальный обычай крайне растяжим и допускает широкий простор для произвола лорда. Коультон подчеркивает бесправное и бедственное положение средневекового крестьянина [25]. В статье, специально посвященной вопросу о классовом характере манориальной юстиции, Звавич [26] развивает идею Мэтланда об особом характере этой юстиции — она представляла один из важных видов дохода лорда. Помещик был «продавцом-монополистом того товара, который назывался манориальной юстицией». Сопоставляя судебные протоколы ряда манориальных курий, автор приходит к заключению, что защита крепостного населения обычным правом в английской деревне на рубеже XIII—XIV вв. была далека от полноты, да и само обычное право допускало широкие возможности помещичьего произвола. Автор полагает, что в это время уже начался процесс разложения феодального поместья, обострявший борьбу между лордами и крестьянством и нарушавший ту «конституционность», которая создалась в английской средневековой деревне на почве обычного права. Практика манориальных судов конца XIII и начала XIV вв. начинает итти по пути, предуказанному легистами XIII в. Сопротивление вилланов не встречает поддержки со стороны государства

и закона. Через полвека это движение выливается в форму восстаний и уничтожения манориальных документов.

Анализируя обычное право XVI в , Савин приходит к выводу, что манориальный обычай складывался в общем невыгодно для держателей, так как он возник «в пору преобладания воюющего и правящего меньшинства, которое долго было в силах налагать свою волю на плохо организованное и рабочее большинство». Юридическая почва для исчезновения копигольдеров была создана общественными отношениями XII и XIII вв. [27].

Мы не можем принять представления о «хозяйственной гармонии» между господским хозяйством и крестьянской общиной. Не подлежит сомнению, что классовая борьба обостряется с развитием товарности сельского хозяйства, но также несомненно, что она неотделима от феодального производства. Совершенно очевидно, и это прекрасно выразил Маркс, что медленность развития производительных сил в феодальном обществе создает здесь господство традиции, обычая. Этот обычай складывается, в целом, неблагоприятно для эксплоатируемого «рабочего большинства» и охраняет, в первую очередь, интересы «правящего меньшинства». Но при постепенном ухудшении положения трудящихся классов обычай, фиксирующий более раннюю и меньшую степень эксплоатации, может до известной степени служить защитой против попыток усилить эту эксплоатацию. Известная охрана прав крестьянина совершенно неизбежна при господстве феодального производства· крестьянин должен сидеть на наделе и иметь необходимый инвентарь, ему должно быть обеспечено воспроизводство его рабочей силы и его хозяйства, если он является объектом феодальной эксплоатации Манориальный обычай устанавливает урегулированную и упорядоченную форму эксплоатации, отправляясь от традиционных мало подвижных отношений производства. «Ясно, что при том примитивном и неразвитом состоянии, на котором покоится это общественное отношение производства и соответствующий ему способ производства, традиция должна играть преобладающую роль. Ясно, далее, что здесь, как и повсюду, господствующая часть общества заинтересована в том, чтобы санкционировать существующее как закон, и его границы, данные обычаем и традицией, фиксировать как законные. Это же — оставляя в стороне все другое — делается, впрочем, само собою, раз постоянное воспроизводство базиса существующего состояния, лежащего в его основе отношения, приобретает с течением времени урегулированную и упорядоченную форму; и эти регулярность и порядок сами суть необходимый момент всякого способа производства, раз ему предстоит приобрести общественную устойчивость и независимость от простого случая или произвола. Урегулированность и порядок являются именно формой общественного упрочения данного способа производства» (Маркс) [28].

Вполне очевидно, что господство натурально-хозяйственных отношений создавало известные границы для эксплоатации крестьян Но ни господство традиции и обычая, ни урегулированность и упорядочение процесса

воспроизводства феодальных отношений не создавали непреодолимых препятствий для роста феодальной эксплоатации. С манориальным обычаем мы знакомимся преимущественно по памятникам XIII в. Но в этот век происходит непрерывное ухудшение в положении крестьян, и манориальный обычай не является к этому препятствием.

Манориальный обычай упорядочивал эксплоатацию вилланов, охранял порядок и дисциплину внутри крепостной общины, обеспечивая бесперебойное поступление феодальной ренты. Но он очень мало стеснял «voluntas domini», под регулирующим воздействием которой он и сложился. Прежде всего, как много раз отмечалось исследователями этого вопроса, он оставлял весьма широкие границы для усиления феодальной ренты. Размеры целого ряда весьма существенных повинностей оставались на воле лорда. Такие обременительные для крестьян повинности, как извозные, очень часто были на воле лорда в Англии XIII в., как и во франкском государстве IX в. Но и другие отработочные ренты фиксировались далеко не всегда. Еще меньше были фиксированы денежные ренты. Если redditus assisae представлял более или менее неподвижную величину, то tallagium чаще всего был на воле лорда. Гериот, допускная плата, пошлины при переходе земли из рук в руки часто были произвольными. Но даже и фиксированные повинности, которые были занесены в экстенты, составленные по показаниям старейших и опытнейших крестьян, нередко возрастали, как мы видим, например, из сопоставления размеров недельных работ в Рамзейских экстентах XII и XIII вв. [29]. Весьма вероятно, что на этой почве шла внутренняя борьба в манориальной курии, и что крестьяне пробовали опереться на манориальный обычай. Но, — и это самое существенное, — манориальный обычай не связывал лорда или связывал его лишь постольку, поскольку это было ему угодно. Манориальная курия не располагала никакими юридическими средствами, чтобы заставить лорда подчиниться своим решениям. Можно вполне согласиться с Мэтландом, что этические и религиозные представления не устанавливали для лордов обязательства не повышать феодальной ренты. Оставались такие средства, как бегство и прямое сопротивление. Такие случаи были, насколько можно судить, нередки, но тогда государство отказывалось от своей политики невмешательства в отношения между вилланами и лордами и оказывало последним всемерное содействие [30].

Можно ли видеть в юридической доктрине XII—XIII вв. лишь прямолинейное развитие известных юридических принципов, приводящее в противоречие с действительностью [31]? Гораздо правильнее охарактеризовать эту доктрину как стремление изменить эту действительность в соответствии с новыми принципами, выдвинутыми классовым интересом. Общему нажиму на крестьянство соответствовало провозглашение крестьянина-виллана рабом, а его имущества — собственностью господина. При этом теория не оставалась просто теорией. Она проводилась в судебной практике, строго отделявшей виллана от свободного. Правда, виллан пользовался известной судебной защитой, — но не был лишен ее в последние века Империи.

и раб Перед нами серьезная попытка порабощения вилланов, попытка, опирающаяся на авторитет и мощь государства, на систему королевских судов, на доктрину ученых знатоков римского права. Гланвилль и Брактон слишком близки к жизни, слишком близки к судебной практике, чтобы их можно было обвинить в отрыве от действительности. Юридическая теория вилланства — плод нового этапа в развитии феодальной эксплоатации, связанного и с ростом феодальной государственности. Римское право играет здесь ту же роль, которую оно играло повсюду в средневековой Европе. «Первое всемирное право общества, состоящего из товаропроизводителей, римское право с его тончайшей разработкой всех существенных противоречий простых товаровладельцев, купли и продажи, ссуды, долга, договора и прочих обязательств» [32] давало Западной Европе не только новую систему правоотношений, соответствующую развивающемуся товарному хозяйству, но и политические учения, отвечавшие новому этапу в развитии государства, и новое идеологическое орудие для повышения эксплоатации трудящихся классов. Но все это не оставалось в теории, а стремилось воплотиться в жизнь. «Прямолинейное» приложение к феодальной действительности римских понятий собственности и рабства, было в действительности борьбой господствующего класса за повышение феодальной эксплоатации, за повышение феодальной ренты [33]. Королевские суды держались по отношению к вилланам следующих положений: «вилланское держание — это когда человек не знает вечером, что он будет делать утром»; «все, что принадлежит виллану, принадлежит его господину»; «держать в вилланстве — значит держать по воле лорда» [34]. Манориальный обычай не имел веса в глазах королевских судов, пока начавшееся обезземеление крестьянства не вызвало у феодально-абсолютистского правительства XV—XVI вв. опасений за самую основу феодального производства, опасений, в не малой степени определявшихся растущим недовольством и волнениями среди крестьянства. Тогда суды — сначала Справедливости, а потом и общего права — берут на себя охрану манориального обычая. Но этот обычай так мало охранял интересы крестьян и суды были так сильно проникнуты классовыми тенденциями, что их деятельность не принесла крестьянству заметного облегчения.

Манориальный обычай не мог стать охраной для крестьян и не стал ею Манориальная курия была в гораздо большей степени аппаратом для поддержания крепостной дисциплины среди крестьян и для извлечения из них добавочной денежной ренты, чем органом охраны их имущественных и личных прав. С развитием королевской юстиции она все больше становится чисто вилланской курией [35]. Свободные держатели могли обратиться к защите королевских судов; некоторые лорды заводили к тому же особые курии для своих свободных держателей Посещение манориальной курии ложится на некоторые свободные держания, но далеко не на все. Марлбороский статут 1267 г устанавливает правило, по которому ни один фригольдер не обязан посещать курию лорда, если это не включено в хартию, определяющую

условия его держания или если посещение им курии не ведется с давних пор (ранее 1230 г.) [37]. Свободные держатели всячески уклонялись от этой обязанности, не представлявшей для них никакого интереса, и считали, что посещение курии вообще не может требоваться со свободных [38]. Развитие общего права все более вырывало пропасть между свободным и виллаком, все более понижая социальный статус последнего.

Предоставляя виллана воле лорда, государство все же не перестает эксплоатировать его и в своих целях. При распределении налогов имущество вилланов оценивается и облагается государством особо, несмотря на то, что юридическая теория признает это имущество собственностью господина. Государственные налоги собирались с вилланов агентами государства, а не лорда; hidagium и geld падали, главным образом, на земли вилланов. Виллан связан и с организацией военного дела. Поэтому и государство дает известную защиту виллану, воспрещая даже лорду его убивать, калечить или разорять, лишая необходимых орудий производства (waynagium).

Несмотря на нивеллирующее воздействие норманского завоевания и на столетие работы королевских судов, к концу XIII в. граница между виллаком и свободным все еще не ясна. Между теми и другими лежит слой свободных держателей вилланской земли, которые легко могли попасть в число вилланов [39] и всякого рода «сокменов». Виллайство продолжает расти: для вилланского держания не требовалось давности, как впоследствии для копигольда. Лорд мог создавать его путем выделения частей домена или сдачи на вилланском праве держаний, прежде бывших свободными. Вилланство растет даже на старинном домене короны, пополняясь пришлыми элементами (adventitii [40]). Во многих вотчинах есть прослойки крестьян, о которых трудно сказать, свободные они или вилланы, и которые могут считать себя свободными, пока вотчинная администрация не докажет им противного. В вотчинах аббатства Сент-Ольбанс положение вилланов в XIII в. носило много черт свободы; статус многих из них не всегда был ясен. В XIV в. они требовали восстановления статуса, в котором они находились при Генрихе III. Они полагали, что их статус понижается и документы позволяют предполагать, что они были правы [41]

В XIII в. мы наблюдаем процесс превращения всякого рода «сокменов» в вилланов. По этому поводу идут непрерывные столкновения между лордами и крестьянами; последние считают себя сокменами, лорд настаивает на их вилланстве. Такого рода дела нередко доходят до судов. В тех случаях, когда крестьяне несли барщинные повинности, им трудно было доказать перед судом свое сокменское звание и отстоять право на судебную защиту. Виноградов отмечает, что суды в XIII в. были в основном против признания свободными держаний, обремененных отработочными рентами [42]. При этом достаточно было сравнительно незначительных отработочных рент, чтобы держание было признано вилланским. В Записной книге Брактона приведен случай, когда держатель признает себя, сверх денежной ренты, обязанным тремя днями пахоты и тремя днями жатвы. Суд счел это дер-

жание вилланским «quia illa sunt servilia et ad villenagium spectantia et non ad liberum tenementum» [43]. Такого рода повинности несли не только многие сокменские, но и многие несомненно свободные держания Линия, принятая судами по отношению к определению вилланства, может быть сформулирована так: лорд имеет право неограниченно повышать ренты тех крестьян, которые находятся на барщине, повышать отработочные ренты. Процесс превращения сокменов в виллапов, т. е. в основном процесс замены фиксированных повинностей произвольными, мы можем наблюдать в Сотенных Свитках 1279 г. на примере манора Swaffham Prioris, принадлежащего приору Илийскому. Приор переводит свободных сокменов этого манора с фиксированного меркета и гериота на произвольные [44]. Обычай не мешает здесь переходу от фиксированных повинностей к произвольным. Стремление перевести сокменов, крестьян с закрепленными обычаем и охраняемыми законом рентами на положение вилланов с неопределенными, зависящими от воли господина рентами, встречается в документах нередко. Джекоб Пентон (Painton) привлечен в 52 году царствования Генриха III к суду держателями манора Greinton в Нортгемптоншире: они и их предки держали свои земли в маноре за определенные ренты (certas consuetudines), а Джекоб выгнал их с наделов (de terris suis eiecit). Они считают себя liberi sochemanni, держащими за определенную ренту (certum servicium), а именно за 44 d. с виргаты, две пахоты, из которых одна — осенью — на господских харчах, а другая — без харчей, и еще с каждых 2 виргат по одному рабочему дню жатвы и косьбы. Они могли оставлять прожиточное (dotare) своим женам и отчуждать свои земли по своему желанию. Джекоб заставил их нести в его пользу новые повинности и лишил их прав по распоряжению наделами. Джекоб заявил, что они держат от него землю per villenagium. Не видно, чтобы это заявление было проверено, но жалоба была оставлена без последствий. Здесь истцы также несут некоторые рабочие повинности, и это могло стать предлогом для объявления их вилланами. Иногда, впрочем, крестьянам удается отбить покушения лордов на их свободу. Так, в 45 году Генриха III двое лиц из Nortesseby, Northants, за себя и других держателей той же виллы ведут тяжбу с Сибиллой Mares По указаниям присяжных, покойный муж Сибиллы в течение 7 лет не требовал с держателей никаких повинностей, кроме обычных (debita et consueta), но потом заставил их платить произвольный tallagium и взимал его два года ad plus et ad minus. Держатели подали на него в суд в Вестминстер и настояли на снижении tallagium до 21 d. Этот же лорд штрафовал держателей по своему произволу, помимо курии (non per pares suos). Эти держатели были свободны и могли свободно отчуждать свои наделы. Мы видим здесь, как обязательство держателей уплачивать tallagium делается для лорда отправным моментом для попыток закрепощения [45]

Процесс усиления крестьянской крепости продолжается в XII—XIII вв., и крайняя неопределенность границы между свободным и крепостным состоянием этому благоприятствовала. Привилегированное положение, которым

пользовались крестьяне во многих королевских манорах, отменяется при переходе этих манеров в руки частных лордов. Так, в конце царствования Генриха III манор Wytecok в Лестершире был дан в опеку Петру Невилю. Новый лорд заявил, что держатели манора не королевские сокмены, а вилланы, «выбросил их из домов» (ipsos a domibussuis eiecit) и захватил их имущество. Кроме того, он заставил их нести повинности (consuetudines et servitia — в их числе, несомненно, были и барщинные), которых по обычаю не несли ни они, ни их предки. Присяжные показали, что эти держатели были вилланами некоего Регинальда Нортона; и потом при короле Иоанне манор, путем обмена, перешел в руки короны (стало быть, он не старинный домен). При короле они платили только по 4 шиллинга с виргаты и tallagium, когда король накладывал tallagium на все свои манеры. Но они не сокмены, а вилланы короля и потому обязаны нести вилланские повинности. Им отказано в иске, но Петру Невилю сделано внушение, чтобы он во время своей опеки их не разорял [46].

Аналогичный случай приводится в Записной книге Брактона. Крестьяне жалуются на лорда, что он требует с них «других повинностей, чем те, которые они обязаны нести и обычно несли в те времена, когда манор находился в руках предков нынешнего короля» (Генриха III). Суд установил, что истцы — вилланы, и что они несли вилланские повинности и платили принудительный tallagium уже при Генрихе I. Поэтому им предписывается и впредь нести вилланские повинности, а шерифу вменяется в обязанность их к этому принудить. Процесс относится к 1237—1238 гг. [47].

В 7 году Эдуарда I люди манора Clendon (Surrey) жалуются на своего лорда, Джона Attewater, что он требует от них других повинностей, чем те, которые они всегда выполняли при прежних королях, когда манор был в руках самих королей. Джон признан правым, и ему выдан приказ к шерифу «quod permittat eum distringere villanos suos ad faciendas et consuetudines et servicia sibi debita» [48].

В том же году разные держатели из Alvergate и Wyklinton жалуются на Роджера Биго, графа Норфокского, маршала Англии, что он разорил их дома и вырубил их леса. Роджер заявил, что они жалуются на него не в первый раз: они уже приносили на него жалобу, что он требует с них новых повинностей сверх тех, которые они исполняли в то время, когда эти маноры были в руках прежних королей. Они считают себя королевскими сокменами, а лорд утверждает, что они уже не королевские сокмены. В иске отказано.

До нас дошли лишь немногие эпизоды этой борьбы, в которой крестьяне отстаивали свои закрепленные стариной права и, прежде всего, фиксированность повинностей от стремления лорда сделать эти повинности произвольными, зависящими исключительно от его воли. Правило, отказывающее виллану в иске против лорда, не допускало большинства таких дел до судов. Но в тех случаях, когда крестьяне соединяли со своими исками притязание на принадлежность к «привилегированному вилланству», к числу держате-

лей старинного домена короны, — такие дела доходили до судов и сохранились в судебных протоколах [49]. Не мало таких случаев и в Записной книге Брактона, очень много в Placitorum Abbreviatio.

Всюду дело возбуждается из-за возвышения лордом повинностей, и почти всегда суд принимает сторону лорда. В 4 году Эдуарда I держатели манора Suthanton в Девоншире жалуются на своего лорда, Ричарда Pultimor, что он увеличил их повинности, и заявляют притязание на принадлежность к старинному домену. Суд решил дело в пользу лорда [50]. В 4—5 году Эдуарда I держатели манора Headington в Оксфордшире приносят жалобу на Hugo de Plessett, что он требует от них новых повинностей, и при этом ссылаются на свою принадлежность к старинному домену [51]. Очень интересное дело разыгрывается около этого же времени между держателями манора Tavistok (Девоншир) и Galfr. de Caunvill все по тому же поводу — quod exigebat de eis alia servicia quam debita. Дело в том, что этот манор действительно старинный домен короны. Однако, суд отказал жалобщикам уже два раза на том основании, что: 1) в Книге Страшного Суда не указано, что в данном маноре были, кроме сервов и вилланов, еще и сокмены (совершенно фантастическое требование), и 2) жалобщики — потомки не коренных держателей манора, а пришельцев (adventitii), что установлено путем расследования, и как таковые «находились в крепостном состоянии и несли произвольные повинности» (fuerunt servilis condicionis faciendo incerta servicia). Держания их были на воле лорда. Первый процесс был начат еще против прежнего лорда Генриха de Tracy и довольно давно, так что тогдашние судьи уже все умерли. Суд в третий раз отказывает жалобщикам и постановляет, что держания их в данном маноре — крепостные (quod... teneant predicta in predicto manerio per servilia servicia), хотя самих их признает лично свободными (salvo statu corporum suorum) и предоставляет им брать или не брать эти держания. И впредь они не должны домогаться определенных повинностей (certum statum). Гальфрид получает бреве к шерифу с предписанием «принуждать этих людей к отбыванию вилланских и крепостных повинностей» (villanas consuetudines et servilia servicia), всякий раз как они станут оказывать сопротивление (quociens fuerint rebelles) [52]. В том же 7 году Эдуарда I держатели аббата Rading в Blebury (Berks) ведут тяжбу против своего лорда, утверждая, что они принадлежат к старинному домену короны. Суд отказывает в иске, даже без справки в Книге Страшного Суда, на основании ошибки в жалобе, — по словам истцов, манор принадлежал Генриху II, а аббат принес грамоту дарения от имени императрицы Матильды [53].

В 8 году Эдуарда I шла длинная тяжба между держателями манора Стивентона, принадлежавшего к старинному домену, и аббатом Бекским — все о том же — по поводу требования новых повинностей (servicia non consueta). Присяжные дают показание относительно повинностей и держатели принуждаются к их отбыванию [54]. В таком же процессе, который держатели манора Hafunt вели против приора монастыря св. Суитина в Винчестере,

дело решается справкой в Книге Страшного Суда — манор не представлял старинного домена короны [55]. В 9 году Эдуарда I суд, справившись в DB, вынес решение против держателей манора Coton в Ноттингемшире, притязавших на старинный домен, и предписал шерифу заставить их нести те повинности, которые требовал от них лорд [56]. В процессе держателей манора Massing в Эссексе против аббата Уольтамского, в 13 году Эдуарда I; такая же справка доказала неправильность притязаний крестьян на старинный домен. Держатели признали себя виллланами аббата [57]. Справки в Книге Страшного Суда делались иной раз заведомо неправильно и притом, конечно, не в пользу крестьян. В этом отношении интересен процесс между аббатом de Becco Herlewin и держателями манора Okeburn Regis (Уильтшир) в 5 году Эдуарда II. Дело в суде — во второй раз, и опять решается не в пользу истцов. Аббат утверждает, что истцы — его виллланы и он не обязан отвечать. В Книге Страшного Суда нашли два манора с именем Okeburn — один Okeburn Regis, королевский, а другой — Милона Crispin и решили, что данный манор именно тот, который принадлежал Милону, что, очевидно, было неверно. Точно так же проигрывают дело держатели аббатства Bitlesden в Boycott в Бекингемшире в 5 году Эдуарда I [58], держатели манора Langare в Нотингемшире в 7 году Эдуарда I [59], держатели манора Cholinton в Сессексе в 8 году Эдуарда I [60], держатели Мертонского приора в Shelfwode (Серри) в 10 году Эдуарда II [61], держатели манора Southwalsham в Норфоке в 17 году Эдуарда II [62], держатели манора Boyscyate в Нортгемптоншире в процессе против аббата St. Jacobi в Нортгемптоне в 9 году Эдуарда II [63]. Случаи выигрыша дел держателями крайне редки — потому ли, что их юридическая позиция обычно была не тверда, потому ли, что суд твердо руководился классовым принципом. Редкий случай решения дела не в пользу лорда мы находим в 4 году Эдуарда I, когда держатели Уильтширского манора Alington жалуются на приора Farley, что он требует с них новых повинностей. Суд устанавливает, что Alington является старинным доменом короны и решает дело в пользу держателей. Присяжные установили список обычных повинностей [64].

В редких случаях в результате тяжбы достигается соглашение между лордом и держателями (например между 15 держателями и лордами манора Shirefeud в Гампшире во 2 году Эдуарда I [65], между лордом и держателями манора Hedington в Оксфордшире в 5 году Эдуарда I [66]. В Placitorum Abbreviatio есть еще ряд указаний на процессы, которые ведут держатели против лордов, повышающих их повинности, причем жалобщики ссылаются на права старинного домена: процесс держателей манора Hagling в Гампшире в 9 году Эдуарда II [67], держателей манора Leighton в Бедфордшире в 18 году Эдуарда I против аббатиссы de Fonte Eborardi и приора de Grava, причем держатели жалуются, что их заставляют нести не те повинности, которые они отбывали во времена Генриха II и Ричарда I [68], процесс держателей манора Wedon Bec (Нортгемптоншир) против приора Okeburn в 25

году Эдуарда I [69] В ряде случаев процесс начинается крестьянами без ссылки на права старинного домена. Очевидно, они или не считают себя виллапами или наивно ждут защиты вилланских прав от королевской юстиции. Виноградов приводит дело из Placita coram Rege в 3—4 году Эдуарда I. Вилланы жалуются суду па увеличение их повинностей лордом и на ограничение их в пользовании угодьями. Они говорят, что готовы отбывать все повинности, которые отбывали их предки, но что теперешний лорд наложил па них невыносимые службы и повинности (intolerabiles servitutes et consuetudines). Дело решается заявлением ответчика, что истцы — его виллапы [70]. В 7 году Эдуарда I лорд манора Garthorpe в Лестершире и его жена были привлечены к суду тремя держателями этого манора по обвинению в увеличении повинностей. Ответчики заявляют, чт данные лица их виллапы [71]. Такого рода жалобы идут длинной вереницей в Placitorum Abbreviatio (между аббатом Tychefeud и его держателями в South Tychefeud в 13—14 году Эдуарда I, между аббатиссой de Tarent и держателями манора Ringeshusseburn в Гампшире в 25 году Эдуарда I, между магистром Rad. Germayne и держателями манора Bampton в Оксфордшире в 35 году Эдуарда I [72]) Жалобы па увеличение рент встречаются и в Сотенных Свитках; так, присяжные отмечают, что в маноре Draycot в Оксфордшире вилланы обязаны были платить 8 шиллингов с виргаты и работать 6 дней во время покоса и осенней уборки, но эти повинности были неправильно увеличены фирмарием Joh. de Tywa, державшим манор при деде теперешнего владельца. Присяжные внесли эту жалобу в свитки; суд признал бы ее неосновательной [73].

Мы должны помнить, что перед нами мелкий фрагмент борьбы английского крестьянства за фиксированную ренту. Виноградов, полагая, что многие из жалоб крестьян были преувеличены, все же думает, что в целом они недостаточно отражены в источниках [74]. Лорды ведут дружный натиск на массу трудящихся, не на словах и не только в теориях, а на деле, проводя доктрину о праве произвольного обложения крестьянина рентой, при ревностной поддержке государства в лице его ученых судей. Весьма значительную роль среди притеснителей крестьянства играют духовные лорды. Лишь очень редко споры такого рода могли доходить до судов, а мною использована лишь незначительная часть судебных дел того времени, собранная в весьма неполном и несовершенном сборнике конца XVI и начала XVII вв. — Placitorum Abbreviatio, отчасти в Записной книжке Брактона. Деятельность королевских судов должна была содействовать закрепощению все еще значительных прослоек полувилланов, окончательно обращая их в бесправных в глазах закона вилланов. Все последовательнее проводится доктрина, что сущностью вилланского состояния является полная подчиненность воле лорда в отношении как повинностей, так и земельных прав. Важнейшим же признаком вилланства является отбывание рабочих повинностей. Господствующий класс при помощи своего классового органа последовательно порабощает ту часть крестьянства, которая несла

отработочную ренту. Было бы, однако, ошибкой думать, что возвышение рент касалось только рабочих повинностей Хотя в большинстве случаев выражения судебных документов слишком суммарны и формальны, чтобы за ними можно было рассмотреть конкретное содержание крестьянских жалоб, по норою мы можем определить, какие ренты повышены лордом и на сколько. Случаи повышения денежных рент нередки в документах. В 26 году Генриха III держатели Стаффордширского манора Wytlemore жаловались на своего лорда (W. Burgillun).

Ссылаясь на свои права держателей старинного домена, они утверждали, что каждая виргата обязана платить лишь 4 шиллинга и не несет больше никаких повинностей. Лорд манора требовал с каждой виргаты по 12 шиллингов, а кроме того уплаты tallagium, меркета, гериота и других вилланских взносов [75]. В 44 году Генриха III держатели манора North Esseby в Нортгемптоншире жалуются на свою госпожу Сибиллу Mares, что она увеличила их tallagium с 21 d. до 5 шиллингов с виргаты, между тем как манор является старинным доменом и они держат за определенные повинности [76]. В 5 году Эдуарда I держатели манора Pambergh в Гампшире, считавшегося старинным доменом, согласились платить своему лорду (P. Cowdray) 8 шиллингов в год сверх прежних повинностей [77].

В Сотенных Свитках мы находим случаи возвышения денежных рент. Так в Draycot (Оксфордшир) вилланы жалуются, что прежде каждая виргата должна была платить 8 шиллингов и работать 6 дней (косьба и жатва); но эти ренты были несправедливо увеличены фирмарием. Денежная рента была увеличена до 12 шиллингов с виргаты, рабочие повинности остались в прежнем размере. Денежные ренты коттерских держаний были также увеличены, причем их заставили отбывать шесть дней барщины, от чего раньше они были свободны [78]. Чаще увеличивается не основная часть денежной ренты — redditus assisae, а tallagium, допускные платежи и пр. При этом лорды стремятся заменить фиксированные платежи произвольными. Выше был приведен ряд примеров. В 4 году Эдуарда I держатели манора Hermodeswood (Миддльсекс) ведут тяжбу с аббатом St. Trinitatis de Rothomago, облагающим их произвольным tallagium. Они ссылаются на то, что манор — старинный домен. Суд решает дело в пользу аббата [79].

О значительном росте денежных рент в манорах епископа Винчестерского в XIII и начале XIV вв. говорит Леветт в своем исследовании о Черной Смерти. Ренты очень значительно выросли между 1208 и 1346 гг., но с этой даты они стали неподвижными и почти не меняются до 1455 г. Но, повидимому, этот рост основной массы денежной ренты (redditus assisae) был связан, главным образом, с усиленным обращением под обработку общинных земель и сдачи их держателям епископа. Таким образом, рост ренты компенсировался земельными прирезками (производившимися, впрочем, отчасти за счет самих же держателей). Но произвольность допускных платежей, достигавших порой 6—8 фунтов с виргаты и даже с полувиргаты, уже и в эту эпоху могла играть роль способа увеличивать денежную ренту, ту

роль, которую она с таким успехом играла в XVI в. [80]. Случаи высоких допускных уплат нередки уже в XIII в., еще чаще в XIV в. Ту же роль играл произвольный tallagium, рост баналитетов, отчасти оплачивавшихся деньгами, и пр. Вотчинная практика XIII в. позволяла, таким образом, возвышать денежные ренты без какого бы то ни было нарушения обычая. Но нам уже пришлось отмечать стремление лордов к увеличению фиксированного обычаем redditae assisae и к замене фиксированного tallagium произвольным, чем обычай, несомненно, нарушался. Отмечающийся всеми исследователями этой эпохи значительный рост заимок в XIII—XIV вв. шел, главным образом, на усиление денежной ренты, так как сдача их держателям за деньги была наиболее обычным способом их эксплоатации.

Но если денежные ренты все же отличались известной неподвижностью и представляли в основной своей части redditus assisae, certum, certitudo, то гораздо свободнее был лорд в распоряжении барщинами. Не говоря уже о том, что немалая часть барщин зачастую была на воле лорда, мы наблюдаем в XIII в. рост и тех барщин, которые были фиксированы традицией Для ряда вотчин и даже целых районов XIII в.—эпоха роста барщин, эпоха роста классического манора. Мы наблюдаем это явление и в отсталой Нортумбрии [81], где в эту эпоху начинает складываться барщинный манор в крупных владениях церковных учреждений, и в прогрессивных районах Восточной Англии. Ely Registers позволяют в ряде случаев отметить рост недельных работ в вотчинах епископства Илийского [82]. То же явление Дуглас отмечает для Восточной Англии [83].

Рост барщин отмечает Neilson для маноров Рамзейского монастыря — в 1252 г. виллан работает больше дней в неделю, чем при Генрихе I. Еще заметней рост прекарий — вообще система прекарий, находившаяся лишь в зачаточном состоянии в XII в., достигает полного развития в XIII [84]. И в судебных делах этой эпохи сохранились указания на рост барщин; порой барщины заводятся там, где их не было раньше или где они были заменены денежными платежами. В 9 году царствования Иоанна мы находим тяжбу между лордом манора Hekingham и его держателем, принадлежащим к числу «hundredarii», отбывавших свои повинности в виде посещения собраний сотни и графства и пользовавшихся рядом привилегий [85]. Лорд требует от него одного дня пахоты, извозной повинности на 16 лиг, виллан-ского auxilium и меркета. Держатель заявляет, что он всегда платил лишь 9 d. в год, отбывал половину secta comitatus et hundredi и уплачивал 1 d, когда на сотню накладывались 4 фунта [86]. В 8 году Иоанна W. Pinkenni требовал судом с R. Mercator барщину в виде трех дней пахоты за пастбище, которое ответчик от него держал. На суде выяснилось, что притязание это неправильно [87]. В данном случае истец хотел наложить барщину на свободного держателя, что в дальнейшем могло дать повод к признанию его виллaном

Интересные случаи находим мы в Записной книжке Брактона. Ряд лиц жалуется на то, что лорд сверх шедших с них ранее «pro omnibus serviciis»

10 шиллингов с виргаты требует еще барщинных работ. Эти держатели считают себя лично свободными и свое держание свободным, а лорд заявляет, что они его виллапы [88]. Здесь обложение барщинами связывается с закрепощением крестьян. Случаи возвышения барщин встречаются и в Сотенных Свитках, хотя подобного рода дела не входили в компетенцию расследования. Жалобы идут от свободных сокменов манора Swaffham приора Илийского на то, что их заставляют «несправедливо», т. е. в нарушение обычая убирать по ½ а. ярового [89]. Во всех этих случаях на возвышение барщин жалуются либо свободные люди, либо привилегированная часть виллапов. Жалобы рядовых виллапов до суда обычно не доходили и право лорда увеличивать барщины виллапов сомнению не подвергалось. Рассматривая материалы Посмертных Расследований, нам пришлось в ряде случаев констатировать рост барщинных работ во второй половине XIII в. Очень характерно отмечавшееся выше (гл. IV) стремление Оксфордширских Сотенных Свитков по ряду сотен не давать размеров барщинных работ, а отмечать, что они на воле лорда; между тем как денежные платежи обычно даются в виде определенной суммы. Лорды хотели оставить за собой право увеличивать барщину по произволу и, может быть, опасались фиксировать ее в официальном документе.

Мы встречаем в RH случаи, когда лорд превращает работу с харчами — оплачиваемые или частично оплачиваемые барщины — в обычные неоплачиваемые барщины [90].

Таким образом, усиление помещичьего гнета над крестьянством в XIII в. выражалось и в усилении барщин. В приведенных случаях дело шло о возрастании барщин безотносительно к денежной ренте. Но мы встречаемся и со случаями, когда коммутированные барщины снова восстанавливаются. Так, в Записной книжке Брактона приводится жалоба людей монастыря св. Суитина на увеличение повинностей. Выясняется, что в течение 40 лет, когда маноры монастыря находились в руках фирмариев, некоторые повинности были последними коммутированы. Одно время маноры были в фирме у самих крестьян, и они воспользовались этим для уменьшения своих рент (redditus detinuerunt et subtraxerunt). Теперь монастырь требует восстановления прежних повинностей [91]. Перед нами яркая картина как процесса постепенного ослабления крепости крестьян в манорах, не находящихся под непосредственным управлением лорда, так и «феодальной реакции», когда лорд снова берет маноры в свои руки

Росла не только тяжесть барщин, но и число барщинных держаний. Neilson отмечает в манорах Рамзейского монастыря увеличение земли «ad opus» в XIII в. по сравнению с XII в.; при этом это увеличение нередко идет за счет земли «ad censum». В Stukeley в XII в. из 28 виргат 9 были ad opus, в XIII в.—12½ из 26½. В Shitlingdon число виргат ad opus возросло с 32½ до 47, с вероятным уменьшением территории свободных держаний или вилланских держаний за ренту. В Wistow барщинная земля возрастает с 27 виргат до 30½, в Broughton — с 28 до 30, в Elington — с 24 до 27½.

В Houghton и Witton держатели оброчной земли потеряли, повидимому, три виргаты. В других манорах мы замечаем некоторый рост земли ad censum, отчасти в результате сдачи домена, но отчасти и в результате коммутации. Но в целом общие размеры барщинной земли увеличиваются с XII по XIII вв. Увеличение оброчной земли идет, главным образом, в виде роста мелких держаний, вероятно, в результате заимок пустошей После 1252 г. наблюдается медленное уменьшение барщинной земли [92].

Ухудшение в положении широких масс крестьянства, в котором одним из крупнейших этапов было норманское завоевание, продолжается и в следующие столетия. В XIII в. растут повинности, в ряде случаев растет барщина, промежуточные слои крестьянства, а иногда и прямо свободные, закрепощаются, закрепленные обычаем повинности вытесняются произвольными. Одновременно с этим идет решительное наступление лордов на общинные земли. Постановления Мертонского и 2-го Вестминстерского статутов слишком общеизвестны, чтобы на них останавливаться Надо лишь подчеркнуть, что оба эти статута явились результатом упорной борьбы между лордами и держателями, и что, сделав весьма неопределенную уступку свободным держателям, лорды получили от государственной власти подтверждение своего права не считаться с интересами вилланов. Достаточно красноречиво постановление 2-го Вестминстерского статута, что если кто почью или в иное время тайно уничтожит изгородь или ров, которым обведена взятая сеньором в частное пользование пустошь, и нельзя будет путем расследования через присяжных узнать, кто это сделал, а жители соседних деревень не захотят назвать виновных, то этим деревням вменяется в обязанность на свой счет устроить новую изгородь или новый ров и возместить убытки потерпевшему. Не всегда разрушение изгородей и рвов шло тайно. Судебные памятники этой эпохи постоянно говорят о попытках крестьян отстоять свои права силой. Если свободные держатели могли выступать с исками против лордов, захвативших необходимые для них общинные земли, то вилланам оставалось только бунтовать. При этом разрушение изгородей всегда почти производится скопом, в качестве ответчиков привлекаются многие (multi, plurimi), иногда более 100 человек. При этом держатели иногда пытаются добиться восстановления своих прав вооруженной силой, vi et armis. Подобными случаями пестрят страницы Placitorum Abbreviatio. Духовный лорд жалуется на своих держателей в Шропшире, что они насильственно, с применением оружия, производили выпас своего скота на его выделенном пастбище [93] В Иоркшире более 100 лиц потравили заимку (sartum) лорда. Они заявляют, что пользуются там общинными правами (debent ibidem communicare) [94]. В Нортгемптоншире несколько человек (diversi homines) обвиняются в том, что они intraverunt specialem pasturam приора госпиталя св Иоанна в Brakeley, они заявили притязание на общинный выпас в этом месте [15]. Большой феодал — Вильям de Bello Campo обвиняет многих людей (plurimos), что они выгоняли свой скот в его cunicularium (кроличий садок), в Yeverley (Вустершир) [96] Магистр Henr.

Bray и W. le May жалуются на 21 человека, что последние не позволили огородить (inhocare) некоторые земли (Нортгемптоншир) [97]. В Сомерсетшире аббат Flaxley жалуется на 9 человек, что они пасли скот на его выделенном пастбище [98]. В Ноттингемшире 16 человек уничтожили ров, заявляя, что они имеют право общинного выпаса на этой земле [99]. В Ноттингемшире под предлогом прав общинного выпаса двое разрушили изгородь, возведенную вокруг леса [100]. В Уорвикшире 14 человек разломали изгороди и потравили посевы, заявляя о своих правах на общинный выпас [101]. В Йоркшире 20 человек произвели порубку в лесу, ссылаясь на свои общинные права [102]. В Кемберленде 21 человек разрушили изгородь, возведенную лордом для расширения парка. Присяжные высказались против них, найдя, что у них есть еще достаточное количество общинной земли вне этого огороженного места [103]. В Линкольшире 20 человек захватили аппропринированные лордом манора 14 а. прежней общинной пустоши и с корнем вырвали посаженные там плодовые деревья [104]. Джон Грей, сын Регинальда, обвиняет 20 человек в том, что они уничтожили канаву и произвели порубку. Выяснилось, что они не пользовались общинными правами на этой земле уже в течение 30 лет [105]. Можно насчитать множество аналогичных случаев: 8 человек производят порубки на новых заимках лорда (Линкольшир) [106]; 12 человек уничтожили ров (там же) [107]; 10 человек потравили отделенный луг после своза оттуда сена (Лестершир) [108]. В Линкольшире более 40 человек разрушили стену, перерезавшую общую дорогу [109]. В Нортгемптоншире 16 человек привлекаются к ответственности за выпас на выделенном пастбище; они заявляют, что им принадлежат общинные права [110]. В Дербишире 8 человек привлечено за порубку леса; они ссылаются на свои общинные права (clamant estoveria) [111]. В Ноттингемшире 11 человек привлекаются за то, что засыпали канаву на пустоши [112]. В Сеффоке более 100 человек обвиняются в потравах на выделенном пастбище; они заявляют притязания на общинные права [113]. Сент-Олбанский аббат привлекает к ответственности ряд лиц (multos) за то, что они сожгли изгороди, ссылаясь на свои общинные права [114]. Аббат Rading жалуется суду на уничтожение канавы, сопровождавшееся нанесением побоев его людям (Беркшир) [115]. В Дорсете за то же привлекаются plurimi [114]. Все эти случаи относятся к царствованию Эдуарда I. Их можно было бы набрать и больше. Мы опять-таки должны помнить, что перед нами лишь незначительный фрагмент, что дела такого рода чаще не доходили до суда, и что судебные источники использованы нами лишь в незначительной части. Надо вспомнить, что потравы представляют наиболее частые нарушения прав лорда, упоминаемые в протоколах манориальных курий. В этих потравах и штрафах за них находила свое выражение упорная борьба между лордом и крестьянами за общинные земли.

Большинство исследователей считают XII и XIII вв. эпохой наивысшего развития манориальной системы, системы барщин и крепостничества. Но это развитие редко ставится в связь с развитием рынка для сельскохозяй-

ственных продуктов. Теория, господствующая в большинстве построений аграрной истории средневековья, рассматривает манор как самодовлеющую изолированную единицу и тем самым делает непонятными процессы, которые происходят в нем в эту эпоху, процессы, которые могут быть охарактеризованы как приспособление натурально-хозяйственной по своему существу организации феодального производства к требованиям рынка.

На почве стремления сеньоров к повышению доходности своего хозяйства усиливается внеэкономический нажим на крестьянство, происходит окончательное закрепощение промежуточных слоев между свободными и крепостными и даже отчасти свободных, увеличиваются ренты, растет барщина, захватываются общинные земли. Складывается в окончательном виде тот крупный «манор», та крепостническая барщинная вотчина, которая играла определяющую роль в построениях большинства историков, которая и в нашем материале занимает весьма видное место. На этой почве начинает разгораться усиленная классовая борьба между сеньорами и крестьянством, лишь незначительные отзвуки которой мы можем найти в документах.

Можно этим утверждениям противопоставить другие. Можно указать на то, что XIII и даже XII вв знают не только рост барщины, но и начало коммутации, т е. замены барщины денежными платежами, и что это, как правило, вело в дальнейшем к улучшению юридического положения крестьянства. Можно указать, что наряду с захватом общинных земель лордом идет усиленная заимка пустошей крестьянами, что значительная часть взятых у пастбищ и лесов земель не эксплоатировалась лордом непосредственно, а обычно сдавалась крестьянам за денежную ренту. На все это возражать не приходится, особенно после того, как это исследование подчеркнуло решающую роль денежной ренты в феодальном хозяйстве средневековой Англии. Но мне еще раз придется подчеркнуть, что далеко не всякая денежная рента является результатом коммутации, что денежная рента XIII в могла вырасти из тех денежных взносов (gabulum), которые существовали еще в донорманские времена, что многие денежные ренты возникли в результате коммутации не барщин, а рент продуктами Такой знаток этого вопроса, как Леветт, полагает, что в основе redditus assisae лежала именно коммутация натуральных оброков [117]. Такие ренты, как tallagium или auxilium, вероятно, впервые возникли уже в денежной форме; это можно предположить и о ряде других рент. Но во всяком случае не подлежит сомнению, что известная часть денежных рент создавалась путем коммутации барщин, и что это движение приняло уже в XIII в. внушительные размеры. Наши источники говорят о подобного рода случаях постоянно. Несомненно, коммутация представляла важный шаг к ослаблению вотчинной дисциплины и к освобождению крестьянства, но можно сильно сомневаться в том, чтобы коммутация была всегда выгодна для крестьянства и чтобы ее развитие ослабляло классовую борьбу в английской деревне. Главы IV и V должны были показать, что в целом аграрная история Англии пошла по пути развития денежной ренты. Та схема развития ренты, которая была предложена

Виноградовым, едва ли может быть принята нами. Уже в древнейших памятниках, по которым мы можем судить о крестьянских повинностях, появляются известия об отработочной ренте. Ранняя ее история и взаимоотношение отработочной ренты и ренты продуктами может быть лишь предметом предположений. Очень рано появляются и элементы денежной ренты. При этом последняя, вероятно, чаще возникала из коммутации ренты продуктами, чем из ренты отработочной; в ряде случаев она могла появляться как новая рента, не являясь непосредственной коммутацией натуральных форм ренты. Развитие ренты после норманского завоевания идет под влиянием растущей товарности сельского хозяйства в связи с развитием внутреннего (в первую очередь городского) и внешнего рынка.

Перемены в формах ренты, вызываемые развитием товарного хозяйства в деревне, могут итти в различных направлениях. Для Западной Европы в целом типично развитие денежной ренты [118]. Необходимой предпосылкой развития денежной ренты является, конечно, связь с рынком крестьянского хозяйства. Денежная рента может развиваться только в том случае, если крестьянское хозяйство постоянно превращает известную часть своего продукта в деньги; известная часть его продукта должна быть произведена как товар. Рынок для крестьянских продуктов должен отличаться постоянством спроса, а также, в виду ограниченности транспортных ресурсов крестьянского хозяйства, — близостью к крестьянину. Таким условиям вполне удовлетворял местный городской рынок. Впрочем, через скупщика хлеба и шерсти крестьянин мог быть связан и с более отдаленными рынками.

Развитие системы денежных рент вело к ряду крупнейших последствий и для крестьянского и для сеньориального хозяйства Если уже при господстве ренты отработочной, а тем более ренты продуктами, имелись налицо известные зачатки расслоения в среде крестьянства, и при преобладании средних крестьянских хозяйств отслаивался небольшой слой зажиточных и более значительный слой малоимущих крестьян, то денежная рента ведет к усилению и углублению этой дифференциации в среде зависимого крестьянства. Среди условий, вызывающих возрастание производительности труда крестьянина и, стало быть, создающих почву для крестьянского накопления, Маркс отмечает обеспеченность использования крестьянином возрастающего прибавочного труда. Поэтому, как указывает Маркс, рента продуктами дает в данном случае больший простор, чем рента отработочная [122]. В самом деле, отработочная рента предполагает гораздо больший контроль господской администрации над крестьянским хозяйством в смысле регулирования его обеспеченности, т. е. размеров его надела и, стало быть, его дохода Еще более независимым от помещичьего хозяйства и контроля делается крестьянское хозяйство при господстве денежной ренты. Маркс отмечает еще одно важное условие для развития производительности крестьянского труда — это развитие рынка для крестьянского продукта [123]. Совершенно очевидно, что во многих случаях (если не в большинстве слу-

чаев) это развитие начинается еще при господстве натуральных форм ренты, приводя лишь к частичному появлению денежных рент рядом с натуральными. Во всяком случае для господства денежной ренты необходимой предпосылкой является значительное развитие связи крестьянского хозяйства с рынком и товарности крестьянского хозяйства. Связь с рынком и выходящий отсюда импульс к повышению производительности труда начинаются еще до господства денежной ренты, но денежная рента представляет для этого особо благоприятные условия. Развивающееся крестьянское накопление приводит к тому, что «в большей степени выступают различия в экономическом положении отдельных непосредственных производителей, — по крайней мере имеется возможность для этого; возможно также, что непосредственный производитель приобретает средства к тому, чтобы самому в свою очередь непосредственно эксплоатировать чужой труд» (Маркс) [124]. Другими словами, появляющаяся уже при господстве натуральных форм ренты дифференциации крестьянства и рост крестьянской верхушки получает особо благоприятную почву в господстве денежной ренты. Если, в общем, система отработочной ренты нивеллирует крестьянское владение, то система денежной ренты его дифференцирует. Говоря о верхушечном слое крестьянства, мы должны установить следующий его признак: сверх необходимого продукта он оставляет в своих руках часть прибавочного («прибыль», — хотя этот термин, как указывает Маркс, является ложной антиципацией), эта «прибыль» не потребляется и служит для накопления и расширенного воспроизводства.

Переход к денежной ренте не для всех слоев крестьянства был одинаково выгоден. Он был безусловно выгоден для крестьянской верхушки, располагавшей излишками над потреблением, завязавшей прочную связь с рынком. Он не представлял неудобств для бедняка, получавшего хотя бы часть своей заработной платы деньгами и уплачивавшего, как правило, весьма незначительную ренту. Но для той части крестьянства, которая жила своим хозяйством и в то же время не была достаточно связана с рынком, переход к денежной ренте был весьма труден [125]. Если крестьянин должен был отдавать в виде ренты весь прибавочный труд, то ему было легче отдать его именно в виде труда, чем в виде денег, так как последнее ставило его в зависимость не только от урожая, но и от спроса на хлеб на рынке, от колебания цен, от конкуренции. К тому же, чтобы заплатить ренту к сроку, необходимо было нередко продавать продукты на невыгодных условиях. У крестьянина-середняка не было возможности выждать благоприятных цен, если у него не было денежных накоплений.

Урожай в ту эпоху был подвержен весьма значительным колебаниям, между тем как сумма денежной ренты была фиксирована; как бы ни был низок урожай, из него должно быть выделено известное количество продукта, изменяющееся в зависимости не от урожая, а от колебаний цен. Между тем, далеко не всегда неурожай в данном хозяйстве сопровождался общим повышением цен. Но даже если предположить, что неурожай,

как правило, повышал цены, а урожай понижал их, то это приводило лишь к тому, что средний крестьянин принужден был в урожайный год продавать свой продукт по низким ценам, а в неурожайный лишен был возможности использовать в своих интересах выгодную конъюнктуру. При этих условиях рента сплошь и рядом должна была выделяться из необходимого продукта и ее фиксированность должна была нередко наносить сильные удары хозяйству, в котором не было постоянных накоплений. При таких условиях барщина бывала порой для среднего крестьянина выгоднее денежной ренты. В хозяйстве крестьянина-середняка должна была часто наступать нужда в деньгах для уплаты ренты. Эта нужда ставила его в зависимость от городского ростовщика или от своего преуспевшего односельчанина. В условиях, близких к натуральному хозяйству, задолженность нередко обозначала фактически закабаление. Для известной части середняков переход на денежную ренту представлялся невыгодным, если при этом денежная рента не фиксировалась на очень низком уровне. Переход от отработочной ренты к ренте продуктами или непосредственно к денежной ухудшал положение крестьян-середняков еще в одном отношении. Мы предполагаем, что при господстве отработочной ренты их наделы были достаточны лишь для того, чтобы приложить к ним необходимый труд и получить необходимый продукт, после замены отработочной ренты денежной (а равно и рентой продуктами) прибавочный продукт должен быть выделен из продукта, полученного на крестьянском наделе. Но по нашему предположению при господстве отработочной системы крестьянский надел рассчитан лишь на производство необходимого продукта; освобождение части рабочей силы, связанной прежде отработочной рентой, не может дать значительного увеличения продукта при неизменных размерах надела и в условиях господства традиционной хозяйственной техники. Таким образом, крестьянину-середняку приходится выделять ренту из необходимого продукта, его надел, бывший достаточным при отработочной ренте, делается недостаточным при денежной ренте (или ренте продуктами). Другое дело — крестьянин, обеспеченный землей сверх необходимых размеров; для него освобождение труда вследствие коммутации отработочной ренты представляло значительный выигрыш. Пополнение крестьянской земли, имевшее место в тех случаях, когда ликвидировалась господская запашка, шло, главным образом, в пользу крестьянской верхушки [126]

Превращение отработочных рент в ренты продуктами или в денежные при неизменных размерах надела, создавая затруднения для выделения ренты из продукта, произведенного на наделе, в то же время освобождало известную часть рабочей силы, которая не могла найти полного применения на среднем наделе. Все это создавало условия для приложения прибавочного труда, необходимого для создания ренты, вне надела, для развития работы на чужой земле, деревенской промышленности или отхожих промыслов.

Используя товарность крестьянского хозяйства в целях получения денежной ренты, сеньор нередко выступал в то же время конкурентом крестьянина на рынке. При этом он пользовался своими сеньориальными правами для того, чтобы поставить крестьянина в невыгодные условия; он облагал крестьянскую торговлю сеньориальными пошлинами, ограничивал ее, воспрещал продажу некоторых видов товара, разведение некоторых коммерческих культур, заставлял крестьян вывозить свои продукты на продажу после того, как вывезены господские, используя крестьянские транспортные средства для вывоза на рынок своих продуктов, наконец требовал уплаты денежной ренты в сроки, не благоприятные для крестьян.

Денежная рента сменяет натуральную постепенно. Некоторые ее элементы мы находим уже в очень старинных памятниках. Она постепенно нарастает в виде всевозможных мелких «обычных рент» (customary rents) [127], штрафов, налагаемых манориальной курией (рассматривая их с фискальной стороны, мы можем видеть в них один из видов феодальной ренты, как это делают наши источники [128], постоянно соединяя их с другими видами манориальных доходов), пошлин, частичной замены работ (venditio operum) [129].

Денежная рента, устанавливая известную независимость крестьянского хозяйства и вводя элемент договорности в отношения между сеньором и крестьянином, была важным шагом к освобождению крепостного крестьянства [130]. Поскольку крестьянин выкупал, т. е. заменял денежными взносами свои натуральные повинности, он мог купить и свою личную свободу. Это было особенно важно для крестьянской верхушки, так как окончательно гарантировало ее от возможности захвата сеньором ее земельных приобретений и денежных накоплений, от возможности эксплоатации сеньором растущей состоятельности этой верхушки. В иных случаях сеньор мог быть заинтересован в том, чтобы заставить крестьян капитализировать те доходы, которые он получал от их несвободы, и выкуп на волю мог происходить под прямым давлением господина, представляя крайние трудности для крестьянина [131] и нередко ставя его в кабальную зависимость от ростовщика, снабжавшего его деньгами для выкупа. Таким образом, выкуп, представлявший естественное следствие развития денежной ренты, мог оказаться крайне тяжелым для основной массы крестьянства и значительно усилить процесс классового расслоения в его среде.

Освобождение крестьян от личной зависимости не означало еще конца феодальной ренты. Поскольку крестьянин держал землю сеньора, он был обязан нести за нее повинности, которые шли с земли и раньше, наряду с денежными рентами нередко он нес и известные натуральные повинности [132]. Крестьянин уже не был юридически связан с землей и с личностью помещика и мог свободно уйти из поместья, но поскольку он был связан с землей фактически и сидел на ней наследственно, феодальная рента продолжала лежать на нем и после прекращения личной крепости.

Развитие денежной ренты разрывало связь между господским хозяйством и крестьянскими, лишая первое принудительного труда крестьян-барщинников. Здесь возможны два пути развития: сеньор мог или ликвидировать господскую запашку и перейти на чисто рентное хозяйство, причем в руки крестьян попадал значительный земельный фонд в виде сдаваемого в аренду домена; или же сеньор продолжал вести доменальное хозяйство, но уже при помощи наемной рабочей силы. В первом случае, как мы видели, домен попадал преимущественно в руки крестьянской верхушки и, таким образом, еще более развивалась дифференциация в среде крестьянства. Другим путем было сохранение доменального хозяйства в полном или сокращенном виде; при этом сеньорам приходится прибегать к эксплоатации наемного труда. «Превращение натуральной ренты в денежную не только необходимо сопровождается, но даже а н т и ц и п и р у е т с я образованием класса неимущих и нанимающихся за деньги батраков» (М а р к с) [133].

Отсталвающаяся ранее и нередко представляющая важное подспорье при отработочной системе деревенская бедпота представляет при господстве денежной ренты существенный элемент в феодальном производстве, работая как у состоятельного крестьянства, так и на землях помещиков, которые в связи с заменой отработочных рент денежными принуждены прибегать к наемной рабочей силе, если не ликвидируют вовсе своей запашки. Таким образом, внутри феодального способа производства начинает развиваться эксплоатация наемного рабочего, основанная на частичном отделении этого рабочего от условий производства. Но мы можем говорить лишь о зарождении нового способа производства, поскольку наемный рабочий при господстве феодальной денежной ренты еще является одним из элементов феодального производства. Он часто несвободный человек, связан в своих передвижениях, в той или иной мере привязан к поместью и к личности господина и несет ряд повинностей в силу внеэкономического принуждения Он не вполне оторван от земли. как правило, он малоземельный, его земельный надел, как бы мал он ни был, является одним из источников его пропитания и одним из условий, определяющих уровень его заработной платы. За свой надел он обязан платить землевладельцу феодальную ренту. Он выступает по отношению к землевладельцу-сеньору то как феодально-зависимый крестьянин, то как наемный рабочий: в этой связи представляет особый интерес борьба феодальных и капиталистических отношений в «рабочем законодательстве» Эдуарда III и Ричарда II. Он работает наряду с несвободными дворовыми рабочими, мало отличаясь от них по своей социальной характеристике. Наемный рабочий еще тесно связан с феодальным производством. Надо, конечно, заметить, что сельскохозяйственный рабочий, как и сельскохозяйственное производство вообще, в большинстве стран и впоследствии долго сохраняют следы своего феодального прошлого. Рост эксплоатации малоземельного крестьянина как батрака, связанный с развитием денежной ренты, выдвигает новый для феодальной деревни вопрос о заработной плате. Надо, конечно, помнить, что

заработная плата в феодальную эпоху так же отличается от капиталистической, как наемный рабочий в феодальном поместьи от наемного рабочего капиталистической эпохи. Но так или иначе вопрос о заработной плате и еще в большей степени вопрос об источниках получения рабочей силы становится перед теми из сеньоров, которые отказались от отработочных рент, не отказываясь от ведения барского хозяйства. Связанность сельскохозяйственного рабочего с землей, возможность для него часть своего пропитания получать с своего надела, развитие связанной с рынком домашней сельской промышленности, недостаточность вследствие этого предложения рабочей силы — создают временами для рабочих благоприятные условия на рынке труда и заставляют сеньоров прибегать к приемам внеэкономического принуждения по отношению к сельскому полупролетариату. Особенно резко выступает нужда в такого рода действиях в случае острых кризисов на рабочем рынке, наступающих после эпидемий, войн и т. д. Черная Смерть, вызванный ею рост спроса на рабочие руки, уменьшение их предложения и рост заработной платы вызывают со стороны помещиков ряд мер, направленных к понижению заработной платы и к подчинению нанимателям всех малоземельных и безземельных крестьян. В Англии в это время возникает «рабочее законодательство», отдающее рабочих на волю нанимателей. При этом интересы нанимателей ставятся даже выше прав феодальных сеньоров, которым воспрещается удерживать от найма на сторону тех из своих крестьян, которые не нужны им для работы в их хозяйстве. «Законодательство относительно наемного труда с самого начала имело в виду эксплоатацию рабочего и в своем дальнейшем развитии было неизменно враждебно рабочему классу».

При рассмотрении вопроса о рабочем рынке приходится принимать во внимание и такие моменты, как развитие городской промышленности и торговли и связанное с этим движение малоземельного крестьянства в города не столько в качестве ремесленников, сколько чернорабочих, особенно строительных рабочих — сезонников. Огромную роль играло также развитие деревенской промышленности, работающей на скупщика и представлявшей важный приработок для части деревенского населения. Наконец, малоземельный крестьянин мог уходить в качестве колониста в малозаселенные земли. Во всех этих случаях сеньориальная власть не располагала достаточными средствами для удержания нужных ей рабочих рук на месте, поскольку связь мелкого крестьянства с вотчиной была сравнительно слаба. Здесь приходилось прибегать к общим мерам государственного характера.

Переход от отработочной ренты к ренте продуктами или непосредственно к денежной представлял критический момент для домениального хозяйства, которому приходилось отказаться не только от несвободной рабочей силы, но и от использования крестьянского инвентаря, обзаводиться собственным скотом и орудиями (правильнее, увеличивать их запас), если оно должно было продолжаться в прежних размерах. Для того, чтобы домениальное хозяйство приносило прежний доход, необходимо, чтобы

денежные ренты крестьян оплатили заработную плату наемных рабочих и приобретение инвентаря. Во всяком случае наем свободного рабочего на известное рабочее время стоил больше, чем давала та рента, которую уплачивал коммутировавший свою работу барщинник взамен такого же рабочего времени [134]. Применение в широком масштабе наемного труда вместо барщинного означало полную перестройку системы хозяйства. Этим объясняется значительная инерция системы барщинного хозяйства там, где оно было заведено в крупном масштабе, и постоянно наблюдаемый нами отказ от ведения домениального хозяйства после коммутации барщин или его значительное сокращение [135].

Таковы были социальные последствия развития денежной ренты: рост дифференциации в среде крестьянства, отслоение крестьянской верхушки, частичное разорение середняка и рост его зависимости от городского и сельского ростовщика, рост деревенского полупролетариата и в последнем счете — разложение поместья и феодального способа производства. Прежняя тесная связь между поместьем и общиной разваливается. У помещика не остается никаких побудительных мотивов к сохранению в поместьи значительной группы достаточно обеспеченных землей и инвентарем крестьян. Для него интересно лишь поступление денежных рент. Солидарность крестьянства как класса прекращается, оно начинает распадаться на враждебные группы Деревенский кулак и городской ростовщик выступают конкурентами помещика в эксплоатации крестьянства. Нуждаясь в деньгах, сеньоры начинают развивать денежную аренду, сдавая на откуп целые маноры (иногда всей деревне), а также по частям неудобные части домена и захваченные у общин части пустошей [136]. Эта сдача имеет еще феодальный характер [137]. По большей части земли сдаются в феод, т. е. в наследственное свободное владение, но иногда условия сдачи близки к условиям крепостного владения [138]. Встречаются сдачи и на более короткие сроки, на срок жизни или нескольких жизней, иногда даже на срок нескольких лет или на неопределенный срок «по воле господина». Но и эти сдачи стоят на феодальной почве. Арендатор вступает в число зависимых людей сеньора и несет в его пользу ряд повинностей, характерных для зависимого держания. Его рента является подобием феодальной ренты. Но, во всяком случае, здесь внеэкономическое принуждение уже начинает сменяться экономическим. Развитие аренды говорит о росте спроса на землю как со стороны малоземельных, так еще в большей степени со стороны расширяющей свое хозяйство крестьянской верхушки. Отношения принуждения начинают сменяться чисто договорными отношениями, пока еще строящимися наподобие феодальных. Но здесь уже намечается зародыш будущей аренды капиталистического типа. Одновременно с этим начинает развиваться и междукрестьянская аренда.

С развитием денежной ренты сеньор все менее следит за нераздельностью крепостного надела и не препятствует деревенской верхушке прибирать к рукам землю своих односельчан и спекулировать на

земельной нужде крестьянства Так развитие товарного хозяйства начинает разлагать феодальное поместье и подготовлять в его недрах вызревание новых производственных отношений. При этом необходимо принять во внимание, что развитие товарности хозяйства захватывает сельское хозяйство отдельных стран далеко не равномерно и что многие хозяйства долго остаются слабо затронутыми рыночными отношениями и сохраняют натуральные формы ренты в том их виде, который в данных условиях больше всего соответствует интересам потребляющего хозяйства сеньоров В дальнейшем своем развитии денежная форма ренты приводит к разложению феодальной ренты и к замене ее капиталистической, особенно, когда земля начинает привлекать городского капиталиста, когда арендатор является из города и «переносит в деревню и в сельское хозяйство уже развившийся в городах капиталистический способ ведения хозяйства» (М а р к с) [139].

Развитие денежной ренты является не единственным путем эволюции феодальной ренты. Мы можем наблюдать, как развитие разделения труда, товарности хозяйства и рынка для сельскохозяйственных продуктов приводят к консервированию или даже усилению натуральных форм ренты, особенно ренты отработочной. Это мы наблюдаем, главным образом, в тех случаях, когда связь феодальной деревни с рынком устанавливается не через крестьянское, а через господское хозяйство, когда сеньор получает деньги не в виде ренты от крестьян, а путем продажи продуктов своего хозяйства на рынке. В таком случае отсутствует необходимое условие для развития денежной ренты — наличие связи крестьянства с рынком, и сеньор стремится использовать несвободные рабочие руки для извлечения возможно большего количества продукта из своего хозяйства, что достигается, в первую очередь, усилением отработочных рент. Таким образом, растущая связь сеньориального хозяйства с рынком может привести к закреплению натуральных видов ренты и натурально-хозяйственных отношений внутри феодального поместья, к усилению феодальной эксплоатации, связанному с развитием особо тяжких форм личной зависимости.

Маркс выяснил те условия при которых развитие феодальной ренты идет по этому пути [140]. В тех случаях, когда для страны, где господствует феодальная рента в ее натуральных формах, открывается далекий и емкий рынок, предлагающий спрос на сельскохозяйственные продукты, связь с ним не может осуществляться через крестьянское хозяйство, не располагающее для этого достаточными транспортными средствами и неспособное отвечать меняющимся требованиям рынка. Связь с таким рынком может поддерживать лишь сеньориальное хозяйство. При этом сеньор нажимает на все те рычаги, которые могли увеличивать продуктивность господского хозяйства. Для крупной вотчины, располагающей большим количеством несвободных рабочих рук, легче всего было нажать тот рычаг, который всегда был в руках феодала, на рычаг внеэкономического принуждения. Простейшим способом добыть большее количество продукта было заставить крестьян больше работать на барской земле, отдавать сеньору лишний день или даже

несколько лишних дней в неделю, при этом заставить их работать как можно интенсивнее, не позволять им терять времени без дела, опаздывать и уходить раньше срока с работы. Такие предписания обычны в поместных инструкциях, напр. в Глостерской (C. Gl. III, 216). Господское хозяйство начинает стремиться к предельному усилению отработочных рент, к возможному расширению прибавочного труда зависимого крестьянства за счет необходимого. Сокращение необходимого труда идет не только путем уменьшения того времени, которое крестьянин может посвящать работе на своем поле, но и путем сокращения надела, за счет которого увеличивается господская земля или число тяглых хозяйств. Такого рода эксплоатация связывается с ухудшением юридического положения крестьян, которых приравнивают к рабам. В классической форме мы встречаем такого рода развитие там, где еще не успел образоваться сколько-нибудь значительный слой малоземельного крестьянства, которое могло бы дать кадры наемных рабочих и где труд несвободных крестьян является основным ресурсом для господского хозяйства. Развитию барщинного хозяйства особенно благоприятствует возникновение внешнего рынка для сельскохозяйственных продуктов, что предполагает развитие в какой-нибудь другой стране (или в некоторых районах данной страны) промышленности или вообще неземледельческого хозяйства, предъявляющего спрос на сырье и продукты питания в размерах, которые не могут быть вполне покрыты местным сельским хозяйством или же требующего таких продуктов, которые не могут быть произведены на месте или производятся в недостаточном количестве, или, наконец, таких, доставка которых из производящих их земледельческих стран обходится дешевле, чем производство на месте. Таким образом, эта стадия в развитии феодальной ренты предполагает наличие потребляющих стран (или районов), с одной стороны, и сельскохозяйственных стран с отсталыми формами ренты (господством натуральной феодальной ренты)—с другой. Мыслимо развитие домашнего хозяйства, опирающегося на отработочные ренты, и в том случае, когда рынок близок и доступен также и крестьянскому хозяйству; в этом случае отработочная рента является одним из моментов, связывающих товарное развитие крестьянского хозяйства и затрудняющим его конкуренцию с домениальным; могли приниматься меры и к непосредственному устранению крестьянской конкуренции.

Этот путь развития поместного хозяйства — путь усиления отработочных рент — был характерен для Восточной Европы более поздней эпохи — с конца XV в., по крайней мере для тех ее районов, которые становятся поставщиками сельских продуктов и промышленного сырья для быстро развивающейся западноевропейской промышленности. На этот путь развития постепенно становятся прибалтийские и придунайские страны. впоследствии производящие хлеб области России. Но и западное средневековье не осталось совершенно чуждым этому пути [141]. Развитие домениального хозяйства связывается со стремлением повысить продуктивность труда путем рационализации крепостного производства, если мож-

но применить к этой эпохе столь современный термин. Можно было заменить двухпольную систему трехпольной, можно было и еще более сократить размеры пара [142]. Можно было освободить свое хозяйство от связи с общинным принудительным севооборотом [143], от тех неудобств, которые представляла чересполосица, собрать его в одной меже и огородить. Можно было прибегнуть к удобрению навозом или мергелем, заставивши при этом крестьян отдавать удобрение помещику [144], а также усилить систему надзора и контроля за хозяйством и поместной администрацией, введя систему строгой отчетности Поместные описи с точным перечислением работ каждого крестьянина; отчеты, ежегодно подававшиеся старостами и приказчиками каждого поместья, где указан каждый полученный и истраченный пенни, каждый бушель зерна, гусь или курица, полученные в виде натуральной ренты; инструкции, составляющиеся для управляющих монастырскими поместьями, где самым подробным образом перечислялись правила ведения хозяйства, контроля и отчетности; первые трактаты о земледелии, старающиеся обобщить и систематизировать все то, что было достигнуто поместным хозяйством на практике, — все это свидетельствует о росте домениального хозяйства На вопрос, какая система *домениального* хозяйства была выгодней для сеньора, повидимому, нельзя дать одного ответа. Условия снабжения рабочей силой и высота заработной платы прежде всего определяют сравнительную выгодность системы отработочной ренты или системы вольнонаемного труда. Дисциплина, конечно, должна была быть жестче при крестьянской несвободе. Но при вольнонаемном труде сеньор не был стеснен закрепленной обычаем рутиной и мог свободнее маневрировать рабочей силой. Сверх того, он не был связан необходимостью поддерживать крестьянские хозяйства и мог увеличивать размеры домениального хозяйства путем их частичного разорения. Вопрос о сравнительной выгодности обеих систем домениального хозяйства лучшие хозяева этой эпохи — крупные монастыри — разрешали чаще в пользу барщины [145]. Но надо принимать в расчет и значительную инерцию барщинного хозяйства и трудность перехода к наемному труду (см. выше). Нередки были случаи, когда наибольшие выгоды представляла комбинированная система, соединявшая отработочную ренту с денежной и барщину с наемным трудом. Эта система допускает в связи с практикой venditio operum значительную гибкость, позволяя из года в год варьировать соотношение отработочной и денежной рент, несвободного и наемного труда на домене в зависимости от всей совокупности конкретных условий.

Связь с рынком может осуществляться *через крестьянское и через сеньориальное хозяйство одновременно*. Обслуживать городской рынок может как сеньор, так и зависимый крестьянин. Продукты крестьянского хозяйства могут временами попадать даже на более отдаленные рынки при помощи посредника-скупщика. Таким образом, мы можем наблюдать, как развитие товарно-денежных отношений может приводить к сосуществованию двух форм ренты и их борьбе друг с другом.

Денежная рента и рента отработочная, барщинная система и система наемного труда могут сочетаться в разных комбинациях в зависимости от характера рынка, от преобладающего значения сеньориального или крестьянского хозяйства на рынке и от возможности использования наемных рабочих для сеньориального хозяйства. На отдаленных от хозяйского глаза поместьях сеньоры предпочитают оброчную систему. Моментом, определяющим преобладание той или иной системы, нередко является удобное или неудобное положение поместья по отношению к рынку и связанная с этим большая или меньшая товарность домениального хозяйства [146]. Особенно отчетливо все эти моменты выступают там, где мы имеем не индивидуальное поместье, а ряд поместий в руках одного и того же сеньора, который имеет возможность заводить в каждом из них ту систему хозяйства, которая представляется при данных конкретных условиях наиболее выгодной.

Теоретически возможен и в исторической действительности встречается еще один вариант реакции феодальной ренты на рост товарного хозяйства, а именно — усиление ренты продуктами. Оно имеет место при тех же общих условиях, что и усиление отработочных рент (связь с рынком через господское хозяйство, слабая товарность крестьянского хозяйства), но предполагает отсутствие или слабое развитие господской запашки и связанное с этим преобладание рент продуктами, которые теперь становятся для сеньора товаром. Сеньор продает излишки получаемых в виде ренты продуктов и стремится увеличить размеры этих излишков путем усиления ренты. Но, повидимому, этот способ увеличения денежного дохода сеньора является наименее гибким и эффективным. Маркс отмечает как особенность ренты продуктами, что она как нельзя более пригодна, чтобы послужить базисом для застойных состояний общества [147]. Из всех видов ренты она является наиболее застойной, наименее способной к эволюции, наименее отвечающей развитию товарного хозяйства. Причины этого лежат в следующем. Она вполне базируется на технике крестьянского хозяйства, здесь нет домена, нет крупного хозяйства, его увеличения и рационализации, крестьянское хозяйство, его техническая база, приемы работы — все это почти вне контроля сеньора, у которого нет средств увеличивать продуктивность крестьянского труда. При господстве этой формы у крестьян нет тех стимулов к повышению производительности труда, которые создаются связью их хозяйства с рынком. Поэтому увеличение ренты должно создаваться за счет необходимого продукта, что не может не привести к истощению непосредственного производителя. К этому надо присоединить еще следующие соображения: рента продуктами обычно дает продукты плохого качества и, стало быть, неподходящие для рынка. При этом взимание этой формы ренты связано с наибольшим числом затруднений и недоразумений (на почве количества и особенно качества), утаек, наименее поддается контролю. На крестьян тяжело ложатся связанные с этой формой ренты извозные повинности. В силу всех этих условий мы наблюдаем, например, со-

вершенно второстепенную роль этой формы ренты в ряде местностей Англии (особенно в наиболее экономически развитых).

Но есть условия, благоприятствующие развитию ренты продуктами и даже превращению денежной ренты в ренту продуктами. Одним из условий развития денежной ренты является устойчивость стоимости денег. При преобладании денежной ренты падение стоимости денег, очевидно, должно подрывать сеньориальные доходы. В этом отношении интересны явления, наступающие в связи с падением стоимости денег в XVI в., когда мы наблюдаем нередко не только сохранение натуральных платежей, что объясняется желанием гарантировать себя от падения реальной ренты при фиксированных обычных рентах (и длительных арендах) [148], но и случаи возвращения к рентам продуктами, впрочем, лендлорды XVI в. часто сохраняют при этом право замены ее деньгами по рыночной цене настоящего года: в условиях падения стоимости денег денежная сумма ренты непрерывно растет. Во Франции уже в XII в обесценение монеты и рост цен на продукты вызывают случаи консервации и даже развития рент продуктами [149]. Но в целом рента продуктами связана с натурально-хозяйственными отношениями. Ее сохранение нередко объясняется тем, что сеньоры не могут привыкнуть покупать сельскохозяйственные продукты на рынке. Это наблюдается в Англии еще в XVII в. [150]. Отработочная рента открывала в этом отношении гораздо более широкие возможности интенсивного использования рабочей силы

Мы не можем решать вопрос о влиянии товарно-денежных отношений на феодальную ренту, игнорируя характер рынка в каждом отдельном случае. Недостаточно говорить лишь о расстоянии рынка от производителя и о емкости рынка; приходится точнее указывать, какие товары определяли характер рынка. Развитие феодальной ренты не одинаково реагирует на рост спроса на продукты земледелия или скотоводства, на превращение в рыночный по преимуществу продукт зерна или шерсти, убойного скота и т. д. Как правило, усиление барщинной системы возникает на почве развития зернового хозяйства. Вся почти система отработочных рент связана с производством зерна (это не значит, конечно, что развитие зернового рынка всегда вызывает рост отработочных рент) Рост пастбищного хозяйства, и в частности овцеводства, неблагоприятен для развития барщин. Если пастбищное хозяйство начинает развиваться за счет зернового, это должно приводить к падению барщинной системы. В исторической действительности мы обычно имеем дело со сложным характером рынка, в котором спрос на продукты питания и промышленное сырье выступает в комбинированном виде, и нам приходится вскрывать лишь господствующую тенденцию.

Характеристика тех перемен, которые вносились в развитие феодальной ренты ростом товарного хозяйства, будет не полна, если при этом будет забыта роль организованного внеэкономического насилия в лице феодального государства, крепнущего в это время на почве обострения классовой борьбы и усиления товарного оборота. Рост королевской юстиции, вытеснение ею

сеньориальных судов проводили резкое разделение в составе крестьянства, гарантируя правовую защиту лишь свободному меньшинству и подтверждая подвластность несвободного большинства воле господина. Развиваемая королевскими судьями юридическая теория приравнивает несвободных крестьян к рабам. При этом в разряд несвободных попадали те элементы крестьянства, которые были связаны с отработочными рентами. Часто отмечалось влияние государственных налогов, взимавшихся в денежной форме, на развитие денежной ренты Нередко сеньору поручается взимание такого рода налогов и при этом часть их удерживается им в свою пользу или ему передается право на них (или их часть), или эти права им захватываются и они целиком или частью превращаются в феодальную ренту. Ряд денежных рент ведет свое начало от государственных налогов. Через государство сеньоры проводят законы, дающие им широкие права на сокращение крестьянского землепользования (захват общинных угодий); в интересах сеньоров государство проводит законы о заработной плате. Государство дает в руки сеньоров принудительную силу для преодоления сопротивления крестьян усилению ренты. Общеизвестна роль государства в юридическом закрепощении крестьянства тех стран (главным образом восточных), где развивается крепостнически-барщинная система В случае выгодности для сеньоров денежной ренты и крестьянских выкупов, классовое государство становится на сторону «естественного права» свободы [151] или проводит насильственное освобождение без таких лозунгов. Оно подавляет крестьянские восстания, а в случае необходимости берет на себя задачу смягчать обострившееся положение путем минимальных или кажущихся уступок.

Если государство в общем содействовало развитию денежной ренты, то церковь с ее системой десятин консервировало ренту продуктами. В определении размеров ренты и ее обременительности для крестьянина нельзя игнорировать те виды ренты, которые господствующий класс извлекает от непосредственных производителей в виде государственных и церковных поборов; даже в тех случаях, когда сумма рент, отдаваемых непосредственно сеньору, остается неподвижной, с ростом товарных отношений растет та часть ренты, которая уплачивается классу сеньоров в целом в лице его государства. Государственные налоги принимали не только форму денежной, но и отработочной ренты и ренты продуктами. Терминология феодальной эпохи зачисляла платежи, уплачивавшиеся не сеньору, а государству, в число рент, присваивая им название «внешних рент» (redditus forinsecus). Провести точное разграничение между государственными и церковными поборами, с одной стороны, и рентами в тесном смысле слова, с другой, почти невозможно, так как они постоянно срастаются или еще не вполне отделяются друг от друга (церковный патронат, разные виды иммунитетов, аппроприированная десятина и т. п.).

Для вопроса о путях развития феодальной ренты не безразличным является то сопротивление, которое требования сеньоров встречали в разных слоях крестьянства. XIV—XVI вв. — классическая эпоха крестьянских

восстаний, отдельные вспышки которых начались гораздо раньше. Под сопротивлением следует понимать не только прямые восстания, но и отдельные случаи возмущения и вообще ту атмосферу пассивного или активного отпора требованиям сеньора, которая создавалась в деревне позднего средневековья. Наличие такого сопротивления в английской деревне XIII в. достаточно отчетливо обрисовывается тем материалом судебных процессов, который был приведен в начале этой главы. Те требования, которые крестьянская верхушка с примыкавшей к ней частью середняков выставила в Майль-Эндской программе, почти полностью были осуществлены в течение XV в. — в Англии почти совершенно исчезают крепостничество и отработочная рента; развивается денежная рента в выгодных для крестьянства формах, крестьянская верхушка наживается на развивающейся торговле продуктами сельского хозяйства Конечно, не легко ответить на вопрос, какую роль в этих переменах сыграло восстание и боязнь его повторения, поскольку в том же направлении шел весь процесс буржуазного перерождения деревни.

Итак, мы можем сделать следующие выводы относительно развития феодальной ренты под влиянием роста товарно-денежного хозяйства.

1. Рост товарно-денежных отношений устраняет те ограничения, которые накладывались на размеры ренты потребительным характером домениального хозяйства; рента стремится распространиться на весь прибавочный труд или продукт.

2 Обычно отработочные ренты и ренты продуктами превращаются в д е н е ж н ы е. Этот путь мы наблюдаем по преимуществу там, где рано развивается внутренний рынок для продуктов сельского хозяйства. При развитии системы денежных рент возможны следующие судьбы домениального хозяйства: а) переход сеньора к системе наемного труда; б) ликвидация барского хозяйства и переход к чисто рентной системе. Выбор определялся, в первую очередь, условиями рабочего рынка — наличием малоземельного крестьянства; впрочем, самый факт перехода к денежной ренте приводил к росту дифференциации среди крестьянства и к росту малоземелья.

3. Другим путем развития рент под влиянием роста товарно-денежных отношений является усиление и рационализация системы отработочных рент. Этот путь развития наблюдается по преимуществу там, где при господстве натуральных форм ренты открывается внешний рынок для продуктов земледелия и где не создалось достаточных кадров малоземельного крестьянства. Этот путь создает особо тяжелые формы феодальной зависимости. Он замедляет разложение феодального производства и дифференциацию среди крестьянства.

4. Третьим путем является усиление системы рент продуктами, что связано со слабым развитием товарности крестьянского хозяйства или с неустойчивостью денежной системы и лишь незначительно увеличивает доходы сеньора, ведя к истощению крестьянского хозяйства.

5. Чаще всего мы встречаем комбинацию всех этих путей, причем характер их комбинации и преобладание того или другого из них должны быть объяснены всей совокупностью экономических условий данной страны, данного района или данного поместья в изучаемую эпоху.

6. Условиями, определяющими характер ренты в том или ином случае, являются: а) степень развития товарно-денежных отношений; б) количественная характеристика рынка — его емкость, близость к изучаемому району, удобства сообщения; в) его качественная характеристика — преобладание спроса на продукты земледелия, скотоводства, промышленное сырье и какое именно; г) характер связи феодальной вотчины с рынком — осуществляется ли она или через крестьянское, или через домениальное хозяйство, или через то и другое одновременно; д) условия рабочего рынка — наличие или отсутствие дешевого наемного труда, с чем связан вопрос о степени развития крестьянского малоземелия, о спросе города на деревенскую рабочую силу, о развитии колонизации и о сельской индустрии; е) степень инерции предшествующих форм ренты (особенно отработочной); ж) степень сопротивления, оказываемого крестьянством феодальной эксплоатации; з) общая политическая обстановка — сила центральной власти и ее органов принуждения, борьба между отдельными группами господствующего класса и т. д.

Развитие товарно-денежных отношений вызывает рост той части феодальной ренты, которая уплачивается государству. В основном эта рента стремится принять денежную форму. Рост производительности труда ведет также к росту ренты, уплачиваемой церкви, причем здесь характерным является сохранение ренты продуктами.

Феодальное производство, сложившееся на почве патурально-хозяйственных отношений, обнаруживает известную приспособляемость к условиям товарно-денежного хозяйства. Но на всех путях своего развития оно рано или поздно становится препятствием для роста производительных сил и разрушается, уступая место капиталистическим отношениям. Пути разложения феодальной ренты и смены ее рентой капиталистической стоят уже вне рамок нашего исследования. За все время своего существования феодальное производство остается в своей основе натурально-хозяйственным как по своей организации, так и по целям. Несмотря на приспособление к условиям товарно-денежного хозяйства, несмотря на то, что оно всю растущую долю своего продукта начинает производить для рынка, оно в основном покрывает свое потребление и воспроизводство из своего валового продукта, упорно сохраняя соединение домашней промышленности с сельским хозяйством. Даже тогда, когда феодальное сельское хозяйство много продает, оно сравнительно мало покупает и во всяком случае стремится не покупать того, что можно произвести в поместьи. Феодальная рента в основном расходуется непроизводительным путем.

Тем не менее уже в эпоху господства феодальной ренты начинают складываться известные предпосылки капиталистического способа производ-

ства. Мы можем усматривать их в развитии системы наемного труда, в росте денежной аренды на сроки; всего яснее они выступают в дифференциации крестьянства, в отслоении малоземельных, с одной стороны, и сельской буржуазии — с другой. Но все эти явления должны рассматриваться на фоне господства феодальных отношений и имеют специфическую характеристику, резко отличающую их от аналогичных явлений в капиталистическом обществе. Впрочем, мы должны помнить, что и после победы капиталистических отношений в деревне долго и упорно держатся остатки феодального производства.

Для нас не является неожиданным, что в восточном районе, в области наибольшего развития товарного хозяйства, характеризующегося в частности вывозом хлеба в Лондон, в потребляющие районы севера и за границу, мы находим наибольшее развитие домениального хозяйства сеньоров и системы отработочных рент. Но этот район отличается также наибольшим развитием внутреннего рынка для продуктов земледелия, на котором сеньор и крестьянин выступали как конкуренты. В остальных районах Англии в эту эпоху внешний рынок для продуктов земледелия не играл, повидимому, определяющей роли. Здесь обслуживание близкого и ограниченного рынка шло, главным образом, через крестьянское хозяйство, в связи с чем мы наблюдаем преимущественное развитие денежных рент. В районах отсталого севера своего хлеба не хватало и там на хлеб стояли высокие цены. С этой отсталостью связана сохранность в этих районах системы рент продуктами, почти исчезнувших в большей части Англии. Но даже в восточном районе, где мы наблюдаем наибольшее развитие отработочных рент, все же преобладает денежная рента. Чем объясняется эта уже явно обнаружившаяся в середине XIII в. тенденция к победе денежной ренты в Англии? Одна из причин заключается в том,что хлебный экспорт играл в английском хозяйстве второстепенную роль сравнительно с экспортом шерсти, производство которой не связано с барщинной системой. Хлебный рынок оставался по преимуществу местным, городским рынком и обслуживался по преимуществу крестьянским хозяйством. Вероятно, на торговле съестными продуктами с городом создавалась лишь часть денежных рент, уплачиваемых крестьянством своим лордам. Известная часть этой ренты возникала, возможно, в связи с развивающейся товарностью крестьянского овцеводства, пользовавшегося услугами посредников — скупщиков шерсти. Континентальное серебро через руки фландрского купца и скупщика шерсти могло отчасти попадать и к английскому крестьянину, чтобы в виде денежной ренты перейти к лорду.

Другой причиной, благоприятствовавшей росту денежных рент, было обилие в английской деревне свободных рабочих рук. Многочисленное малоземельное крестьянство давало лордам возможность удовлетворять отчасти потребность в рабочих руках, расширяя эксплоатацию наемного труда, системы наемного и несвободного труда обычно комбинируются и конкурируют в пределах одних и тех же поместий.

Нам пришлось констатировать в развитии форм ренты не только локальную дифференциацию. Пришлось отмечать значительную структурную разницу между крупной и мелкой вотчиной, сопровождавшуюся разницей в системе рент К крупной вотчине гораздо более применима та характеристика, которую классическая литература давала манориальной системе, как системе крепостничества и барщин, хотя и здесь необходимо сделать ряд существенных ограничений. В средней и особенно мелкой вотчине большую роль играет свободное держание и система денежных рент. Мы можем сказать, что в крупной вотчине достигли большего развития феодальные порядки, и она упорно держится за них и приспособляет их к требованиям рынка, между тем как мелкая вотчина заключала меньше феодальных элементов и легче шла по пути разложения феодализма, развивая систему свободных держаний и переводя вилланов на денежную ренту; в связи с этим мы должны предположить в мелкой и средней вотчине более значительное развитие и системы наемного труда. Разложение феодальных отношений и развитие эксплоатации наемного труда должны были раньше развиться в мелкой и средней вотчине, чем в крупной, даже если последняя была не менее связана с рынком. Социальный и политический вес крупных феодалов как светских, так и церковных (в их руках, главным образом, сосредоточивались крупные вотчины) позволял им в большей степени закрепощать и облагать барщинами зависимое крестьянство, чем это было доступно для мелкого и среднего рыцарства. В среде английских лендлордов уже отмечается образование двух групп феодальной, составлявшейся преимущественно из крупных церковных и светских землевладельцев, и другой, становившейся на путь разложения феодального производства, в которую входили преимущественно мелкие рыцари Конечно, трудно провести разграничительную черту между теми и другими. По пути развития денежной ренты в той или иной мере шли и многие крупные лорды, особенно светские. Многие из них, несомненно, эксплоатировали и наемный труд. Барщины нередко держатся и развиваются и в мелкой вотчине. Но в целом мы можем сказать, что maiores и minores barones, лорды и рыцари выступают перед нами не только с количественными различиями — в отношении размеров землевладений и социального влияния, но и с разной производственной характеристикой. Та борьба, которая в XIV в. завязывается вокруг рабочего законодательства, подчеркивает социальную разницу между крупными феодальными сеньорами, опирающимися на свои сеньории, владеющими многочисленными вилланами, и рыцарством, заинтересованным, главным образом, в эксплоатации наемного труда. «Общины» больше всего заинтересованы в издании закона, ограничивающего заработную плату и подчиняющего наемного рабочего воле нанимателя. Они заинтересованы в том, чтобы «разрушить священную ограду манора», где прячется не мало вилланов, которые могли бы быть использованы в качестве наемных рабочих. От общин исходит ряд петиций и жалоб на невыполнение рабочего законодательства. Петиция 42 года царствования Эдуарда III утверждает, что от

дороговизны рабочих рук больше всего страдает «la Comune qe vivent par geynerie de lour Terres ou Marchandie et qe n'ont Seignuries ne Villeins pur eux servir» [152]. Петрушевский, говоря о борьбе за рабочих в среде нанимателей, совершенно правильно противопоставляет здесь «прелатов, графов, баронов и других магнатов» тем, «у кого не было сеньории и вилланов, которые бы им служили», «кто жил выручкой со своих земель и торговлей» [153]. Леветт указывала на незначительную роль производительных расходов в бюджете манора, в частности расходов на заработную плату. Доход манора настолько превышает расход, что если бы даже заработная плата значительно возросла, это сравнительно мало могло бы отозваться на общей сумме дохода. Свои выкладки она подкрепляет интересными диаграммами, составленными ею по материалам аббатств Бэттль (Battle) и св Суитина и Мертонского колледжа [154]. Заработная плата играет такую ничтожную роль в хозяйстве епископа Винчестерского, что он легко мог бы удвоить ее или утроить без всякого ущерба для дохода; для него гораздо важнее были колебания в урожае и в ценах на хлеб [155]. Все эти примеры рисуют порядки крупной церковной вотчины феодального типа, в которой наемный труд не играл видной роли. Если бы у нас был материал, аналогичный Ministers' Accounts для средней и мелкой вотчины, выводы могли бы получиться иные.

Конечно, и среди крупных вотчин не мало таких, которые развивали свое хозяйство не путем усиления давления на несвободное крестьянство, а иными способами. В вотчинах цистерцианских монастырей мы часто вовсе не находим вилланов и редко находим барщины. Правда, эти монастыри, обычно, вели крупное скотоводческое хозяйство и в Англии были в первых рядах коммерческих овцеводов. Кроме того, они в широком масштабе эксплоатировали труд низшего монастырского персонала, «конверсов», так что у них не было надобности в свободных наемных руках. Но, повидимому, многие из крупных лордов широко применяли эксплоатацию наемного труда и еще чаще комбинацию его с барщинной системой Во всяком случае главная основа манориального производства — вилланство и барщина — была всего крепче в вотчинах крупных феодалов, и особенно старых бенедиктинских монастырей. Эта группа настойчиво стремилась к увеличению своих доходов, путем усиленного нажима на крестьянство. Ее интересы оказывали решающее влияние на теорию и практику королевских судов.

Феодальное производство безусловно господствует в Англии XIII в. Но раннее товарное развитие сельского хозяйства приводит в ряде случаев к разложению феодальных отношений. Это разложение можно видеть не только в том, что денежная рента становится в Англии господствующей и развивается эксплоатация наемного труда. В роли, которую в это время начинает играть свободное держание, нельзя не видеть важного шага к разложению феодализма.

Если в эту эпоху наблюдается тенденция к закрепощению промежуточных слоев крестьянства и даже отчасти свободных крестьян, то

одновременно с этим на почве роста денежных рент значительно увеличивается свободное держание.

Надо сказать, что рента свободного держателя изучена гораздо меньше, чем рента несвободного; то же можно сказать и о происхождении, составе и социальной роли свободного держания. В этом, несомненно, существенную роль сыграло представление о второстепенной роли свободного держания в вотчинном строе феодальной Европы. В общем можно наметить три пути происхождения свободных держаний (Villainage, 325 и след.) Свободное держание может существовать издавна как пережиток дофеодальной эпохи; свободное держание может представлять освободившееся от крепости несвободное держание; оно может быть результатом сдачи частей домена или расчищенной земли. Во всех случаях его отличительным признаком является отсутствие отработочных рент или их незначительность. В XIII в. именно отработочные ренты являются признаком, разделяющим виллан-ские держания от свободных. Другим отличительным признаком свободных держаний является крайняя пестрота их как по размерам, так и по повинностям, в противоположность несвободным держаниям, которые распадаются по размерам на симметричные группы, с наложенными на держания каждой группы одинаковыми или приблизительно одинаковыми повинностями. В то время как держания несвободных крестьян передаются из поколения в поколение без перемен (по крайней мере в вотчинных описях, которые отражают положение дела не вполне точно), среди свободных держаний мы наблюдаем перемены, совершающиеся с быстротой, которую Савин назвал «кинематографической [156]. В каждом новом поколении конфигурация свободных держаний, их повинности и фамилии лиц, на них сидящих, значительно изменяются (я говорю о XIII в.) [157].

Дело в том, что свободное держание не было подчинено регулирующему воздействию вотчинной системы и обладало свободой отчуждения, раздела между наследниками и пр ; кроме того свободные держания непрерывно вновь образуются из сдачи пестрых по размерам частей домена и захваченных сеньором общинных земель; каждая сдача представляет собою договор с сеньором

Свободные держания, образовавшиеся из сдачи домена (который нередко лежал вне общинных полей) или частей пустоши, далеко не всегда имели ту же конфигурацию, как разбросанные по общинным полям держания несвободных крестьян, и могли стоять в значительной мере вне общинной системы [158]. Свободные держатели были далеко не всегда связаны с вотчинной курией и с вотчинным обычаем; их права нередко охранялись королевскими судами против всех, включая сюда и сеньора. Сеньор устраивал иногда для них особую курию, не связанную с вотчинной организацией. Дело значительно осложнялось наличием переходных образований между свободными и несвободными держаниями (некоторые из них были, повидимому, очень старинного, а другие — нового происхождения), а также тем, что несвободные крестьяне нередко держали отрезки из доме-

циальной земли или обращенной под обработку пустоши на условиях, близких к свободному держанию (равно как и свободные держатели иногда держали несвободные наделы и несли за них соответствующие повинности). Среди свободных держаний можно встретить относительно крупные владения, иногда расширяющиеся в настоящие мелкие вотчины, но также и мельчайшие коттерские держания. До крайности варьируют они и по юридическому характеру, представляя порой рыцарское держание на рыцарских повинностях, порой «малую сержантерию», порой сокаж или бургаж, порой «свободную милостыню», порой различные формы аренды, являясь иногда держаниями по хартии, иногда по «старине» Так же различны и их повинности, которые варьируют от рыцарской службы до повинностей, близких к виллайским, даже с отработками (хотя и незначительными), auxilium, меркетами и гериотами. Мы находим среди них держания, уплачивающие весьма значительную ренту, не уступающую по размерам ренте несвободных крестьян, и рядом с этим такие, рента которых лишь номинальна, представляя «unum clavum gariofili», или один пенни в год Столь же пестры связи свободного держания с вотчинной системой, в ряде случаев являясь весьма поверхностными. Свободные держатели часто имеют своих свободных и несвободных держателей, уже почти не связанных с вотчинной организацией (хотя некоторые повинности в пользу сеньоров обязаны нести и держатели держателей).

Говоря о повинностях свободных держателей, мы должны прежде всего отметить повинности, не имеющие характера феодальной ренты в том смысле, в котором мы употребляем этот термин Далеко не всякий свободный держатель являлся непосредственным производителем. Рыцарская служба не может быть подведена под понятие отработочной ренты. Свободные держатели нередко получали феодальную ренту со своих держателей и лишь часть ее передавали своему сеньору. Но и в тех случаях, когда свободный держатель был непосредственным производителем, его рента не всегда выступает перед нами с отчетливыми признаками того, что мы называем феодальной рентой. Прежде всего приходится отметить те случаи, когда рента является только номинальной; когда ее смысл сводится лишь к признанию зависимости данного держателя от сеньора; когда мы имеем дарение или продажу того или иного участка земли и связанных с ним прав,— что в условиях феодального права создавало не аллодиальную собственность, а держание. Но фактически такое держание по своей экономической и социальной характеристике ближе к собственности, чем к крестьянскому держанию феодального типа. Приблизительно то же можно сказать о тех свободных держаниях крестьянского типа, которые держат свои наделы за незначительную фиксированную ренту и пользуются как судебной охраной своих владельческих прав, так и свободой распоряжения своей землей. В этом случае мы видим переходную форму между феодальным держанием в собственном смысле этого слова и парцеллярной собственностью; свободное держание феодальной эпохи колеблется между этими двумя полюсами.

приближаясь то к одному, то к другому. С течением времени второй момент делается все более преобладающим.

Быстрая мобилизация свободных держаний ведет здесь к гораздо более ранней и глубокой дифференциации, чем это было возможно среди несвободного крестьянства. Здесь идет, с одной стороны, распыление земельных владений, с другой—образование значительных скоплений держаний в одних руках; при этом сплошь и рядом преуспевающий свободный держатель соединяет в своих руках держания в разных вотчинах и от разных сеньоров. Образовавшиеся таким образом значительные владения предполагают использование наемного труда; таким образом, в области свободного держания наиболее отчетливо происходит под покровом феодальных отношений образование сельского полупролетариата и зародышей капиталистической эксплоатации. Представляя наименее феодализированную часть феодального общества, свободные держания являются сферой наиболее раннего разложения феодализма. Здесь мы находим своеобразную встречу дофеодальных элементов с элементами феодального разложения.

Дальнейшая история фригольда существенно отличается от истории вилланской земли, переходящей в копигольд. Значительная свобода отчуждения (или, до статута Quia Emptores, суб-инфеодации) создавала в среде фригольда значительно более быструю мобилизацию земли и дифференциацию земельных наделов. В этой пестрой и неопределенной — и весьма широкой, как мы видели,—кайме свободных держаний наблюдаются и мельчайшие коттерские наделы и весьма значительные земельные владения невотчинного типа. Мы видели, как из мелких приобретений в разных манорах складывались иногда немалые имения. Общинная распыленность земельных полос содействовала такой аккумуляции земельных владений по мелочам и в разброс. Не мало владений крупнокрестьянского и даже рыцарского типа складывалось из свободных держаний в разных манорах. Имея часто несколько лордов, связанных с несколькими вотчинами, причем связь эта благодаря сложной суб-инфеодации была нередко очень шаткой, фригольдер занимал своеобразное и самостоятельное положение в феодальном мире. Верхушка крестьян-фригольдеров непосредственно примыкала к мелким вотчинникам; провести разграничение здесь немыслимо. Из этой среды вербовалось рыцарство. Королевские указы предписывали всем свободным держателям, от кого бы они ни держали, владеющим годовым доходом в 20 фунтов, принять рыцарское звание. Вступление в рыцарское сословие было не только открытым, но и обязательным для свободных землевладельцев определенного достатка. Здесь перед нами выступает своеобразная социальная фигура нового рыцаря, не столько воина, сколько землевладельца, не обеспеченного несвободным крестьянским трудом, ведущего свое хозяйство при помощи наемной рабочей силы. Но и мелкий вотчинник, владеющий вилланами, сравнительно мало использовал барщинную систему и опирался преимущественно на наемный труд. Его вилланы были держателями по преимуществу мелких земельных наделов за незначительную

ренту и интересовали его, главным образом, как резервная рабочая сила. Значительная сохранность в Англии дофеодального свободного держания, объясняемая, может быть, ранним развитием денежной ренты, раннее развитие мобилизации земли и рост новых свободных держаний не позволили нижнему слою феодальных землевладельцев оформиться в замкнутое и наследственное сословие, как это было на континенте Европы. Быстрое развитие денежной ренты именно в среде мелких вотчин, гораздо меньшая связь нижнего края феодального класса с феодальными производственными отношениями, отсутствие резкой грани между верхушкой свободного крестьянства и рыцарством — все это придало английскому дворянству тот специфический характер, которым запечатлена вся история Англии. Отмечают, что в английском языке нет даже слова для передачи континентального понятия «дворянство» — gentleman не является синонимом французского gentilhomme. Английская джентри не сложилась в замкнутое сословие с юридически закрепленными привилегиями, резко отграниченное от крестьянской верхушки и от буржуазии. Джентльменом мог стать каждый, кто приобретал земельное владение достаточных размеров для того, чтобы вести приличествующий джентльмену образ жизни и пользоваться влиянием в своем округе. Звание джентльмена не стало наследственным, и всякий, кто терял свое земельное владение, тем самым выбывал из состава дворянства. Непрестанно обновляясь наиболее сильными и честолюбивыми элементами из других классов и выбрасывая из своей среды все ослабевшие элементы, английское дворянство отличается исключительной силой, гибкостью и приспособляемостью. Если особенности социальной и политической истории Англии XVI и XVII вв. и истории английской революции в значительной мере определяются буржуазным перерождением части английского дворянства, то зародыши этого перерождения мы можем наблюдать уже в XIII в. Но феодальная верхушка — в эту пору главная социальная и политическая сила — гораздо тверже стояла на почве феодального производства и феодальных привилегий.

Рыцарство и примыкавшая к нему верхушка свободного крестьянства составили социальную базу местного управления, как оно было организовано норманскими и анжуйскими королями, использовавшими дофеодальные учреждения сотни и графства. Едва ли есть надобность останавливаться на общеизвестных фактах политической истории Англии, на той роли, которую рыцари графства, milites de comitatu, и верхушка свободного крестьянства, legales homines, играли в истории английского местного управления, в собраниях сотен и графств, в ассизах и всяких правительственных расследованиях, в полицейской организации и в раскладке налогов. Отметим важную роль в в местных делах (особенно в судебных и фискальных расследованиях) сотенных присяжных, набиравшихся из среды мелкого рыцарства, а главным образом верхушки свободного крестьянства (мелкое крестьянство от участия в жюри было устранено). Этот слой, играющий такую крупную роль во всех построениях политической истории Англии, до сих

пор почти игнорируется в ее аграрной истории, где крупная феодальная вотчина занимает почти все поле зрения. Наше исследование должно было показать значительную социальную силу и своеобразие мелкой вотчины. Достаточно известно, какую крупную роль рыцарство играло в процессе политического сплочения Англии, в борьбе королевской власти с политической самостоятельностью больших баронов, в борьбе за феодальную конституцию. Через своих представителей оно стало господствовать в Нижней Палате парламента. Встречаясь там с представителями городов, рыцари графств видели в них не только старых знакомых по plenus comitatus, но и людей классово им нечуждых. И те и другие представляли в феодальном обществе элемент буржуазного брожения, зародыш капиталистического развития, между ними не было непроходимой грани как между феодалами, живущими исключительно феодальной рентой, и третьим сословием, платящим эту ренту в той или иной форме. Их классовая солидарность нашла наиболее четкое выражение в рабочем законодательстве XIV в., объединившем всех нанимателей против рабочих, а в некоторых вопросах и против феодалов. Объединение рыцарства с горожанами против политических притязаний крупных феодалов, с одной стороны, и короны, с другой, являлась одним из решающих моментов в выработке английской феодальной конституции.

Таким образом, вместе с Роджерсом мы признаем раннее развитие в Англии системы денежных рент, получивших преобладающее значение уже к середине XIII в. Но вместе с Пэджем мы отмечаем значительную сохранность отработочных рент в крупных, особенно церковных вотчинах южной и восточной Англии. Мы в целом принимаем картину распределения денежных и отработочных рент по графствам, которую дал Грей для эпохи перед Черной Смертью, но полагаем, что она сложилась уже в XIII в. Наше исследование разъясняет причины парадоксального на первый взгляд преобладания натуральной формы ренты в районе наибольшего развития денежного хозяйства Мы приблизились и к оценке влияния Черной Смерти на историю феодальной ренты в Англии, хотя эмпирическое исследование этого вопроса стоит вне пределов нашей работы. Вопрос о размерах бедствия, о значительности и длительности тех перемен, которые оно внесло в вотчинное хозяйство, все еще остается в целом неясным. Роджерс видел в нем событие центрального значения для аграрной истории XIV в., и за ним идет большинство историков. Но уже Виноградов и Джонсон выразили сомнение в том, чтобы роль Черной Смерти действительно была такова. Леветт доказала, что в ряде вотчин епископства Винчестерского влияние Черной Смерти не было ни глубоким, ни длительным. Таковы же ее наблюдения над манорами Сент-Ольбанского аббатства [167]. Нильсон обнаружила в документах, касающихся вотчин Рамзейского аббатства, очень мало прямых указаний на перемены, произведенные Черной Смертью и крестьянским восстанием [168]. Ни Леветт, ни Нильсон не нашли в своем материале указаний на феодальную реакцию. Но в Оксфордширской вотчине Witney того же

епископа Винчестерского, чьи гампширские маноры дали материал для заключений Леветт, Баллард нашел крупные перемены после Черной Смерти [169]· значительная часть виллапских земель попадает в руки лорда; резко понижаются рабочие повинности. Наблюдается значительный рост наемного труда и заработной платы Доходность домениального хозяйства падает. Наблюдается переход к овцеводству и к системе денежных рент. Повидимому, Черная Смерть прошла очень неровно по английской деревне и последствия ее были не всюду одинаковы.

Так же спорен вопрос о феодальной реакции. Пэдж совсем отрицает ее, но Роджерс, Нассе, Охенковский, Стеббс настаивают на ее крупной роли в истории крестьянства после Черной Смерти. Petit-Dutaillis отчасти присоединяется к этому мнению, и Петрушевский приводит много бесспорных доказательств того, что лорды сурово применяли к вилланам свои феодальные права в эпоху после Черной Смерти. Помимо показаний Голиншеда, Уиклифа, автора Chronicon Angliae, Найтона, Фруассара, он приводит ряд выдержек из протоколов манориальных курий, свидетельствующих о той суровости, с которой лорды осуществляли свои права по отношению к вилланам, что вызывало со стороны крестьян резкий отпор, отказы подчиняться требованиям манориальной администрации, попытки вооруженного сопротивления министериалам лордов; он цитирует ряд процессов, в которых вилланы стремились отстоять свои права, выставляя себя держателями старинного домена короны. Петрушевский думает, что суровые требования лордов явились чем-то новым, реализацией прав, которые существовали лишь в юридической теории, но фактически никогда не применялись· крестьяне пользовались значительной свободой и правовой обеспеченностью уже в XIII в.; они стали еще свободнее в результате процесса коммутации. «Едва ли может быть сомнение, что силою вещей отодвигавшееся в прошлое крепостное право благодаря Черной Смерти опять возрождается и притом в гораздо более тяжелых, сравнительно с прежним хозяйственным строем, формах; и в результате вызванного чумою рабочего кризиса наступила в Англии очень сильная феодальная реакция, тем более сильная, что она имела в виду интересы широко развивавшегося уже денежного хозяйства, которое открывало возможность самой широкой эксплоатации лордом манора зависимого от него населения» [170].

Не отрицая нисколько обострения классовой борьбы в Англии ко времени восстания 1381 г., я считаю нужным внести в нарисованную Петрушевским картину некоторые дополнения, которые ставят под вопрос решающее значение Черной Смерти. Петрушевский преувеличил свободу вилланов и несвязанность юридической теории виллапства с жизненной практикой. Суровое требование феодальных повинностей, даже их усиление, восстановление отмененных барщин, попытки закрепостить даже свободных людей, вооруженное сопротивление крестьян, процессы со ссылками на Книгу Страшного Суда — все это явления, известные эпохе Эдуарда I и Генриха III. Развитие товарности сеньориального и крестьянского хозяйства усиливало

феодальную эксплоатацию и вместе с тем росло сопротивление крепостных крестьян, постепенно превращавшихся в товаропроизводителей. Особенно отчетливо этот процесс должен был протекать в вотчинах крупных землевладельцев, в первую очередь церкви. Дальнейшее развитие товарных отношений в XIV в. должно было приводить на этой почве и к дальнейшему росту сеньориальных требований и к усилению сопротивления крестьянства. Можно сомневаться, внесла ли Черная Смерть здесь что-нибудь качественно новое, хотя, конечно, не приходится отрицать известного обострения ею тех процессов, которые и помимо ее развивались в английской деревне. Мы можем согласиться с выставленным Петрушевским общим положением, выведенным им из анализа рабочего законодательства, что накануне Черной Смерти барщина не играла главной роли в манориальном хозяйстве, что лорд манора, поскольку он еще вел собственное хозяйство, зависел, как и всякий другой сельский хозяин, главным образом, от наемного труда [171],— но думаем, что это положение выставлено в слишком общей форме. Денежная рента была господствующей формой ренты уже в XIII в. Но в крупных, и прежде всего в крупных церковных вотчинах востока и юга барщины держатся крепче, как это отчасти показал Пэдж, материалы которого, относящиеся к эпохе перед Черной Смертью, взяты преимущественно из крупных церковных вотчин. Именно здесь мы наблюдаем в течение всей рассматриваемой эпохи «феодальную реакцию» на развитие товарного хозяйства. Она могла до известной степени обостриться после Черной Смерти, но корни ее лежат не здесь. В числе причин, обострявших «феодальную реакцию», надо, может быть, отметить также недостаток в рабочей силе и ее вздорожание, вызванные не столько Черной Смертью, сколько распространением в Англии шерстяной промышленности как городской, так и, особенно, деревенской, которая отчасти отвлекала малоземельное крестьянство от труда в качестве сельскохозяйственных рабочих. Поскольку крупная вотчина обычно комбинировала барщинный труд с наемным, недостаток свободных рабочих рук мог вызвать усиленный нажим на барщину.

Связь «феодальной реакции» не столько с Черной Смертью, сколько с развитием товарного хозяйства отчетливо выступает при изучении территориального распространения восстания Уота Тайлера. Я уже отмечал в главе V, что восстанием были, в первую очередь, охвачены те графства, где как мои подсчеты для XIII в., так и подсчеты Грея для времени перед Черной Смертью рисуют наибольшее развитие отработочных рент. Эти графства вместе с тем были районом наивысшего развития товарности сельского хозяйства. Здесь же (особенно в Норфоке и Кембриджшире) начала усиленно развиваться и шерстяная промышленность, превращавшая коттера из сельскохозяйственного рабочего в кустаря.

Отмена крепостного права и барщин, свобода крестьянской торговли — вот основные требования Майль-Эндской программы 1381 г. Это — требование крестьян, стремящихся превратиться в свободных товаропроизводителей.

Здесь интересы крестьянской верхушки сходились с интересами значительной части среднего крестьянства. В основном — это требование свободы буржуазного развития деревни. Другой характер имела Смитфильдская программа кентцев — здесь требования крестьян были продиктованы, главным образом, малоземельем. Если требования эссекского отряда были вызваны «феодальной реакцией» (в широком смысле слова), то требования кентцев были связаны с дроблением свободного надела и с наступлением лорда на общинные земли. Но и их требования имели определенно выраженный антифеодальный характер, заостряясь против крупного феодального землевладения и его политических привилегий.

Путь развития феодальной ренты в Англии не может уложиться в простую линейную схему, применимую ко всем вотчинам во всей стране. Такая схема может лишь очень бледно и суммарно отразить самые общие тенденции изучаемого процесса, который в действительности шел по разным линиям. Уже в XIII в. перед нами намечаются два основных пути развития вотчины. Путь роста денежных рент, превращения крестьянина в товаропроизводителя и эксплоатации сеньориального хозяйства при помощи наемной рабочей силы,—другими словами —путь разложения феодализма. Этот путь в основном определил развитие страны. Всего яснее он выступает в тех районах и в тех вотчинах, где феодализм был слабее развит — где не создалось значительных кадров несвободного крестьянства,— в первую очередь в мелких вотчинах. Но рядом с этим мы видим и другой путь — путь «феодальной реакции», усиления феодальных повинностей и в частности отработочных рент в ответ на развитие товарно-денежного хозяйства. Всего отчетливее он в крупной вотчине; в церковной — отчетливее, чем в нецерковной.

Различия в характере рент мелкой и крупной вотчины выступают отчетливее на востоке, чем на западе. Мы можем предположить, что развитие товарно-денежного хозяйства усиливало дифференциацию среди вотчин и одновременно обостряло как процесс развития денежных рент, так и «феодальную реакцию».

В этой итоговой главе мне пришлось бегло коснуться ряда вопросов, конкретная разработка которых не вошла в эту книгу. Проблема расслоения крестьянства, проблема свободного держания и его ренты, проблема коммутации составят содержание второго тома этого исследования.

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ I

1. Ср. Виноградов, Collected papers, II.

2. Виноградов, Growth. Preface, V, Ec. Journ. X, 308.

3. Curtler, The Enclosure and Redistribution of our Land 1920, p 1. Грас в своей недавней работе (The economic and social history of an English Village, 1930) дает такое определение манору: «Манор представлял владение сеньора с доменом, возделываемым работниками, у которых также были свои держания. До появления домена была лишь зависимая деревня После того, как домен был сдан в аренду, оставалась, можно сказать, лишь полуманориальная система». Манориальную систему характеризует обработка домена несвободными рабочими руками (стр. 12). Для изученной Грасом гампширской деревни Краули, принадлежавшей епископу Винчестерскому, эпохой наивысшего развития манориальной системы было начало XIII в., может быть и конец XII в. В другой своей работе Грас считает экономической базой манора «the practice of supporting an agricultural propietor by means of services and rents in kind», Corn Market, 25.

4. History of Engl. Law. I, 599.

5. Villainage, 405.

6. В своем обзоре «L'évolution du régime agraire en Angleterre», помещенном в декабрьской книжке «Revue de Synthèse Historique» за 1924 г., Сэ пишет. «La désorganisation de l'ancien régime manorial se produit de bonne heure elle se manifeste dès le XIV siècle, par la substitution des rédevances pécuniaires aux corvées et services en nature (commutation), cette transformation marque le passage de la Naturwirtschaft à la Goldwirtschaft».

7. Ср. особенно Collected papers, I, 127—128.

8. Villainage, 307.

9. Collected papers, I, 128.

10. Савин, Ист Изв , 1916, I, 175.

11. EHR, 1894, XXXV, 417, Collected papers, II, 366.

12. History of English. Law, I, 594—605.

13. EHR, 1894. XXXV. Также Collected papers, II.

14. О Fleta как источнике см. Maitland, DB and beyond, 397—398.

15. Engl. Vill. Comm., 22.

16. Там же, 32—33.

17. Савин, Английская деревня, Предисловие.

18. Selden Society, II, LXIX.

19. EHR, I, 1927, 76.

20. Савин, Ист. Изв., 1916, I, 182

21. Там же, 181.

22. The history of a Cambridgeshire Manor (Wilburton). EHR, IX, 417—439, Collected papers, II.

23. История одного восточного манора, 1915. История двух маноров. Ж. М. Н. П , 1916.

24. Woodstock Manor in XIII century. Vjschr. f. Sz. Wg. 1908, VI, 424—459. Также Oxf. St V.

25. Economie Conditions on the manos of Ramsey Abbey, 1899, Customary rents Oxf St., II.

26. The economic development of a Norfolk manor, 1086—1565, 1906.

27. Oxf. St., V.

28. См. прим. 32.

29. См. прим. 34.

30. См прим. 33.

31. The economic and social history of an English Village, 1930.

32. F M. Stenton. Types of manorial structure in the Northern Danelaw, Oxf. St., II. Также Documents illustrative of the social and economic history of the Danelaw. British Academy. Records of the social and economic history of England and Wales. V. См также его статью Danes in England, History, окт. 1930.

33. D. Douglas, The Social Structure of medieval East Anglia, Oxf. St. IX, 1927.

34. J. E. A. Joliffe. Northumbrian Institutions, EHR, XLI (Jan. 1926).

35. Ср Survey of the honour of Denbigh, British Academy, Records of the social and economic history etc , I.

36. Многие из затронутых здесь вопросов были в свое время подняты Мэтландом.

37. Ср. Kees South Wales and the March. См EHR, V, 625; Collected papers, II, 96.

38. Oxf. St V; EcHR I.

39. Вопрос о римских переживаниях в полевых системах Англии представляется наиболее спорным из построений Грея.

40. Петрушевский Восстание Уота Тайлера, изд 1, т II, стр. 129.

41. Петрушевский. Восстание Уота Тайлера, изд 3, 151—159.

42. A History of Agriculture and Prices, I. 81. Я даю здесь лишь беглый очерк постановки данной проблемы в исторической литературе, поскольку в специальных трудах уже не раз делались обстоятельные обзоры, см., напр., Петрушевский. Восстание Уота Тайлера, изд. 3, 259—263 и 157—158.

43. T. W Page. Die Umwandlung der Frohndienste in Geldrenten in den ostlichen, mittleren und sudlichen Grafschaften Englands, 1897. Его же: The End of villainage in England, 1900.

44. End of villainage, 47.

45. Виноградов в EHR, XV, 775, Feiling в EHR, Apr., 1911, Gray, EHR, Oct., 1914.

46. Levett. Oxf. St. V, 147 и след

47. Грей приводит в виде примера манор Framlingham, Suffolk. По Педжу он относится к числу таких, где господствует барщинная система Но Bailiff's Roll 19 Ed. I считает в нем Redditus assisus — 30.17 0, tallagium nativorum — 9 0.0, perquisita curie — 6.14 0 и т. д. Opera — 23.4.0 (из них в данном году часть заменялась денежными платежами на сумму 7.0.0).

48. Growth of the Manor, 329; Villainage, 291, 307.

49. N Neilson Customary Rents Oxf. St. II.

50. Oxf St , V, 14—20 См. также ее статью «Financial organisation of the manor» в EcHR., Jan., 1928.

51. English village community, 93.

52. Villainage, 223.

53. Там же, 353

54. Там же, 349

55. См. статью E Power в History, II, 1918.

56. Victoria County History, Oxfordshire II, 166

57. Athenaeum, 1883.

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ II

1. Ср. Helen Cam. The Hundred and the Hundred Rolls (1930), а также ее «Studies in the Hundred Rolls» в «Oxford Studies in Social and Legal History», VI (1921). Перечисление документов, известных под названием «Сотенных Свитков», см. в последней работе, 115.

2. Giuseppi, Guide, 341—342, перечисляя сохранившиеся свитки, указывает что из 15 кембриджширских и 20 оксфордширских свитков, относящихся к расследованию 1279 г., напечатаны не все; он указывает также на наличие в Лондонском Публичном Архиве двух мембран, содержащих расследование для Миддльсекса (также не напечатанное). Все эти ненапечатанные материалы были мною просмотрены. Для Кембриджшира не напечатан небольшой фрагмент, который почти невозможно прочесть (сотня Northstow), для Оксфордшира — очень краткая опись бурга Бенбери две миддльсекские мембраны ничего общего с расследованием 1279 г. не имеют.

2a. Misc. Books, Exchequer K. R. ser. I, N 15.

3. E. Powell. A Suffolk Hundred in the 1283, Cambr. 1910. Целиком этот документ напечатан в «The Pinchbeck Register» (изд. лордом Hervey), II, 30—282. См. также D. C. Douglas. Feudal Documents from the Abbey of Bury St. Edmunds. Records of the Social and Economic History of England and Wales, vol. VIII (Brit. Academy).

4. См. H. Cam. The Hundred and the Hundred Rolls и ее Studies (прим. 1).

5. Bracton, II, 182 и сл. Statutes I, 233. Munimenta Gildhalle Londoniensis, I, 79. II, 347.

6. Pollock and Maitland II, 521. Эволюция анкеты, производившейся судебным объездом, дана у Кем (Oxf. St. VI, 9—112).

7. И для Стеббса, и для Political History of England (Hunt and Poole), и для History of England Омана, и для ряда других общих работ по политической истории Hundred Rolls — это запись расследования 1274—1275 гг.

8. Кем, цит. соч.

9. Кем делает ошибку, полагая, что свитки 1279 г. в противоположность свиткам 1274—1275 гг. не повторяют тех пунктов анкеты, на которые дается ответ (Oxf. St. VI, 15). Наиболее подробно пункты анкеты приведены в описи Кембриджширской виллы Кингстон (RH, II, 514—517).

10. Приказ напечатан в предисловии к изданию Record Commission, II. См. также H. Hall. A Formula Book II, 141—142.

11. Jacob. Oxf. St. IX, 150.

12. См. Cam, названные работы, особенно Hundred, 238, а также History, 1926. VII, 145—146.

13. RH, II, 402.

14. RH, II, 688.

15. K. R. Misc. Bks., I, 15. В предисловии к изданию Архивной Комиссии названы другие имена.

16. См. Текст присяги в предисловии к RH, II, а также у H. Hall, A Formula Book, II, 142.

17. RH, II, 238 и след.

18. Rotuli Parliamentorum, I, 269.

19. RH, II, 822.

20. RH, II, 690.

21. RH, II, 691.

22. См., напр., опись виллы Bampton в Оксфордшире (RH, II, 688 и след.) или Little Odell в Бедфордшире (RH, II, 328 и 331) и мн. др.

23. RH, II, 338. И в данном случае практика расследования 1279 г. сходится с практикой описи движимости.

24. К вопросу об обезземелении крестьянства в Англии, 10.

25. Cart Ram , I, 490.

26. RH, II, 656.

26а. Что приведенный в Рамзейском картулярии документ, датированный 3-м годом Генриха III, в действительности относится к более позднему времени, ясно из упоминания в нем лиц, которые были живы в 1274 и даже в 1288 гг. (domina Dervergulla de Balliol,вдова Джона де Balliol, упоминающаяся в RH, II, 169, и мн. др., CR, II, 361 говорит о разборе тяжбы между ею и монастырем в королевском суде в Вестминстере в 1288 г.). К тому же дата — 3-й год Генриха III — мало вероятна и потому, что в этом году в аббатстве не было вакансии и не было повода к посмертному расследованию. Наиболее вероятной датой является 1267—1268 гг. (52-й год Генриха III). В этом году наступила вакансия после смерти аббата Hugo de Sulgrave. Переписчик легко мог смешать цифры LII и III. 15 февраля 1268 г. опека над аббатством была передана Генриху de Malo Lacu (Fine Rolls, 52 Hen. III, т. 4, ср. CR, III, 13 и сл.), но уже 20 февраля монастырь выкупил эту опеку за 300 марок. Может быть поэтому опись, сделанная исчитором, приступившим к своей работе до выкупа, осталась в архиве аббатства, а не пошла в королевскую канцелярию.

27. Cart. Ram. I, 397—400. В печатном издании RH эта опись отсутствует. Я знакомился с нею по копии XVI в. в Лондонском Публичном Архиве (Rentals and Surveys, Portf. 8, N 56).

28. Eynsh. Cart. I, 9, 11; RH, II, 709, 750, 717, 724, 701, 689, 693; Lib. Mem. 295—310; RII, II, 524—525, 528, 555, 564, 446—447.

28а. Таковы, напр., вопросы, встречающиеся в расследованиях только один раз: «Item quantum quilibet tenet ut in pratis croftis et gardinis et quantum continet si sit acra dimidia vel roda», «item quantum opera villanorum valent», «item de purpresturis factis quantum in latitudine et longitudine» (RH, II, 454).

28б. Напр , RH, II, 685.

29. RH, II, 689 — о вымогательствах под предлогом принуждения к вступлению в рыцари.

30. RH, II, 725.

30а. RH, II, 323.

31. «Omnes tenentes feodi de Gloucestria in Turveye» и «omnes tenentes Hospitalis de Suldrepe» — RH, II, 332 и 327. В числе отказавшихся отвечать назван Willelmus de Montecanisio и его держатели в вилле Stagsden (RH, II, 323), но и Вильям и его держатели перечислены в описи виллы Stagsden (RH, II, 326).

32. Впрочем, возможно, что эти сведения были получены путем опроса соседей.

33. У нас нет сведений о дополнительных расследованиях, поручавшихся рыцарям графств, как это бывало в некоторых случаях при расследовании 1274—1275 гг. (Cam в Oxf. St., VI, 128).

34. Villainage, 155.

35. Данные о составе присяжных будут подробно даны во II томе.

36. Oxf. St., VI, 125.

37. RH, II, 338. Причиной отказа могло быть то, что держатели honor'a Berkhamstead уже дали или должны были дать ответ в Гертфордшире.

38. Ср. Ballard в Oxf. St., V, 183—189. Любопытный рассказ о том, какое неудобство для монастырей, а возможно и для других лордов представляли расследования, дан в Liber Memorandorum Ecclesiae de Bernewelle, p. 134, а на стр. 171 излагаются способы подкупа комиссаров и их клерков при помощи подарков (exennia) и пр.

39. RH, II, 688—693 Опись расположена в таком порядке Bampton Welde. Bampton Pogeys. Aston. Cotes. Bampton Exonie. Marshaddon Lewes. Haddon. Clanefeud. Bampton Doyly. Honor St Waler'. Clanefeud. Benneye. Clanefeud. Таким образом, в описи вилла Bampton разбита на четыре части, Clanefeud — на три; и эти части помещены в разбивку среди описей других деревень. Причина этого лежит в вотчинной организации. Опись начинается с вотчины W. de Valence, в Bampton'е расположен

лишь домен этой вотчины, держательская земля лежит в Welde и поэтому опись переходит к этой вилле. Затем она опять возвращается к Bampton'y и начинается описание вотчины R. Pogeys, но тут вдвигается Aston, где лежит большая часть вотчины Pogeys. Вотчина Ric. Chastillon частью расположена в Clanefeud, частью в Benneye.

Litlle Odell, Beds разбита на две части — одна связана с манором J. de Wahull в Gr. Odell, а другая — с манором Bald. Wake в Stephenton. Обе части расположены в описи даже не рядом, причем нет возможности выделить из манора Bald. Wake ту часть, которая расположена в Little Odell.

40. См. RH, II, 754, 752 и мн. др.

41. RH, II, 748.

42. Эту особенность RH разделяют с экстентами. См. Vinogradoff. Villainage, 330. «Манориальные описи редко дают указания на лизы, так как их целью является нарисовать распределение собственности и временные соглашения лежат вне их сферы». Некоторые из держаний, обозначенные в RH как наследственные, оказываются пожизненными, если мы обратимся к Placita de quo warranto. Ср. RH, II, 329 и PQW, 5; RH, II, 330 и PQW, 11 о держателях маноров в виллах Harrold и Wimington.

42а. «Ошибки, постоянно случающиеся у торопливых клерков разъездных судей» (Stenton, Br. Ac. V, CXI).

42б. Jossel вместо Johannes Russel (RH, II, 473); Walterus filius Rogeri на той же строке назван Willelmus filius Rogeri (724) и очень много др.

42в. Часто XI вместо VI (напр. RH, II, 466), VI вместо IV и наоборот (RH, II, 479), пропуски X (XVII вместо XXVII — на стр. 348). Особенно крупные ошибки возникают при счете на двадцатки (scores). Так, на стр. 421 держание Elis. Banbury дано в 20 000 акров вместо 240 (M^{xx} вместо XII^{xx}). Возможно, что это ошибка издателей.

42г. Держание аббата de Dirham в 18 a. повторено на стр. 588 и 589; держание Galfr. de Leukenore в 10 v. упомянуто на стр. 749 дважды; также держание Юлианы Beche на стр. 472; неточные повторения. на стр. 735 держание Томаса Laungel дано в 6 v , на стр. 739 — в 4; держание наследников Walt. Godard на стр. 335 описано дважды, второй раз неправильно. Ср. также описания вотчины J. de Lomeri на стр. 341 и 342 — разница получается больше гайды.

42д. См. держание Ric. Serle в $^1/_4$ рыцарского феода; не указаны ни размеры держания, ни его структура (RH, II, 558). Образцами суммарных описей могут служить описи вилл Selvirle и Ascote (RH, II, 589—590). Ср. также держание Laur de Loches RH, II, 750).

43. Так, доход с манора Ric. Williamscot определен в 10 ф., но подсчет дает 14.4.0. RH, II, 728—729. Ср. Зомбарт, Современный капитализм, I, 178.

44. Nec sciunt separare quantum terre tenet de episcopo et quantum de Willelmo (II, 442) и мн. др.

45. RH, II, 461.

46. RH, II, 441, 487, 489 и мн. др.

47. Имеются следующие параллели между датированными экстентами Рамзейского картулярия и описями Сотенных Свитков:

1) St. Ives, Oldhurst и Woodhurst, 1251 (Cart. Ram 281 и сл.)—Slepe, Old Hurst и Woodhurst (RH, II, 603), иначе «manerium St. Ivonis cum Soca».
2) Holywell и Needingworth (CR, I, 295, 1252 и RH, II, 602).
3) Warboys и Caldecote (CR, I, 305, 1251 и RH, II, 601).
4) Ripton Abbot's (CR, I, 351, 1252 и RH, II, 600).
5) Broughton (CR, I, 330, 1252 и RH, II, 600).
6) Wistow (CR, I, 351, 1252 и RH, II, 602).
7) Girton (CR, I, 491, 1239—1240 и RH, II, 457).

Все виллы, кроме последней, находятся в сотне Hirstingdon в Гентингдоншире (где был расположен и монастырь), последняя в сотне Stow в Кембриджшире.

Из недатированных экстентов Рамзейского картулярия имеют параллели в RII следующие

8) Houghton (CR, I, 363 — RH, II, 601).
9) Hemingford (CR, I, 330 — RH, II, 680)
10) Stukeley (CR, I, 392 — RH, II, 599).
11) Ellington (CR, I, 487. II, 23 — RH, II, 656)
12) Ripton Regis (CR, I, 397) и список с RH, сделанный в 30-х годах XVI в., Rentals and Surveys, Portf. 8, N 56.

Houghton, Ripton и Stukeley расположены в сотне Hirstingston, Hemingford в сотне Toseland и Ellington в сотне Leightonstone в графстве Гентингдоншир

48. Дата определена издателем H. E. Salter неточно (EC, 9, n.) В описи упомянут день св Люции 53-го года (царствования Генриха III), т. е. 13 декабря 1268 г. Не относится ли эта опись ко времени вакансии аббатства после смерти аббата Александра (ум 15 марта 1268 г.)? После него монастырьдолго был в руках епископа Линкольнского (EC, I, XXII) Annales of Dunstable (Ann. Monastici, III, 259) упоминают «Taxatio magistri Constantini et G. de Tantone» между 1270 и 1273 гг. Первое из этих имен стоит в заголовке расследования.

Здесь мы можем привлечь для сравнения описи маноров:

Charlebury (RH, II, 709 — EC, I, 9).
Stoke (RH, II, 750 — EC, I, 10).
Wodethone (RH, II, 717 — EC, I, 10).
Baldintone (RH, II, 724 — EC, I, 10).
Sipford (RH, II, 701 — EC, 10—11).
Aston (RH, II, 689 — EC, I, 11)
Welde (EC, 11)
Norton Brun (RH, II, 693 — EC, 11).
Fileking (EC, 11).

48a. Здесь параллельный материал дают Кембриджширские маноры:

Bourn (RH, II, 524—525 — LM, 294—298).
Caldecote (RH, II, 528 — LM, 298—299).
Comberton (RH, II, 555 — LM, 299 — 300).
Barton (RH, II, 564 — LM, 301—305).
Maddingley (RH, II, 446—447 — LM, 307—310).

49. CR, I, 283, 295, 307, 321, 352.

50. CR, I, 294.

51. RH, II, 603.

52. RH, II, 602.

53. RH, II, 601

54. RH, II, 600.

55. RH указывают, что в вотчине Ripton Abbot's часть луга расположена в вилле Houghton (RH, II, 600). Такое же указание найдем и в CR (III, 321) В вотчине Broughton RH делят луг на 3 части — 5 a. infra manerium, 4 a. — в лугах виллы St. Ives и 4 a — в лугах виллы Houghton (RH, II, 600) И экстент упоминает о том, что части луга лежат в St. Ives и Houghton, причем размер части, лежащей в St.Ives, определен точно так же, как в RH, в 4 a (CR, I, 332).

56. RH, II, 605, ср. CR., I, 283.

56a. Ср описи Ripton Abbot's и Broughton в RH и DB.

57. RH, II, 602, ср CR, I, 307.

57a. Экстенты отмечают всего три ветряные мельницы — в Broughton (CR, I, 333), Wistow (CR, I, 354) и Houghton (CR, I, 365 — мельница сдается в аренду). При этом на первой мельнице обязаны молоть зерно все вилланы из вотчин Broughton, Warboys, Caldecot, Old Hurst, Wood Hurst, на второй — из Wistow, Upwood и Ravely, на третьей — из Houghton, Holywell и Needingworth (CR, I, 302). RH отмечают

кроме того мельницы в St. Ives, Warboys — Caldecot, Holywell — Needingworth, Ripton Abbot's.

58. DB, I, 204.

59. DB, I, 204v.

60. RII, II, 602 дают в маноре Wistow 18 держаний виргатариев; CR (I, 356—363) — 28. В маноре Holywell— Needingworth RII, II, 603 дают 26 держаний по виргате, CR — 16. Правильны цифры CR В обоих случаях дело сводится к обычной в средневековых рукописях описке — XVIII вм XXVIII; XXVI вм. XVI. Любопытно, что при общем подсчете эти описки друг друга уравновешивают.

61. В Holywell — Needingworth RII пропускают 11 или 12 вилланских крофт, показанных в CR.

62. В Wistow, Ripton Abbot's, Warboys — Caldecot, Broughton.

63. В Slepe, Woodhurst RII определяют виргату в 15 а., CR — в 16; в Oldhurst — RII в 30 а, CR — в 16 (возможно, что вернее цифра RII). В Holywell — Needingworth RII дают для виргаты 16 а., CR — 18 и более акров.

64. CR, I, 370.

65. В St. Ives CR показывает на семи виргатах по два вилланских хозяйства, на одной — три. Для RII все виргаты одинаковы. Так же не видно из RII, что в Warboys — Caldecote на 17 виргатах сидит по два хозяйства, на 7 — по три, на 1 даже четыре. Некоторые виргаты соединены по две и более в одних руках (Матильда Vidua держит два держания по виргате и кроме того 1 виргату совместно с Galfr. f. Ade). Этого в RH не показано.

66. В других описях RH нередко упоминают об «аллокациях». Эта система очень последовательно развита в Глостерских экстентах. В Рамзейских экстентах все отработочные повинности выражаются в известном числе ручных работ (opera) и пашенных работ (arature) — за исключением averagia и прекарий, число которых находится на воле лорда. Затем экстенты перечисляют всевозможные виды отработочных повинностей, причем некоторые из них зачитываются как определенное количество opera, а другие не зачитываются и требуются сверх указанного числа opera. В числе opera могут, таким образом, зачитываться и некоторые пашенные работы (очень часто), а также некоторые прекарии и извозные повинности. Таким образом, в делении работ на opera, arature, precaria и т.п. следует видеть прежде всего форму учета работ, которой не вполне соответствует реальное содержание.

67. Напр., в Ripton Abbot's.

68. Для мелких держаний обычно дается лишь число барщинных дней в неделю (1—2) и общее упоминание об averagia (cum corpore suo) и прекариях Это порой приводит к неточности. В Ripton Abbot's RH определяют работы коттера в 1 день в неделю, кроме рождественской недели, averagia и прекарии. (RH, II, 600). Экстент показывает, что во время жатвы требуются еще два дня работы; равным образом требуются усиленные работы во время сенокоса (CR, I, 360—361). Averagia и прекарии назначаются по воле лорда. В Warboys — Caldecot RH не показывает averagia super dorsum и др. работ, не входящих в счет opera, не показывают precariae, где устанавливают отношение жатвенных работ к еженедельным opera (RH, II, 602, CR, 1, 314—315) Сложные и своеобразные повинности коттера в Holywell — Needingworth) странным образом скомканы в RH (CR, 1,302—303; RH, II, 603), повидимому, между словами S. Mich. и ad Pascham пропущено несколько фраз.

69. О возможности замены отработочных повинностей денежными говорят экстенты маноров Wistow, Ripton Abbot's, Broughton, Warboys — Caldecot.

70. Четверть виргаты Ric. Berengarius'a в Warboys — Caldecot CR отмечает в числе вилланских держаний, RH в числе свободных.

71. RH дают в фригольде только одну виргату Ранульфа Clerivaus CR дает, кроме виргаты Филиппа Clerivaus (отца?), еще 7 держаний, составляющих свыше 5 виргат.

72. В Broughton, Holywell — Needingworth, Warboys — Caldecot (мелкие пашенные повинности и прекарии у некоторых свободных держателей).

73. Напр., Seebohm, Village Community, 37. Neilson, Manors of Ramsey, 14; если говорить лишь о манорах Рамзейского монастыря, то в Therfield виргата равна 64 а, в Lawshall — 50 а., в Ripton 15½ а., в Shitlingdon — 12 а. В Shitlingdon мы встречаем необычайно мелкую гайду в 48 а. В Barnwell, Hemington и Gravele гайда состоит из 7 виргат, в Lawshall— только из 3 Гайды не всегда одинаковы в одном и том же маноре. В Shitlingdon обычно гайда состоит из 4 виргат, но встречается и полугайда из 4 виргат. В Gravele 7 виргат неизвестных размеров составляли гайду на свободной земле, 6¾ виргаты по 20 а составляли гайду на земле вилланов.

74. Ср., напр., CR, I, 475 (виргата в 28 и 23 а). Ср. также I, 438.

75. В течение всего средневековья и вплоть до наших дней в Англии изредка встречались акры, заметно уклонявшиеся от уставных — см. Maitland. Domesday Book, 373. В Бедфордшире акры порой содержали две руды; на севере они обычно больше уставных. Один акр может быть в четыре раза более другого. Ibid. 374, 375, 379 и след., 388. «Всякий, кто живет в деревне, знает, сколько акров содержит его поле. Ему нечего мерить; ему надо лишь сосчитать полосы, и едва ли он смешает акры с полуакрами, а это единственная ошибка, которую он может сделать». Ср. Vinogradoff. Villainage, 240—241: «вместо акров и полуакров реальное поле представляет полосы весьма капризных размеров». В акрах выражается не только пахота. И акры непахотной земли могли отличаться от пахотных. Maitland, ср. cit. 376. По наблюдениям Левет на один уставный акр (measured acre) приходилось от двух до четырех обычных (customary, field acres) — см. Oxf. St. V., 50. Столь же неустойчивы мелкие меры — руды, перчи, seliones.

76. Подсчеты по RH дают среднюю виргату, очень близкую к 30 а. (несколько меньше). Ср. Гранат. К вопросу об обезземелении, 11—12.

77. Эту вотчину упорно помещают в Глостершире, очевидно потому, что она принадлежала Глостерскому монастырю. Эту ошибку делает и Савин, Англ. секуляризация, и Neilson, Oxf. St. II, 54, помещающая его «на западе», и Gray, Engl. Field-systems, 7.

78. Cart Glouc, III, 35—36.

79. Dominicum abbatis de Wardeboys distinguitur per plures culturas sed nescitur quantae acrae in eisdem continentur. CR, I, 306.

80. Maitland. Domesday Book, 414 и след. В связи с вопросом о плуге, как основе измерения земли, необходимо внести ясность в понимание знаменитого места у Вальтера де Генли, где он определяет число акров на плуг при двухпольной и трехпольной системе. Вот это место: «Si vos teres sunt partes en treys, lune partye a yuernage, e lautre partye a quaremel e la terce partye a waret donc est la charue de tere IX^{xx} acres. E si vos teres sunt party en deus, com sunt en plusurs pays, lune meyte seme a yuernage e a quaremel e lautre meyte a waret, adonc serra la charue de tere VIII^{xx} acres». Таким образом, при трехпольной системе плугу соответствует 180 а., а при двухпольной — 160 а. Виноградов [Growth (162, 257)] делает отсюда такой вывод: «ясно, что трехпольная система требовала большего размера держания, а двухпольная — меньшего» Ср. Villainage, 241—242. Такой вывод совершенно неприемлем. выходит, что более интенсивная обработка требует больше земли, чем более экстенсивная; совершенно ясно, что при трехпольной системе нужно м е н ь ш е земли, чтобы получить ту же площадь засева, и что, стало быть, «держания» могут быть при ней меньше. Точный смысл слов Генли тот, что при трехпольной системе одним плугом можно вспахать держание в 180 а., а при двухпольной — лишь в 160 а. Это возможно вследствие того, что при трехпольной системе под озимое пашут три раза, а под яровое — один раз, между тем как при двухпольной системе приходится вспахивать три раза и под озимое и под яровое. Это совершенно ясно из следующего места: «Autre taunt auera a fere la charuwe de VIII^{xx} acres com la charuwe de IX^{xx} acres. Le uolez vos veer Quant a VIII^{xx} acres prenez XL acres

a yvernage e XL acres a quaremel e IIII (надо, конечно, IIII^{xx}) a waret, returnez e rebinez les IIII^{xx} acres e dunkes ira la charue XII^{xx} acres En dreit de la charuve de IX^{xx} acres LX acres a yvernage e a quaremel e LX, a waret, et puys returnez e rebinez les LX acres e dunc ira le charuwe en lan XII^{xx} acres». И в том и в другом случаях годовая работа плуга определяется в 240 а., но при двухпольной системе приходится вспахивать во второй и третий раз (returner и rebiner) все 80 а., находящихся под обработкой, а при трехпольной лишь 60 а. под озимое. Чтобы вспахать держание в 180 а. при трехпольной или в 160 а при двухпольной системе, необходимо работать 44 недели в году и класть $^7/_8$ акра на ежедневную пахоту «a larrure de waret et a larrure de semayse de yvernage e de quaremel» и 1 а. «au rebiner». Вычисление сделано довольно точно: 44 недели (т. е. в сущности весь рабочий год за исключением осенней уборки) дают 264 рабочих дня. При трехпольной системе требуемое время составит 265 $^5/_7$ дней $\left(\frac{60+\frac{60}{7/8}+60}{7/8}+60\right)$, а при двухпольной — 262 $^5/_7$ дней $\left(\frac{80+\frac{80}{7/8}}{7/8}+80\right)$.

Вычисления Генли, несомненно, преувеличивают продуктивность пашенных работ в XIII в. (что и понятно в трактате такого рода). Как правило, плуг вспахивал всего лишь ½ акра в день (Ср. Maitland, Domesday Book, 378). Ballard (Oxf. St. V, 190) на основании изучения Pipe Rolls епископства Винчестерского пришел к выводу, что годовая вспашка, соответствующая одному плугу, не могла быть больше 55—60 а., чему при трехпольной системе соответствует земля в 80—90 а. Таким образом, Генли желал бы повысить продуктивность пашенных работ вдвое.

81. Об этой таксации см. статью R. Graham в EHR, 1908, XXIII; Савин. Английская секуляризация, стр 290—293.

82. TE, 232.

83. Cart. Glouc., III, 55 и след.

84. TE, 232.

85. Cart. Glouc., III, 49 и след.

86. TE, 232.

87. Cart. Glouc., III, 61 и след.

88. TE, 232.

89. Cart. Glouc., N 299.

90. TE, 231—232.

91. TE, 232.

92. Cart. Glouc., III, 95 и след.

93. Подобные случаи встречаются и в RH. в домене Ральфа Shirley в L. Eatington, Warw., считается 3 карукаты В числе повинностей держателей дан ремонт железных частей трех плугов. Misc Bks. Exch K. R. I, 15, fol. 103.

94. TE, 232.

95. Cart. Glouc., III, 184 и след.

96. Item sunt in dominico tres carucate terre arabilis non per acras estimate (IPM, H. III, File 28/17), . tres carucatas terre et quedam carucata continet quatuor virgatas. . et terram illam extendere nequeunt quia terra illa nunquam acrata fuit (IPM, Ed I, File 14/2).

97. 9 CR, I, 294, 306, 392, 438 Точно так же и Сотенные Свитки иногда не умеют определить размера данной земли в какой-либо земельной мере (terram pro qua solvit 18 d .. sed non possunt inquirere quantam — 1 441).

98. Виргата мало известна в Восточной Англии. Появляется там лишь в XIII в. (Douglas Oxf. St. IX, 25).

99. CR, I, 401.

100. CR, I, 405.

101. CR, I, 413.

102. RH, II, 411.

103. RH, II, 402.

104. Напр , домен Джона Bohun в Kimbolton, Hants — 700 a. пашни, 200 a. леса, 50 a луга, 20 a другого луга, 10 a. отдельного пастбища (RH, II, 621).

105. La Leye (Beds) — RH, II, 325.

106. Wimington (Beds) — RH, II, 330.

107. RH, II, 721.

108. RH, II, 780.

109. RH, II, 630.

110. RH, II, 322—323. Ср. PQW, 7.

111. Gray. Engl. Corn Market, 42 и след.

112. Ср Gray. Commutation. EHR, 1914.

113. Историч. Известия, 1916, I.

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ III

1. Виноградов. Villainage, 313.

2. Виноградов. Growth of the Manor. 299—300.

3. Из множества примеров: «Dominus Radulfus Pyrot tenet manerium suum de Sauston de domino Rege... et habet ibidem in dominicum cum manerio et gardino 5 a.» (II, 575) Здесь слово «manerium» употреблено в двух смыслах «Abbas adhuc tenet ecclesiam cum manerio persone» (II, 556). Capitale manerium в смысле capitale mesuagium — см. II, 524 и пр.

4. Напр., Snelliston, Bucks, II, 349 — manerium в 36 a.

5. Ср. Pollock and Maitland. History of English Law, I, 595.

6. О терминах villa, hameletta и пр. см. B. A. Lees, EHR, XLI (янв. 1926), 89.

7. Ср. Maitland, Selden Soc. II, XL: «мы должны отметить тесную фактическую связь между манором и виллой; в огромном большинстве случаев манор или совпадает с виллой или заключен в границах виллы». Ср. Pollock and Maitland, I, 586 маноры, повидимому, тесно связаны с виллами. Виноградов почти отождествляет виллу с манором в Growth, 361 и след. Для Роджерса parish и manor тождественны (Hist of Agr. and Pr., 9). Ordericus Vitalis (II, 233) смешивает виллу с манором («villas quas a manendo manerios vulgo vocamus»), но Брактон отчетливо их различает. Ср. также Joliffe, EHR, 1926, I, 9 южнее Нортумбрии вилла, как правило, совпадает с манором.

8. Для Денло у Стентона (British Academy V, LX и пр.), для Восточной Англии у Дугласа. Oxf. St. VIII, 210; он считает для Восточной Англии характерным резкое различие между виллой и манором, «которое редко можно провести на юге и западе». Савин (Ж. М. Н. П, XI, 214) пишет: «В большой вилле Востока обыкновенно несколько лордов, маленькая вилла запада обыкновенно совпадает с манором». Поллок и Мэтланд отмечали, что в Кембриджшире почти каждая вилла содержит несколько маноров (H. of Engl. Law. I, 604)

9. Pollock and Maitland, I, 596—597.

10. Такое же явление для Германии констатировал Below. Probleme, 41.

11. Надо, впрочем, помнить, что и виллы могли лежать чересполосно (Pollock and Maitland, I, 561).

12. RH, II, 321.

13. DB, I, 212.

14. Ср. Виноградов. Villainage, 392, 450; Maitland. Collected papers, II, 84—95. См. такие виллы, как Bampton Regis — Bampton Pogeys, Swaffham Prioris и Swaffham Bulbeck и мн. др.

15. Ср. Stenton Brit. Ac. V, LXI—LXII.

16. Villainage, 393 и след.

17. RH, II, 321—322.

18. RH, II, 581.

19. RII, II, 689.

20. «Per plures particulas perquisitas et de pluribus feodis sed nescimus distinguere feoda» (RH, II, 551—552).

21. RH, II, 321—322.

22. Ж. М. Н. П., 1916.

23. Мы нередко встречаем больших господ в числе свободных держателей в чужих манорах. Ср. RII, II, 533; среди держателей Филиппа Burnel названы dominus Johannes Avenel и dominus Baldewinus de Sancto Georgio, оба крупные манориальные лорды. Томас Ellesworth держит 20 а. в маноре Симона de Stantone (RII, II, 468). Томас сам лорд манора в той же вилле (Stanton). За свое держание он был обязан посещать курию Симона, но выкупил эту обязанность за марку и получил на это документ (satisfecit eidem per unam marcam quod habeat cartam suam nec amplius faceret).

24. Ср. опись Milton (Бедф.) — RII, II, 322 и Duxford (Кембр.) — II, 581.

25. RII, II, 334—335.

26. RII, II, 820—821.

27. RII, II, 343—346.

28. RII, II, 343.

29. Joh. de Haddon держит от лорда манора Bampton (Оксф.) W. de Valence субманор Haddon и платит ему 1.3.5 в год, обязан посещать его курию и даже уплачивает tallagium в размере 0.6.6 (RII, II, 691).

30. «Et quilibet istorum 4 tenencium dicti prioris debet Willelmo de Jarpevil (главному лорду) 1½ d. et 1 hominem ad magnam precariam suam in autumpno». RII, II, 334.

31. RH, II, 467—468.

32. RH, II, 471: «J. de Benet tenet... de domina Elena la Zuche... et habet curiam suam de tribus septimanis extra curiam domine Elene».

33. Восстание Уота Тайлера, изд. 3, 182 и след.

34. Напр., RH, II, 474: Ric. Bradenham держит в вилле Fendrayton (Кембр.) 2 виргаты. От него держат 12 мелких держателей (привожу для простоты только пахотную землю) 2 а.+1 а.+2 а.+1 а.+1 а. (держат двое)+1 а.+3 r.+1 а.+6 r.+7 r.+2 а.+2 r. У этих мелких держателей нередко имеются еще свои держатели. См. в той же вилле держание J. Calvele. См. также RH, II, 438, 475, 476. Важно указание, что земли эти держатся per cartam, вероятно, в результате покупок.

35. RH, II, 414.

36. Случай пропажи и нахождения свободного держания дает L. M. Barn, 166: некий Si. Mordone в Bourn (Cambr.) держал от приора двор и 10 а. за 16 d. Но эта земля была им и его отцом Лукой так отчуждена и продана (in tantum... alienata et vendita), что белифы приора не знали, на какую землю можно наложить арест (ubi eum distringere possent). Симон на все запросы отвечал, что у него нет никакого держания, за которое он должен был бы вносить плату. Но во время объезда судей он, опасаясь за свою шкуру (timens pelli sue), без всякого вызова (non summonitus nec attachiatus) явился к приору и признал себя обязанным уплачивать ренту в 16 d., fecit fidelitatem, дал письменное обязательство (chartam) за себя и наследников и указал владение, на которое можно будет наложить арест в случае невзноса. Вот еще один случай потери фригольда (из той же книги, 312—317). По жалобе приора король в 1289—1290 гг. приказал шерифу Кембриджшира произвести расследование относительно 120 а., которые были даны приором Стефану le Chanu по хартии за известный постоянный взнос. Но сын его Вильям роздал по частям эту землю в феод различным посторонним лицам (extranei), которые отказываются платить приору, а приор не может их заставить, не зная даже точно, где находятся эти держания (eo quod de tenuris certitudinem non habet). Шерифу предписывается расследовать, кто держит эти земли, за какие повинности, каковы размеры этих земель, от кого их держат, и где они расположены. Шериф произвел через присяжных расследование, давшее подробную топографию этих

земель, их размеры и имена держателей. Повинности не описаны, так как, повидимому, все держатели согласились на их уплату.

37. Свободные держатели «reddunt predictos 32 s. dicte capelle de Herdwick per assignacionem dicti comitis Wintonie et sectas et omnia alia servicia faciunt dicte comitisse» (RH, II, 669).

38. «W. H. tenet de predicto comite (лорд манора) 5 a. prati et debet scutagium et preterea 8 s. per annum videlicet priori Hatefeld 5 s. et priori de Coln 3 s.» (RH, II, 425).

39. «Abbas de Lesnes tenet in villa predicta (Gamlingay) de dono quondam Ric. Avenel (предок лорда манора) de redditu assiso per annum 20 s. de quibusdam tenentibus suis (следует перечисление) —RH, II, 531. Отчужденная рента могла передаваться дальше «dominus Hunfridus de Bereford tenuit de domino W. Avenel in liberum maritagium 26 solidatas et 8 d. de redditu assiso de quibusdam tenentibus quos idem W. ei assignavit et ille dominus Hunfridus dedit illum redditum cuidem filie sue nomine Philippe unde illi sunt tenentes» (там же).

40. Напр., владения приора Барнвельского, складывающиеся из 17 дарений в Maddingley (Кембр.). RII, II, 446—447.

41. Ср , напр., держания Роджера Wendut (Impiton, Cambr.) из 12 частей от разных лордов за разные повинности. В большинстве случаев они совершенно незначительны и предполагают предшествовавшую покупку (RH, II, 465). Ср. аналогичные случаи на стр. 402 и след., 465, 511, 512, 572 и мн. др. Держание Wakelinus le Coye состоит из 21 мелкого держания от разных лордов (Coye, Cambr.) — RH, II, 495—496. Сложный состав рыцарского держания в Денло отмечен Стентоном (Br Ac. V, CXXXII).

42. RH, II, 447.

43. RH, II, 450.

44. RH, II, 423—424.

45. IPM, C. Ed., I. File 22/2.

46. RH, II, 575—580. Этот пример использован Мэтландом в Domesday Book and beyond, 136, n. 2.

47. RH, II, 557—558.

48. RH, II, 348.

49. Напр , Hanslope, Бекингемшир, RH, II, 343—346.

50. RH, II, 520—527.

51. Oxf. St. VIII, 116.

52. Ср. Pollock and Maitland, I, 610.

53. См. Paddington, Beds: два держания по полувиргате непосредственно от короля, per parvam serjanteriam, платят по 2 s., деньги передаются шерифу Бедфордшира (RH, II, 329).

54. См. Stoke Goldington (Bucks), RH, II, 347—348 или держание Rob. de Penfeld в Shudy Camps, (Bucks), RH, II, 428 и мн. др.

55. RH, II, 725: Hec sunt feoda exempta que non sunt in villis sita. Ср. Pollock and Maitland, I, 560—562.

56. Villainage, Essay II, ch. IV. Ср. Maitland, Collected papers, II, 340.

57. Pollock and Maitland, I, 621 и след. Ср. Collected papers, II, 368.

58. Pollock and Maitland, I, 585. Среди повинностей свободных держателей в RH нередко фигурирует специально оговоренная «secta curie». Но не всегда пропуск этого указания свидетельствует об отсутствии соответствующей обязанности.

59. Pollock and Maitland, I, 587.

60. Plac. Abbr., 147, 219. О нарушении севооборота (засеял землю, которая должна быть под паром) см. Plac. Abbr., 179.

61. Виноградов. Growth, 368.

62. NB. I, 410.

63. Дуглас склонен думать, что необычайная пестрота свободных держаний сравнительно с вилланскими представляет особенность Восточной Англии, не встречаю-

щуюся на юге и западе, результат дезинтеграции, не задерживаемой волей лорда (Oxf. St. VIII, 60—61). Но это явление широко распространено и в других районах, хотя, может быть, и не в такой сильной степени.

64. Ср. RH, II, 478. Мертонские клирики получают с одной виргаты, разделенной между 4 держателями, 42 шиллинга (Over, Кембр.). Это необычайно высокая рента. Ср. также высокие ренты фригольда в Bampton (Оксф.), II, 688.

65. RH, II, 335.

66. RH, II, 329.

67. RH, II, 408.

68. RH, II, 410.

69. RH, II, 696, 424 и мн. др.

70. RH, II, 620.

71. RII, II, 522.

72. LMB, 165, RII, II, 563—564. Сотенные Свитки застают это держание в момент между половинным освобождением Т. Н. и его смертью: он держит половину держания как свободный и половину как виллан.

73. RII, II, 337.

74. RII, II, 865. Ср. держание Ральфа Pyrot у W. de Sawston, который в свою очередь держит эту землю у Ральфа Pyrot (II, 575). См. также II, 577. Ср. держание аббата Thorney у J. de Folkesworthe (II, 648), аббата Рамзейского у Will. f. Joh. (II, 481) и мн. др.

75. Ср. Pollock and Maitland, I, 603.

76. RII, II, 513.

77. RII, II, 523.

78. Пример — манор Rog. Bevins (RH, II, 629), манор H. Walpol (RH, II, 528) и мн. др.

79. Douglas, Oxf. St. VIII, 121.

80. RH, II, 406. Staunton (Кембр.): ...dominus Nich. de Segrave habet in homagio in villa de Staunton 11 virgatas terre in socagio... et tenet illud manerium de Staunton de domino rege etc. (Эта вотчина названа «manerium» три раза).

81. RH, II, 855.

82. RH, II, 724.

83. RH, II, 724.

84. RH, II, 739.

85. Здесь дается сравнение вотчинной структуры ряда Бедфордширских вилл в эпоху DB и в эпоху RH. Условные обозначения: в DB v — villani, d — demesne, b — bordarii, s — servi, l — liberii. Цифра обозначает число карук в данной вотчинной единице; в RH: буквой обозначается тип вотчины (или части вотчины, если вотчина разбросана по нескольким виллам); цифра обозначает число виргат. В скобки заключены суб-маноры. Цифра не дается в тех случаях, когда земля состоит не из пашни (а из луга, пастбища, леса и т. п.).

CLAPHAM DB, I, 212; RH, II, 321.
DB. dvbs 30.
RH: a 11,8+a 5,5+a 5,5+ a 5+a 16,5.

OAKLEY: DB, I, 217, 215; RH, II, 321.
DB: db 1,5+dvbs 8.
RH: a 15,8.

MILTON: DB, I, 215 v, 213, 218; RH, II, 321—322.
DB: dvb 3+dvbs 3+dvs 4+d 0,25.
RH: c 14,5+c 7,5+a 8,5+g 0,5+a 6,5.

LA LEYE: DB, I, 215 v, 215 v, 212, 213 v, 215, ibid.; RH, II, 325.
DB: db2+dvbs 7+d1+dbs 2+? vbs 2+b 1.
RH: a 12,75+c 8.65+a 5,25+a 5,5+h1.

BLETSOE: DB, I, 213.217; RH, II, 324—325.

DB. dvbs 4+dvbs 4.

RH· a 40,45.

CARLTON· DB, I, 216 v, 209 v, 214 v, ibid , 218 v; RH, II, 330—331.

DB· dvb 2+l 1,5+?vb 1,5+db 1,5+vb 1.

RH e5+a13,85(+c5,5)+a5+e3,5+c3,7+c3

SHARNBROOK· DB, I, 216v, 217, 213v, 210, ibid., ibid., ibid., 211, 216, 216v, 218; RH, II, 323—324.

DB: ?vb1+?vb1+d $^3/_8$+? v1+d $^3/_4$ (+? v1+13+db2)+dvbs4+dbs1+dbvs3+ +d0,5.

RII: c12,8+a9,5+a6,3+c5,8+c3,25+c2.

STAGSDEN: DB, I, 209v, 217, 212v, 211; RH, II, 326—327.

DB. ?vb4+?vb1+dvbs5+d0,5.

RII. a16,1+a19,75+c3,1(+c4)+g1+g0,5+c4+h1+g0,5+h0,5+h1+h,075+?

RADWELL DB, I, 214v, 217; RH, II 326.

DB. dvbs5+?vbs1,5.

RII: c3,5 (+c7)+a19,6+c9,4.

BROMHAM: DB, I, 213v, 217, 211, 218v, RH, II 333.

DB: dvbs 6+?vb2+d1,5+d1.

RH: c1,65+a6,95+a4+a12,1+a15,9.

BIDDENHAM. DB, I, 213v, 213v, 210, 210v, 211, 218, ibid , ibid., ibid., ibid.; RH, II, 327.

DB· ?bs1+dvbs4+?v1+?50,5+?vb1+?b51+d0,25+d1+?vb1+d$^1/_8$.

RH: c 3,5+g+g+g+a17,25+c9,35+g2,6+e5+e3.

PUDDINGTON и HINWICK: DB, I, 215v, 216, ibid., 210, 216v, 214v, 216, 218; RH, II, 328—329.

DB: dvbs2,5+dvbs5,5+dvbs3+dvb2+dvb2+d2+dv3+db0,5.

RH: a36+a7+a7+c7+c7+g0,5+g0,5.

TURVEY: DB, I, 215v, 214v, 211, 209v, 210, 213v, 215, 218v; RH, II, 332—333; PQW6.

DB. ?b1,5+dbs2+dvb2+d1+dvbs6+dvb2+1dvbs4,5+d0,25.

RH:e2+e2,5+e0,5+e4+e4+c14,8+a12,45+c4,1+c5,6+f0,65+f0,8+?

STEVENTON и PAVENHAM. DB, I,·211, ibid., 215, 216v, RH, II, 331—332.

DB: dvbs24+? b3+dvbs 6.

RH· a45,5+a22,5+a12.

ODELL и LITTLE ODELL (в DB еще не разделены): DB, I, 211, 215; RH, II, 327—8.

DB: dvbs5+dvbs5.

RH: a28,45(+c4)+a27,25.

FARNDISH: DB, I, 216, 216v; RH, II, 330.

DB: dvsb2.5+d1.

RH b13,5+a4.

FELMERSHAM: DB, I, 216v, 217; RH, II, 325—326.

DB dvb8+dvb3.

RH: c18+a14,5.

HARROLD. DB, I, 217; RH, II, 329; PQW, 5—6.

DB: dvbs 16.

RH: a29,75 (+a9,6+a12+a4,1+b3).

WIMINGTON. DB, I, 214—15, 215v, 215v, 218v, ibid.; RH, II, 330.

DB: d0,5+dvbs4+dvbs3+d0,5+1d1+d1.

RH· a18,2+a8,4(+c3,6?)+a4+c3.

86. Свободные деревни не представляют исключения в нашем источнике. См. Filegrave, Bucks, RH, II, 348, Fendrayton, Camb., II, 474—476, Childestone, Oxf., II, 732. Walecot et Shorthampton Oxf., II, 737; Swynebroc, Oxf., II, 737; Parva Minster, Oxf., II, 738; Nethercot, Tengal, Middelton, Bradston, там же, II, 738—789, Laungel, там же

739 и мн. др., особенно hamelettae. Очень много деревень с незначительным числом вилланов (Lavenden, Bucks, II, 349 и мн. др.). Территориальная сока не исчезла в Восточной Англии в XIII в., но мы встречаем ее и в Midlands; впрочем, здесь такие образования чаще называются homagium, feodum и т. д.

87. Вот подсчет церковных держаний в светских вотчинах для шести сотен Кембриджшира: Chilford — 143 a., Parworth — 62¼ a.; Triplaw —142 a.; Longstow —287 a.; Whetherley — 33 a.; Whitlesford — 106 a.; это составит по отношению ко всей учтенной территории данных сотен около 1½%. По трем сотням Гентингдоншира такие держания составят: в Leightonstone — 680 a., в Normancross — 201 a., в Toseland — 297 a.; опять-таки около 1½% всей учтенной территории этих сотен. В Бедфордшире светские лица, посчитанные как вотчинники, держат в чужих манорах в общем около 16½ виргат свободной земли; это составляет около 2% всей учтенной территории. Не все эти держания могли быть использованы как домен «манориального» типа.

88. Английская секуляризация, 85 и след.

89. DB, I, 204—204 v.

90. Не подсчитывались cotagia. Виргата принималась равной 30 a., если не были указаны ее действительные размеры.

91. Почти все владения аббатства Thorney в сотне Normancross записаны уже в книгу Страшного Суда (DB, I, 205)

92. RII, II, 663 и след.

93. RII, II, 615 и след., 616 и след.

94. RII, II, 676 и след.

95. RII, II, 680.

96. RH, II, 683.

97. RH, II, 663.

98. RH, II, 623.

99. RH, II, 653.

100. RH, II, 624.

101. RH, II, 529 и след.

102. RH, II, 539—540.

103. Domesday Book and beyond, 129—138.

104. RH, II, 402 и след.

105. RH, II, 411 и след.

106. RH, II, 416 и след.

107. RH, II, 418 и след

108. RH, II, 424.

109. RH, II, 720—724.

110. RH, II, 589—590.

111. RH, II, 580—584 и 585—589.

112. RH, II, 542 и след , 544 и след.

113. RH, II, 548.

114. RH, II, 546.

114a. RH, II, 535, 538.

115. RH, II, 475, 470.

116. RH, II, 472, 476, 481, 482.

117. RH, II, 465—470.

118. RH, II, 421.

119. RH, II, 448.

120. RH, II, 457—458.

121. RH, II, 499.

122. RH, II, 506.

123. RH, II, 501.

124. RH, II, 343 и след.

125. RH, II, 348.
126. RH, II, 338—339.
127. RH, II, 343, 340.
128. RH, II, 334, 335.
129. RH, II, 336.
130. RH, II, 337—338.
131. RH, II, 350 и сл.
132. RH, II, 352.
133. RH, II, 353.
134. RH, II, 717.
135. RH, II, 875—876
136. RH, II, 733, 737, 738, 744.
137. RH, II, 820—821.
138. RH, II, 784.
139. RH, II, 819.
140. RH, II, 751 и след.
141. RH, II, 761 и след.
142. RH, II, 764.
143. RH, II, 755.
144. RH, II, 764.
145. RH, II, 779.
146. RH, II, 777, 778, 780.
147. English Corn Market, 46.
148. Misc. Bks, Exch K. R. Ser I, N 15, fol 13
149. Там же, fol. 28 v.

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ IV

1. Таковы, напр., наблюдения Роджерса (A history of Agriculture and Prices, I,82).

2. Там же, I, 309—321.

3. Ср. Levett, Oxf. St. V, 156: оценки барщин низки не только для XIV, но уже для XIII в. Леветт связывает это с падением стоимости денег.

4. Виноградов полагает даже, что коммутация была выгодна для лордов и что денежная рента была выше, чем стоимость заменяемой ею работы (Villainage, 311). Это показывает, что во всяком случае расхождение не было значительным. Ср. Villainage, 342.

5. «Averabit ter in anno ita quod possit redire ad prandium» — оценка 1½ d. (RH, II, 426).

6. RH, 487: «falcabit, levabit, tassabit, carriabit pratum domini sui» (RH, II, 461) и много др. вариантов. Эта неопределенность встречается и в других видах рабочих повинностей. Это нередко вызывалось трудностью точно определить число дней, потребное для данной работы (особенно в связи с погодой).

7. RH, II, 453 и мн. др.

8. При этом мы преувеличиваем общую оценку работ, поскольку жатва и уборка продолжались редко больше месяца или 6 недель в зависимости от погоды (Rogers, Agr. and Pr., I, 16).

9. Для сравнения с этими цифрами, полученными на основании данных RH, приведем оценки Вальтера de Henley (19): пахота акра — 6 d., боронование — 1 d , полка 1 a. — ½ d., жатва 1 a. — 5 d., возка в августе — 1 d.

10. В Eltisley, Кембр , платежи такого рода у 10 полувиргатариев составляют 0.17.9 (RH, II, 507).

11. В рамзейских манорах мы встречаем довольно высокую оценку рабочих повинностей: см. CR, I, 325.

12. RH, II, 600, 602, 603.

13. CR, I, 325 и пр. Ср. гл. III.

14. RH, II, 607—609.

15. Вычисление сделано по трем сотням. Hirstingdon в счет не входит. При ее включении все цифры выступили бы еще ярче. При этом надо помнить, что денежная рента была более распространена на мелких держаниях, чем на виргатах и полувиргатах.

16. 2428 $^{3}/_{4}$a+? в свободных держаниях, 2293 $^{1}/_{2}$ — в вилланской земле.

17. «1 virgata terre que valet sibi per annum in denariis et operibus unam marcam etc». (Carlton. RII, II, 330), или «quelibet debet ei per annum 20 s. pro omnibus» (Chellington. RH, II, 331), или «quelibet debet ei per annum in operibus et aliis serviciis 17 s. (Steventon. RH, II, 331). Иногда формула «vel opera ad valorem» дополняется словами «ad voluntatem suam» (Turvey, RII, II, 332).

18. «Valet servicium suum per annum tam in operibus quam in aliis serviciis et auxiliis 13 s. 4 d » etc., или, короче: «valet servicium cuiuslibet per annum 16 s.» etc. (сотня Bunstow).

19. RII, II, 339.

20. RII, II, 347.

21. Я даю более подробный анализ уорвикширского материала отчасти в виду его своеобразия, а отчасти в виду того, что он взят из архивных данных и не опубликован.

22. Misc. Books, Exch., K. R. Ser. I, N 15, F. 28 v. и след.

23. Там же, fol. 32 и след.

24. Там же, fol. 10 v. — 11.

25. «Elverton», там же, f. 54 v. и след.

26. Там же, fol 30 v. и 32.

27. Там же, fol. 53 v. Полувиргата дает 9 d.

28. Там же, fol. 56.

29. По всей сотне я насчитал 230 кур, 20 яиц и 35 хлебов

30. Там же, fol. 66—67.

31. Там же, fol. 79 и след.

32. Я не прочитал описей на листах 70—72 и 117 v.— 123, заключающих в общей сложности 17 вилл в сотне Kineton.

33. Было бы очень интересной задачей проследить, насколько с этим совпадает распределение тяжести в обложении крестьянского и особенно крепостного надела. Вилланская рента в Гентингдоншире и Кембриджшире выше, чем в графствах, расположенных далее к западу. Составляя около 1.5.8 на виргату (в 30 а.) в Кембриджшире, она падает до 15 s. в Бедфордшире и до 0.13.9 в Бекингемшире. Трудно определить ее среднюю величину для Оксфордшира, но она едва ли выше марки, такова же она в сотне Kineton Уорвикшира и несколько выше (около 16 s.) в сотне Stoneleigh. Но неопределенность размеров виргаты, а также большая раздробленность вилланского держания в Кембриджшире (значительно повышающая среднюю цифру обложения виргаты) не позволяет здесь прийти к ясным выводам.

34. Ср. порядки в honour of Denbigh, Br. Ac.,I.

35. В тех случаях, когда источник не позволял отделить отработочную ренту от денежной, сумма делилась пропорционально среднему отношению для данной группы.

36. RH, II, 412—413.

37. RH, II, 408.

38. RH, II, 452.

39. RH, II, 587.

40. RH, II, 448.

41. RH, II, 411—412.

42. RH, II, 505—506.

43. Girton (RH, II, 457), Over (RH, II, 476—477), Graveley (471—472), Elsworth (482) и Burwell (499).

43а. Здесь подсчитаны манор Foxton аббатиссы Chatteriz (RH, II, 548), маноры Herdwick (538—539), Triplaw (542—543), M. Shelford (544—545), Ditton (441—442) и P. Grausden (535) епископа Илийского и Newton Haukestone (550—551) приора Илийского.

44. Cart. Glouc., III, 35—44.

45. RH, II, 605 и след.

46. RH, II, 603.

47. RH, II, 598.

48. Вотчины Yaxley (RH, II, 640), Haddon (644), Stangrut (645), Newton (647).

49. Aylington (RH, II, 656).

50. Alwaltone (RH, II, 638), Fletton (639).

51. RH, II, 652—653.

52. Вотчина Ric. Beynvil в Walton cum Higgeney (RH, II, 662) и W. Brus в Caldecot (636).

53. RH, II, 650.

54. Weston с деревнями (RH, II, 629), Gidding (631).

55. Большие маноры Spaldwick (RH, II, 615) и Leighton (616). В первом 72½ виргаты вилланской земли, во втором — 38.

56. M. Gidding, RH, II, 626.

57. RH, II, 621—622. В маноре 1660 а. вилланской земли.

58. RH, II, 618. В маноре 53 виргаты вилланской земли и 27 коттерских держаний.

59. RH, II, 607—614.

60. RH, II, 614.

61. RH, II, 680.

62. Манор Матильды Gatecumbe в Shutterford. RH, II, 707.

63. RH, II, 709.

64. RH, II, 707.

65. RH, II, 710.

66. RH, II, 724.

67. RH, II, 723.

68. RH, II, 734.

69. RH, II, 733: «per finem factam inter dominum et ipsos reddunt per annum 16 s. pro omnibus serviciis et tallagio quia predictus redditus in multo se extendit ultra opera et consuetudines suas».

70. RH, II, 873.

71. RH, II, 874.

72. RH, II, 846.

73. RH, II, 747—748.

74. RH, II, 750.

75. RH, II, 775, 779.

76. RH, II, 779.

77. Watlington, манор эрла Корнуольского (RH, II, 815) и Sirebourn, манор Генриха le Tyeys (818).

78. Lewknor, RH, II, 782.

79. Crawell, RH, II, 783.

80. RH, II, 784.

81. RH, II, 761—762.

82. Wyteneye, Charswell, Craule (RH, II, 709) — около 67 виргат вилланской земли.

83. Aston — 40½ виргат вилланской земли (RH, II, 689).

84. Hardwick, Brithelminton, Eleford Gray — около 22 виргат вилланской земли (RH, II, 701).

85. Misc. Bks, Exch., K. R. Ser. I, N 15, fol. 28 v. и след.

86. Там же, fol. 32 и след.
87. Там же, fol. 88 v.
88. Там же, fol. 66—67.
89. Там же, fol. 79—82.
90. Там же, fol. 104v—107.
91. Там же, fol. 114.
92. Там же, fol. 84v—85.
93. Там же, fol. 100—101.
94. Там же, fol. 74—75.
95. Wellesburne Major (P. Montfort), Winderton (Rog. Clifford), Combrook и Brookhampton (Nic. de Segrave), M. Dasset (J. Southley), Norton (Marg. de Cantilupo). Там же.
96. RH, II, 703—705.
97. RII, II, 689.
98. RII, II, 730, 733, 737, 738, 744.
99. RII, II, 709.
100. RII, II, 705.

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ V

1. H. L. Gray. The Commutation of Villein Services before the Black Death. EHR, Oct., 1914.
2. EHR, Oct., 1914, p. 630.
3. См. статью E. Power в History. July 1918.
4. Напр., E. A. Joliffe. Northumbrian Institution. EHR, Jan., 1926.
5. См. H. Hall. A Formula Book of English Official Historical Documents. II, 71.
6. Ibid. II, 70.
7. IPM. C. Hen. III. File 16 (13) и File 17 (15).
8. Значительная часть этих «продаж», как и многих продаж, заносившихся в манориальные отчеты, представляла не продажи на рынке, а коммутацию натуральных повинностей держателей; продажа зерна и солода de exitu molendini может представлять замену натурального баналитета денежным, продажа яиц de redditu, продажа redditus gallinarum могла иметь тот же смысл, что и venditio operum, т. е. «продажа» производилась самим держателям, обязанным делать данный взнос. Ввиду того, что арендовали пастбища и луга те же держатели и они же покупали лес и бурелом (cableicium), денежный доход домениального хозяйства мог складываться почти без непосредственного соприкосновения с рынком.
9. Calendarium Inquisitionum Post Mortem sive Escaetarum (Hen. III — Ric. II). Rec. Comm. 4 vols (London), 1806—1828.
10. Calendar of Inquisitions Post Mortem and other analogous documents in the Public Record Office. Vol. I. Hen. III. Rolls series. London, 1904 и ряд последующих томов.
11. Им были, однако, широко использованы документы, касающиеся епископских поместий, поместий госпитальеров и иностранных приорств.
12. Так, в Rotherfield, Sussex, C. Hen. III, File 27 (5) выручка от продажи subbosci и mortui bosci идет на sustentatio custodum. В Birling, Kent C. Hen. III, File 42 (6) делается скидка с дохода на жалованье старосте (5 s.) и беделю (2 s. 6 d.). Но обычно вычеты не перечисляются, а подразумеваются. Так, мельница в Sumbourn, Hants, C. Hen. III, File 21 (12), приносит 1.0.0 et sustinebit seipsum. Из оценки домена в Morton, Glouc. C. Hen., File 4 (16), вычтены расходы на ремонт плугов (salva sustentatione carucarum). Ср. Orston, Notts. C. Hen. III, File 1 (11): aysiamentum domorum non potest sustinere domos. Усадьба часто не приносит никакого дохода и требует расходов: в Borseleg, Chester, C. Ed. I, File 10 (6), высчитан расход в 6 s. 8 d. на поддержание построек. Из доходов курии делались вычеты на содержание белифа: в Rothbury, Nort-

humbr., C. Hen, III File 9 (1), о доходе курии сказано: «non sufficit ad sustentationem ballivi».

13. Оценка мельницы в домене: Si non fuisset in manu domini possit tradi ad firmam pro 1 mk. Или оценка пастбища в Padworth, C Hen. III, File 12 (5) pastura potest vendi etc. Встречаются отказы от оценки на том основании, что общинное пастбище нельзя сдать в аренду — Hadradeshell, Warw. C. Ed. I, File 14 (2). pastura communis ad 100 bidentes que non potest vendi. Порой мы встречаемся с незнанием доходности: часто «ignoratur». Mesuagium bene edificatum quod non potest extendi — Barue, Leic., C. Ed. I, File 2 (4), Bercarium non potest extendi — Linton, Yorks, C. Hen. III, File 23 (7). Иногда оценка не дается вследствие бездоходности той или иной статьи Capitale mesuagium non extenditur quare fere decidit — Toppeclive, Yorks, C. Hen III, File 23 (7). Иногда некоторые рабочие повинности не включаются в оценку ввиду значительных расходов на угощение.

14. C. Hen. III, File 25 (12). Apud Boney (Notts) sunt in dominico et villenagio 62 bovate terre unde quelibet bovata valet per annum 6 s. 8 d. et est summa 20 libre 13 s. 4 d. Одинаковую оценку домениальной и вилланской земли встречаем часто. Weeton, Lanc., C. Hen. III, File 8 (10) — 12 боват в домене, 12 боват в держаниях, каждая бовата оценивается в 6s. 2d.; в одном Линкоширском маноре 8 боват в домене и 8 боват у держателей и все боваты оценены по 6 s. — C. Hen. III, File 8 (11). См. также Tatlintone, Worc., C. Ed. I, File 1 (6), Edmundiscote, ibid. Более искусственную, но основанную на том же принципе оценку находим в Great Compton, Warw, C. Hen. III, File 46 (9), где доходность домениальной и вилланской земли определена в 12 d. с акра. Ср. также Linton, Nothumbr. C. Hen. III, File 11 (15).

15. C. Hen. III, File 27 (5). Нередки упоминания о ветхости построек или о расходах на ремонт, как о причине низкой оценки или отсутствия оценки.

16. C. Hen. III, File 42 (37): «Est ibi unum capitale mesuagium et gardinum et columbarium et sunt in dominico tres carucate terre que covtinent 24 bovatas terre, quarum quelibet cum aisiamento capitalis mesuagii gardini et columbarii valet per annum cum prato 10 s. Summa 12 libre».

17. В двух одновременных (?) описях манора Standon, Wilts, C. Hen. III, File 21 (12), резко расходятся размеры домениальной пашни, в одной дано 109 a. (оценка акра 6 d.), в другой 224 ½ a. (оценка акра 3 d.). Оценки всей пашни почти совпадают в обеих описях (2.14.6 и 2.15.1½), наводя на мысль, что расхождение лежит в разных системах учета при двухпольном хозяйстве. Домениальная пашня в Weston, Hants в 42 Hen. III посчитана в 150 a., а в 11 Ed. I — в 224 a. (оценка акра та же); во втором случае разница составляет ровно ⅓ всей суммы. F. Davenport, Economic Condition of a Norfolk Manor, p. 27, сравнивает описание домениальной пашни манора Forncett в IPM с близкими по времени указаниями в приказчичьих отчетах; она приходит к выводу, что IPM дают только площадь под обработкой.

18. «Quedam terra» Shepley, Yorks, C. Hen. III, File 8 (10).

19. «Quia terra illa nunquam acrata fuit». C. Ed. I, F. 14 (2). «Carucate non per acras estimate» — Soperton, Glouc. C. Hen. III, F. 28 (17) и мн. др.

20. В Sumbourn, Hants, 354 акра домена посчитаны «non per perticas sed sicut jacent» C. Hen. III, F. 21 (12). То же находим в Standen, Wilts, ibid. Зато иногда дается точное число перчей в акре (в некоторых вустерширских манорах — C. Ed. I, F. 2 (6).

21. Fleet, Kent, C. Hen. III, F. 31 (1).

22. В Etchingnam, Sussex C. Hen. III, F. 15 (2), и некоторых кентских манорах выше оценивается «terra marlerata».

23. Hamsey, Sussex, C. Hen. III, F. 42 (6).

24. См. в прим. 16.

25. Orston, Notts, C. Hen. III, F. 1 (11), Carlton, Notts, F. 2 (16).

26. C. Hen. III, F. 14 (13).

27. Skirpenbeck, Yorks, C. Hen. III, F. 4 (20).

28. Pulborough, Sussex, C. Hen. III, F. 28 (17): «pastura non mensurata per acras».

29. В Harbottle, Northumbr., C. Hen. III, F. 9 (1) пастбище на 1140 овец, 1400 коров и неупомянутое число лошадей оценивается в 41.18.4.

30. Sumbourn, Hants, C. Hen. III, F. 21 (12): «in ramilia capienda in sekelonibus asportatis pauperes homines ejusdem visneti faciunt domino manerii messiones et sarculationes pro habendo ingressu in eodem bosco... 0.3.0... pro eodem ova et caseos... 0.0.6. Ср. также Weston, Hants, ibid.

31. Laxton, Notts. C. Hen. III, F. 13 (10).

32. Birling, Kent. C. Hen. III, F. 42 (6).

33. C. Hen. III, F. 42 (6).

34. Woleye, Leic., C. Ed. I, F. 2 (6) herbagium оценивается в 5.0.0 «si fere non fuissent». Ср. Также Barue, Leic., ibid.

35. Bentley, Essex, C. Hen. III, F. 31 (1).

36. Chippenham, Wilts, C. Hen. III, F. 10 (10), Doddington, Oxf., C. Hen. III, F. 6 (11) и пр.

37. См. C. Ed. I, F. 2 (7).

38. C. Hen. III, F. 21 (11).

39. В Great Compton, Warw, C. Hen. III, F. 46 (9) с четверти мельницы идет 8 quarteria bladi и 16 s.

40. Bethum, Westmoreland, C. Hen. III, F. 16 (8).

41. Cudham, Kent, C. Hen. III, F. 42 (6) — рядом с доходом в 9 quart. mixt., оцениваемыми в 1.10.0, указаны расходы в 0.6.8. Hanworth, Norf., C. Hen. III. F. 38 (17) — мельница оценена в 15 s. salvis custagiis. Зависимость мельничного дохода от регулярного ремонта подчеркивается наличием большого числа приведенных в негодность мельниц. Так, в Radcliff, Notts, C. Hen. III, F. 17 (19), две водяных мельницы могли бы приносить 4 марки, но «nichil valent». В других случаях оценка приводится с оговоркой, что доходной мельница станет лишь после починки. В Burham, Kent, C. Hen. III, F. 42 (6), мельница может приносить 3.0.8 в ячмене, если ее починить, но починка будет стоить 10.0.0. В Hamsey, Suss., ibid. мельницу можно было бы оценить в 4.5.0, если cursus aque emendetur; но на это нужно 11.0.0. Через 23 года доход с этой мельницы оценивался в 3.6.8 — C. Ed. I, F. 3 (12).

42. Rothbury, Northumbr., C. Hen. III, F. 9 (1).

43. Доходы от болот, аппроприированных лордом, иногда очень велики; но они эксплоатируются, главным образом, как пастбища. В Carlton, Linc., C. Hen. III, F. 6 (12) домениальное болото приносит вместе с доходом от тростника, 15 19.4 — втрое больше, чем домениальная пашня.

44. Warenna de leporibus — Walton, Suff., C. Hen. III, F. 38 (17) — оценивается в 0.10.0 в год.

45. В Disning, Suff., в 1295—1296 гг., cunicularium ad vendendum cuniculos оценивается вместе с прилежащим пастбищем в 16.10.0 (?).

46. В Wells et Warham, Norf., доход от wreccum maris оценивается 0.6.8 в год.

47. EHR, Oct. 1914, 633.

48. «Communibus annis valet», или «potest valere»... или «plus vel minus» и т. д.

49. Напр., Elm. Soms. C. Hen. III, F. 6 (12).

50. Напр., Ashley, Hants, C. Hen. III, F. 14 (13).

51. Op. cit. 630.

52. Redditus cum operibus — см. Sutton and Plumberrow, Essex, C. Hen. III, F. 36 (14).

53. C. Hen. III, F. 29 (2).

54. «Idem habuit in servitio liberorum 34 s. 7 d. etc. — C. Hen. III, F. 3 (4) и мн. др. См. такие выражения, как redditus averagii — Walton, Suff., C. Hen. III, F. 38 (17). Сравнение в Ministers' Accounts за предыдущий год (M. A. Bdl. 1007.4) показывает,

что эта повинность не была коммутирована. Такие выражения, как «reddit pro omni servitio», не обозначают коммутации, а лишь общую оценку всех повинностей, считая и отработочные.

55. Так, Muskham, Notts. — C. Ed. III, F. 63 (5), указан redditus nativorum et cottariorum 6 s. 8 d. Я бы усмотрел в этой сумме общую оценку всех вилланских повинностей.

56. Напр. Eccleshal, Yorks, ibid., Mourholm, Lanc., C. Ed. III, F. 69 (25).

57. IPM. C. Ed I, F. 22 (8) Item dicunt quod habuit tres villanos qui tenent unam virgatam terre et dimidiam que valent per annum 24 s. quos 24 s. solvunt ad terminos subscriptos, videlicet ad Natale Domini 8 s , ad Pascham 8 s. ad Natale Beati Johannis Baptiste 8 s. RII, II, 625. Idem habet 4 villanos qui tenent 3 dimidias virgates terre et 1 quarterium terre et faciunt talia servicia et consuetudines ad dimidiam virgatam terre, scilicet falcare pratum domini et colligere fenum et cariare et bladum secare et a festo sancti Petri ad vincula usque ad festum sancti Martini operabitur et duas lovebones sine cibo...

Первая опись относится к 7-му году царств. Эдуарда I, вторая — к 8-му.

58. Cart. Ram. I, 337. Broughton.

59. Поэтому такие выражения, как «opera villanorum extenta in denariis», — Langham, Dorset. C. Hen. III, F. 6 (11), ср. Standen, Wilts. C. Hen. III, F. 21 (12), — ничего не говорят о коммутации, а лишь об оценке отработочных рент в деньгах. То же значение имеет выражение «opera et consuetudines posite ad certum» — в средней или приблизительной оценке — см. Bocklond, Berks, C. Hen. III, F. 40 (7) Harwell, Berks, C. Hen. III, F. 42 (1), Kimbolton, Hunts. C. Ed. I, F. 8 (9) — visus franci plegii in certo. Даже такие выражения, как reddunt pro quieta clamantia operum suorum Ferrybridge, Yorks, C. Hen. III, F. 6 (6), не обозначают окончательной коммутации, ибо redditus посчитан отдельно; здесь перед нами лишь возможность коммутации, основание для денежной оценки.

60. Opera vel redditus — Wrokeshale, Isle of Wight. C Hen. III, F. 29 (2).

61. Matfen, Northumbr., C. Hen. III, F. 30 (14).

62. Maplestead, Essex, C. Hen. III, F. 5 (7), Wighborough, ibid. C. Hen. III, F. 13 (20), Coln, ibid., C. Hen. III, F. 9 (3) и мн. др.

63. Ср. «Consuetudines villanorum cum tallagio et aliis proficuis eorundem» — Aynho, Northants, C. Hen. III, F. 9 (1). В Беркшире работы и денежные ренты вилланов обычно оцениваются вместе; иногда параллельные MA позволяют их разделить. Бывают оценки вилланских держаний «in omnibus exitibus» — ср. Chippenham, Bucks, C. Hen. III, F. 42 (1) и мн. др. В Линкоршире сумма повинностей вилланов дается «in operibus, auxiliis et aliis consuetudinibus» — напр. в Tallington, C. Hen. III, F. 1 (11) и др. Ср. «Quelibet virgata valet cum redditibus et operibus 1 mk».—Barue, Leic., C. Ed. I, F. 2 (6). Все такие случаи должны удержать нас от соблазна видеть в сумме вилланских «opera» или «consuetudines» только отработочные повинности в тех случаях, когда денежные и натуральные ренты не даны отдельно.

64. Напр., в Burham, Kent, C. Hen. III, F. 42 (6) работы по сенокосу оцениваются в «nichil», т. к. два раза в день полагается угощение. Такие случаи довольно обыкновенны и часто обнаруживаются при сравнении с MA.

65. Натуральные взносы могли быть среди доходов курии: ср. La Penne. Isle of Wight, C. Hen. III, F. 29 (2) pro ingressu, recognitione, warranto 21 l. cere (16 d.), 4 capones (6 d.)

66. Almer, Dorset, F. 6 (9) и мн. др.

67. См. N. Neilson в Oxf. Studies II, 71—72.

68. «Placita et perquisita curie», «aysiamenta curie», «perquisita curie liberorum et aliorum cum herietis merchetis imparcamentis eschaetis» и т. п.

69. C. Hen. III, F. 27 (5).

70. Sumbourn, Hants, C. Hen III, F 21 (12).

71. C. Hen. III, File 38 (17).'

72. Вот эти маноры: Dovercourt, Essex, MA, Bdl. 840, N 1, 53 Hen. III; Soham, Suffolk (?), MA, Bdl. 1004, N 1, 53 Hen. III; Cratefield, Suffolk, MA, Bdl, 995, N 1, 7, Ed. I, Walton, Suffolk, MA. Bdl. 1007, N 4, 53 Hen. III; Dunningworth, Suffolk, MA, Bdl. 995, N 15,4 Ed. I; Staverton, Suff., MA. Bdl. 1007, N 7, 52 Hen. III; Framlingham, Norf., MA. Bdl. 935, N 22, 56 Hen. III; Hanworth, Norf., MA. Bdl. 936, N 18, 3 Ed. I, Ditchingham, Norf., MA. Bdl. 933, N 20, 54 Hen. III; Lopham, Norf., MA. Bdl. 937. N 27, 53 Hen. III; Acle, Norf. MA, Bdl. 929. N 1, 53 Hen, III; Walsham, Norf., MA. Bdl. 944, N 21, 53 Hen. III; Suffield, Norf., MA. Bdl. 944, N 1, 1 Ed. I; Halvergate, Norf, M. A. Bdl, 936, N 2, 53 Hen. III.

73. Вот цифры для отдельных маноров (первая цифра дает redditus в MA, вторая — в IPM): Dovercourt: 10.16.11—6.13.5; Soham: 10.15.4½—9.2.2; Cratefield: 7.15.9²/₄—6.15.1²/₄; Walton 44.9.0—42.14.1½; Dunningworth: 6.10.0—5.5.1½; Staverton: 11.1.3—9.1.2; Framlingham: 18.10.4—12.0.0; Hanworth: 25.12.2—21.0.9; Ditchingham: 7.19.8—9.18.4 (повидимому IPM описывает здесь еще какую-то дополнительную часть манора, не вошедшую в MA; это видно из ряда других повышений доходов; документы одновременные); Lopham: 10.0.10⁵/₈—7.14.2; Acle: 8.12.10²/₄—8.0.1½; Walsham: 9.14.8½—9.0.0; Suffield: 16.0.11³/₄—15.1.1; Halvergate: 7.15.²/₄—5.10.0.

74. Вот таблица оценок рабочих повинностей по IPM и по MA. Первый столбец дает оценки IPM, второй оценки MA (без venditio operum), третий — оценка MA за вычетом «проданных» работ и allocationes.

Dovercourt	5.0.0	10.12.5	4.19.3
Soham	16.0.10½	17.19.6	11.14.2½
Cratefield	8.2.2²/₄	10.10.11	7.17.7
Walton	16.12.7½	19.3.4	12.11.1
Dunningworth	1.5.2	1.10.6	1.5.0
Staverton	2.14.3	8.16.4	6.15.6
Framlingham	5.14.2	12.5.4½	9.1.5½
Hanworth	7.10.4	15.19.9²/₄	5.13.4 (приблизительно)
Ditchingnam	7.9.4½	6.12.6³/₄	5.14.3³/₄
Lopham	6.17.6	12.4.1½	10.14.2
Acle	0.15.10 + ?	10.17.5	10.16.0
Walsham	0.5·11	7.9.2½	6.6.3½
Suffield	2.13.0	4.1 10	2.3.11
Halvergate	0.3.0	7.14.4	6.19.2
	81.4.3¼	145.19.8	102.11.3¼

75. Мельничный доход по MA (первая цифра) и IPM (вторая):

Dovercourt	3.6.8	3.0.0
Soham	2.0.0	2.0.0
Cratefield	2.19 0	2.0.0
Walton	14.8.4	16.0.0
Dunningworth	3.6.8	1.10.0
Staverton	2.11.11¼	0.13.4
Framlingham	4.13.4	0.13.4
Ditchingham	7.6.8	3.13.4
Lopham	4.7.10	1.10.0
Acle	1.6.8	1.0.0
Walsham	4.4.0	1.6.8
Suffield	3.13.4	1.0.0
Halvergate	2.12.0	1.0.0
Hanworth	0.6.8	0.15.0
	57.3.1¼	36.1.8

76. Доход курии в MA (первая цифра) и IPM (вторая).

Dovercourt	9.18.2	0.13.4
Soham	3 1 6	0.13.4
Cratefield	10.11.6	1.4.0
Walton	29.11.2	15.0.0
Staverton	2.19.4	1.0.0
Framlingham	9.18.0	2.0.0
Hanworth	20.18.2	0.6.8
Acle	4.12.4	2.0.0
Ditchingham .	5.7.3	1.6.8
Lopham	3.10.0	1.10 0
Walsham	6.5·8	1.6.8
Suffield	13 2.9	0.5.0
Halvergate	11.2.4	1.6.8
	124.18.2	28.12.4

В счет не включен Dunningworth. В Suffield в данном году (I Ed. I) чрезвычайно высокая цифра дохода курии. В следующие годы она снижается.

77. Rothbury, Northumberland, C. Hen III, F. 9 (1): про доход курии сказано, что он «non sufficit ad sustentationem ballivi».

78. Напр., в Walton — warenna, lepores, piscaria in stagno, cuniculi и мн. др.

79. Площадь засева по MA (первая цифра) и домениальная пашня по IPM (вторая)— в акрах.

Cratefield	140 a + 2 или 3 a.	192 a.
Walton	196 a. 1 r.	244 a.
Framlingnam	194 a. 1 r + ?	200 a.
Hanworth	148½ a.	140 a.
Ditchingham	273½ a.	325½ a.
Lopham	345 a. 3 r.	301 a.
Suffield	112½ a. 34 p	120 a.

80. См прим. 17.

81. Gras. The Evolution of the English Corn Market, p. 42—55.

82. F. M. Stenton. Types of manorial structure in the Northern Danelaw (Oxf. Studies, II). Его же — Documents illustrative of the social and economic history of the Danelaw. Его же статья — Danes in England, History, Oct. 1920.

83. Oxford Studies, VIII.

84. EHR, Jan. 1926.

85. EHR, Oct. 1914.

86. English Field Systems.

87. Описи, использованные мною для характеристики северного района:

Northumberland. Prudhoe с деревнями, C. Hen. III, F. 3 (9); Harbottle с деревнями (ibid.); Warkworth с деревнями, C. Hen. III, F, 9 (1); Rothbury с деревнями (ibid.); Lowick, C. Hen. III, F. 10 (18); Ross (ibid.); Branxton (ibid.), Browsden (ibid.); Newbourn с деревнями, C. Hen. III, F. 11 (15); Linton (ibid.), Walton (ibid.); Brotherwick, C. Hen. III, F. 12 (7), Whittingham с деревнями; C. Hen. III, F. 15 (15); Wooler, C. Hen. III, F. 17 (16); Hadstone, C. Hen. III, F. 21 (11); Doddington с деревней, C. Hen. III, F. 27 (3). Весь материал относится к 17 годам между 29 и 46 годам царствования Генриха III (1245—1263). Ввиду того, что большинство описей не датировано, даты берутся из соответствующих королевских приказов.

Cumberland. Scaleby, C. Hen. III, F. 6 (14); Skelton, Westcudbritheby, Levington, Hedrisford, Horsgills, Westlevington (ibid.); Bewcastle, C. Hen III, F. 10 (15), Kirk-Andrews (ibid.); Kircoswald, C. Hen. III, F. 38 (11); Burgh (ibid.), Burgh by Sands, половина манора, C Hen, III, F. 39 (4); Laysingby, C. Hen.

III, F. 39 (4); Ayketon, Kirkoswald (другая половина манора) — ibid., Burgh by Sands (другая половина манора) C. Hen. III, F. 39 (11) Материал относится к годам между 31—55 царствования Генриха III (1247—1272).

Westmoreland: Bethum с деревнями, C. Hen. III, F. 16 (8), Hoffe, C. Hen. III, F. 42 (4). Материал относится к 38-му и 57-му годам царствования Генриха III.

88. Rothbury, C. Hen. III, F. 9 (1).

89. EHR, Jan. 1926, p. 4—5.

90. Ibid.

91. Так, в Linton, Northumbr., свободные держатели платят 5 s. «pro multura». В Hadstone, Northumbr., «multura computatur in firmis bondorum».

92. Bethum, Westmoreland.

93. Это отношение может быть вычислено по материалам, относящимся к 18 манорам.

94. English Field Systems, 223 и след. Ср. Bothal et Wetcurth, Northumbr., C. Hen. III, F. 26 (15) — в домене 5 каруват, из них tres carucate jacent recentes.

95. C. Hen. III, File 9 (1).

96. Oxford Studies, II; Documents illustrative of the Social and Economic History of the Danelaw (British Academy, L. 1920).

97. Мною использованы для характеристики иоркширского манора следующие описи: Fetherstan, C. Hen. III. File 2/3, неизвестный манор, принадлежавший W. de Wernewill, C. Hen. III, File 3/4; Skirpenbeck, C. Hen. 4, File 4/20; Ferrybridge, C. Hen. III, File 6/6: Fuckley (ibid.), Melton, C. Hen. III, File 7/8; Colton, C. Hen. III, File 7/19; Shepley, C. Hen. III, File 8/10, Nun Monketon, C. Hen. III; File 8/11; Mirfield (ibid.), Kyrkbyupon Wharf, C. Hen. III, File 15/11; Hoton (ibid.), Slayteburn, C. Hen. III, File 21/13-Brafford (ibid.), Tadcaster, C. Hen. III, File 23/7; Spofford (ibid.), Linton (ibid.); Topecliffe (ibid.); Levington, C. Hen. III, File 26/1; Aslakby, C. Hen. III, File 26/12, отчасти Elmsall, C. Hen. III, 31/2. Материал относится к 20 годам между 28 и 48 годами царствования Генриха III (1244—1265).

98. Linton, C. Hen. III, File 23/7 — ренты вилланов посчитаны cum mercheto et tallagio.

99. Topecliffe, ibid.

100. Для Ретленда мною использованы следующие описи. Tickencote, C. Hen. III, File 14/10, Empingham, C. Hen. III, File 21/16; Stretton, C. Hen. III, File 24/6; Woodhead, C. Hen. III, File 40/9. Материал заключен между 37 и 56 годами царствования Генриха III (1253—1272).

101. Для Лестершира мною использованы следующие описи: Redmile, C. Hen. III, F. 1/11; Kirby, C, Hen. III, File 17/14; Evington, C. Hen. III, File 42/3; Garthorp, C. Edw. I, File 1/7; Barue, C. Ed. I, File 2/6; Beaumaner, C. Ed. I, File 8/10; Hernisby (ibid), Thorp Ernaud, C. Ed I, File 17/5. Материал заключен между 26 годом царствования Генриха III и 5 годом Эдуарда I (1242—1278).

102. Для Ноттингемшира мной исследованы следующие описи: Orston and Thornton, C. Hen III, File 1/11; Carlton in Lindrick, C. Hen. III, File 2/16; Nettleworth, C. Hen. III; File 8/14; Laxton, C. Hen. III, File 13/10, Radcliff, C. Hen. III, File 17/9, Kneesall, C. Hen. III, File 31/2; Holm, C. Hen. III, File 31/13; Warsop, C. Hen. III, File 35/16; Toton, C. Hen. III, File 42/3; Radcliff (ibid.); Gressley, C. Hen. III, File 45/7; Bassford, C. Ed. I, File 2/7. Материал заключен между 26 годом царствования Генриха III и 1 годом Эдуарда I (1242—1273).

103. Для Дербишира мною использованы следующие описи: Penkton, C. Hen. III, File 5/17, Staveley, C. Hen. III, File 5/18; Walton, C. Hen. III, File 10/8, Scarcliff cum socna, C. Hen. III, File 36/20; Elvaston (ibid.); Crich (ibid.); Staveley (ibid.); Catton, C. Ed. 1, File 2/1; Thurwaston, C. Ed. I, File 2/10; Spondon, C Ed. I, File 2/16. Материал заключен между 31 годом царствования Генриха III и 1 годом Эдуарда I (1247—1273).

104. Empingham, Rutland — 13.6.8, Staveley, Derby — 8.0.0.

105. Для Стаффордшира у меня были следующие описи: Clayton, C. Hen. III, File 16/3 и Madeley, C. Hen. III, File 20/18 (38 и 42 года царствования Генриха III).

106. Для Чешира у меня были следующие описи: Newhall, C. Ed. I, File 8/6; Nantwich (ibid.); Smallwood et Pikamere (ibid.), Haworthyn, C. Ed. I, File 10/6, Lee (ibid.) и Boseleg (ibid.) Описи относятся ко 2 и 3 годам царствования Эдуарда I (1273—1275).

107. Для Шропшира у меня были следующие описи Lea Gomery, C. Hen. III, File 8/13; Meeson, C. Hen. III, File 8/17; Bolas (ibid.), Isombridge (ibid.), Sandford and Rothele, C. Hen III, File 9/7, Darlaston (ibid.), Brockton (ibid.); Lydham, C. Hen. III, File 9/11, La More, C. Hen. III, File 17/1; Langley, C. Hen. III, File 30/10. Материал заключен между 33 и 48 годами царствования Генриха III (1249—1265).

108. Для Вустершира у меня были следующие описи: Peopleton, C. Hen III, File 42/7, Tatlintone, C. Ed. I, File 6/6, Edmundiscote (ibid.); Woleye, C. Ed. I, File 2/6; Cradley (ibid.); Sceldesleye Beaucamp. C. Ed. I, File 4/16; Marthey, C. Ed I, File 8/10, Wichebaud, C Ed. I, File 10/10. Материал заключен между 56 годом царствования Генриха III и 3 годом Эдуарда I (1271—1275).

109. Для Герифордшира у меня были следующие описи: Webbele, C. Hen III, File 39—20, Worldene, C. Hen. III, File 42/18, Rachesford, C. Ed. I, File 10/10; Richards Castle (ibid.), Brimfield, C. Hen. III, File 8 (17). Материал заключен между 55 годом царствования Генриха III и 3 годом Эдуарда I (1270—1275).

110. Boseleg, Cheshire.

111. Для Эссекса мной были использованы полностью следующие описи Reyndon, C. Hen. III, File 1/6; Stanford, File 1 (18), Ongar (ibid.); Maplestead, File 5/7; Sutton and Plumberrow, File 5/19, Stanstead, File 8/9; Clavering, File 9/1; Upminster, File 9/3; Coln (ibid.); Coln, File 12/13, Wigborough, File 13/20, Stambourne, File 14/14; Great Parndon (ibid.), Hisham, File 14/15; Layer de la Haya, File 15/16; Quendon (ibid.); Elmdon, File 15/19; Christhall (ibid.); Bardfield, File 27/5, Claret (ibid); Hersham (ibid.); Thaxted (ibid.); Canefield, File 31/1, Coln (ibid.); Bentley (ibid.); Dodingherst (ibid.); Ramsey (ibid.), Havering, File 23/12; Rivenhall, File 25/4, Chesterford, File 38/17, Dovercourt и Hardwick (ibid.). Частью, главным образом, для сведений о размерах ренты были использованы следующие описи: Latchingdon, File 24/7, Borley, File 24/6; Kelvedon, File 24/11; Easton, File 26/18, Arkesden, File 27/12; Terlins, File 28/7, Elsenham File 29/1; Morton (ibid.); Great Sutton, File 30/14, Plumberrow (ibid.); Tendring (ibid.); Wrabness, File 30/20; Bumpstead, File 31/1; Steeple Bumpstead (ibid.); Hedingham (ibid.); Yeldham (ibid.); Downham (ibid.); Messing (ibid.); Walthamstow, File 31/3; Boxted, File 31/20; Horkesley, File 33/9; Walbury, File 34/12, Chignal St. James, File 39/17; Elmstead (ibid.); Stapleford Tawney (ibid.); Latton (ibid.); Terling, File 39/18); Little Shoebury, File 40/1; Newport, File 42/1; Grays Thurrock, File 42/3. Материал заключен между 20 и 56 годами царствования Генриха III (1236—1272).

112. Для Сеффока мной были использованы полностью следующие описи: Eriswell, C. Hen. III, File 8/12, Fakenham, File 14/15; Bradfield, File 15/4; Buxhall, File 15/17; Badmondisfield, File 16/13; Bilteston, File 26/18; Bliburgh, File 28/14; Hengrave, File 30/17; Berningham, ibid.; Badmondisfield, File 42/2; Cokefeud, File 31/1; Hundon, File 27/5; Clare, ibid.; Disning, ibid., Scham, File 38/17; Cratefield, ibid. Walton, ibid.; Framlingham, ibid.; Duningworth, ibid.; Hollesley, ibid.; Kelsale, ibid.; Staverton, ibid.; Bungay, ibid.; Peasenhall. ibid. Использованы частью (главным образом для данных о размерах ренты) следующие описи: Icken, C. Hen. III, File 15/17; Ashfield File 30/20; Polstead, File 33/6. Wiston File 33/9, Exning. File 34/13; Tuddenham, File 30/17; Preston, File 31/1; Euston, File 41/20, Willisham, File 40/19. Материал лежит между 33 и 56 годами царствования Генриха III (1249—1272).

113. Для Норфока мной использованы следующие описи: Belaugh, C. Hen. III, File 8/10; Dersingham, File 14/15, Whitwell, File 26/17; Skeyton, ibid.; Wells and Warham, File 27/5; Walsingham, ibid.; Bircham, ibid.; Cremplesham, ibid.; Buxton, File 30/18; Cley, File 30/20; Bernham, File 33/6; Sheringham, File 42/3; Framlingham, File

38/17, Hanworth, ibid.; Suffield, ibid.; Lopham, ibid.; Ditchingham, ibid. Частью использованы, главным образом для данных о рентах, Stanhot, C. Hen. III, File 17/20; Turnstead, File 40/19. Материал относится ко времени между 33 и 56 годами царствования Генриха III (1249—1272).

114. Для Нортгемптоншира мной использованы следующие описи: Desborough, C. Hen. III, File 6/10; Catesby, File 6/20; Crick, ibid.; Lilbourn, ibid.; Wicken, File 6/5; Aynho, File 9/1; Paulespury, File 11/14; Houghton, ibid.; Coton, File 14/9; Wedon and Wapham, File 15/19; Easton, File 17/6; Newbottle, File 17/8; Weldon, File 20/18; Sutton and Weston, ibid.; Radstone, File 24/6; Rowell, File 27/5. Материал заключен между 31 и 48 годами царствования Генриха III (1247—1265).

115. Для Линкольншира мной использованы следующие описи: Woolsthorpe, C. Hen. III, File 1/11; Belvoir, ibid.; Tallington, ibid.; Uffington, ibid.; Brent Broughton, File 4/17; Carlton, File 6/12; неизвестный манор, принадлежавший Alex. de Nevill, File 8/11; Candlesby, File 8/2; Toft, ibid.; Haconby, File 14/16; Frampton, File 20/9; Fishtoft, ibid.; Southorp, ibid.; Holywell, File 24/6; North Kelsey, File 27/1; Coningsby, File 30/12. Материал лежит между 26 и 48 годами царствования Генриха 4 (1242—1265).

116. Для Кембриджшира мной использованы следующие описи: Coton, C. Hen. III, File 9/3; Camps, File 31/1; Abington, ibid.; Waterbeach, File 11/7; Sawston, File 12/6; Bassingbourn, File 34/15; Clopton, ibid.; Oxecroft, File 41/20. Материал лежит между 33 и 56 годами царствования Генриха III (1249—1272).

117. Для Гертфордшира мной использованы следующие описи: Newselles, C. Hen. III, File 8/12; Hunsdon, File 9/3; Sacomb, File 14/15; Mesdon, File 27/20; Hitchin, File 36/5; Aldeberi, File 21/1; Sawbridgeworth, File 42/6; Standon, File 27/15; Brokesbourn, C. Ed. I, File 4/6. Материал лежит между 33 годом царствования Генриха III и 2 годом Эдуарда I (1249—1274).

118. Для Гентингдоншира использованы следующие описи: неизвестный манор, принадлежавший Ric. de Doveria, C. Hen. III, File 15/14; Sawtry Beaumeys, File 28/11; Great Giding, File 42/2; Dillington, ibid.; Perry, ibid.; Hamerton, C. Ed. I, File 4/16; Kimbolton, C. Ed. I, File 8/9. Материал лежит между 38 годом царствования Генриха III и 3 годом — Эдуарда I (1254—1275).

119. Rotuli Hundredorum, II, 356—590 (Кембриджшир) и 591—687 (Гентингдоншир).

120. Для Миддльсекса использованы описи: Tottenham, C. Hen. III, File 16/7; Kensington, File 31/1; Edmonton, File 42/6. Материал лежит между 38 и 56 годами царствования Генриха III (1254—1272).

121. По южным графствам материал распределяется следующим образом:

Для Серри использованы описи Lambeth, C. Hen. III, File 3/10; Bramley, File 10/14; Westcote, File 36/9; Oxted, File 38/14; Walton and Ewell, File 47/15; Bletchingley, File 27/5. Материал лежит между 29 и 54 (?) годами царствования Генриха III (1245—1270).

Для Сессекса использованы описи: Eastbourne, C. Hen. III, File 2/7; Harting, File 14/20; Etchingham, File 15/2; Udmer, ibid.; Dumpford, File 23/9; Trotton, ibid.; Elsted, ibid.; Didling, ibid.; Pulborough, File 28/17; Rotherfield, File 27/5; Hamsey, File 42/6. Частью использованы (для данных о рентах) Woolavington, File 36/19 и Heighton, ibid. Материал лежит между 28 и 56 годами царствования Генриха III (1244—1272).

Для Гампшира использованы описи: Mainbridge, Barton, Wimpston, C. Hen. III, File 2/17; Freefolk, File 3/5; Breamore, File 3/10; Ives, File 8/5; Newton, File 8/6; Drayton, File 11/16; Ashley, File 14/13; Rowner, File 17/11; Fordingbridge, ibid.; Otterbourne, File 20/19; Sombourn, File 21/12; Weston, ibid.; Polhampton, File 24/6; Wymering, ibid.; Wrokeshale (Isle of Wight), File 29/2; La Penne (Isle of Wight), ibid.; Freshwater, ibid. Материал лежит между 28 и 47 годами царствования Генриха III (1244—1264).

Для Дорсета использованы описи: Dewlish, C. Hen. III, File 1/7; Winterbourn, ibid., Okeford, File 3/10; Ibberton, ibid ; Almer, File 6/9; Langham, File 6/11, Winterbourn, ibid.; Rampisham, File 33/7; Bryanston, File 40/13; Podindene, C Ed. I, File 1/1; Cherbergh, C. Ed. I, File 5/7; Randelfestone, C. Ed. I. File 8/1. Материал лежит между 20-м годом царствования Генриха III и 2-м годом Эдуарда I (1236—1274).

Для Уилтшира использованы описи: Poulton, C. Hen. III, File 1/14; West-Kington, File 2/14; Shenington, File 7/1, Ashton, ibid.; Winterbourn, ibid., Ebbesborne, File 7/5; Winterbourn, File 8/1; Poulton, File 9/11; Chippenham с деревнями Ridlaw и Hupehall, File 10/10, Compton, File 12/2, Whaddon, File 15/20; Calm, File 16/13, Westbury с деревнями, File 19/1; Berewick, File 21/12; Lavington, ibid., Standen, ibid. Частью использованы (для данных о рентах) описи Compton Basset, File 41/20 и Berwick, ibid. Материал лежит между 27 и 56 годами Генриха III (1243—1272).

Для Сомерсетшира использованы описи: Portbury, C. Hen. III, File 3/10; Shurton, File 4/15; Hurdcott, ibid., Foxcote, File 6/12; Elm, ibid., Curry Rivell, File 16/10, Putney, ibid.; Knowle, ibid., Stokes, ibid.; Start, File 18/10. Материал лежит между 29-м и 40-м годами Генриха III (1245—1257).

Для Глостершира использованы описи Stanley, C. Hen. III, File 4/16; Cockbury, ibid., Morton, ibid.; Whaddon, ibid.; Wolsthorp, ibid ; Ruardin, File 18/17; Kempsford, File 21/12; Saperton, File 28/17; Chedworth, File 35/13; Rendcombe, File 27/19; Hardwick, ibid. Материал лежит между 30-м и 52-м годами Генриха III (1246—1269).

Для Девоншира использованы описи: Bradnitch, C. Hen. III, F 2/3; Enkedon, F 3/10; Herdwick and Bottesford, ibid.; Hunton, ibid.; Tiverton, ibid., Hove File 6/11; Compton, ibid.; Egg Buckland, ibid.; Chillaton, File 14/13; Batesthorne, File 16/2, Bottesford, File 29/2; Hemerdon, ibid; Tawton, File 31/3. Материал лежит между 29-м и 48-м годами Генриха III (1245—1265).

122. По южным Midlands материал распределяется следующим образом.

Бедфордшир: Odell, C. H. III, File 10/11; Southill, File 10/17; Stanbridge, File 23/9; Steventon, File 31/2; Radwell, File 32/30, Wilden, File 37/19; Wrestlingwath, File 39/8; Kaynho, C. Ed., I, File 2/1; Eaton, C. Ed. I, File 2/7. Материал лежит между 34-м годом Генриха III и 1-м годом Эдуарда I (1250—1273).

Бекингемшир: Wolverton. C. Hen. III, File 7/13, Padbury, ibid.; Chalfont, ibid.; L. Missenden, File 8/19; Adstock, File 7/17; Risborough, File 2/6; Mulsoe, File 12/5; Fulmer, File 15/19; Datchet, ibid.; Linford, File 34/10. Использованы частично для данных о рентах· Risborough, File 42/1; Chippenham, ibid.; Medmeham, File 31/1; Chesham, ibid.; Whitechurch, ibid.; Aston Clinton, File 41/20. Материал лежит между 28-м и 56-м годами Генриха III (1244—1272).

Беркшир Padworth, C. Hen. III, File 12/5, Winterbourn, File 25/16, Hampstead, File 38/17, Bucland, File 40/7; Harwell, File 42/1; Bradfield, C. Ed. I, File 2/6; Esegarston, C. Ed. I, File 4/12; Sutton, C. Ed. I, File 6/1. Материал лежит между 36-м годом Генриха III и 2-м — Эдуарда I-(1252—1274).

Оксфордшир: Adderburg, C. Hen. III, File 6/9; Dedington, File 6/11, Standlake, ibid.; Nunneham, File 29/2, Crowmeres, File 31/1; Pirton, File 40/19; Erdington, File 42/1; Easthale, ibid.; Watlington, ibid.; Bletchington, File 44/12. Материал лежит между 31-м и 56-м годами Генриха III (1247—1272).

Уорвикшир· Alspath, C. Hen. III, File 17/9, Brailes, File 35/13; Gr. Compton, File 46/9, Bordesley, C. Ed I, File 2/6; Hardredeshull, C. Ed. I, File 14/2; Hampten in Arden, C Ed. I, File 15/15; La Cnolle, ibid.; Grafton, ibid ; Langdon, ibid. Материал лежит между 39-м годом Генриха III и 4—Эдуарда I (1255—1275)

123. Для Кента использованы следующие описи· Broughton, C. Hen. III, File

5/8; Nashenden, File 24/2, Kingsdown, File 24/3; Dartford, File 24/6; Eltham, File 27/5; Lukingdale, ibid.; Yalding, ibid.; Fleet, File 31/1; Burham, File 42/6; Cudham, ibid.; West Greenwich, ibid.; Berling, ibid.; Gravenel, File 41/15 (последняя опись использована частично, для вопроса о рентах). Материал лежит между 31-м и 56-м годами Генриха III (1247—1272).

124. Маноры эрла Глостерского: Bardfield, Claret, Hersham, Thaxted (C. Hen. III, File 27/5); маноры эрла Оксфордского: Canefield, Coln, Bentley, Dodinghurst, Ramsey, Bumpstead, Hedingham, Yeldham, Dawnham, Messing (C. Hen. III, File 31/1); маноры эрла Норфокского: Chesterford, Dovercourt, Herdwick (C. Hen. III, File 38/17).

125. См. прим. 124.

126. Wells and Warham, Walsingham, Bircham, Crimplesham (File 27/5).

127. Hundon, Clare, Disning (ibid.).

128. Standon (ibid.).

129. Rowell (ibid.).

130. Eltham, Lukingdale, Yalding (ibid.).

131. EHR, Oct., 1914, 635—636.

132. Maitland. Domesday Book and beyond, 21—22.

133. См. Wells and Warham, Norf (C. Hen. III, File 27/5), Camps, Cambr. (C. Hen. III, File 31/1) и мн. др.

134. Материал для сравнения дали описи маноров эрлов Глостерских в 1262 - 1263 гг. (C. Hen. III, File 2/75) и в 1295—1296 гг. (C. Ed. I, File 77/3): Clare, Suff, Disning, Suff., Hundon, Suff., Claret, Essex., Hersham, Essex, Thaxted, Essex, Bardfield, Essex, Yalding, Kent, Bletchingley, Surrey, Standon, Herts, Rotherfield, Sussex; эрлов Оксфордских в 1263—1264 (C. Hen. III, File 31/1) и в 1257—1278 г. (C. Ed. I, File 76/7): Bentley, Essex, Fleet, Kent, Ramsey, Essex, Dodinghurst, Essex, Coln, Essex, Canefield, Essex, Cokefeud, Suff.; Сэев (Say) в 1272 (C. Hen. III, File 42/6) и 1295 г. (C. Ed. I, File 71/19) Sawbridgeworth, Herts, Edmonton, Middlesex, Hamsey, Sussex, Berling, Kent, West Greenwich, Kent, Cudham, Kent, Burgham, Kent; эрлов Девонских в 1263 (C. Hen. III, File 29/2) и 1292—1293 (Exch. Enrolments of the IPM, Roll 4, m. 14): Nuneham, Oxf.; кроме того, манор Chedworth, Clouc. в 1268 и 1298 гг. и Bridgewater, Soms, Мортимеров, в 1249—1250 (C. Hen. III, File 8/4) и в 1297—1299 (C. Ed. I, File 79/4), Ashton и Sherrington, Wilts, в 1248—1249 и 1299—1300, Berewick, Wilts, в 1258—1295 и 1282—1283; Standen, Wilts, в те же даты; Newton, Hants, в 1249 (C. Hen. III, File 8/6) и в 1296—1297 (C. Ed. I, File 76/2); Weston, Hants, в 1258—1259 и в 1282—1283 гг.; Sombourn, Hants, в те же даты.

135. C. Ed. I, File 71/29 и др.

136. Barfield, Essex, C. Ed. I, File 77/3.

137. Hamsey, C. Hen. III, File 42/6 — C. Ed. I, File 3/12, Burham, C. Ed. I, File 71/19.

138. Cokefeud, Essex, C. Hen. III, File 31/3 и C. Ed. I, File 76/7.

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ VI

1. Ср. Brodnitz Englische Wirtschaftsgeschichte I, 160—161.

2. Gras. Evolution of the English Corn Market, 19. Скупщик зерна появляется не позже конца XII в. Первые известия о нем относятся к 1204 и 1222 гг. (там же, 103).

3. Там же.

4. C. Ram. I, 462, 476, 477; III, 243, 282, 302. Ср.: «debet carıare lanam domini per viginti leucas et habebit cibum suum de mercatoribus» etc. Rent. et custum. Glaston., 165 (около 1250).

5. Ashley. The early history of the English woollen industry 35—36.

6. Токарев. Торговля английского манора в XIII и первой половине XIV в. Ученые записки Института Истории (РАНИОН), т. VII, стр. 53.

7. Davenport. Norfolk Manor, 30—31.

8. Neilson. Ramsey manors. App.

9. Ср. Токарев, 70—71.

10. Ср. Levett, Oxf. St. V, 29.

11. Составлено по данным Граса, op. cit. App. B и C. Каждый большой порт считается вместе со связанными с ним второстепенными пунктами экспорта.

12. О хлебной торговле Линна и ее значении для Кембриджшира, Гентингдоншира и Линконшира см. C. Ram. III, 141—157.

13. Ср. Gras, op. cit. 172. Schanz. Englische Handelsgeschichte I, 247.

14. Стр. 263—285 3-го издания.

15. EHR, II, 1902.

16. Engl. Wirtschaftgeschichte.

17. Mat. Paris. Hist. Angl. (ed. Wats), 85.

18. Bracton's NB, N 1812 и др.

19. Виноградов. Villainage, 130.

20. De Legibus Angliae, V, 5.

21. Ср. Виноградов — Villainage, 135.

22. Можно сомневаться в том, чтобы в глазах суда единственно компетентной инстанцией для разрешения вопроса о том, в какой мере оставляемое лордом свободным держателям пастбище в действительности может быть признано достаточным, являлся сельский сход. (Ср. Петрушевский, Восстание Уота Тайлера, изд. 3, стр. 167).

23. Там же, стр. 131.

24. Pollock and Maitland, I, 376, 371, 379.

25. Coulton. The Mediеval Village. Cambr., 1925.

26. Классовая природа манориальной юстиции. Ученые Записки Института Истории, т. III, М. 1929.

27. Английская деревня в эпоху Тюдоров, 207 и мн. др.

28. Маркс. Капитал III, 47, 2 (стр. 571—572).

29. Neilson. Ramsey manors.

30. Ср., напр., Pl. Abbr. 270—271. Суд королевской скамьи выдает лорду предписание к шерифу, чтобы последний заставил вилланов выполнять требуемые с них повинности.

31. Виноградов. Collected papers, I, 125.

32. Энгельс. Людвиг Фейербах.

33. Очень странно звучит утверждение Макса Вебера, что английские короли обладали сильной верховной властью и их ученые юристы пользовались большим могуществом, которое они прилагали к тому, чтобы защищать крестьян от помещиков. Ист. хозяйства, 63.

34. Виноградов. Collected papers, I, 126.

35. Ср. Pollock and Maitland I, 586.

36. Такие курии были у аббата Рамзейского в Broughton, у аббата Глостерского в Глостере, у аббата Thame (RH, II, 643 и сл.).

37. Ср. Мэтланд, SS. II, XLVIII—L.

38. Ср. Eynsham Inq.: «subtraxerunt sectam curie a longo tempore dicendo se esse liberos» (Виноградов, Villainage, 163, n. 3).

39. Доктрина, что договор с лордом обеспечивал свободу договаривающихся, опровергается практикой аббатства Сент-Ольбанс, где пришельцы, бравшие вилланскую землю, закабалялись грамотой за печатью держателя, обещались подчиняться воле аббата и быть в личном и имущественном отношении такими же, как и другие вилланы . Levett. Courts, 18, 24.

40. Pl. Abbr., 270—271.

41. Levett. Courts, 18 n. Ср такие выражения, как «per liberos homines et alios villanos de Caysho» и т. п.

42. Collected papers, I, 122.

43. NB, N 1819.

44. RH, II, 485. Item quilibet solebat dare de iure pro filiabus suis maritandis 32 d. et modo ad voluntatem domini pacificantur. Item cum aliquis istorum in fatum decesserit heres redditum duplicare solebat et modo ad voluntatem domini.

45. Pl. Abbr., 150.

46. Pl. Abbr., 161.

47. NB, N 1230.

48. Pl. Abbr., 270.

49. О такого рода делах см. Петрушевский. Восстание Уота Тайлера, изд. 3, стр. 275 и след.; Виноградов. Исследования, 98, Villainage 89—126; Pollock and Maitland., I, 378.

50. Pl. Abbr , 190, 211, 212.

51. Pl. Abbr., 267.

52. Pl. Abbr., 270—271.

53. Pl. Abbr., 197.

54. Pl. Abbr., 198—199. Ср. также 200, 205.

55. Pl. Abbr., 185.

56. Pl. Abbr., 201.

57. Pl. Abbr., 207.

58. Pl. Abbr., 192.

59. Pl. Abbr., 197.

60. Pl. Abbr., 191.

61. Pl Abbr , 325.

62. Pl. Abbr., 346.

63. Pl. Abbr., 323.

64. Pl. Abbr., 189—190.

65. Pl. Abbr., 213.

66. Pl. Abbr., 193.

67. Pl. Abbr., 325.

68. Pl. Abbr., 283.

69. Pl. Abbr., 293.

70. Виноградов. Villainage 46.

71. Pl. Abbr , 196.

72. Pl. Abbr., 209, 237, 300 и мн. др.

73. RH, II, 757.

74. Villainage, 205.

75. Pl. Abbr , 119

76. Pl. Abbr., 152.

77. Pl. Abbr., 192.

78. RH, II, 757.

79. Pl. Abbr., 188.

80. Levett. Oxf. St. V, 14, 49—50.

81. Joliffe. EHR, 10. Тяжелые недельные работы, возникающие вокруг Дерама,— позднее явление.

82. Maitland, EHR, IX, 417—418.

83. Douglas. Oxf. St. IX. 112 n.

84. Ramsey manors, 50, 51.

85. Виноградов. Villainage, 188 и след.

86. Pl. Abbr., 57.

87. Pl. Abbr., 53.

88. NB, N 1062.

89. RH, II, 484.

90. RH, II, 471: «omnes isti qui operantur solebant habere prandium suum... et subtractum est a tempore Benedicti filii Willelmi avi Johannis qui nunc est».

91. Bracton, NB, N 1237

92. Ramsey Manors, 26—28, 68.

93. Pl. Abbr., 180.

94. Pl. Abbr., 196.

95. Pl. Abbr., 197.

96. Pl. Abbr., 197.

97. Pl. Abbr , 202.

98. Pl. Abbr., 202.

99. Pl. Abbr., 216

100. Pl. Abbr., 217.

101. Pl. Abbr. 218.

102. Pl. Abbr., 218.

103. Pl. Abbr., 223

104. Pl. Abbr., 257.

105. Pl. Abbr., 258.

106. Pl. Abbr., 258.

107. Pl. Abbr., 259.

108. Pl. Abbr., 259

109. Pl. Abbr., 259.

110. Pl. Abbr., 260.

111. Pl. Abbr., 260.

112. Pl. Abbr., 261.

113. Pl. Abbr., 281.

114. Pl. Abbr., 282.

115. Pl. Abbr., 287.

116. Pl Abbr., 296.

117. Levett, Oxf St. V. EcHR, 1927, 74.

118. О происхождении денежной ренты см. Vinogradoff. Villainage, 184, 307; Levett. Oxf. St. V, 16 и след.; Neilson. Oxf. St. II.

119. Для эпохи развития городского хозяйства характерно приобретение городским покупателем сельскохозяйственных продуктов у крестьянина, а не у помещика (Ср. Below. Problemen, 49). Крестьяне как свободные, так и несвободные имели доступ на городской рынок (Below в Vj f. Soz. Wg. XX, 115).

121. Gras. Evolution of the English Corn Market, 19

122. Капитал, III, 47, 3 (стр 573)

123. Там же, 47, 2 (стр. 572).

124. Там же, 47, 3 (стр. 573).

125. По подсчетам Ленина, в России денежная часть бюджета была наиболее резко выражена у крайних групп крестьянства — безлошадных и многолошадных: «это означает, что оба живут, главным образом, продажей товара, только у одного таким товаром является его рабочая сила, а другого продукт, произведенный на продажу со значительным употреблением наемного труда». (Развитие капитализма в России, гл. II, § 12).

126. F. Davenport. Norfolk manor. Домен в маноре Forncett берут в аренду три копигольдера.

127. Neilson. Oxf. St. II.

128. Примеры даны в главе V

129. Davenport. Norfolk Manor. Levett, Oxf. St. V, 30 и след. H. Hall. Pipe Rolls.

130. См. Маркс. Капитал, III, 47, 4 (стр. 575). Превращение традиционного обычноправового отношения в договорное, определяемое точными нормами положительного

закона, совершается, однако, далеко не сразу. Примером может служить положение английских копигольдеров, земельные права которых долго определяются манориальным обычаем. Впоследствии, берущие на себя их охрану суды справедливости и общего права рецепировали манориальный обычай. Ср. Савин, Английская деревня.

131. В 1248 г. крестьяне разбегаются из поместий графа Шампанского, чтобы не платить денег за выкуп своих повинностей. Sée. Le classes rurales, 254. В Штирии во второй половине XVI в. крестьян заставляют выкупать свои наделы. Dopsch. Nw. u. Gw. 202—203. Ордонанс Людовика X 1315 г. преследовал чисто фискальные цели и мог лишь ухудшить положение крестьянской массы. Со времени императора Максимилиана в Австрии было сделано несколько попыток заставить крестьян выкупить свои наделы в наследственную собственность, но крестьяне не обнаруживали желания это сделать, так как у них не было наличных денег. Dopsch, op. cit. 202.

132. Ср. положение копигольдера в Англии. Савин. Английская деревня.

133. Капитал, III, 47, 4 (стр. 575—576).

134. См. гл. IV.

135. Ср. Савин. Английская деревня, 410.

136. Ср. Допш. Op. cit. 159.

137. См. об условиях держания tenentes ad voluntatem у у Петрушевского, Восстание Уота Тайлера, 172. Tawney, Agrarin Problem, 47, 51. Ранняя история лизгольда, там же, 140—141 и след.

138. Допш отмечает, что монастыри в XII в. принимают меры против отчуждения домена в наследственное свободное владение. Предпочитается сдача несвободным в несвободное держание. Op. cit., 158.

139. Капитал, III, 47, 4 (стр. 576).

140. «Как только народы, у которых производство совершается еще в сравнительно низких формах рабского, крепостного труда и т. д., начинают втягиваться мировым рынком, на котором господствует капиталистический способ производства и который преобладающим интересом делает продажу продуктов всего производства за границу, так к варварским ужасам рабства, крепостничества и т. д. прививается цивилизованный ужас чрезмерного труда». Капитал, т. I, 8, 2 (стр. 269).

141. Ср. Dopsch, op. cit., 178—179, 198. Kötzschke, Allg. Wirtschaftsgesch., 227.

142. Ср. Gray. English Field Systems. Эпоха замены двухпольной системы трехпольной в Англии падает на XII—XIII вв.; ср. практику inhoc в Глостерском нартулярии, III, 36.

143. Петрушевский. Восстание Уота Тайлера, 160 и след.

144. Ср. предписания Глостерской инструкции. Cart. Glouc., III, 218—221.

145. Ср. для России Струве. Крепостное хозяйство, 18, 20, 91. Рождественский. Служилое землевладение, 87.

146. О влиянии расстояния от рынка на размеры господского хозяйства в Польше ср. Maas. в Viertelj. f. Soz. Wg. 20, 493.

147. Маркс. Капитал, III, 47, 3 (стр. 574).

148. Савин. Английская деревня, 433 и след.

149. Delisle. Etudes sur la condition de la classe agricole en Normandie, 51 и след. Ср. замечания Сэ о денежной и натуральной ренте во Франции XVIII в. — Französische Wirtschaftsgesch., 163.

150. Савин. Английская деревня, 429.

151. Ср. Ордонанс 1315 г.

152. Петрушевский. Восстание Уота Тайлера, изд. 3, стр. 222.

153. Там же, 224—225.

154. Levett, EcHR, 78—84. Levett, Oxf. St. V, 194. Ср. Maitland, Coll. papers, II, 376 — о незначительной роли наемного труда в Wilburton.

155. Levett, Oxf. St. V, 60.

156. Савин. История двух маноров.

157. См. о свободных держаниях в рамзейских манорах выше, в гл. II.
158. Villainage, 335—336. Davenport, Norfolk Manor.
159. Courts, 8.
160. Ramsey manors, 73.
161. Oxf. St. V, 197—199.
162. Восстание Уота Тайлера, изд. 3, 280.
163. Там же, 283.

